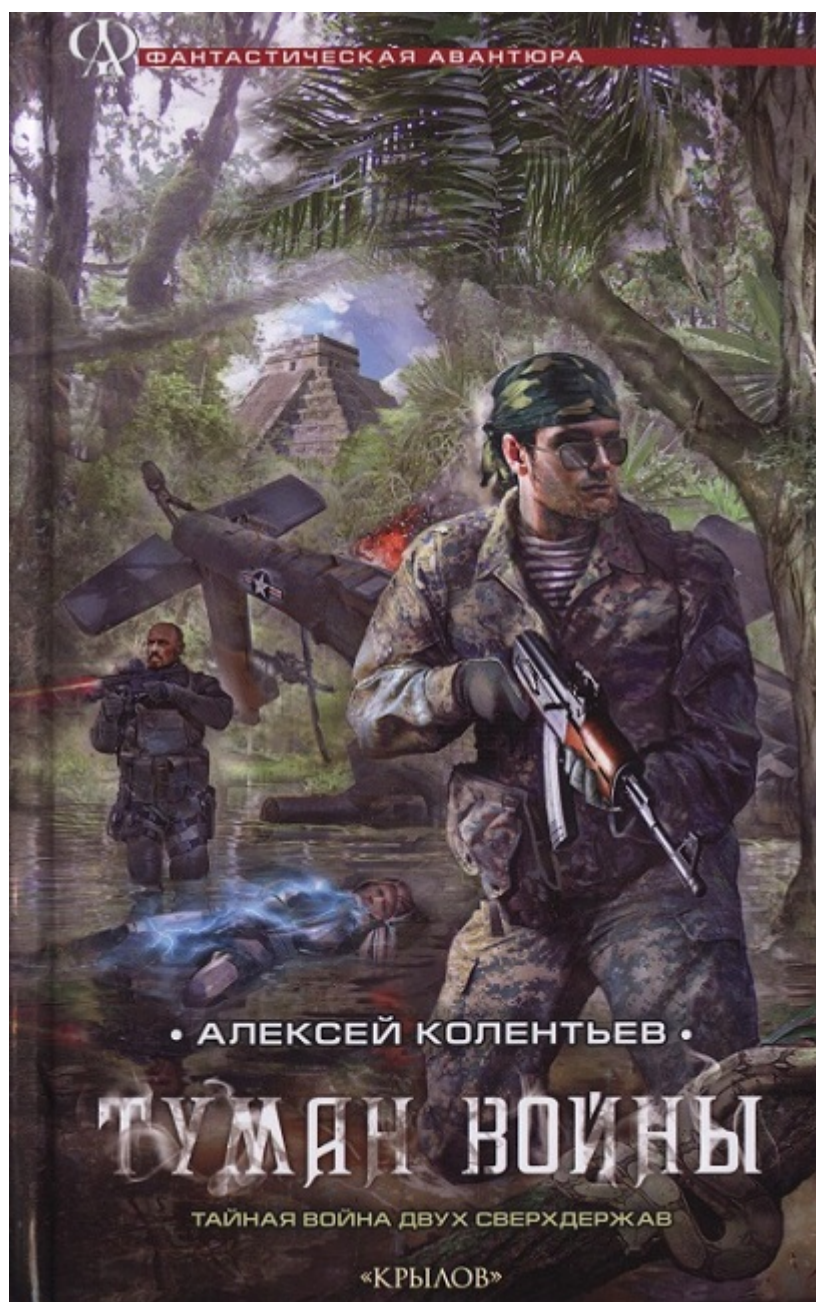

Алексей Сергеевич Колентьев
Туман войны

Туман войны – 1

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan, OCR, ReadCheck, Conv - Kortes_10)
<http://huge-library.org>

«Туман войны / Алексей Колентьев»: ИК Крылов; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-4226-0024-3

Аннотация

1990 год. Южная Америка. Колумбия. Отряд советских военных советников и местных партизан во время рядовой операции подвергся нападению неизвестного противника. Трое погибло, командир тяжело ранен. Командование переходит к старшему лейтенанту Егору Шубину. Он должен увести группу от преследователей и доставить в

лагерь раненого командира.

На отряд напали американцы, решив провести в полевых условиях испытания новейшего снаряжения, созданного на основе инопланетных технологий. Эти технологии — революционное научно-техническое открытие, сравнимое с атомной бомбой. Уцелевшие свидетели должны быть уничтожены. По следу отряда Егора Шубина идет группа отборных головорезов, вооруженных новейшим, невообразимым доселе оружием, и привлеченная к облаве колумбийская армия.

Словом, шансов даже просто уцелеть почти никаких. А ведь Егор Шубин еще должен вывести группу и спасти командира. Однако в Советском Союзе умели готовить офицеров-диверсантов. Блестяще преподавали науку воевать, выживать, побеждать.

Алексей Колентьев ТУМАН ВОЙНЫ

Определение:

«Туман войны» — военно-теоретический термин (нем. *Nebel des Krieges*; англ. *fog of war*). Введен Карлом фон Клаузевицем для обозначения недостоверности данных о положении на театре военных действий, в постоянно меняющейся ситуации на поле боя. Применительно к общей обстановке выражает состояние информационной неопределенности, когда командир вынужден принимать решения интуитивно, по наитию и часто вопреки имеющимся данным разведки.

Короткая справка:

Первое главное управление КГБ СССР (ПГУ) — структурное подразделение Комитета государственной безопасности Советского Союза, ответственное за внешнюю разведку. Отдел «С» — нелегальная разведка. Служба «А» — дезинформация, тайные операции; в т. ч. и советническая деятельность по подготовке личного состава дружественных стран и режимов.

Спокойно, дружище, спокойно,
И пить нам и весело петь,
Еще в предстоящие войны
Тебе предстоит уцелеть.

Уже и рассветы проснулись,
Что к жизни тебя возвратят,
Уже изготовлены пули,
Что мимо тебя просвистят...

Ю. Визбор

* * *

Земля. 17 февраля 1990 года. Южная Америка, северо-восточная граница республики Колумбия. Лагерь «El frente publico-liberador de Colombia».¹ 16:32 по местному времени. «Товарищ Мигель» — старший лейтенант Егор Шубин, военный советник.

¹ Все события, персонажи — вымышлены. Место действия изменено.

...Преодолевая навалившуюся после ночного выхода усталость, надвинув панаму на глаза, я шел к хижине, в которой нас разместил команданте Рауль — предводитель шайки наркоторговцев, гордо именующих себя повстанцами, борцами за народное счастье. На самом деле этот отряд являлся частью партизанской армии общей численностью до двух тысяч бойцов, не считая глубоко законспирированных подпольных ячеек в городах. А если брать приграничные районы и сельскую глубинку, то были организованы самостоятельные отряды милиции с верными людьми, подчиняющиеся разведотделу штаба армии во главе с лидером EFPLC — Франсиско Вера по прозвищу Снайпер. Как любой уважающий себя наркоторговец, Вера обожал титулы и звания. Когда численность его отряда возросла до полутора тысяч штыков, он провозгласил себя генералом, и даже пошил соответствующий новому титулу мундир. Дону Франсиско было уже под шестьдесят, но он крепко держал все нити управления в своих не знающих дрожи руках. Рауль и его сорок бойцов были лишь небольшим отрядом этой мощной и хорошо вооруженной армии, соперничающей за влияние на наркотрафик с семьями крупнейших колумбийских картелей вроде того, что базировался в Медельине. Снайпер лично получал в среднем по 130 долларов с каждого килограмма продукции, что позволяло ему закупать современное оружие и нанимать лучших военспецов по всему миру. Меня и еще нескольких ребят собрали на подмосковной базе Минобороны и окольными путями забросили сначала в Перу, а потом уже сюда, в эту колумбийскую глушь.

«Герильерос»¹ захватили пленного — молоденького полицейского капрала, и целую кипу документов, включая свежую карту городка Лос-Ниньос. В документах содержались данные по размещению опорных пунктов и расписание патрулей на северной дороге и в окрестностях военной базы, которая прикрывала подходы к городу и в оперативный район батальона Рауля, таким образом перерезая партизанам доступ к трем основным дорогам, ведущим к побережью. Недавно натасканные американцами коммандос перехватили караван с провиантом и лекарствами, шедший в лагерь. Теперь Рауль неистовствовал: самолично прострелил башку назначенного всего две недели назад начштаба, которого сделали крайним во всей этой истории, потом вызвал к себе нашего «батю» и потребовал этот груз вернуть. Команданте через местных индейцев прознал, что военные груз перепродали другой банде «повстанцев» и повезут его к месту встречи через два дня. Маршрут был известен: троп через сельву, по которым смогут пройти груженные мулы, в здешних местах всего три, две из них контролируют люди Рауля. Исправлять положение, как всегда, придется нашей группе. Местные хорошо знают сельву, но вот уже третий поисковый отряд партизанских разведчиков бесследно пропал, и в поиск на этот раз предстоит идти нам.

Парило совершенно непереносимо, а мелкие, злущие мошки вились вокруг головы и незащищенных участков кожи. На мне был американский «тигровый»² камуфляж, который поставляли партизанам местные контрабандисты, — чтобы не выделяться среди людей Рауля. Его, с легкой руки нашего командира подполковника Серебрянникова, спецы называли «зебра». У группы военных советников были только свои мелкие отличительные признаки, по которым мы распознавали друг друга: широкая, тоже в разводах, бандана да закатанные по локоть рукава. Мошки зло пищали, но не кусались: состав из местных трав, который готовил знаменитый на всю округу курандейро,³ покрывал руки, лицо и шею, придавая коже зеленовато-коричневый оттенок, делающий человека малозаметным на фоне густой листвы сельвы. Ботинки у меня были британские, а не американские, как у всех тут.

¹ Герильерос — общее название партизан на латиноамериканском континенте. Горных партизан называют также «монтаньерос».

² «Тигровый» камуфляж — вариант тропического камуфляжа «Woodland», где искажающая расцветка наносится в виде горизонтальных, строчных полос, напоминая рисунок на шкуре тигра. Такая расцветка идеальна для войны в джунглях, т. к. полосы сливаются с тенями, отбрасываемыми растительностью.

³ Курандейро — знахарь, некоторым из них приписываются паранормальные способности. Чаще всего это слово приблизительно равно русскому понятию «травник».

Британская кожаная обувь была с хорошей вентиляцией ступней и ортопедической подошвой. Она гораздо лучше хваленых амеровских «коркоранов» с быстро промокающими брезентовыми вставками. Ходить удобно и комфортно, потому как только местные могут расхаживать по сельве босиком, не слишком боясь укусов змей и насекомых. Белому человеку всегда приходится тяжелее: прививки и курс выживания дают едва ли треть необходимых здесь знаний. А по субъективным ощущениям гринго кажутся местной фауне вкуснее аборигенов, может быть, даже считаются деликатесом.

Многому приходилось учиться у индейцев, которые охотно делились своим опытом, в свою очередь жадно перенимая у нас приемы рукопашного и ножевого боя, обучаясь стрельбе из понравившегося им АКМ. Один парень, худющий, как черенок от метлы, до того полюбил выданный ему автомат, что не расставался с ним даже во сне. Взамен индейцы показывали, как слушать лес, находить незараженную воду, какие корешки и зверье можно употреблять в пищу. И — самое главное, — как тихо и неслышно срубить пиндостанских¹ диверсов. Янкесы в последнее время действовали почти в открытую, не скрываясь за легендами, как мы. Лишь изредка утруждали себя испанским в радиопереговорах. По идее, среди американских военспецов должны были преобладать испаноговорящие парни, не шибко выделяющиеся на общем фоне местных, с подходящим фенотипом. Этнические кубинцы, например, или испаноязычные выходцы из Флориды вполне бы сошли за колумбийцев. Однако по какой-то причине треп в эфире я слышал исключительно на английском. Преобладал так называемый «южный» говор, когда слова растягиваются, иногда сбиваясь на маловразумительную скороговорку, в которой еле улавливается общий смысл. Видимо, «испанцев» берегли или просто выбраковывали по каким-то своим внутренним стандартам. На моем личном счету были уже две большие стычки с амерами. В последнюю из таких «встреч» мы подошли к расположившимся на дневку диверсантам, миновав развешанные чуть ли не повсюду мины и растяжки, практически вплотную. Бой получился коротким, почти всех удалось взять в ножи, без единого выстрела, лишь одного Серебрянников приложил из пистолета в упор. Там я второй раз в жизни сошелся в рукопашную с живым противником. Страх был, только помня свой предыдущий опыт, он застрял где-то на задворках сознания, временами только подстегивая рефлекс. Выпад — блок, уход вправо — удар! Его глаза... Вот, пожалуй, единственное, что запомнилось мне в тот момент: удивленные серые глаза американца, с уже затухающей искрой жизни в них...

...Науку ножевого боя я постигал в специальной режимной воинской части, больше напоминавшей студенческий городок. Тут стажировались только офицеры и прапорщики Первого главного управления КГБ СССР, срочников, служащих по призыву, не было вообще. Нас, штатных сотрудников отдела «С», перебросили сюда с целью освежить базовые навыки и кое-чему подучиться. В нелегальной разведке много граней, узкая специализация — большая редкость. Нас готовили как диверсантов, что при базовых навыках и физической форме занимает три месяца интенсивного тренинга. Прыжковая и горная подготовка, приемы нелегально-конспиративной работы, ориентирование на местности и выживание, стрельба из оружия стран региона пребывания, рукопашный и ножевой бой. Все это так или иначе уже закреплено где-то в рефлексах, дремлет, дожидаясь своего часа. Но в жизни нет застывших навсегда догм. Многое приходится освежать, многому учиться заново. Особенно это касается прикладных дисциплин вроде того же ножевого боя или рукопашки: застоялся, упустил время — и в реале лежишь в расщелине какой-нибудь забытой Богом и людьми «Банании». Без тренировки и закрепления на практике почти наверняка из очередной командировки можно не вернуться.

Технику и удары мне ставил веселый, совсем не похожий на матерого кровопускателя седой майор. Он был в этом учебном центре под Москвой самым большим специалистом по ближнему бою. С шутками-прибаутками он долго со мной возился, ни разу не используя деревянные муляжи клинков, а сами удары отрабатывались на хитрых манекенах. Ощущения

¹ Пиндостан — презрительное название США; пиндосы — американцы.

от работы с «куклами» почти не отличались от тех, которые получаешь, когда клинок вонзается в человеческое тело. Спарринги с такими же курсантами, как я, часто проводились формально, полный контакт допускался всего раз или два, на зачетах. Был и более жесткий практикум, когда курсантам давали работать с реальным противником, в боевой обстановке, без всяких ограничений и условностей. Например, тебя объявляют в розыск. Травят собаками. Стреляют боевыми патронами на поражение. Или на пару недель помещают в тюремную камеру к уголовникам, сказав им, что ты насильник и педофил. Приятного мало, но кто проходит такой прессинг, потом нигде не пропадет и гарантированно не сломается...

Схватка в ближнем бою — это всегда проверка, всегда вызов той сумме опыта и рефлексов, которую приобретаешь на тренировках. В результате в бою с американцами мы оказались лучше подготовленными. А конец у той истории был именно такой, как предупреждал седой инструктор из Подмосковья: нам — победа и легкая адреналиновая трясучка, янкесам — яма и прожорливые черви. Все было очень просто: трупы раздели и сбросили в небольшую скальную расщелину, в тех местах пещеры иногда попадают почти на ровном месте. Заросшие всякой вьющейся мерзостью, эти каверны в земле представляют для человека не меньшую угрозу, чем небольшая яма-ловушка с заостренными деревянными колышками, смазанными жиром какой-то местной разновидности землеройки, или просто растяжки и хитро развешанные по деревьям противопехотные мины. Амеры столкнулись с этим во время вьетнамской войны и довольно успешно применяли полученный опыт на практике. Теперь они, все шестеро, стали кормом для десятка-другого падальщиков и мириадом мелких насекомых, и неизвестно еще, что хуже: хищников можно отпугнуть, но вот жуки пожирают даже живого человека, стоит ему только чуть пораниться и на минуту задержаться на одном месте...

В сельве от трупов очень скоро уже ничего не останется: двое суток, и даже кости зверье растащит по норам. Так здесь исчезает очень много народу. Сельва напоминает мне огромный зеленый океан, не затихающий ни на минуту. Тут постоянно идет война всех против всех, и люди с их передышками на сон и отдых кажутся слепыми и глухими кусками мяса. Сельва терпит их присутствие какое-то время, забавляется, глядя на их страдания и суетливую беготню, и в конечном итоге берет свое, поглощая людей без остатка, не оставляя на зеленой поверхности ни малейшего следа...

Я поправил панаму, надвинув ее сильнее на глаза, пошел на северную окраину лагеря, где Батя, или, как его зовут местные, команданте Сильверо, уже приступил к допросу пленного. Наблюдать за работой командира всегда интересно. Картина напомнила мне фотографии, какие часто печатали в свое время в газете «Труд» под общим названием «Зверства эскадронов смерти в Сальвадоре». Батя стоял, сцепив руки за спиной, расставив ноги почти на ширину плеч. На голове — армейское кепи с длинным козырьком, куртка «тигровой» камки расстегнута, рукава засучены, темно-зеленая майка открывает фрагмент широкой волосатой груди с цепочкой «собачьего жетона»,¹ который Батя носит скорее из издевки, нежели следуя правилам. Умри любой из нас, никто даже не чихнет два раза, поскольку нас тут вроде как и нет вовсе. Я — на Алтае, в командировке, откуда Наташа исправно получает письма, которые я пишу ей каждую неделю. Батя — в своем долбаном Подмосковье, муштрует новобранцев в пехотной части, где он числится заместителем командира полка, о чем его жена и двое уже взрослых детей получили соответствующее известие. Остальные ребята тоже имеют официальную отмазку, согласно которой всех нас можно как поощрить, если останемся живы, так и списать вчистую, если пропадем в местном винегрете из противоречивых интересов и запредельных амбиций.

Вообще, Батя любит вживаться в образ, вот и сейчас он закурил черную вонючую сигару — страшное оружие массового поражения, от которогодохнут не только местные

¹ Имеется ввиду бирка с личным номером (в СССР и России там только личный номер, иногда буквенная аббревиатура ведомства, и название страны). Американцы зовут ее «dog tag» («собачья бирка»), подчеркивая свое подневольное положение и выказывая пренебрежение этому напоминанию о возможной скорой смерти.

комары, но и слабые на дыхалку люди. Я-то уже не курю, избавился от этой привычки еще до прихода в группу к Серебрянникову. Батя балуется табачком только на базе, а перед делом всегда завязывает на то время, что мы будем в рейде, и других на это выдрессировал строго. Однажды я решил завязать с куревом насовсем, чтобы не перестраиваться каждый раз и не тереть пухнувшие от нехватки никотина уши. Стало легче жить, но иногда все еще тянет выкурить сигаретку, под которую так легко соображается...

— Ты мне сейчас не просто все скажешь, *sabron!*¹ Я еще буду затыкать твою поганую пасть! — Батя подошел к привязанному к столбу пленному, парню лет двадцати. Тот держался храбро, хотя люди Рауля уже основательно ему наподдали. Судя по всхлипам, издаваемым пленным полицейским при каждом вздохе, у него был двухсторонний перелом ребер. Батя продолжил, мешая английские и испанские слова: — Сегодня ты видишь солнце в последний раз, *muchacho!*² Если ты не бросишь играть в молчанку и не расскажешь, когда твои друзья повезут украденное у нас продовольствие, тебя заживо сожрут муравьи. Эти мелкие твари сначала заберутся в твою тощую задницу, а потом пролезут в башку и выедят твои глупые мозги!..

Прохаживаясь перед связанным пленником, Серебрянников каждый раз останавливался, чтобы выпустить запуганному фараону струю вонючего сизого дыма в лицо.

— Эй, — обратился он к двум местным бойцам явно индейской наружности, невысоким и черноволосым задохликам, данным Раулем в помощь, — развяжите этого придурка. Пойдем навестим Долорес.

Парни заулыбались, предвидя известное им развлечение, которыми сидящие в чаще повстанцы и так не были избалованы. «Прогулка к Долорес» — это изощренная пытка, позаимствованная у одного воинственного индейского племени, ее часто применяют как партизаны, так и местные армейцы. Муравьи здесь не строят домов из веточек, а предпочитают жить в древесных стволах, образуя целые колонии. Привязанный к такому дереву человек через пару часов сходит с ума, а через неделю его объедают до костей. Смерть от такой «процедуры» медленная и болезненная, и полицейский об этом знал, потому что округлил глаза и затараторил, как и предсказывал Батя. Посмотрев, как парня отвязывают и готовят к транспортировке в горы, откуда его родне передадут «веселый» снимок с отрубленной головой на шесте и обязательно в форменном берете, я подошел к командиру и тронул его за плечо. Серебрянников обернулся, нахмурившись, но узнал меня, улыбнулся и, выплюнув изжеванную сигару, подмигнул:

— Ловко я его, а, старшой?

— Как всегда, Пал Николаич. Ты зверюга просто. Что спел этот мальчишка?

— Все нормально, Егор. Припасы повезут послезавтра, по южной тропе. Сопроводилово ожидается небольшое: пятеро солдат, капрал и местный проводник. Но думаю, что паршивец врет, либо сам мало что знает. Сам смекай, кто ж местных идиотов по нашей территории одних пустит? Пошлют «нянек», голов десять, чтобы те издали по маршруту караван пасли да за местными приглядывали хорошенько. А самих лоялистов будет голов пятнадцать вместе с погонщиками. Ну, да мы тоже не вчера родились. Перехватим их после развилки, когда они будут переправляться через ручей: берега там глинистые, размыто все, да и вода еще не спала. Караван вынужден будет полноценную переправу устроить. Это будет достаточно далеко — километрах в тридцати от последнего их пикета, а маневренная группа подойти к ним сможет только через пару часов. «Няньки», скорее всего, разделятся: часть сядет в охранение на другом берегу, а еще человека три будут тылы пасти. Если застанем мазуриков врасплох — возьмем груз чисто.

— Согласен, давай готовиться. Местных будем брать?

— А то! Надо же кому-то ослам хвосты крутить. Придержим их, пока дело делать

¹ Козел (*исп.*).

² Паренек (*исп.*).

будем, а под конец высвистим, чтобы скотину собрали. А так по-прежнему работаем ввосьмером, чего зазря выдумывать, пиндосов наверняка не меньше придет.

— Ладно, пойду, сообщу Раулю хорошие новости.

— Добро. Только скажи, что людей я сам отберу. Его родственнички мне в группе не нужны.

— Я постараюсь, Батя, постараюсь. Но ты же знаешь, что без балласта не выйдет, мы тут только гости.

— Ты его уломаешь, недаром он тебя уважает и, по-моему, слегка побаивается. Не знаешь, почему?

— Без понятия, командир. Но думаю, что это из-за старого Родриго, или как там его местные кличут... забыл прозвище. Местный шаман, он до сих пор меня приветствует за тот случай с радикулитом. Хотя я просто защемление снял, магии там ноль. У меня дед всю жизнь маялся, вот и пришлось выучить пару фокусов.

— Ладно, — Серебрянников хлопнул меня по плечу, чтобы избежать развития темы прострелов и защемлений, — постарайся только свести к минимуму тот вред, который он нам может причинить. Сам видишь, шутки кончились, амеры оскалились, зубки показали, мать их начисто, — Батя выматерился от души и сплюнул коричневый харчок на землю, растерев его носком «берца», — и не этому ряженому попугаю их подпиливать. Задача ясна?

— Так точно. Есть постараться свести к минимуму.

— Ты еще под козырек возьми, шут гороховый. — Серебрянников неодобрительно мотнул головой. — Шементом к Раулю на доклад. А то, поди, опять кого пристрелит с досады, шкура уголовная...

Батя не зря волновался: команданте Рауль был крут нравом и имел массу непутевых родственников, которых он старался пропихнуть в структуры организации на всякие хлебные должности. Но для того чтобы стать резидентом или того выше — казначеем в каком-либо отделении организации, нужно было проявить себя вроде как бесстрашным бойцом. Система хорошая, и в большинстве случаев на ключевых постах оказывались действительно эффективные кандидаты. Но иногда проскакивало на теплое местечко разное ворье и просто чьи-то родственники, ни разу не державшие в руках оружие, да и просто не имевшие к организации прямого отношения. Но бывали случаи и похуже: боевой группе могли навязать вот такого левого человека, чтобы тот мог с чистой совестью сказать, что был «на боевых». Этот балласт часто портил всю игру, и в двух случаях из пяти операция летела ко всем чертям. Поэтому, специально для Рауля, Батя придумал некий аттракцион, когда мы неделю таскали такого родственничка по сельве, давая ему пару раз пострелять по кустам. В ведомость команданте Рауль записывал, что проведена боевая операция, имеются потери среди многочисленного и жутко специального противника. А записывались они на нашу группу, но конкретно на новичка, который вроде как не растерялся и проявил себя с лучшей стороны. У нас была негласная договоренность — команданте не портит нам реальную боевую статистику, а мы иногда таскаем его родню по лесу, и всем хорошо.

Я вышел из-под навеса, жара обволокла меня, давая еще один повод обматерить про себя местный климат. Несколько раз я здоровался с бойцами, большинство из которых знали, что наша гоп-компания — это советские военспецы, присланные им в помощь. Некоторых наш третий товарищ, которого тут звали Ставо, научил матерным частушкам про новгородского купца Садко, чем очень гордился. Слава Белых, скрывавшийся под псевдонимом Ставо, был нашим подрывником и обучал местных обращению с амеровскими и нашими ВУ. Этот белобрысый, загорелый дочерна крепыш мог смастерить бомбу из чего угодно и прилепить ее куда прикажут. Сейчас Славка что-то вдохновенно втолковывал на корявой смеси русского мата и жутчайшего по выговору испанского шестерым аборигенам из саперного взвода, чьим неформальным командиром он являлся. Я кивнул другу и почти уже прошел дальше, как Славка, окликнув меня, рысцой пробежал десяток метров и очутился рядом:

— Эй, амиго Мигель! Как оно в целом?

— Нормально все. Ты завязывай с наставничеством, вечером выходим. Я иду с Раулем ругаться, чтобы опять свою родню нам не навязал. Собери все по минимуму — груз нужен вместе со скотом вьючным, там почти четверть тонны всякого добра.

— А тебя Анютка просила в санчасть зайти. — Славка соорудил веселую, по его мнению, гримасу, отчего его коричневая рожа стала напоминать ягоду чернослива. — Очень так настоятельно просила: пусть, говорит, команданте Мигель обязательно зайдет до вечера.

— Не зубоскаль, знаешь же, что она не простая медичка. Да и женат я...

— Так не узнает же никто.

— Я буду знать. Этого вполне достаточно. Да и зачем мне эти заморочки, Слава? Девка она симпатичная, но я люблю свою жену. Про такое понятие, как «однолюб», слышать приходилось?

— Не. То зверь редкий, в красную книгу занесенный, не попадает в естественных условиях. Выловили, поди, всех да окольцевали. — Славка, словно ему в голову пришла светлая мысль, замер на месте и с наивным видом глянул на меня: — Знаешь чего сделаю? Гарем завести, вот и будешь всех любить, как одну, но по очереди... — И тут же отскочил, зная, что я такие шутки пресекаю только одним способом: «прописывая» ему бросок через бедро.

— Славка! Не жужжи, поймаю — накажу.

— Не догонишь. Зараза ты, амиго, — единственная на все местное население красивая девчонка попалась, а ты нос воротишь. Вот верно люди говорят: фартит тому, кто не играет...

— Прибыю!

Тут я притворно подался корпусом в сторону похотливого подрывника, но Славка снова отбежал, разорвав дистанцию, и, соорудив утомительную рожу, ускорился. Веселый Детонатор, как он сам себя называл, убежал, махнув на прощание рукой. День для «команданте Ставо» был прожит не зря — план по приколам он выполнил процентов на сто пятьдесят.

Девушку, о которой говорил заполошный сапер, звали Анита. Это была стройная, высокая смуглянка с коротко стриженными, под пацана, черными волосами, отливавшими синевой. Огромные миндалевидные бархатно-черные глазищи. Прямой, аккуратный, с тонкими крыльями ноздрей носик. И еще очаровательные ямочки на щеках высокоскулого, овального лица... Низкий грудной голос и легкая картавость, ничуть не портили ее. Нехарактерное для местных дам сложение: те все больше коренастые, крепко сбитые, коротконогие, с визгливыми высокими голосами. В Аните чувствовались некий аристократизм и изрядная доля испанской крови.

Мы познакомились месяца три назад, когда я руководил группой герильерос, которую натаскивал на диверсионные акции. Группу нужно было обмять в боевых условиях, и случай быстро подвернулся, мы тогда эвакуировали подпольщиков, среди которых была и Анита. Девушка была ранена, но девятимиллиметровая пистолетная пуля прошла сквозь икроножную мышцу левой ноги навывлет, и кровь быстро удалось остановить. Вояки высадили десант, прошедший обучение у амеровских советников, который отрезал нам путь к отходу. По местным меркам это была элита: вооруженные и обученные на манер амеровских рейнджеров, ребята могли доставить нам массу неприятностей. Но я предусмотрительно взял в группу пару местных метисов. Они отлично знали местность и провели группу под носом у десантуры, без единого выстрела. Я даже видел вражеского пулеметчика, притаившегося возле тропы. По ней мы бы непременно пошли, не будь в группе хорошего проводника. Это как раз тот случай, когда меры предосторожности оправдали себя на все сто процентов.

После этого случая Анита стала как-то странно на меня поглядывать при встрече, и мы подолгу разговаривали. Иногда о всяких пустяках, но чаще всего она спрашивала о моей Родине. Многого нам говорить было нельзя, но я буквально покорила девушку всякими охотничьими байками, коих знаю великое множество, поскольку вырос в небольшом поселке

в Восточной Сибири и часто ходил с отцом на промысел. Правда сам не пристрастился: зверя люблю только наблюдать, убивать ради шкуры рука не поднимается. Само собой, рассказывал без подробностей и имен. Но думаю, что девушка хотела просто проводить со мной время и наверное испытывала некие чувства. Хотя я сказал ей, что счастливо женат, это не сильно остудило пыл девчонки. Казалось, Анита даже удвоила усилия, стараясь доказать, что она лучше моей Наташи. После этого встреч приходилось избегать, отговариваясь разными делами. Но вскоре меня вызвал Рауль и просветил, что я спас не просто девушку, а будто бы прямую внучку самого генерала Франсиско. Потом меня долго прорабатывал Батя, доходчиво разъясняя, что раз девка непростая, то лучше бы мне быть поговорчивее. И вот с тех самых пор я играю в прятки с этой знойной красавицей, поскольку, если бы что-то действительно между нами произошло, не смог бы смотреть жене в глаза.

Санчасть располагалась в центре лагеря, рядом с хижинкой, которую Рауль именовал своим штабом. Но туда я пока заглядывать не стал: оба разговора, предстоявшие мне в ближайшие полчаса, были не из приятных. Медпункт состоял из трех комнат. В одной из них, самой большой, была смотровая. В другой — нечто вроде операционной с настоящим хирургическим столом, его Рауль приволок откуда-то еще до нашего прихода в отряд. Старый доктор, бывший тут до Аниты, подорвался на mine около пяти месяцев назад, и некоторое время бойцы команданте Рауля занимались самолечением. Третья комната была своеобразной девичьей светелкой, в которой, кроме кровати и письменного стола, ничего не было. Туда-то я и вошел. Девушка ждала меня, сидя с ногами на узкой постели, забранной домотканым пестрым покрывалом. Штука это очень редкая и дорогая. Такую холстину можно только получить в подарок, они, как правило, не продаются туристам. В орнамент вплетен хитрый оберег, он защищает того, кто спит на застеленной этой накидкой постели или укрыт ей от болезней и вообще всяких неприятностей. Бережет от сглаза, порчи и многих других разновидностей деревенского колдовства.

— Привет, Мигель. — Лицо девушки осветилось радушной улыбкой, глаза заблестели, на смуглой коже выступил румянец. — Ты уходишь на задание?

— Здравствуй, Анита. Ты сегодня еще более хороша, чем обычно.

— Не скажешь? — Лицо Аниты стало задумчивым. — Это работа, я понимаю. Я буду молиться за тебя и за всех, кто пойдет с тобой.

Девушка отвернулась к окну, выходящему в лес. Лагерь наш располагался в самой чаще, поэтому солнечный свет лишь изредка пробивался сквозь переплетение лиан, снастями опутавших все отдельно растущие высоченные деревья. Но от душной, влажной жары тень не спасала: вентилятор в комнате маленькими пластмассовыми лопастями разгонял плотный, почти осязаемый воздух. Анита снова повернулась ко мне, справившись с эмоциями. Ох, как нелегко стоять перед красивой девушкой, на которой только легкое белое льняное платье до колен, почти не скрывающее явных достоинств фигуры! Сглотнув, я мужественно отвел глаза от узких, изящных щиколоток Аниты и продолжил светский разговор:

— Зачем ты хотела видеть меня?

— Лазарету нужны медикаменты, у меня остался только двухдневный запас, а Рауль кивает на тебя. Группа Серхио Рамиреса напоролась на засаду гринго. Они блокируют выход к побережью, все старые тропы теперь небезопасны.

— Ничего обещать не могу, но сделаю все, чтобы медикаменты появились у тебя раньше, чем твои запасы подойдут к концу.

Она усмехнулась и, сменив позу, села ко мне вполоборота, спустив босые ноги на пол. Под платьем грудь девушки маняще ворохнулась, под тканью явственно проступила линия бедра. Она знала, что я это вижу, но намеренно смотрела в окно, не встречаясь со мной взглядом.

— Знаешь, Мигель, твой испанский стал лучше за последние два месяца. Мне уже не надо напрягаться, чтобы понимать тебя. Научи меня своему языку, тогда я смогу писать тебе письма. Может быть, даже позвоню как-нибудь...

Девушка лукаво, но с долей затаенной грусти посмотрела на меня из-под опущенных

ресниц.

— Мы уже обсуждали это, Анита. Не дразни меня. Я обычный мужик, и ты, наверное, когда-нибудь меня переиграешь. Напоишь там, или что... Но, как это ни банально будет звучать, жену я люблю, хоть она далеко, а ты рядом. Если это все, за чем ты хотела меня видеть, то я пойду — дел много.

Отведя взгляд от пола, куда все время старался смотреть, я повернулся и сделал пару шагов к двери.

— Стой, Мигель!

Анита порывисто подбежала ко мне, обняла и крепко поцеловала в губы. Она пахла смесью терпких трав и пота здоровой женщины. Поцелуй был горьковато-сладким, дурманящим, но вместе с тем будоражил и бодрил одновременно. Голова закружилась, как после стакана водки, и я невольно ответил на поцелуй. Потом она сама отстранилась, глядя мне прямо в глаза.

— Прости, Мигель, не могла отпустить тебя так. С самого утра меня мучают нехорошие предчувствия. Брухо¹ Родриго говорит, что с моря идет Ветер Судьбы, такое нечасто бывает: ветер этот дует раз в три года и всегда приносит болезни и смерть. Все очень скоро изменится: многие умрут, а ты окажешься в беде.

— Брось, со мной все будет нормально. Но если тебе так спокойней, я обещаю быть осторожным. И... не делай так больше, ладно?

Девушка отстранилась и отошла к окну, обхватив себя руками за плечи. Потом кивнула в такт каким-то своим мыслям и махнула рукой в сторону двери:

— Иди. Колдун был прав: ты все поймешь, но будет слишком поздно. Видно, судьбу не обманешь. — Она обернулась, в глазах ее стояли слезы. — Но я все равно буду молиться, ты дорог мне, Мигелино. А теперь иди, Рауль уже ищет тебя по всему лагерю. Прошу тебя, иди. Мне тяжело. — Девушка решительно смахнула слезинки с уголков глаз и выпрямилась, голос ее стал тверже, хотя нотки отчаяния все еще звенели в нем. — Отец не верил в Бога, но я все равно буду просить Всевышнего уберечь тебя от того, что грядет... Уходи.

Больше девушка не произнесла ни слова, и я вышел из медпункта и направился к «штабу», где квартировал Рауль. Намеки на некие мистические силы меня совершенно не занимали. В такой профессии, как моя, всегда есть вероятность прохлопать некое западло. Тем более что холодок опасности постоянно существует где-то на фоне остальных эмоций. Скорее я забеспокоюсь, если перестану его ощущать. Если такое случится, это будет означать, что либо я потерял чутье, либо я уже умер, но еще не понял этого. Так бывает, если схватишь сквозное ранение — боль еще не пришла, адреналин глушит сообщения вопящих от боли нервных окончаний, а мозг продолжает думать, что ты еще цел и невредим. Но в какой-то момент приходит осознание, что ты не можешь сделать следующий шаг. А потом все встает на свои места: боль затопливает сознание, тело живет своей отдельной жизнью, и только мозг отказывается повиноваться инстинкту, который транслирует внутрь вопль окровавленного куска мяса, имея целью уничтожить личность, превратить разумного, тренированного человека в безмозглую тварь. Воспоминания вызвали укол в районе левой верхней трети бедра. Первая и пока единственная серьезная отметина, подарок от беглого заключенного, с которым не так давно свела меня судьба, снова дала о себе знать. Страхнув нахлынувшие воспоминания, я вытер испарину со лба и ускорил шаг.

Хижина вождя местных партизан состояла из трех больших комнат с дощатым полом, устланным плетеными циновками из волокна какого-то особого сорта лиан, отпугивавшего змей и прочих ядовитых гадов. Они источали горьковато-приторный аромат, чем-то напоминающий сандаловую эссенцию. Сам команданте жил в подвале, откуда были прорыты два подземных хода за пределы лагеря. Рауль, несмотря на свои совершенно паршивые качества боевого командира, всегда был очень осторожен и часто, благодаря почти звериному чутью на опасность, угрожающую лично ему, выводил отряд из хитрых

¹ Брухо — колдун, знаток черной магии, в некоторых племенах он же выполняет функции знахаря.

ловушек федералов. Генерал Вера, весьма чувствительный на подянки своих конкурентов из правительства, щедро спонсируемого американцами, ценил подобную чуйку и у своих подчиненных. Рауля он поднял из самых низов. Ходили слухи, что вождь приходится генералу дальним родственником, хотя никакого портретного сходства я между ними не замечал. Франсиско Вера — видный, плотного телосложения мужик, чем-то неуловимо напоминающий Панчо Вилью,¹ может, из-за пышных вислых усов и внимательного, с прищуром взгляда умных карих глаз. А наш Рауль — обычный, ничем не примечательный субъект, среднего роста, с зализанными назад сальными черными волосами, собранными в недлинную косичку, бегающими, водянисто-серыми глазами на круглом, испещренном оспинами лоснящемся лице. В общем, эти двое ни в чем схожи не были, может, только в упомянутой выше способности предчувствовать опасность.

Рауль встретил меня в крайней справа от входа комнате, где у него было нечто вроде канцелярии. Вдоль стен стояли ящики из-под снарядов, в которых хранилась вся документация отряда. Случись что — только подхвати эти короба, и в путь. Мобильность была страстью Рауля, к тому же ее постоянно требовала необходимость. Сейчас команданте сидел за обычным письменным столом, на котором не было ничего, кроме керосинового фонаря и походной планшетки. В комнате пахло старым табачным духом и свежей пороховой гарью. Видимо, слухи о безвременно ушедшем при помощи Рауля начштаба имели под собой основания. Увидев меня, «вождь» вскинул голову и жестом указал на стул напротив.

— Hola, Мигель! Ты, наверное, знаешь, зачем я искал тебя?

— Здравия желаю, команданте. Слышал, но хотелось бы уточнить, в чем заключается роль нашей группы.

— Эх, почему у всех гринго такая холодная кровь? Ты никогда не пьешь с нами и не поешь песен... Или сеньор Ленин запретил коммунистам веселиться?

— Товарищ Ленин, команданте, завещал нам другое: учиться, учиться и еще раз учиться. А кто много учится, тот не тратит время даром, и в конечном итоге весь мир лежит у его ног. Товарищ Ленин это доказал личным примером. Так что вы хотите от нас?

— Ай, Мигель! — «Вождь» всплеснул волосатыми, как у обезьяны, руками. — Что мне может быть нужно, когда мои идиоты прохлопали поставку и теперь нужно считать каждый патрон?

Улыбка слетела с его лица, он грохнул кулаком по столешнице, отчего керосинка подпрыгнула сантиметра на два, а планшетка сдвинулась ближе к моему краю стола.

— Не горячитесь так, команданте. Дело житейское: сегодня они взяли наше, а завтра, точнее, через тридцать часов, мы отыграем свое и, может быть, даже слегка увеличим разрыв в счете.

— Любишь футбол, камрад?

— Нет, бокс уважаю. Там как-то острее чувствуется результат: каждый удар — это зачетное очко. Футбол таких сильных ощущений не дает.

— Я запомню твои слова. Пожалуй, я посмотрю пару боев, может, тоже проникнусь. Как считаешь?

— Мне трудно судить о вкусах других, команданте. Надеюсь, что вам понравится.

— Хорошо, Мигель. Только возьми с собой Пако и Симона, парням нужно набираться опыта. А у кого же им учиться, как не у тебя?

Вот оно что: Рауль давал нам одного своего племянника, до этого отиравшегося у Алехандро Саламоса, интенданта отряда, на непыльной хозяйственной должности, но уравновешивал местным парнишкой — Симоном, который прибил к отряду после того, как федералы сожгли его деревню вместе со всеми жителями. Пацану было тогда лет двенадцать, что по местным меркам считается почти совершеннолетием. Он сам пришел к

¹ Панчо Вилья — герой войны за независимость Мексики. Нечто вроде В. И. Чапаева для всех латиноамериканцев, если провести аналогию с Октябрьской революцией 1917 г. в России.

подпольщикам, и ему было плевать на идеологию, кокаин и прочие несущественные для сироты вещи: парень хотел отомстить. Брался за любые поручения, и вскоре на его счету было двое собственноручно убитых полицейских и один разгромленный благодаря раздобытым Симоном сведениям конвой с новобранцами, следовавший на военную базу в Эль-Бера. Потом его вычислили, и он оказался тут, у Рауля. А когда мы прибыли обучать местных повстанцев, как правильно воевать с федералами, Симон стал одним из первых и самым способным из моих учеников. Он буквально глотал знания, выпрашивая каждую мелочь. При этом в глазах у него я замечал такое выражение, какое увидеть можно только в глазах большой белой акулы, когда она выискивает жертву, кружа на глубине. Но в то же время у меня не было ощущения, что парень растет маньяком, скорее ненависть к конкретным людям проецировалась у него только на тех, кто носил знаки различия регулярной армии или серую форму полицейских. Лучше всего у него получалось со стрелковой подготовкой, хотя АКМ был ему слегка великоват и поначалу оставлял огромные синяки на плече. Но с течением времени Симон наловчился и сшил себе нечто вроде кожаной подушечки, которую надевал таким образом, чтобы подкладка из конского волоса смягчала импульс отдачи. Парень скользил по сельве, словно тень, не потревожив ни одной лианы или ветки на кусте, и стрелял без промаха. Каждый раз, когда намечалась «острая» акция, первым в рядах добровольцев был этот невысокий худощавый парень с невыразительным круглым лицом и стриженными почти наголо черными, с ранней проседью, волосами. Пацан отлично знал местность и мог очень нам пригодиться. Видимо, команданте считал, что груз действительно очень важен для отряда.

Я попрощался с Раулем, пообещав, что его груз мы постараемся вернуть уже завтра вечером. Честно говоря, видеть его сальную рожу означало испортить себе настроение как минимум часа на два. Зайдя в нашу общую с парнями мазанку, я присел за стол, сплетенный из легкого, но очень прочного сорта местного камыша, который был тем более ценен, что очень плохо загорался, а высыхая, становился очень прочным на излом. Трое спали после ночной вылазки, еще двое чистили оружие, осматривая наши хитрые, по местным меркам, АКМН.¹ Раскинув подробную карту района и затеплив фитиль в керосинке, я стал прикидывать действия «водил» каравана федералов. Пойдут они там, где и сказал подполковник Серебрянников, в просторечии просто Батя, поскольку он был старше всех в нашем небольшом коллективе наставников. Груз будут переправлять на руках, складывая тюки и ящики на северном берегу, и лишь потом снова навьючат его на мулов. При таком сильном течении ручья, или, вернее сказать, небольшой, но очень бурной речушки, логичнее было поступить именно так, чтобы избежать риска потерять животных и груз. План виделся мне очень простым: дожждаться, когда противник выдвинет передовое охранение на противоположный берег. Тогда мы разделимся на две группы. Одна ударит во фланг охранению каравана, когда большая часть груза уже будет переправлена на северо-восточный берег речки, поскольку вряд ли противник решится снаряжать мулов по одному. Вторая группа собьет средства прикрытия на противоположном берегу и отсечет поползновения основной группы охраны, задействовав управляемые мины, которые мы развесим на деревьях загодя. Тут важно будет подгадать момент, когда груз, или по крайней мере его основную часть, федералы перетащат на северо-восточный берег реки, чтобы содержимое не пострадало во время стычки...

От размышлений меня отвлек далекий гул двигателя. Американские F-14 морского базирования, судя по воющей нотке в тоне звука, что странно: местные всегда покупали у

¹ АКМН — модификация автомата Калашникова для войск специального применения. От базовой, линейной модели отличается наличием планки для крепления штатных ночных прицелов (НСП-3 и НСП-3А), ПБС и специального щелевого пламегасителя для уменьшения засветки при использовании ночных прицелов. Полное название — АКМСЛ (автомат Калашникова модернизированный складной «Лен»). Вес с прицелом без патронов — 6.25 кг.

французов, амеры поставляли сюда только старенькие «ирокезы»,¹ помнившие еще Вьетнам. В соответствии с новыми договоренностями о борьбе с наркомафией колумбийцы получили около двух десятков этих подержанных жестянок, чем очень гордились. Но истребители... Это могло означать только одно: новые друзья затеяли какую-то грандиозную пакость и пустили к колумбийским берегам ударную авианосную группу, разрешив амеровским «птичкам» свободно парить в своем воздушном пространстве. Нужно уточнить оперативную сводку у нашего радиста. Степан Иванов, или, как его тут звали, камрад Чжан, был нашим специалистом по связи. Бурят по национальности, старший лейтенант по званию и очень спокойный и приветливый человек по жизни. Наши особисты ничего лучше придумать не смогли, как окрестить Степу китайцем. Такой выверт мог бы обмануть гражданского или не сильно искушенного в вопросах распознавания рас человека, но самих китайцев или американских разведчиков вряд ли удастся провести. Более чем уверен, в досье с первичными установочными данными Степу уже окрестили русским военным советником, не делая скидок на такие мелочи, как разрез глаз, форма носа или овал лица. Все всё понимали, но в нашей профессии такая нелепая легенда делалась в расчете именно на обывателя, буде тому попадется фотография, сделанная каким-нибудь шустрым иностранным журналой. Ведь именно налогоплательщиков будут пугать «желтой опасностью» в лице упертых коммунистов с ядерными ракетами, мечтающих украсть покой и благополучие среднестатистического Джона Джонсона, мирно пьющего кофе и читающего этот бред на страницах вполне respectable издания.

Камрад Чжан вместе со своими железками разместился в пещере, на глубине двенадцати метров от поверхности. Антенна была замаскирована в зарослях и располагалась на другом конце лагеря. Мы слушали частоты федералов и некоторые переговоры с базы в Санта-Хос, где амеры тренировали местных рейнджеров. Но основная функция степановского хозяйства заключалась в поддержании связи с «учеными» гидрографического судна «Академик Владимир Александрович Потапов».² По сути, это был корабль радиоэлектронной разведки, который обеспечивал нам связь с Москвой и снабжал всякого рода информацией, от расшифрованных радиопереговоров американских «коллег» до сводки погоды на месяц вперед. Американцы тоже знали, что «Академик Потапов» не просто безобидное научное судно. Много раз они пытались ему навредить. Но на этот случай рядом всегда оказывались то советские корабли, то наш подводный ракетносец, а на случай пакостей помельче на борту «Потапова» имелся десяток крепких парней, очень ловко обращающихся с аквалангами и огнестрельным оружием. Боевые пловцы сопровождали судно всякий раз, когда намечалась хотя бы видимость неприятностей со стороны противника в лице аналогичных структур американцев. До открытого противостояния доходило редко, но я слышал, что стычки, приводившие к потерям с обеих сторон, имели место и считались чем-то вроде соревнований со смертельным исходом.

Миновав вход в пост радиосвязи, замаскированный под трещину в поросшей буйной растительностью скале, я спустился по выдолбленным в камне ступеням. Пройдя еще два поста охраны и поздоровавшись с одним из бойцов — кажется, он был из Пскова,³ — оказался в просторном прохладном помещении прямоугольной формы, освещаемом рассеянным светом двух ламп дневного света. По сути, все электричество в отряде работало

¹ Имеются в виду американские ударные вертолеты UH-1C «Gunship». Серийный выпуск этих машин начался в марте 1962 г. Основным отличием новой модели стал несущий винт с увеличенной шириной лопастей. Модель «С» широко применялась американскими войсками во Вьетнаме. Вариант вертолета, вооруженный пулеметами и неуправляемыми ракетами, получил наименование «Gunship». «Ганшипы» сопровождали транспортные вертолеты, а также наносили удары по позициям вьетнамских партизан.

² Название корабля изменено, но такие суда действительно имеются на вооружении ВМС РФ до сих пор.

³ Охрана узлов связи и мест расквартирования военных специалистов осуществляется только силами личного состава ограниченного контингента. Посторонние, в т. ч. местные жители и представители иностранных ВС, на территорию подобных объектов не допускаются.

на это помещение, являющееся нервным центром местного партизанского движения. Отсюда передавались сведения нашей разведки местным «команданте» и «генералам», сюда же стекалась и вся собранная в регионе информация, пусть не широким, но бурным потоком утекавшая затем в советский разведцентр за много тысяч километров отсюда. Весь отряд Рауля являлся просто прикрытием и защитой для хозяйства, которым командовал камрад Чжан. Степа сидел ко мне вполоборота, уставившись в светящийся зеленым светом экран монитора ЭВМ. Пальцы связиста бодро стучали по клавишам миниатюрной клавиатуры, и он обратил на меня внимание, только когда я тронул «китайца» за плечо.

— Здрав буди, червь подземный, чем порадуешь?

— А! Здоров, Егорша. — Связист рассеянно улыбнулся, отчего лицо его приобрело несколько злобный вид. В зеленых отсветах монитора и некоем полумраке круглое, с едва пробивающейся порослью бороды и усов, оно напоминало морду демона с буддийских фресок. — Совсем зашиваюсь: последние полчаса данные поступают непрерывным потоком. Обрабатывать еле успеваю.

— К нам опять гости пожаловали.

— Уже рассказали. — Связист только прищелкнул карандашом, который он всегда вертел в пальцах, по столу. — Ну?..

— Не кипятись, Степан. Амеры снова в местное небо пролезли, я ж их движки из тысячи узнаю. Пара истребителей минут двадцать назад прошла над лагерем.

— Угу. — Степа метнулся к зарослям проводов и железа, выудил рулон распечатки, лихо заткнув карандаш за ухо. — Верно догадался: в нейтральных водах сейчас болтается ударная группировка Второго флота США.

— Кто на сей раз пришел? — Я пододвинул криво сколоченный табурет вплотную к столу связиста. — Уже можешь точно рассказать?

— Многоцелевой авианосец «Энтерпрайз».¹ С ним группа кораблей эскорта: два крейсера — «Норфолк» и «Геверин», а также три эсминца. Это странно, но ордер усилен подводной лодкой класса «Лос-Анжелес». Что они тут делают такой толпой, просто ума не приложу. Московский Центр тоже помалкивает, хотя запрос я послал десять часов назад. Пока есть только приказ наблюдать и слушать.

— Сам-то чего думаешь? — Степа у нас был кем-то вроде пророка. Когда дело касалось ближайшей перспективы, его прогнозы сбывались с точностью до третьего знака после запятой. — Не просто же так они тут трутся?

— Есть одна странность, вот смотри. — Связист щелкнул какой-то кнопкой, и на зеленом фоне монитора появилась топографическая карта побережья с какими-то странными отметками. — Десять часов назад три грузовых вертушки в сопровождении вертолетов и звена истребителей пошли на юг, в сторону джунглей.

Интересно девки пляшут. В указанном направлении были только непроходимые джунгли и груды поросших лианами и всякой растительной мелочью камней. Раньше там копошились археологи, но после трех похищений и перманентного грабежа членов направляемых к развалинам экспедиций мирные люди туда больше не совались.

— Там ни черта нет. Только болота да заброшенные руины индейского города. Примерно три месяца назад мы все там излазили, это пустышка. Ни тебе подземных коммуникаций, ни пещер, просто груды поросших лианами каменных глыб, и все. — Степа сунул в рот кончик обгрызенного карандаша и задумчиво уставился в зеленый экран ЭВМ. — Чего амеры там ищут, сам пока не пойму. — Степа усмехнулся и кивнул на карту. Выделил группу точек ровно на том месте, где располагались руины. — Думаю, что им нужна база. Тут всего одна нормальная дорога и куча всяких мелких тропинок. Если я все правильно рассчитал, отсюда американцы будут вам сильно пакостить, а попытки их

¹ Атомный многоцелевой авианосец «Энтерпрайз», бортовой номер CVAN-65, был заложен 4 февраля 1958 г. на стапеле компании «Newport News Shipbuilding and Dry Dock Company» в Ньюпорт-Ньюс. Это первый в мире атомный авианосец. Площадь его полетной палубы до сих пор является одной из самых больших в мире.

выкурить обойдутся нам примерно как три к десяти.

— Контора?

— Вот тебе и еще одна загадка, Егорша: группа использует штатные частоты NSA, более того, я услышал знакомое имя одного их крутого спеца — Майкла Стокса. Но командует кто-то другой. Этот Стокс очень важная шишка, кого попало над ним не поставят. Это означает, что кто бы к нам в гости ни прилетел, это очень серьезные игроки. Тебе и Бате стоит быть настороже, заваруха будет та еще, нутром чую. Стокс работает только над проектами высшего приоритета, последнее время курировал закрытую тему по созданию средств связи для новой глобальной системы «Эшелон-4». Это сверхбыстрая связь, планируется интегрировать в нее систему управления всеми вооруженными силами США. Спец такого уровня не полетит за тридевять земель просто чтобы развеять скуку. Все очень серьезно, Егор.

— Ветер Судьбы, — вырвалось у меня услышанное от медички словосочетание, которое задело тревожные струны в душе, волнуя помимо воли и нагоняя озноб. Слова повисли в воздухе, связист отозвался не сразу.

— Чего?

Иванов непонимающе поднял на меня глаза и, не дождавшись пояснений, быстро застучал по клавишам. Потом что-то пискнуло в недрах его аппарата. Связист наконец сказал:

— Просто муссон. Придет сюда через пять-семь дней. Ветер совершенно обычный для этого времени года, но таким холодным и сильным бывает только раз в несколько лет. Катастроф пока не наделал, нас эти природные явления не касаются.

— Я не о погоде сейчас... — Усилием воли мне удалось прогнать сосущее предчувствие беды. — Ладно, Степа, дай мне данные по радиоперехвату за сутки, и я пойду. Дел много, еще на склад надо, да ребят инструктировать.

Мистику я решил пока в расчет не принимать, а заняться подготовкой рейда. Вот пока все, что я мог сделать. Знамения и прочая оккультная чепуха меня волновали в последнюю очередь. Захватив распечатку, которую Степа любезно мне дал, несмотря на дефицит бумаги для принтера — чудная штука, если знаешь, как с ней обращаться, — я повернулся к товарищу спиной и направился к выходу, каждым шагом вбивая мандраж обратно в ту щелочку души, откуда тот выполз. Я поднялся наверх и направился в сторону нашего домика; там в разной степени безделья прохлаждалось пятеро парней, составлявших костяк моей группы. Нужно сказать, что отбор при отправке сюда был жестким, строже, чем в отряд космонавтов, потому что тем не надо в обязательном порядке уметь обращаться со взрывчаткой и оружием стран региона пребывания, уметь уничтожать противника кучей разных способов. А в остальном — требования те же: здоровье, быстрая реакция, способность принимать верные решения под стрессом, ну и хоть чуть-чуть нужно владеть хотя бы английским языком. Мне посчастливилось иметь от рождения феноменальную память и отменное здоровье, потому я и прошел этот ад, который зовут финальным отборочным испытанием, когда не только выжимают максимум из того, что дала тебе природа, но и проверяют навыки, которые вбивались инструкторами по всяким хитрым дисциплинам. Дело было в Белоруссии. Везли нас в закрытых автобусах, а после еще пару часов гнали бегом до ворот базы, напоминавшей летний пионерский лагерь. Кормежка, правда, была отличная: пять раз в день, как по часам. Но потом начиналась такая карусель, что жирок я так и не нагулял. Там я впервые увидел иностранное, а точнее, пиндостанское оружие и... возненавидел его всей душой на всю жизнь. Удобное поначалу, оно быстро показало свой норов в лесу, когда на нашу группу из шести кандидатов пошли в поиск бывалые прапоры и офицеры, которых привезли, видимо, специально, чтобы не теряли квалификации. И тут пригодилась память, потому что инструкцию к М-16А1 и А2 я изучил досконально и помнил каждое слово. Именно знание особенностей этого капризного и весьма своенравного автомата помогло нам не завалить зачет и удачно отбиться, а потом и окончательно стряхнуть со следа две поисковые партии. Всего тот зачет сдало восемь человек, двое из которых потом были все-

таки выбракованы психологами: парни ударились в панику, бросили своих и лишь ценой потери оружия и благодаря способности быстро бегать по буеракам оторвались от преследования и вышли в точку условной эвакуации.

А с остальными парнями я сдружился: двое псковичей, один из Рязани и двое с Украины, сибиряком оказался я один. Через шесть недель мы оказались в Калининграде, а потом прибыли в Лиму, крупнейший перуанский порт. Полугодичная практика в чужой стране с невероятно тяжким для белого человека климатом — что может быть лучше для закрепления навыков, полученных в белорусских «партизанских» лесах? До сих пор по-доброму вспоминаю то время: лес там был свой, родной. Каждое дерево и каждый кустик, казалось, помнят еще, как наши деды гоняли фрицев по здешним местам, укрываясь в сени вековых пущ, растворяясь в мари болотных туманов. Лес давал укрытие тем, кто боролся с захватчиками, кто жил и умирал с одной только мыслью — отомстить врагу, изгнать его прочь, сделать так, чтобы не было ему тут покоя. Может быть, именно это и помогало нам тогда, а может, просто повезло, ведь должно же кому-то везти в этой жизни, так отчего же не шестерым уставшим и заляпанным грязью с ног до головы «лбам», которых загоняли в угол опытные, много повидавшие головорезы?

Так или иначе, но тут, «на латинщине», как называл наш пулеметчик Саня Горелов (для местных — команданте Алехандро Сантино) здешние места, нам никто не спешил помогать. Старшим группы военспецов был назначен подполковник Серебрянников, который в местной неразберихе интересов был как рыба в воде, поскольку варился в здешнем котле уже около пяти лет. По крайней мере на это указывали его тесные связи с мелкими полевыми командирами партизан, которые за неделю не наработаешь. Плюс говорил он не столько на испанском, сколько на одном из диалектов народности ниаруна. Испанский язык, считающийся тут общим, подполковник безбожно коверкал, вставляя для удобства русские бранные слова. Выходило очень забавно, если опустить совсем не шуточное содержание обычных разговоров Бати.

Попрощавшись со Степой, я выбрался из сухой прохлады пещер и окунулся в сумеречное влажное марево. Уже практически стемнело. Сколько тут ни живу, а привыкнуть к быстро сгущающейся темноте никак не могу, она наступает с такой быстротой, что поневоле начинает казаться, будто кто-то просто выключил свет...

* * *

Лагерь «El frente publico-liberador de Colombia». 18 февраля 1990 года, 00:03 по местному времени. «Товарищ Мигель» — старший лейтенант Егор Шубин, военный советник.

...Хижина, отведенная нам под казарму, была совмещена с «оружейкой», поскольку наше оружие сильно отличалось от того, что использовали местные, и приходилось следить, чтобы они не лазали в ящики с оборудованием. Спецов оснащали по-разному: когда хорошо и чем-нибудь эксклюзивным, а когда и чем попало, вроде как оправдывая все особенностями легендирования. На этот раз дали новые «ночники» НСП¹ и сделанные под них «калаши», а в

¹ НСП-3 — ночной стрелковый прицел. Разработка НПО «Орион» (ранее НИИ-801). Устанавливается на 7,62-мм автомате и ручном пулемете Калашникова. Позволяет обнаруживать цели и вести по ним прицельную стрельбу из автомата и ручного пулемета на дальностях от 250 до 300 м. Масса комплекта прибора (прицела) — 7,8 кг.

² АПБ — автоматический бесшумный пистолет, был разработан в начале 1970-х годов и принят на вооружение в 1972 г. для разведывательных и специальных подразделений Советской Армии. ТТХ: УСМ — двойного действия, калибр 9 x 18 (ПМ), вес без патронов — 1650 г с глушителем и прикладом, длина — 246 мм без глушителя, 455 мм с глушителем без приклада, длина ствола — 140 мм, емкость магазина — 20 патронов.

качестве личного оружия выдали пистолеты АПБ² и бесшумные ПБ.¹ Пистолет Макарова с интегрированным глушителем вызывал сильный интерес у подшефных партизан, но нам было строжайше запрещено как-либо просвещать контингент относительно характеристик данного оружия. Пару раз даже команданте Рауль сунулся с вопросами, но узнав, что это всего лишь бесшумный пистоль, сразу отстал. Команданте не слишком жаловал оружейные технические новинки, предпочитая что-то с большим, как у гаубицы, калибром. А если дело не касалось бытовой электроники, то всякие примочки к оружию его вообще не трогали. Остальные же бойцы отряда просто поняли, что спрашивать бесполезно.

Я сел за стол, не сооруженный из снарядных ящиков, а настоящий, сплетенный из каких-то пород камыша, на такой же изящный и легкий стул, и принялся готовить снаряжение, благо времени до выхода оставалось минут пятьдесят-сорок. Ребята тоже стали собираться: кто-то чистил оружие, кто-то сортировал патроны. Я же подновил тряпичную обмотку на «ночнике» (старая отсырела) и местами проглядывал матово-серый металл трубки прицела. Спрашивается: ну вот переломились бы производители, если бы покрасили прицел в «радикальный» маскировочный цвет или хотя бы поставляли в комплекте спрей, вроде тех, которые использовали пиндостанские коллеги по опасному «бизнесу»? Напылить краску из баллончика на прицел или на весь автомат, и порядок. Система простая — смесь под давлением, баллончики вроде тех, что я видел в Союзе, правда, там это была морилка для тараканов, но принцип тот же самый. А тряпье — это хоть и небольшой, но все же лишний вес. Бандура моя вместе со снаряженной «тридцаткой» и прицелом весила около семи килограммов, но, как показала практика, оно того стоило. Ради маневренности пришлось принести в жертву личное оружие: обычно я беру «стечкина» с навинченным «тихарем», но из-за излишней громоздкости от него пришлось отказаться в пользу бесшумного же «макарки». Оригинальный ПМ никогда мне не нравился из-за малой кучности стрельбы, слабого боеприпаса и короткого ствола. Хоть пистоль этот и неприхотлив и достаточно убоен на короткой дистанции, АПБ все же предпочтительней, поскольку и ствол длиннее, и сама масса пистоля дает дополнительную устойчивость, а уж стрельнешь очередью — так и так попадешь, не промахнешься.

«Разгрузки» и прочую амуницию нам поставляли двое братьев из Пуэрто-Рико, имевших «завязки» с американцами, которые гнали оружие и снаряжение через одного крупного посредника в Доминиканской республике. Поэтому ни с обувью, ни с обмундированием проблем не возникало — денег на снаряжение Батя никогда не жалел. Но «разгрузку» пришлось перешивать, хотя китайцы с Острова² давно уже наладили выпуск неплохих «лифчиков» и подсумков под наши «семерочные» магазины. С виду все по западному образцу: ткань добротная и часто очень высокого качества, но приспособили китайцы амеровскую сбрую под нужды тех, кто принимает блага демократии очень избирательно. Что поделать: «Калашников» стал символом надежности и успеха везде, где спорные вопросы решаются не в тихих кабинетах, а на полях сражений. Масштаб

¹ ПБ — бесшумный пистолет, был разработан на базе пистолета Макарова для вооружения армейских разведывательных групп, а также персонала КГБ СССР, принят на вооружение в 1967 г. Пистолет использует интегрированный глушитель. Главное отличие от аналогов — глушитель звука выстрела исполнен из двух частей (разборный). Такое решение позволяет носить и хранить пистолет со снятой передней частью глушителя (насадком), а перед применением быстро устанавливать насадок на оружие. При этом пистолет сохраняет возможность безопасного для стрелка ведения огня при снятом насадке, что немаловажно в критических ситуациях. Пистолет имеет одну отличительную конструкционную особенность: в силу того, что передняя часть ствола закрыта глушителем, затвор имеет небольшую длину, не позволяющую разместить внутри него возвратную пружину. Поэтому возвратная пружина размещена в рукоятке, под ее правой щечкой, и воздействует на затвор через длинный качающийся рычаг, что требует дополнительного навыка обращения с изделием, но на надежность работы механизма никак не влияет. ТТХ: УСМ — двойного действия, калибр — 9 x 18 (ПМ), вес без патронов — 970 г (в сборе с насадком глушителя), длина — 310 мм (в сборе), 170 мм (со снятым насадком), длина ствола — 105 мм, емкость магазина — 8 патронов.

² Егор имеет в виду остров Тайвань, где налажено производство нелегального оружия, боеприпасов, амуниции и снаряжения, поставляющегося в более чем 140 стран мира вполне легально.

конфликтов различается, но неизменным остается спрос на надежное и недорогое оружие. А что может быть проще и надежней «калаша»? Правильно — только другой «калаш», и это без вариантов. Подсумки на клипсах или тем более на новомодной «липучке» — это для полиции, когда можно сбегать к грузовику снабжения и взять новый взамен отстегнувшегося и свалившегося в сток ливневой канализации, к примеру. Пришлось, как встарь, браться за иглу и намертво пришивать подсумки по бокам, как это делали еще во время войны «за речкой».¹

Со щелчком встал на место колпак дульного компенсатора, отчего ствол автомата заметно удлинился. Раньше из-за факела вспышки стрелять с «ночником» было паршиво — засветка шла такая, что долго не проморгаешься. Теперь проблема решена и струи пламени вместе с волнами звука уходят в стороны, автомат перестал сильно лягаться, реально стало удобнее работать. Глушитель к автомату я решил не брать: мало того, что весит он прилично, но и пользы от дозвуковых патронов не шибко много. Часто приходится бить только одиночными, а какой прок в «тихаре», если нормально нельзя дать даже короткую очередь патрона в три без риска запороть прибор или, тем более, поразить цель наверняка. Для ближнего боя вполне хватает пистолета или, на самый крайний случай, ножа.

Клинок я себе особо не подбирал — выдали стреляющий нож,² не шибко меня устраивавший из-за ненужного приспособления для стрельбы. Но свыкся я как-то с ним, и менять на что-то более простое не доставало времени, можно пользоваться и этим, благо и стрелял, и резал-колол ножик очень неплохо. Стрелять из устройства в рукоятки приходилось только на полигоне, но как некий элемент неожиданности могло сработать. К тому же сейчас не то что двадцать лет назад, когда «бесшумки» только стали появляться в войсках. Новый патрон для ножа напоминает обычную автоматную гильзу, но стальной его пулькой человека вполне можно цепануть, а если сойтись на расстояние метров в десять, то и прошить тушку насквозь — это к гадалке не ходи.³ Нож я носил на кевларовой манжете под правой кистью, чтобы сразу выйти на удар обратным хватом. Клинок резал как бумагу даже очень плотную ткань и стеганые теплые вещи вроде фуфайки. Но в здешней парилке, думаю, не найдется и одной телогрейки на сотню верст в округе. Клинок с тихим шипением вошел в ножны и, казалось, затаился там, чтобы в нужный момент с голодным свистом рассечь воздух и мгновение спустя пропороть до позвоночного столба чье-нибудь горло.

Идти предстояло восьмером, не считая двоих местных. Батя и еще трое плюс

¹ Имеется в виду война в Афганистане, когда разгрузки приходилось изготавливать самостоятельно.

² Егор имеет в виду изделие НРС-2 (нож разведчика стреляющий). НРС представляет собой нож с вмонтированным в рукоятку однозарядным стреляющим устройством, которое состоит из отъемного ствола с запирающим устройством на конце и двумя выполненными на стволе запирающими выступами, коробки, ударно-спускового механизма, рычага взвода, флажкового предохранителя и рычага спуска. Ствол располагается в задней части рукоятки, дульный срез в торце рукоятки прикрыт разрезной резиновой шторкой. Перекрестье-ограничитель рукоятки имеет с одной стороны прорезь — целик, соответственно, на конце рукоятки имеется пластиковый выступ-мушка. С другой стороны перекрестье имеет отогнутый лепесток с лункой для извлечения стреляной гильзы из патронника после выстрела. Механизм может быть полностью заменен вкладышем, позволяющим использовать только клинок, не нарушая баланса изделия. Клинок ножа по форме напоминает штык-нож от АКМ, но изготавливается из стали 25Х17Н2БШ и имеет покрытие «черный хром». На обухе клинка выполнены зубья пилы, позволяющие перепилить металлический прут диаметром до 10 мм. Рукоять ножа выполнена из пластика зеленого (в некоторых опытных экземплярах — коричневого) цвета, с крупным сетчатым рифлением. ТТХ: применяемые патроны — СП-4, калибр — 7,62 x 41 мм, масса ножа с ножнами без подвеса — 570 г, масса ножа без ножен — 360 г, габариты ножа в ножнах — 330 x 64 x 32,5 мм, габариты ножа без ножен — 285 x 52,5 x 32,5 мм. Размеры клинка: длина — 160 мм, ширина — 28 мм, толщина — 3,4 мм. Длина прицельной линии — 105 м, усилие извлечения клинка из ножен: 4-15 кг, прицельная дальность стрельбы — 25 м (рекомендованная — не более 4-8 м), начальная скорость пули — 200 м/с, боевая скорострельность — 2 выстр./мин.

³ Имеется в виду специальный патрон СП-4. ТТХ: калибр — 7,62 мм, начальная скорость пули — 200 м/с, масса патрона — 23 г, масса пули — 10 г, длина патрона — 42 мм, длина экстрактируемой гильзы — 41 мм, максимальное давление — 3000 кгс/см², импульс — 0,2 кгс/с.

проводник пойдут в голове колонны и ближе к переправе через ручей уйдут вправо, чтобы переправиться ниже по течению, заминировать тропу метрах в двадцати от спуска к берегу и, в случае чего, принять на себя основной удар «нянек» каравана. У меня задача была и проще, и сложнее одновременно, поскольку предстояло тащить второго из местных, а нам не простят, если толстопузый родственник Рауля хотя бы порежет пальчик во время акции.

Вести балласт у нас стало чем-то вроде дисциплинарного взыскания, когда боец вроде и воюет, но вынужден прежде всего опекать и всячески присматривать за бестолковым «пассажиром». И если бы не нужда в хорошей минной закладке, не миновать бы Детонатору этой «почетной» участи. Самый толковый из местных, Симон, пойдет с Батей, чтобы постараться обеспечить ударному звену скрытный выход на рубеж атаки. А я со своими должен буду принять груз и тех, кто успеет переправиться на нашу сторону ручья. Плюс подстраховать Батю, случись тому вляпаться в какой-нибудь блудняк.

Симон очень старался быть полезным и раз или два выводил партизан из непролазных болот на севере, где хорошо ориентировались лишь единицы из местных. Паренек чуял тропу и безошибочно выводил отряд туда, где узкой полоской змеилась среди зеленых зарослей звериная стезжа или заброшенная дорога. Несколько раз я с удивлением обнаруживал под ногами каменную кладку, а на вопрос о том, что тут было раньше, пацан только пожимал плечами. Или говорил сакраментальное: раньше здесь жили люди, теперь никто сюда не ходит, все ушли.

Осторожно расспрашивая, мне удалось лишь выяснить, что его братья и отец были контрабандистами, тянувшими всякий товар, доставляемый морем и растекавшийся отсюда в Венесуэлу и частью в приграничье Эквадора. Партии товара были довольно крупными, но доставлять их приходилось в обход основных дорог, потому что часто это были не только тряпки и сигареты. А когда я поинтересовался, не белый ли порошок возило семейство Симона, он снова пожал плечами, хотя это вряд ли было на сто процентов так — местный трафик шел вовне, но никак не внутрь страны. Значит, возили то, что приходило в обмен на «кокс», и скорее всего, это было оружие. Отсюда и такое отличное знание окольных путей, которые не так хорошо известны федералам и их друзьям-пиндосам.

Обновив камуфляж на лице и открытых частях тела, проверил снарягу на звон, несколько раз вскинул к плечу автомат и сделал пару приседаний и наклонов. Вроде ничего не гремело и не мешало, вес распределился как положено и тяги ни в бок, ни вперед-назад не ощущалось. Готов. Выйдя из хижины, кликнул вполголоса остальных, чтобы выходили строиться.

Со мной шли трое наших ребят и толстый увалень Пако. Его я доверил проштрафившемуся на днях Паше Клименко — второму радисту. Тут его звали не Пабло, как все могли бы подумать, а Лисом, за вкрадчивость манер, склонность к мрачной иронии и рыжую шевелюру, которую я постоянно заставлял его под корень сбривать. Лис противился, поскольку являлся поклонником некоего эзотерического поверья, что длина волос обеспечивает более устойчивую связь с космическим разумом. Но это, само собой, был прикол, а на самом деле Пашка просто панически боялся стричься, о чем поведал как-то раз приятелю по распитию горячительного и игре в дурака — Детонатору, а тот донес этот секрет до остальных. Кроме того, все стали подшучивать над Клименко, когда узнали, как звучит по-испански его прозвище,¹ подсовывая парню местные переводные комиксы на данную тему. А подарками на день рождения неизменно, среди прочего, были короткий плащ и вырезанная из картона и покрашенная в черный цвет полумаска. Лис отвечает за рацию и в принципе непосредственного участия в акции принимать не должен, но одно дело слушать эфир и следить только за собой и отмашками командира, и совсем другое — держать за ворот толстого увальня, который даже дышать правильно не умеет.

¹ «Лис» по-испански звучит как «El zorro». В Советском Союзе был очень популярен французский одноименный фильм с А. Делоном в главной роли. Мститель-аристократ в полумаске очень не вяжется с простоватым обликом Клименко, что и вызывает смех товарищей.

Батя подтянулся через пять минут после того, как я поставил задачу каждому бойцу, особенно выделив ту часть, что касалась самостоятельности. За последние три месяца команда сработалась, и пробуксовки были редкостью, но где их нет? Снаряга у всех оказалась ладно пригнана, оружие тоже нареканий не вызвало, Батя только поворчал, хлопав каждого на наличие курева, но это оттого, что на время его самого разлучили с табаком. Маскировать выход смысла особого не было: дисциплина у местных на высоте, и никому и в голову не приходило задавать лишние вопросы, поскольку мера наказания тут только одна — закопают живьем, чтобы не тратить зря патроны и на запах крови не сбежалось полсельвы.

Радистов в группе было двое: один у меня, а один шел с Батей. Таскать рацию было необходимо, поскольку действовать мы собирались параллельно.

Миновав внешнее кольцо охранения, взяли направление на север, чтобы выйти в район переправы, минуя территорию ответственности местных военных. Ребята они не шибко опытные, но пока полны энтузиазма и, волею случая, могли нам подпортить всю игру. Путь наш то пролегал через нетронутые заросли, то Симон выводил нас на такие тропки, которые замечаешь только по отсутствию сопротивления растительности под ногами да более частым просветам в завеси лиан, свисающих плотной бахромой с деревьев. Огромные, в два, а то и в три обхвата стволы поросших мхом местных исполинов довольно далеко отстояли друг от друга, давя менее удачливых сородичей. В этом лесу все было насыщено смертью — глядя на эти огромные деревья, остро понимаешь смысл выражения «найти свое место под солнцем». Пробившиеся наверх всячески ущемляли тех, кто оказался слабее. Лунный свет едва пробивался сквозь заросли, но нам вполне хватало и того, что было: пара таблеток из аптечки — и ушла сонливость, зрение стало острым настолько, что различался каждый блик света на траве и листьях. Шли колонной по одному, останавливались, сменяя дозорных, щупавших местность метрах в двухстах впереди и по флангам. Во время таких остановок я, как замыкающий, уходил назад, проверяя, не идет ли кто следом. Пока все было спокойно, только однажды остановились и сошли с тропы, потому что Степа дал перехват патруля местной поисковой группы, прочесывавшей квадрат, который мы пересекали. Рассредоточившись и замаскировавшись, присели. Двигаться в здешних местах нужно по-особенному: ноги поднимать и опускать следует в несколько фаз, чтобы движение образовывало некую гротескную разновидность крадущейся походки. Нога сначала поднимается, потом сгибается в голени и осторожно, но не слишком медленно опускается сначала на носок, и только потом вес переносится на всю ступню. Так достигается сразу несколько целей. Боец попадает в некий ритм леса. Зверье, птицы и насекомые уже не станут атаковать его. Не подадут они голоса, если человек спокойно пройдет мимо; симфония леса не зазвучит фальшивой ноткой. След будет виден менее отчетливо, и не будет четкого указания на путь, которым человек прошел, поскольку лианы просто раздвигаются либо находится обходной путь. Не провалится под весом осторожного путешественника подушка из гнилой листвы и трухлявой древесины, а заскрипит, предупреждая, что под ней метров десять осклизлой каменной пустоты, где уже лежат останки менее внимательных путников. Тот, кто научился правильно ходить в сельве, уже наполовину победил, потому что его очень трудно обнаружить.

А вот местных вояк было слышно еще загоя: они топали, словно стадо коров, несущихся к водопою, хотя и двигались, по меркам обычных людей, очень тихо. Тем не менее проводник и дозорные, а потом и все остальные правильно уловили изменения тона общего ночного гвалта. Поэтому оставалось только затаяться и пропустить «туристов» дальше, пусть скажут своим, что в Багдаде все спокойно.¹

Тишина в джунглях — это нонсенс, здесь шумно, как в час пик на оживленной улице.

¹ Фраза, выкликаемая на Востоке ночными сторожами в средние века. Сторож ходил по городу с деревянной колотушкой, чтобы криком отпугнуть ночных воров. Он повторял одну и ту же фразу: «В городе все спокойно». В СССР выражение получило распространение после выхода на экран фильма «Волшебная лампа Аладдина», где местом действия был город Багдад, а сам клич был зарифмован в песню.

Но все стихает, если идет чужой. Он может заставить лес притихнуть, но и то не полностью: самые смелые или, наоборот, глупые создания будут орать о себе до тех пор, пока на них не наступишь. Отличать вопли пугливых и умных от криков глупых и бесстрашных я учился все то время, что провел в этой необычной стране.

Как-то в детстве мне довелось читать о средних веках, тогда люди вполне серьезно предполагали, что на обратной стороне земного шара все ходят вверх ногами. Сейчас это уже не кажется таким нелепым, как в десять лет: аллегория притчи становится понятна только со временем, когда во всем и всегда находишь второй, а то и третий смысл. Все действительно оказалось внешне как обычно, но чем дольше я находился среди местных, изучал их обычаи и нравы, тем сильнее стремился попасть обратно в Союз. Вся эта торговля, крайний индивидуализм и готовность сожрать слабейшего только потому, что такая возможность ничем тебе лично не грозит, отталкивали меня даже от самых, казалось бы, нормальных и симпатичных людей. Все здесь виделось мне фальшивым, нарочитым в проявлениях самых обычных чувств. Почти каждый улыбается в сто зубов, но держит душу на замке и, как правило, сжимает камень в кармане. Никогда не привыкну к этому ощущению здешней чужеродности: даже лес казался чужим, неохотно открывая объятия иностранцу, желающему укрыться под его сенью.

Вдалеке справа послышался шум воды, значит, до цели оставалось около полукилометра. Пока все шло по плану, даже военный патруль доказывал, что конкуренты Рауля — просто ширма и настоящий игрок в этой партии — скорее всего американцы. Страховать официально бандитствующих граждан могли приказать только люди из разведки, что, в принципе, ставит знак равенства между местными федералами и их заморскими покровителями. Источники Бати не ошиблись — караван непременно пройдет именно в этом районе, а брод здесь только один. Серебрянников дал сигнал остановиться и знаком подозвал меня к себе. Выставив охранение и подозвав проводника, мы с Батей присели на корточки и развернули карту. Подполковник стал уточнять диспозицию, вычерчивая линии своей любимой указкой — он, как обычно, выщелкнул один патрон из рожка и для убедительности водил им по карте.

— Ставлю задачу. Ты, Сова, — Батя употребил прозвище, известное только среди своих, — с группой сядешь слева от тропы. Перекрой все подходы к переправе. Вот тут, — он очертил контуры заросшего невысокого скального выступа, — посади пулеметчика, сектор широкий, почти вся речка как на ладони. Остальных по своему выбору раскидай. Но обязательно сигналки на тропе поставь, вдруг гости пожалуют. Тогда отходите к нам, уйдем вверх по течению и пойдем на юго-восток, в болотах потеряемся. Ведь потеряемся, а, Сусанин? — Серебрянников с ободряющей улыбкой на размалеванном маскировочной краской лице повернулся к Симону. Парнишка ничего не понял, но, внимательно следя за пассажами командира над картой, видимо, догадался, о чем идет речь, и утвердительно кивнул.

— Связь держать через получасовые промежутки, — продолжал Батя. — Если что экстренное, выходи в эфир по второму варианту. Твой сигнал к работе — как только переправят весь груз через ручей или начнется пальба. Если что-то идет криво, я красный свет дам, и тогда уходим в отрыв раздельно. Будь готов отсекал тех, кто за мной увяжется, но сам на правый берег ни ногой. Но вроде сил хватает, это пиковый случай... Теперь все. По местам стоять!

Командир поднялся и, махнув проводнику, чтобы следовал за ним, ушел в голову колонны. Вскоре он и его группа растворились в темноте. Разместив бойцов по точкам, намеченным еще в лагере, я занял позицию на пригорке вместе с Лисом и нашей бесполезной частью команды — местным увальнем Пако. Отсюда, чуть выше тропы, просматривалась вся переправа и часть правого берега, не скрытая кустарником и свисающими к самой воде лианами и корнями причудливых деревьев, таким своеобразным способом собирающих влагу.

Детонатор поставил на тропе три сигнальных мины и добавил на подходах к лежкам ребят еще три растяжки, ежели кто полезет в обход, а сам засел ниже по течению, стерег

правый фланг, готовый в случае чего прижать любого, кто полезет с той стороны ручья.

Пулеметчиком у нас был Саня, угрюмый парень из Перми, невысокий жилистый молчун, как-то на спор разогнувший две сложенные вместе подковы. Откуда в нем бралась эта сила — никто не знал, но пулемет в его руках даже не шевелился, когда Саня стрелял с рук. Прозвище Саня получил не совсем благозвучное — Дуга, но никогда не обижался. Еще Дуга умел виртуозно палить из ПКМ,¹ почти как из снайперской винтовки, а по результатам ночных стрельб лучше него выступала только снайперская группа, хотя соревновательный элемент был чисто неформальным.

Но в этот раз обошлось без любителей поохотиться на местную военную элиту, поскольку для снайпера тут не было работы — слишком короткое расстояние, мало открытых мест. Снайперу нужен простор, а его тут не наблюдалось; по всему выходит, что ошибка будет короткой. Бой в лесу — это почти всегда игра в прятки, и выигрывает тот, кто умеет долго и терпеливо ждать. Девяносто процентов всех акций на моей памяти пришлось именно на засады. Для обычного человека все выглядит очень скучно: сидят взрослые мужики, иногда по горло в воде или болотной жиже, чтобы потом встать и просто переместиться в другое, не менее паршивое с точки зрения комфорта место и снова ждать, прислушиваясь к каждому звуку вокруг.

Мошара особо не надоедала — снадобье шаманское довольно неплохо держало кровососущую мерзость на расстоянии, позволяя без нужды не отвлекаться на подавление желания стряхнуть с себя жадных до человеческой крови насекомых. Взяв у Лиса наушники, я вслушивался в эфирные завывания, но пока все было нормально: пара стандартных радиообменов и один сигнал о готовности от первой группы. Бормотнул шепотом, что все понятно, — вот и вся жизнедеятельность за прошедшие от начала сидения двадцать с небольшим минут.

Потом начались странности. Лис тронул меня за руку, указывая влево: метрах в ста от позиции, которую облюбовал Батя со своими, в листве деревьев сначала засверкали всполохи света, а потом послышались звуки стрельбы. Расстояние было приличным, но, по-моему, палили из трех стволов, которым кто-то несомненно отвечал, только, скорее всего, он использовал глушеные стволы. Со стороны это выглядит, как если слушаешь чужой телефонный разговор: то, что говорит человек перед тобой, ты слышишь, а вот что ему отвечают, это уже загадка. Я взял рацию и, переключившись на резервную частоту, вызвал Батю:

— Сильверо, здесь Мигель. Стрельба слева двадцать, удаление сто пятьдесят — двести метров. Прием.

— Здесь Сильверо, остаемся на позиции. Ждем. Как принял?

— Сильверо, все понял, ждем. Отбой.

Стрельба стихла так же неожиданно, как и началась, но тон общего фона в лесу изменился, сельва наполнилась гвалтом напуганных зверей. Потом минут десять все было относительно тихо, живность успокаивалась, кто-то поумнее торопился сменить место ночевки, отчего лес наполнился треском зарослей. Вновь ожила рация:

— Здесь Сильверо, всем внимание: гости приближаются, справа пятьдесят. Всем приготовиться, отбой.

— Здесь Мигель, понял вас, готовы. Отбой.

Лис вдруг скинул наушники, которые я ему передал, и, схватившись за уши, покатился по земле. Упав на дно овражка, буквально вгрызся зубами в землю, гася рвущийся из горла крик. Быстро взяв гарнитуру, я приложил ухо к динамику, но тут же бросил наушники наземь. В эфире царил жуткий вой помех неизвестного происхождения, причем, как я выяснил минуту спустя, на всех частотах. Кинулся к Лису, тот знаками показал, что

¹ ПКМ — единый пулемет поддержки системы Калашникова. ТТХ: калибр — 7,62 x 54R, вес — 7,5 кг, длина — 1160 мм, питание — наборная нерассыпная лента с замкнутым звеном в коробе, емкостью на 100 патронов, ствол — быстросменный, прицел открытый, есть возможность установки ночных прицелов.

приходит в себя. Велев радисту оставаться на месте, я подхватил автомат, снова включив «ночник». Все было тихо и спокойно: ни выстрелов, ни шевеления кустов на противоположной стороне. Я спустился к броду и пошел к ребятам, чтобы дать знать про непонятки последнего получаса. Но все всё и так слышали, а Дуга даже засек, что в нашу сторону пробежал кто-то двуногий.

— Товарищ старший лейтенант, — прогнусавил Дуга, не отрывая взгляда от пространства перед собой. — Кто-то, как тень, мелькнул и пропал за вон теми деревьями, справа тридцать. Больше ничего не видел. Только пальбу слышал, и все.

Детонатор тоже лишь пожал плечами, его вообще пронять трудно. Славка по-хозяйски разложился в небольшой вымоине на склоне холма, откуда хорошо просматривались брод и часть леса ниже по течению ручья. По его словам, он слышал только стрельбу, но переправиться на нашу сторону никто не пытался. Разговор ничего толком не прояснил, и я уже собрался идти к Лису, как на том берегу ахнули подряд три взрыва и заговорили стволы нашей передовой группы — Батя начал работать. Картина прояснилась: Серебрянников на ходу изменил план, решив нахлобучить караван, не дав головному дозору противника переправиться и попасть к нам в руки. Скорее всего, он подумал, что стрельбу начали «няньки», пострелявшие кого-то в лесу, и решил не ждать, когда насторожившиеся амеры начнут шнырять у переправы. Пока картина боя складывалась удачно — группе Бати отвечало семь стволов, один из которых успел дать только одну длинную очередь и захлебнулся.

Вернувшись к радисту на НП,¹ я прильнул к прицелу, всматриваясь во всполохи света, выглядевшие не слишком ярко в мертвенно зеленой мути «ночника». Рисунок схватки изменился снова, Батины бойцы отеснили охрану каравана вниз по течению и прижали четверых огрызающихся короткими очередями местных к зарослям у самой воды. Ракеты не было, в рации по-прежнему завывали помехи, поэтому ничего другого, кроме как наблюдать за развитием событий, не оставалось. Спустя пару минут обстановка вновь изменилась, и стало твориться непонятное: в тылу передовой группы, связанной боем, прогремели два взрыва. Но это были не ручные гранаты, скорее, выстрелы из РПГ: звук взрывов был звонким, отличавшимся по тембру от нашей «семерки»,² но, судя по шелесту осколков, это были противопехотки. Стрельба с нашей стороны стихла и... В воздух взвилась красная ракета. Батя давал сигнал уходить, словно был атакован превосходящими силами и принял решение спасти хотя бы часть отряда. Но я не спешил с отходом и отправил Лиса обойти позиции и передать мой приказ оставаться на месте. Между тем бой продолжался, слышался ответный огонь Батиной группы, поредевшей до трех стволов, да очухались караванщики, став переправляться через ручей. Парням крупно не повезло — быстрое течение вынесло двоих, переправившихся прямо на Славкину позицию. Я отчетливо видел, как сначала один низкорослый бандит нырнул в черную стремнину с простреленной из бесшумного ПБ (которым был вооружен Детонатор) головой, а за ним последовал и второй караванщик с двумя дырками в спине. Видимо, никто из обозников больше не мог ходить или они пошли куда-то еще, но я понял, что это наш шанс вытащить Батю и поквитаться с противником. Я обернулся к Лису и вполголоса скомандовал:

— Лис, мухой к Дуге, оставь там этого увальня, потом спускайся к Славкиной лежке, — я кивнул на съездившегося от страха и дурных предчувствий на дне оврага Пако. — Ждите меня, пойдем Батю выручать. Быстро выполнять, ящик свой тоже у Дуги оставишь, налегке пойдем.

Формально я не имею права нарушать прямой приказ командира группы и лезть в пекло поперек, но чутье подсказывало, что шанс вытащить командира из передраги еще есть. Лис скрылся, подгоняя впереди себя что-то жалобно лопотавшего местного.

¹ НП — наблюдательный пункт.

² Егор говорит о советском противотанковом реактивном 40-мм гранатомете РПГ-7.

Спустившись по отлогому склону и перебежав тропу, я в три минуты преодолел расстояние до лежки Детонатора. Слава уже все прибрал за собой, оставил только подрывную машинку, на которую были завязаны мины, расставленные по берегу и вдоль тропы. Спустя минут пять подтянулся Лис, и я ввел бойцов в курс дальнейших действий:

— Значит, так — похоже, засада это. Сейчас вынем всех, кто остался, и уходим на базу. Надо выяснить у этой суки Рауля, как он нас так красиво под пиндосов подвел и зачем это ему понадобилось. Лис, — повернулся к радисту, — на тебе левый фланг. Иди вверх, дистанция тридцать метров. Ставо, — это уже к Славке, — ты пойдешь справа. Ориентируемся по засветке, слышите: нашим кисло совсем.

На том берегу говорили уже только два наших ствола, а пока я давал вводную, рванули почти одна за другой три гранаты. Дистанция боя сократилась до двадцати метров, Бате и тому, кто выжил, приходил звездеч. Дав отмашку, я рванул вперед. Проточная вода обожгла холодом, ручей-то ручьем, но воды было почти по пояс. Лис и Славка шли следом, стараясь держаться точно за мной, течение было довольно сильным, и нас сносило вправо. Звуки выстрелов на правобережье звучали все реже, я ускорил шаг, но выбраться на берег удалось лишь спустя долгих десять минут. Не теряя больше ни секунды, мы рассыпались цепью и пошли на звук боя. Через три минуты в разных местах пересекли тропу, ведущую к переправе; тут уже все было кончено — мулы, сбросив часть поклажи, разбежались, в разных позах застыли несколько тел их охраны, я насчитал троих в головной части, и еще четверо лежали справа на обочине. Судя по положению трупов, караванщиков накрыло взрывами развешанных на деревьях и прикопанных по обочинам тропы мин. Остальных быстро оттеснили на северо-восток, а потом в тыл нашим ударила неизвестная группа. Но что еще более странно: чужие не помогали каравану лоялистов, попавшему в беду, они косили всех подряд. Впрочем, анализировать произошедшее было некогда. Я вынул ПБ и проконтролировал близлежащие тела — не хотелось бы оставлять у себя в тылу недобитков.

Бойцы показали жестами, что у них тоже все чисто, и мы двинулись дальше, стараясь зайти с фланга, чтобы не оказаться на линии огня. Сельву изрядно проредило взрывами, и через просветы в кронах деревьев проглянула полная луна. Стало светло, совсем как днем, джунгли окрасились в полутона синего, серого, на листьях заиграли серебряные блики, давая еще больше света. Подул ветер, и в неровном свете метрах в пятидесяти впереди я увидел одного из нападавших. Он стрелял от бедра, совершенно не целясь. Оружие незнакомца походило на амеровский пулемет М60,¹ но со странным, утолщенным стволом. Звук и пламени почти не было; слышался лязг затвора и стук падающих на землю гильз, и ствол оружия чуть дергался в руках... Не думая больше ни секунды, я плавным движением поднял автомат и, целя в голову, дал две короткие очереди, одновременно уходя вправо приставным шагом.

Незнакомец пошатнулся... но не упал! В бою резко обостряются все чувства, и я отлично видел, как вздрогнуло от попаданий тело незнакомца, но он не упал и даже не прекратил стрелять. Он мгновенно развернул ствол пулемета в мою сторону, перенося огонь на новую мишень. Тяжелые, 7,62 мм, пули веером стеганули по тому месту, где я только что стоял, срезав кусты, словно косой. Бывают такие моменты во время боя, когда понимаешь, что противник неожиданно оказался сильнее тебя, но поделать с этим уже ничего нельзя, нужно драться, надеясь только на то, что фортуна — дама ветреная. Я снова попал, но стрелок опять остался невредим и, опять поведя стволом пулемета, согнал меня вправо, где, на мое счастье, росло толстое, обхвата в два, дерево с пятнами мха по всему стволу. Оно приняло на себя удар еще одной длинной очереди, спасая жизнь совершенно запутавшегося в обстановке человека. За те доли секунды, что мне были отпущены на быстрое, как вспышка магия, осмысление произошедшего, я успел понять, что Лис и Детонатор тоже напорются

¹ М60 — в данном случае имеется в виду модификация данного пулемета для сил специальных операций SOCOM — М60Е4 в его укороченном, т. н. «штурмовом» варианте. ТТХ: калибр — 7,62 x 51 мм НАТО, вес — 9,9 кг, длина — 965 мм, темп стрельбы — 550 выстр./мин, питание — наборная лента емкостью 100–200 патронов. В настоящее время снят с вооружения.

на сюрприз в виде неубиваемого парня с пулеметом. Или это только мне так повезло?..

Мои мысли прервали щелчок и последовавшая за ним возня: пулемет заклинило. Поняв, что это мой шанс, я выхватил оборонительную «американку»¹ и, вырвав предохранительное кольцо, швырнул гранату в сторону противника, тут же швырнул и вторую, причем так, чтобы разрывы пошли справа и слева от незнакомца. Сдвоенный взрыв прозвучал совсем близко, меня обдало горячей воздушной волной, а по стволу дерева несколько раз тенькнуло осколками. Я откатился к соседнему стволу, расположенному от прежней моей позиции метрах в десяти. Однако выстрелов больше не последовало, и стрельба наших двух «калашей» впереди слева тоже прекратилась. Я выглянул из укрытия, но ничего, кроме медленно оседавшего в безветрии порохового дыма, не увидел. Незнамец исчез или валяется где-то неподалеку, держа автомат наготове. Я осмотрелся — ничего. Только ямки от разрывов моих же гранат да скошенная осколками и ударной волной трава. Никого. Словно этот двухметровый амер растворился в ночной темени, как морок.

Водя стволом перед собой, я осмотрелся внимательнее, но опять ничего не обнаружил. Опустив оружие, прикинул, в какой стороне находится приблизительное место первого взрыва и где в последний раз слышалась стрельба из нашего оружия. В воздухе стоял смешанный запах пороховой гари, порезанных осколками и пулями растений и, само собой, человеческой крови: тяжелый, сладковато-приторный запах смерти. Вдруг справа ворохнулись кусты. Я вскинул автомат, но тут же опустил его — это Лис и Детонатор вышли из зарослей. Вид у обоих был обескураженный. Завидев меня, бойцы тоже было вскинулись, но узнав, опустили оружие и подошли.

— Нашли кого-нибудь из наших?

— Нет, — ответил Лис. — Только трупы местных, да куча гильз. Темно кругом, вряд ли до рассвета что-нибудь отыщем.

— Добро, — я глянул на светящиеся стрелки часов. — Сейчас расходимся, дистанция тридцать метров. Выдерживаем юго-восточное направление, первые два взрыва были оттуда, стреляли тоже в том секторе, ищем наших еще час. Потом собираемся у брода и уходим на базу. Вперед!

Мы разошлись в стороны и стали быстро, но внимательно осматривать место схватки, постепенно продвигаясь строго на юг. Первые мои предположения подтвердились: сначала группа Серебрянникова сработала точно по плану. Затем по какой-то причине Батя решил не дожидаться, пока часть груза переправят через ручей, и дал команду на подрыв заложенных вдоль тропы противопехоток. Что его подвигло на изменения, не знаю, — вот еще одна причина для того, чтобы его отыскать.

В общем фоне лесных звуков мне послышалась диссонирующая, новая нотка... Кто-то стонал впереди справа. Крикнув по-совиному, я подал бойцам сигнал «все ко мне» и замер на месте, фиксируя направление, откуда слышался стон, несомненно человеческий. Лис с Детонатором появились спустя пару минут. Я знаками дал команду страховать меня с флангов, а сам медленно пошел в направлении, откуда доносился стон.

Через десять долгих минут мы увидели две воронки от взрывов осколочных гранат, а под одним из деревьев, посеченных осколками, лежали Серебрянников и парнишка-проводник. Батя был без сознания и стонал, он был тяжело ранен: грудь замотана, но крови нет. Скорее всего, осколками посеколо спину, а вот вторая рана — в живот, и это пулевое. Пацан кое-как раны перевязал, но сделал это не слишком умело. Симон направил на нас Батин АКМ и время от времени пытался нажать на спусковой крючок. Видимо, патроны кончились, иначе кто-то из нас непременно словил бы очередь в упор. Лис подошел к парнишке и забрал автомат из его окровавленных рук.

¹ Егор имеет в виду американскую оборонительную гранату М61, обращение с которой идентично советским Ф-1 и РГД-5. Корпус гранаты из тонкого металла. Внутри вокруг корпуса намотана проволока, которая и является основным осколкообразователем. Общая масса гранаты — 453,6 г. Масса заряда ВВ — 141,8 г (пластичное композиционное взрывчатое вещество типа «В» — аналог советского «пластита-4»). Радиус сплошного поражения осколками — 5 м, реальный радиус возможного поражения — до 35 м.

— Магазин пустой, следы ведут на север. Паренек тащил Батю волоком от места боя. Сам-то он невредим, только пара царапин да легкая контузия. Наших никого вокруг нет. Попробуй его расспросить, Сова.

Присев рядом с парнем на корточки и махнув Славке, чтобы занялся Батей, я отстегнул с пояса флягу с водой и дал парню глотнуть. Симон глотнул, закашлялся, но взгляд его приобрел осмысленное выражение. Он узнал меня и заговорил.

Сначала все шло как обычно, но потом послышалась стрельба от водопада, что в двух километрах на юге. По словам Симона, Батя приказал затаиться и выслал разведку. Судя по описанию, это был Юра по прозвищу Крокодил, отменный следопыт, пожалуй, лучший в группе. Спустя какое-то время Юра вернулся, но ничего толком сказать не смог: видел свежие стреляные гильзы, но и только. Потом Батю вызвал я, и тот решил, что стрельбе особого значения придавать не следует, но следует ускорить акцию и взять караван чуть раньше намеченного, разумно посчитав, что часть целого больше, чем ничего. Потом появился караван, шестеро охранников и пара мулов легли под осколками, остальных диверсы прижали огнем, оттесняя к берегу ручья. Все уже почти закончилось, как вдруг сзади грохнули два взрыва и некто открыл ураганный пулеметный огонь с тыла и справа сзади. Убило сразу троих из Батиной группы, остался только командир, но уже раненный, поскольку во время взрывов закрыл парнишку своим телом от осколков. Дальше парень изъяснялся сумбурно и не мог описать, кто же на них напал, слишком все быстро случилось. Слышал, как стрелял первый радист, Вадя Комаров. Только благодаря ему им с подполковником и удалось отползти и спрятаться. Батя продолжал стрелять, пока Симон тащил его тяжелую тушу, и в результате словил еще одну пулю в брюхо.

Лис срубил носилки, и мы с Детонатором положили на них продолжавшего стонать Батю. Я подхватил его оружие и, взяв проводника за шиворот, потащил того к берегу, чтобы оказаться под прикрытием пулемета Дуги.

Славка и Лис несли раненого, а я шел сзади. Два раза крикнул по-совиному и мигнул инфракрасным фонариком в сторону позиции пулеметчика. Пока мы добирались до брода, прошло минут сорок, и в момент переправы из леса со стороны разгромленного каравана послышался шум вертолетных винтов. Кроны деревьев скрывали, кто за кем прилетел. Вдруг лианы раздвинулись, и высокая тень показалась на правом берегу. Мгновением позже ручей впереди нас располосовала пулеметная очередь, взметнувшая фонтаны воды, швырнувшая потоки ледяной влаги прямо в глаза и на миг ослепившая. Почти сразу ответил пулемет Дуги, серия из двух коротких прицельных очередей в труху распотрошила лианы и, словно тяжелой плетью, стегнула по застывшей на берегу фигуре. Я тянул пацана за шиворот к близким уже спасительным зарослям. Послышалось шипение реактивной струи, и впереди справа ухнул взрыв — позицию Дуги накрыли из РПГ. Но еще через секунду пулемет заговорил снова, скупыми, как и раньше, сериями загоняя пули куда-то в чащу позади нас. Так я и знал — чтобы Дуга, да не сменил позицию... Не дождетесь. Бросив тело вперед, я перехватил передний край носилок у Славки и крикнул, перекрывая шум боя:

— Как выйдем на берег, рви мины!.. Эти гады почти на них стоят... Если не поможет, берите Батю и отходите в двенадцатый квадрат...

Детонатор кивнул и, преодолевая сопротивление течения, рванул влево, к своей позиции. Снова впереди забурило фонтанчиками вода, но тут же огрызнулся в ответ Дуга. И снова мы, словно в киселе, рвемся к такому близкому уже берегу. Вот речка, словно бы нехотя, отпустила сначала меня, затем, словно пробка, из воды выскочил Симон, а потом мы уже все вместе вломились в заросли кустарника, и тут же позади один за другим прогремели пять взрывов подряд. Не оглядываясь, мы продолжали бежать вперед и остановились лишь минут десять спустя, когда переправа скрылась за деревьями.

Осмотревшись, я понял, что мы отделились метров на триста от берега и сошли с тропы, углубившись к северо-западу от точки встречи. Крикнув Лису, что нужно сменить направление, я посмотрел на Батю: лицо хоть и бледное, но живое. Как придем на дневку, нужно будет перевязать. Парнишка выбился из сил, но держался молодцом. Передав ему

свой край носилок, я показал сторону, куда нужно идти, а сам двинул обратно, чтобы проверить, не организовали ли пиндосы преследование. Забирая чуть правее от нашего следа, через полчаса вышел к переправе. Взрывы мин выкосили кустарник и посекали заросли метров на двадцать подчистую, но на том месте, где час назад стоял незнакомец и сажил по нам из пулемета, играючи держа тяжелую бандуру одной рукой, не было никого.

Небо стало синеть, близился рассвет. Все произошедшее стало напоминать кошмарный сон с продолжением. Ты вдруг просыпаешься, но липкие объятия ночного видения снова и снова возвращают тебя в пучину ночного морока, где спящий ни над чем не имеет власти. Передернув затвор «калаша», я зашел в чашу, где все еще царил сумрак, и взял направление к месту встречи. Нам предстояло выйти к базе и разобраться во всем, что произошло нынешней ночью.

* * *

15 февраля 1990 года, 06:00 по среднеамериканскому времени. Борт авианосца «Энтерпрайз». Капитан Шон Эндерс, командир оперативно-тактической группы «Коготь» Агентства национальной безопасности США.

Жутко трещала голова, казалось, что некто, наделенный определенно садистскими наклонностями, методично раскалывает череп Шона на сотню кусочков и тут же собирает их воедино, чтобы одним ударом размозжить вновь. Доктор сказал, что это побочное следствие одной из прививок и скоро мигрень пройдет сама собой. Эндерс, чертыхнувшись, раздавил в ладони голубую таблетку болеутоляющего и, забросив кусочки в рот, с хрустом разжевал их, смакуя горечь. Странно прозвучит, но капитан с детства не любил сладостей; пристрастившись с ранних лет жевать таблетки не запивая, он даже находил в сводящей скулы хинной горечи нечто приятное, заставляющее быстрее соображать. Шон не курил, но втайне от всех мог напиться до соплей, а потом как ни в чем не бывало сутками работать, не щадя ни себя, ни находящихся с ним в одной упряжке Мэтьюса и Нила.

Результаты по программе были просто ошеломляющими: найденная в Перу сфера таила в себе сотни тысяч терабайт информации, на расшифровку только десятой доли которой у их группы ушло более шести лет. Способ записи напоминал простейший двоичный код, а ключом послужила надпись на камне, под которым и нашли сферу. Артефакт был величиной с крупную горошину и едва заметно мерцал, вспыхивая лиловым светом. Данные записывались на носитель, который все звали просто «сферой», казалось, без какой-либо логики: рядом лежали данные по фармакологии, и тут же всплывало описание некоего оружия, а далее следовали гигабайты текста, определенно напоминавшего некую стихотворную поэму. Само собой, оружие интересовало хозяев Шона более всего, но, как выяснилось после полугода упорной работы над расшифровкой данных, все записанное на сфере и было оружием. Бессистемные на первый взгляд массивы информации давали представление о том, как и из чего можно создать армию непобедимых солдат. Неуязвимых, быстрых и практически не нуждающихся в сне и отдыхе. Эндерса подключили уже на этапе доводки опытных образцов до создания прототипа того, что теперь именовалось тактическим комплексом «Nebula». Работа велась в строжайшей тайне, даже русские толком ничего не разнюхали — им скормили историю про новое космическое оружие, и даже позволили контролируемую утечку «дезы» на данную тему.

Комплекс представлял собой нечто вроде защитного костюма, позволяющего своему владельцу поднимать до трехсот килограммов полезной нагрузки, и обладал уникальными камуфлирующими свойствами. Но что самое главное — снижал урон, наносимый солдату, почти на сорок процентов, за счет комбинации полимеров, из которых он создавался, а также целого набора боевых стимуляторов, снижающих восприимчивость к боли, заглушающих также и инстинкт самосохранения. При этом каждый солдат развивал скорость на марше под

тридцать миль в час¹ и мог поддерживать ее в течение шести часов без особого ущерба для здоровья.

Управление функциями костюма осуществлялось усилием мысли, чему способствовал тонкий слой желеобразного бесцветного геля, которым тело солдата окутывалось полностью. Далее шел термоизолирующий костюм, поддерживающий постоянную температуру тела и отводящий избыточное тепло и энергию, возникающую при попадании пуль и осколков, в накопители тончайших аккумуляторов, подобно плитке покрывающих внешний слой термокостюма. Далее шла броня, сотканная из сотен тысяч микроволокон прочнейшего полимера, имеющего пластичность обычной ткани и обладающего прочностью броневого стали.

Но главным свойством «пластали», как решено было назвать полимер, являлась необычная вязкость текстур. Пули увязали в такой броне, теряя почти половину своей энергии, и в конце концов сминались, не пройдя и трети защитного слоя. При этом боец ощущал едва ли треть той силы, с которой пуля ударяла в него, а остаточный незначительный эффект запреградного воздействия компенсировался мгновенно впрыскивающимися в кровь стимуляторами. Шлем оснащался системой кругового обзора. Бойцу не нужно было вертеть головой — любое движение справа, слева или позади мгновенно выводилось на внутренний дисплей смотрового забрала.

Внешне костюм не сильно увеличивал габариты бойца, делая его чуть массивнее. Солдат в костюме напоминал рыцаря в латах, но лишённого угловатости и массивности древних воинов. Изначально цвет брони был матово-серым, но стоило включить репликатор сред, как волокна брони имитировали цвет, доминирующий вокруг; солдат не исчезал полностью, но на расстоянии тридцати футов его было очень трудно отделить от общего фона. Это обстоятельство и стало роковым для бойцов взвода морских пехотинцев, игравших роль условного противника: группа из четырех бойцов пропустила цепь и технику через свои позиции и ударила в тыл и правый фланг. И техника и люди погибли почти одновременно, не успев ни разу выстрелить в ответ или сообщить о нападении. Сервоприводы прятались в суставах рук и ног, позволяя прыгать на высоту до двенадцати футов и сгибать двутавровую балку без особых усилий.

Загвоздка была только с оружием, но это быстро было решено: за штатную стрелковую единицу был принят пулемет М60, который существенно доработали, снабдив оптико-визуальной системой наведения, позволяющей быстро наводить оружие на цель, не вскидывая его к плечу. Бойцу достаточно было лишь повернуть голову и найти врага взглядом, совместив две прицельные марки. Снайпера вооружили прототипом крупнокалиберной винтовки пятидесятого калибра, его задача была прикрывать подразделение и давать сигнал к началу действий. Решено было сделать его командиром подразделения. Остальные же пятеро обладали достаточной огневой мощью, чтобы вообще забыть про другие средства поддержки на стадии непосредственного огневого контакта с противником. В ранце за спиной боец нес четыре тысячи патронов и, кроме этого, мог осилить еще до пятидесяти килограммов полезной нагрузки. Снайпер дополнительной нагрузки не имел, да и задачи у него были несколько иными. При всей, казалось бы, загруженности отпадала необходимость нести дополнительное снаряжение и припасы: солдат не нуждался в сне и питании десять суток, а по истечении этого времени мог довольствоваться сублимированным в таблетки рационом, продлевающим срок автономного существования солдата вдвое.

По своим возможностям это было сродни атомной бомбе — таким бойцам почти ничего не угрожало в бою. Единственным минусом была зависимость от сферы как ретранслятора энергии, и всего обмена телеметрической информацией внутри подразделения и с группой тактического командования. Батарей самого костюма едва хватало на сорок минут автономной работы. Проблемы были и со спутниковой группировкой: сигнал

¹ Около 60 км/ч.

запаздывал на доли секунды из-за несовершенства аппаратуры спутников, что существенно сужало свободу маневра подразделения. Но все это были частности, которые не портили перспективы развития проекта в целом.

Нужно ли говорить, что министерские шишки уже получили все эти данные от руководителя проекта — полковника Тэлли. Сам полковник был довольно незаурядной личностью, с дипломом знаменитого MIT,¹ гарвардской степенью доктора философии и весьма циничным взглядом на мир вообще и на технический прогресс в частности. Тэлли завербовался в армию после окончательного вывода войск из вьетнамской мясорубки в 1976 году и возглавил комиссию при объединенном комитете начальников штабов, взяв под свое крыло всяких полоумных искателей сокровищ и пришельцев. С тех самых пор он фанатично искал по всему свету чудеса, как настоящие, так и мнимые.

И вот, перевернув горы шлака и нагромождений из всевозможных слухов, суеверий и домыслов, Тэлли вышел на этот затерянный перуанский храм. Находка оказалась своевременной — после Вьетнама в чудеса уже никто не верил. Предпочитая старую добрую «ядерную дубинку», сенатский комитет по обороне урезал финансирование, почти две трети проектов, которые курировал полковник, были заморожены, а сотрудников раскидали по разным подразделениям. Многих просто уволили. Тэлли скрежетал зубами, ругался с большезвездными генералами и тогдашним главой комитета сенатором Финнеганом, но все тщетно — нужен был прорыв, требовалось настоящее чудо. После нескольких лет работы ему наконец-то есть что показать: настоящие супервоины, не знающие страха, стремительные и почти неуязвимые.

После закрытой премьеры на полигоне в Техасе, где трое бойцов расправились со взводом пехоты и тремя БТР за четырнадцать секунд, атакуя растерянных солдат практически в лоб, полковник Тэлли наконец-то получил карт-бланш. И вот теперь полностью укомплектованное подразделение из шести бойцов ждало приказа. Солдат погружали в некое подобие сна, поскольку после частичной модификации на генном уровне эти люди уже мало чем напоминали тех добровольцев, которыми они были год назад. Комплекс инопланетных препаратов изменил организм морпехов настолько, что вне защитных костюмов они были обречены на быструю и болезненную смерть. Органы чувств и вся моторика организма была подогнана под костюм, человек являлся лишь своего рода придатком к нему. Более-менее целыми оставались речевые и мыслительные функции, но и тут был ряд особенностей: без акустического сигнала, транслируемого через информационную сферу, солдаты отказывались повиноваться приказам, и это был досадный нюанс, о котором Тэлли руководству докладывать не спешил. Как и не мог пока внятно объяснить, почему модуляцию сигнала никак не удастся воспроизвести на самой современной аппаратуре, и, что более всего тревожило Шона, источником энергии тоже был этот проклятый шар, который лишь ретранслировал потоки неведомой энергии в накопители костюмов бойцов. К расшифровке данных были подключены огромные мощности мэйнфрейма Минобороны, но пока результат был нулевым.

Эндерс миновал просторный коридор и очутился в комнате для инструктажа пилотов, которую адмирал Уоррен любезно выделил для Шона и его команды. В зале уже сидели Нил, Мэтьюс и четверо техников, обслуживавших криокамеры бойцов. На столе были разложены чертежи, а на растянутом белом квадрате настенного экрана была высвечена схема управления подразделением. Парни из технической команды, почти не стесняясь, орали на старших офицеров. Мэтьюс уже находился на грани, чтобы дать по морде зарвавшемуся рыжему сержанту О'Мэлли. Оба вскочили. Рыжий ирландец, перемежая технические термины с отборной бранью, что-то доказывал, тыча пальцем в диаграммы рядом со схемой костюма в разрезе.

— Сколько тебе можно долбить, проклятый тупой янки?! Ретрансляция возможна только на расстоянии двадцати — тридцати пяти миль, после этого наши парни превратятся

¹ MIT — Массачусетский технологический институт.

в безмозглых баранов...

— Да с чего это ты взял, сержант? На испытаниях в каньоне расстояние было пятьдесят!..

Невысокий, щуплый Мэтьюс был почти на голову ниже довольно массивного ирландца. Мэтьюс был с Шоном в одном звании, но, в отличие от Эндерса, имел степень по прикладной математике и ни разу не был в поле. Однако именно этот щуплый потомок уэльских переселенцев первым нащупал ключ к шифру сферы, и именно он, Стэн Мэтьюс, догадался о взаимосвязанности всех фрагментов найденных массивов информации.

— ...В жопу меня поцелуй, мистер образованный английский капитан-всезнайка! Там был полигон, плоская как стол равнина, без всяких магнитных аномалий, посторонних переговоров и прочих прелестей. Тут совсем другая песня: долбаные джунгли, и против нас выступают отмороженные индейцы с русскими «Калашниковыми»! Нельзя ребят отпускать дальше четвертого, это мое последнее слово, мистер!..

О'Мэлли же просто был отличным техником-самоучкой, способным на лету ухватить практически любую идею и воплотить ее в конкретный чертеж. Отличаясь взрывным характером, Филипп, или же просто Фил-дам-в-грызло О'Мэлли, проявлял ангельское терпение только в тех случаях, когда дело касалось воплощения в чертеже какого-нибудь хитрого механизма. А его здоровенные ручки, напоминавшие экскаваторные ковши, могли провести сложную пайку схемы такой тонкости, что любой нейрохирург просто удавился бы от зависти. Кроме того, Фил обладал чутьем на всякого рода технические подлянки еще на стадии теоретической разработки и, только взглянув в выкладки теоретиков, почти сразу мог сказать, будет та или иная хрень работать или так и останется красивой мечтой. Когда же очередь доходила до общения с людьми, рыжий ирландец никаких границ не признавал. Поэтому, поморщившись от накатывающих приступов мигрени, Эндерс решил обозначить свое присутствие:

— Всем мирр-на!

Шон гаркнул так, что эхо долгих три секунды гуляло по помещению, а спорщики аж присели от неожиданности. Обернувшись, они приветствовали командира, вытянувшись во фронт. Работая вместе с Эндерсом уже без малого восемь лет, они притерлись к нему до состояния неформального обращения. Оба пожали капитану руку, а флегматичный капитан Грэхем Нил, попыхивая своей длинной, изогнутой трубкой, кивнул: он никогда и никому руки не подавал. Инженер-связист только отсалютовал старым морским приветствием, приложив к правому виску, а затем четко выбросив вперед сложенные вместе указательный и средний пальцы правой руки. И, словно осьминог, тут же окутался облаками ароматного сизого дыма. Эндерс поневоле втянул воздух — Нил славился умением подбирать смеси трубочного табака, не жалея на это ни сил, ни денег. Результат был просто поразительный: с обычной сигаретной или сигарной вонью аромат трубочной смеси специалиста по системам связи Нила не имел ничего общего. От его выхлопа не хотелось бежать без оглядки, многие даже специально становились рядом, чтобы вдохнуть необычный букет, будоражащий помимо воли различные чувства.

— Вольно, господа.

Шон с видимым усилием прошел на свое излюбленное место, крайнее слева в первом ряду, намеренно не садясь за общий стол, как бы подчеркивая свое положение руководителя. Даже одно это позволяло Эндерсу удерживать в подчинении таких своенравных и недисциплинированных людей, какими были присутствующие. Он словно все время был чуть в стороне, оставаясь над схваткой.

Спорщики сели каждый на свое место и, храня упрямое молчание, уставились каждый в свои записи. Шон выдавил из пачки новую таблетку и, с хрустом начав ее жевать, продолжил:

— Господа, через трое суток нам надлежит высадиться на базе, подготовленной командой приданной нам сводной роты майора Ковальски, встретиться там с куратором от NSA подполковником Стоксом и развернуть оборудование для полевых испытаний.

Полковник Тэлли ждет, что через сорок минут я представлю ему доклад, по материалам которого он споет брачную серенаду этим засранцам из сенатской комиссии, и тогда господа в хороших костюмах дадут нам зеленый свет. Так что же мне ему сказать, Фил? Что ты поперся в такую даль лишь для того, чтобы сказать нам: идите в жопу, парни, я ошибся и ни хрена не работает? Я верно уловил суть вашей дискуссии, господа?

Мэтьюс было снова вскочил, но Нил остановил физика, давая возможность вечному скандалисту Дам-в-грызло первому начать оправдываться. Эндерса в команде уважали не только за обширные познания в разных областях точных наук, но и за проведенные в разных паршивых местах боевые операции. Действуя почти всегда «в темную», Шон долгое время стажировался в форте Брэгг, где снискал немалое уважение среди спесивых морпехов из отдельного батальона разведки. Когда нужно было, Эндерс умел быть жестким, фанатическая преданность делу давала ему иммунитет ко всякого рода рефлексиям, свойственным интеллигентам и вообще людям гражданским.

— Дело плевое, босс: я говорю нашему умнику, что двадцать пять миль — это пока предел и парней отпускать дальше не следует. По крайней мере, пока не пройдет первая фаза испытаний, а потом будет видно. А мистер англичанин говорит, что я-де перебздел, и тычет мне в нос полигонными испытаниями. Хотя ну ни фига это не доказательство, ты же знаешь...

Фил смешался и, зло блеснув пронзительно-синими глазами, какие бывают только у рыжих и у сильно пьющих людей, плюхнулся обратно на стул.

— Стэн, твоё слово, — Эндерс перевел тяжелый взгляд на физика.

Тот поднялся и уже спокойно начал излагать:

— Сэр, я ни в коей мере не хочу портить отчетность, тем более что О'Мэлли, как всегда, осторожничают. На полигоне группа работала на удалении в пятьдесят миль. Параметры телеметрии были устойчивыми, связь ни разу не прервалась, перебоев с энергией тоже не случилось. Сфера функционировала исправно, вчера я прогнал все положенные тесты — все в норме. Думаю, что поводок можно отпустить на максимум.

— Грэхем, что скажешь? — Шон обернулся к связисту, круговыми движениями пальцев растирая виски.

Связист только пыхнул трубкой и, не вставая, начал говорить. Говорил он негромко, четкими рублеными фразами и всегда по делу, поэтому его голос был решающим.

— Я не оракул, Шон. Мы делаем то, что до нас еще никто не делал, понять, кто прав, а кто ошибся, можно, только сделав первый шаг. Но ирландец прав, лучше не горячиться. В конце концов, в здешних местах достаточно дичи, чтобы далеко за ней не бегать. Пусть разведка даст цели на компромиссной дистанции, а там посмотрим, что получится. Сенаторам в Вашингтоне все равно, как далеко разлетятся мозги каких-то поганных латиносов. Им нужны красивая картинка и впечатляющие результаты. Это мы им дадим, а доводкой можно заняться позднее, на то мы и здесь. Красивое шоу сделаем, будь спокоен. Уверен, что только этого от нас Тэлли и ожидает. Но, сам понимаешь, сейчас вся наша затея выглядит, как игра младенца с заряженным револьвером. — Нил выпустил через нос две струйки дыма и продолжил: — И либо все обойдется, либо револьвер выпалит и стены детской окрасятся в цвет мозгов. Ведь мы даже на треть не владеем технологией, которую воссоздали. Если что-то сломается, уйдут годы на то, чтобы понять причину. Это объективный факт. Но если облажаемся сейчас, нам просто перекроют финансирование и разгонят по тем норам, откуда вытащили восемь лет назад. Я — за испытания. Хуже будет, если мы отступим, шансы на успех есть, и у нас они немаленькие.

Нил замолчал и уставился немигающим взглядом в пространство, продолжая пыхать трубкой. Остальные тоже притихли, слышался только гул механизмов корабля, да свист истребителей, заходящих на посадку. Шон откинулся в кресле, опустив лицо, чтобы подчиненные не видели гримасы боли, и так сидел пару мгновений, разглядывая носки начищенных до зеркального блеска ботинок. Он перебрал в уме десяток вариантов развития ситуации, но связист кругом оказывался прав: если не будет хорошего отчета по второй фазе

испытаний, то проект в лучшем случае просто прикроют. Вернувшись снова в мир реальных ощущений, капитан Эндерс наконец произнес:

— Решено. Готовим группу к испытаниям. Грэхем, — глянул он на связиста, — дай пинка разведчикам, пусть назовут ближайшее к месту будущей базы партизанское логово и подберут цели для уничтожения. Передай, что мы можем все там зачистить, и если они сами что-то роют в том районе, пусть уберутся с дороги и не путаются под ногами. Стэн, Фил, — капитан перевел требовательный взгляд на инженера и шефа механиков, — гоняйте тесты вплоть до самой погрузки группы на транспорт, мне нужны отчеты каждые два часа. А я доложу Тэлли, что группа готова к работе. Все тщательно запротоколируем, потом нам может понадобится любая кроха информации. За работу, друзья!

Эндерс поднялся с жесткого сиденья и, не прощаясь, вышел из помещения. Миновав сеть запутанных коридоров, капитан вышел на палубу. Солнце еще не начало жарить вовсю, но Шон все равно нацепил на нос темные очки и прошел к контейнеру, стоявшему почти у самой стены надстройки и накрытому маскировочной сеткой. Через шесть часов транспортный «борт» подцепит эту многотонную махину и унесет шестерых покоящихся там существ в сельву. Капитан поймал себя на том, что непроизвольно поглаживает ребристый бок контейнера и бормочет вслух слова старинной молитвы, которую на ночь нараспев читала его мать, чтобы маленький Шон не боялся существ, таившихся в углах его комнаты, затканной тенями вечернего сумрака. Тьма тогда отступала, приходил покой, но вот теперь, несмотря на начинающийся новый солнечный денек, Шону было жутковато. Словно тень набежала на небо, притушив краски и сделав все вокруг серым. Повеяло холодом, ветер с удвоенной силой засвистел в леерах страховочного ограждения.

К черту все! Эндерс оттолкнулся от стенки стального вместилища своих амбиций и зашел в каюту, чтобы подготовиться к последнему перед высадкой докладу для шефа. Нет, он не поведется на всякие предчувствия, не поддастся настроению этого ирландского неуча О'Мэлли, не даст себя запугать и не отступит.

* * *

Планета Гелион. Полис Медиолантий, столица Конфедерации Семи городов. Седьмой день первого месяца года 5690 от окончания Передела, 02:58 по местному времени (соответствует 00:00 17 февраля 1990 года по земному летоисчислению). Автарх Павлантий, Председатель Совета олигархов Конфедерации.

После бурных дебатов на заседании Совета у Павлантия остался неприятный осадок: представители Аргоса вели себя слишком вызывающе, а автарх Зиновий из Фиванской федерации, почуяв за собой поддержку посла императора Флоксиса, снова требовал расширения торговых привилегий для своего зажравшегося полиса. Зиновий знал, когда вонзить нож в спину, — Конфедерация переживает не лучшие свои времена. Близость к империи и тесные родственные связи с отпрыском Селевка, отца нынешнего императора, давали автарху Фив свободу в суждениях и поступках. Фиванский торговый конгломерат никогда не был так обособлен от остальных конфедератов-полисов, как в последние четыре десятилетия.

А Конфедерации приходится совсем худо: всецело завися от военной поддержки Аргоса, Семиградье увязло в пограничных конфликтах на Среднем Востоке, где войска империи Ра шаг за шагом отвоевывают у конфедератов альвиевые поля, а плодородные долины Сегонтиума уже почти на две трети находятся под пятой империи. Флоксис молод и честолюбив, да и триумвиры не позволят молодому потомку Ра вести переговоры с Семиградьем всерьез. Фивы же почти не принимают участия в войне, доходит даже до открытой помощи войскам империи, правда, пока это касалось поставок легкого стрелкового оружия и провианта, Совет олигархии формально никаких претензий фиванцам не предъявлял.

Армейская разведка экспедиционных сил выявила два госпиталя, где при полном

попустительстве властей полиса находили убежище имперские солдаты, но, как всегда, прямых доказательств причастности фиванской автархии не нашлось. Авиация нанесла по местам, где располагались лечебницы, ракетный удар, здания перестали существовать, вой поднялся нешуточный, и разведчики еле оправдались перед командующим. Выглядело все так, словно это конфедераты явились как захватчики, а несчастные имперцы стали чуть ли не мучениками. Солдаты пока не ропшут, но судя по докладам, поступившим за последние три недели, настроения в экспедиционных силах упаднические.

Павлантий досадливо поморщился: командующий экспедиционным корпусом архистратиг Варбис слаб для подобной должности, треть всех поражений в затянувшемся конфликте — его прямая вина, не требующая доказательств. Вот что значит компромиссная фигура: этот мямля был назначен не без деятельного участия фиванцев, более решительный полководец, предложенный Спартой, — достаточно неудобная фигура...

Только военное искусство аргосских наемников и их мощная, современная армия удерживают имперцев и соглашателей внутри самого Семиградья от перехода под протекторат Флоксиса. Аргос вообще слишком вырвался вперед; хоть диктатор Константин и не предъявляет претензий на спорные земли в мягком западном подбрюшье Конфедерации, однако лиха беда начало.

Но это все равно лишь до тех пор, пока сетевые борзописцы из того же «Папируса», принадлежащего автарху Феоктисту Александрийскому, не разнюхают правду. Страшную истину о том, что рудники конфедератов на северном полюсе Гелиона будут выработаны в ближайшие три года. И тогда снова встанет вопрос о необходимости поиска путей на континент Ма. Пронырливые репортеры александрийского автарха своими виртуальными перьями сгубили уже не одну политическую карьеру, способствовали началу критского конфликта и еще десятка локальных войн как внутри Семиградья, так и за его пределами.

Александрия — самый малый из полисов, но именно там сосредоточено девяносто процентов всех университетов, престижных школ и, самое главное, именно там, в подземном комплексе Селлириум, уцелевшем еще со времен войн Передела, стоит и действует самый быстрый вычислитель планеты — «Минотавр». Как он работает и долго ли еще протянет без ремонта — неизвестно даже лучшим умам Гелиона, но говорят, что Архиппа Сиракузский и его десять учеников почти раскрыли тайну принципа работы вычислителя. Однако это пока только догадки, сам же ученый лишь загадочно ухмыляется, перебирая четки, а его ученики вообще чураются людей, закрывшись в подземных помещениях Селлириума. Харон побери этих ученых вместе с борзописцами!

Когда три месяца назад Павлантию легли на стол листы доклада коллегии по природным ресурсам, у него зашевелились волосы на голове и похолодели кончики наманикюренных пальцев. Сообщения ставили крест на благополучном исходе переговоров с представителями Флоксиса. Вести из полиса Амаг, центра горнорудной промышленности на Северном полюсе, — словно острый кинжал, вонзившийся в спину политике сдерживания, проводимой Советом олигархов Семиградья. Конфедерация не сможет более оплачивать услуги аргосской армии, и тогда... Автарху не хотелось думать, что будет «тогда». Рынки Гизы, Херсонеса и Гевста наводнят сотни тысяч рабов, еще недавно гордо носивших звание «гражданин Конфедерации». Вряд ли император уничтожит Медиолантий, Фивы и другие полисы олигархии, но посадит в них своих наместников, а жителей расселит по имперским провинциям. И это будет бесславный конец демократии, не способной более защитить себя и своих граждан.

Павлантий ступил на платформу подъемника и провел ладонью по сенсорной панели управления. Мелодичный сигнал уведомил автарха о том, что его персональный код принят. Двери с мягким стуком сомкнулись за спиной Председателя Совета. Скоростной лифт за три четверти минуты вознес вельможу на шестьдесят этажей вверх, в башню, венчавшую самое высокое здание полиса. Выйдя и кивнув Клавдию, комесу канцелярии, Павлантий вошел в просторный, с высокими окнами зал. Мельком глянул на свое отражение в полированных, из черного агата стеновых панелях, обрамлявших помещение от пола до потолка. Оттуда на

него смотрел высокий сухощавый мужчина с резкими чертами, коротко стриженными, черными с глубокой проседью волосами и пронзительным взглядом. Прямой, чуть длинноватый нос все портил, но именно из-за него Павлантия считали обладателем сверхъестественного чутья на всяческие козни и политические ловушки. Журналисты даже пытались предсказывать по движениям обонятельного органа Председателя, будет ли принято то или иное решение на Совете олигархов или его с треском провалят. Самое забавное, что в двух из трех случаев обозреватели угадывали «знаки» верно. Сам же автарх никогда над этим не задумывался, поскольку общался с прессой только через комеса канцелярии, а в приметы не верил, оставляя это сомнительное занятие жрецам.

Шаркающей походкой автарх подошел к окну. Толстое стекло не пропускало внутрь ни единого звука. Город внизу разливался сотнями тысяч огней. Многоярусные автострады, петляющие меж колоссальной высоты зданий, словно диковинные морские змеи Аларнийского океана, бежали куда-то, теряясь в ночи. Жизнь в столице никогда не замирала, даже во время пятилетней осады 5670 года, когда в ресторанах Галли — квартала, где сосредоточены все знаменитые театры, казино, гастрономии, — как ни в чем не бывало подавали доставленных с побережья осьминогов и устриц. Шестьдесят миллионов человек населяют этот огромный улей. Из них только сорок миллионов — граждане полиса, потом идут три с липшим миллиона приезжих и торговых гостей, а остальные более чем семнадцать миллионов прячутся по трущобам у городских стен, в заброшенных кварталах Сели. Рейды милиции — это почти самоубийство, поэтому все, на что способен Авнир, префект милицейской курии, — это приказать своим людям не соваться туда менее чем тремя малыми фалангами. Пикеты и рейды по прилегающим к Сели кварталам мало что дают, но ежедневно эти забитые и бесправные изгои выходят на задворки улиц богатых кварталов, чтобы стать уборщиками, официантами.

Даже известными актерами популярной студии-мультикарма «Эос» были эмигранты из восточных земель, откуда война гонит тысячи беженцев, растекающихся по городам Конфедерации. Угроза новой, куда более страшной и разрушительной катастрофы нависла над всеми, не делая различий по рангам, заслугам и даже возрасту. Большую часть жителей полиса имперцы, конечно, истребят, в рабство попадет едва ли треть всех этих людей. Аргос не сможет принять всех желающих, да и времени на эвакуацию Флоксис не оставит. Павлантий отвернулся и все той же походкой человека, придавленного непосильным грузом забот и прожитых лет, отошел вглубь зала. В окно больше смотреть не хотелось, особенно когда на глаза постоянно лез купол Форума, закрывающий своей сияющей огнями громадиной обзор с северной стороны. Вид этого вместилища амбиций и алчности, прямо-таки источающего эманации власти, претил автарху, особенно после сегодняшнего провала переговоров.

У длинного и массивного, украшенного резными барельефами стола Председатель отодвинул старинное кресло с высокой спинкой и тяжело опустился, почти упал в его жесткие объятия. За двадцать лет, что он руководил Советом, этот неудобный предмет обстановки, являющийся обязательным приложением к должности, даже стал нравиться Павлантию. Проведя рукой над датчиком терминала, Председатель вызвал командный интерфейс зала Совета. Над столом возник голоэкрэн с иконками управления. Этот предмет обстановки тоже был частью старинного интерьера, оставшегося еще от Арогмаха — третьего и самого известного из тиранов Элисия. Длинная низкая столешница, покрытая зеленым сукном, чья поверхность так и манила положить на нее руки, перекрывала зал от одной стены до другой, разрезая его на две неравные части. Павлантий тронул старомодную кнопку звонка, что была утоплена в поверхность стола прямо под руками, напротив традиционного места главы Совета олигархов. Как странно: прошло столько веков, а она все еще работает и ни разу не сломалась. Что просто, то труднее всего сломать. Жаль, что не все в нашем мире так тривиально, как эта кнопка...

Раздался мелодичный перезвон колокольчиков за дверьми зала, мягко засияло окошко видеовызова в правом нижнем углу голосферы, в котором появилось осунувшееся, но

внимательное и собранное лицо Клавдия. «Бедный мальчик, — отметил про себя Павлантий, — ему приходится очень нелегко в эти дни». Смирив разыгравшуюся боль в правом боку, автарх ровным голосом произнес в пространство перед собой:

— Клавдий, принеси вина. Красного фиванского... — Голос предательски захрипел, на лицо напознала гримаса боли, но автарх быстро прогнал ощущение слабости прочь. — Кувшин возьми тот, который нам подносил аркадийский наместник.

Павлантий вновь стал разглядывать резной барельеф, идущий по краю столешницы, не задрапированному зеленой тканью: сцены какой-то забытой битвы, толпы людей с холодным оружием в руках и множество ныне вымерших животных. Как скоро забудут и нас, что оставит наша раса после себя и нужна ли будет потомкам красивая мебель, вот вопрос...

— Да, господин, — немедленно откликнулся комес. — Прикажете подать сыр и фрукты? Вы с самого утра ничего, кроме воды, не пили.

— Неси, а то действительно скоро свалюсь в обморок, и Асклепиевы служки потащат меня к себе в больницу. Нет, не дождутся, неси сыр, хлеб и той острой похлебки, которую так хвалит Эсфей.

— Сию секунду, господин.

Комес отключился, в его голосе слышалась неподдельная радость. Клавдий был из раздавленной Империей ромуланской колонии, всех жителей, которые остались в живых после штурма этого небольшого поселения, угнали в рабство. Взрослых, не годившихся для вживления аксона управления, продали на фабрики Асклепия как доноров органов. Клавдию и остальным детям повезло чуть больше: аксон прижился, и их перевезли на рынок второго по величине полиса империи Ра — Гевста. В этом рассаднике всевозможных пороков можно купить и продать все что угодно, и людская жизнь — не исключение.

Павлантий, тогда еще сорокалетний сагитар-капитан,¹ бывший в миссии посланника Конфедерации начальником охраны, сопровождал племянницу автарха Климента — Зоэ, приехавшую в Гевст от какого-то благотворительного фонда. Посол лично просил его, Павлантия, ветерана Критской войны, сопровождать капризную девушку на невольничий рынок. Председатель был тогда уверен, что находится на пике своей карьеры и большего уже желать невозможно, но этот поход на рынок все круто изменил. Через три года Павлантий взял в жены племянницу одного из десяти богатейших промышленников Элисия. А еще через три стал преемником вскоре отошедшего от дел Климента, дяди прекрасной и веселой Зоэ. Непросто было решиться связать себя брачными узами повторно, но юность и красота племянницы посла опьяняла, как и ее восторженная влюбленность в него, уже пожившего и не самого красивого мужчину в мире. Кажется, это все было только вчера...

Створки входных дверей разъехались в стороны, вошли трое прислужников и сам Клавдий с подносом, на котором стояли высокий кубок зеленого стекла и стилизованный под антику узкогорлый полуторалитровый кувшин с неброской наклейкой в виде золотой грозди винограда, перевитой причудливо вьющейся надписью на фонете:² «Око Диониса». Парнишка вырос, окончил школу ритора Савла, и Председатель, взяв его к себе на службу три года назад, ни разу об этом не пожалел. Клавдий вырос старательным, немного замкнутым юношей, но во всех своих начинаниях он никогда не забывал Павлантия, присылая четкие, по-военному лаконичные письма, в коих спрашивал совета или дозволения автарха на то или иное дело. Юноша считал Павлантия своим покровителем и демонстрировал все эти годы поразительную преданность и смекалку при ведении канцелярии автарха.

В такой демонстрации не было особой нужды — Павлантий только стоял рядом, пока Зоэ передавала аккредитив на покупку десяти ромуланских ребятишек распорядителю-гевстиянцу. В Конфедерации рабство считалось позорным пережитком прошлого, а

¹ Сагитар-капитан — капитан артиллерии, командир батареи в армии Конфедерации Семи городов.

² Фонет — общепринятый язык общения на Гелионе, имеет схожие черты с земными мертвыми языками, в основном — с древнегреческим и латынью.

работоторговцев казнили без суда. Но в империи Ра — свои порядки, поэтому среди деловых феминистских организаций было принято в качестве жеста благотворительности собирать средства на выкуп из рабства и привозить несчастных людей в полисы Конфедерации. Некоторых, выправив им документы, отпускали по домам, если таковые находились, а детей-сирот оставляли на попечение храмовых домов призрения. Там их лечили, избавляли от позорного, вживляемого только преступникам урезанного аксона¹ и определяли в школы разных полисов Конфедерации.

Клавдию повезло, поскольку Зоэ, став женой Павлантия, приняла живейшее участие в судьбе смышленного сероглазого ромуланского мальчишки. Его отправили в Александрийский университет, оплатив все десять лет обучения из собственных средств. На недоуменные вопросы отца и мужа девушка отвечала просто: «Богам было угодно соединить наши судьбы посредством этого мальчишки, так не буду же я их гневить. А деньги... Верность, с которой этот юноша будет служить Конфедерации, за золото уже не купишь». Жена оказалась права: Клавдия много раз пытались подкупить или переманить на сторону политических врагов Павлантия. Но ни скомпрометировать, ни сбить с толку юного комеса канцелярии Совета так никому и не удалось.

Павлантий жевал сыр, хлебал острую томатную похлебку почти машинально, едва ощущая вкус пищи. Ел он с годами все меньше, всего раз или два в сутки. Отдавая предпочтение простой пище, очень много пил минеральной воды, чей неисчерпаемый источник с давних пор бил в подземельях храма Асклепия на юге столицы. Вода расходилась по всему Элисию² и пользовалась популярностью благодаря различным целебным свойствам. Мелодичный сигнал прервал невеселое течение мыслей Павлантия. Он все чаще замечал за собой рассеянность — верный признак наступающей дряхлости. Временами Председатель уплывал мыслями далеко в прошлое, упуская контроль за настоящим. Вот и теперь вызов заставил его руку с бокалом дрогнуть. Поставив бокал на стол, автарх тронул иконку интеркома в глубине мерцавшего оттенками голубого голоэкрана.

— Господин Председатель, — голос Клавдия звучал официально и холодно, — прибыл его преподобие иерарх Стефаний.

— Проси. — Павлантий отодвинул миску с едва тронутой похлебкой и отпил изрядный глоток вина из кубка, устремив тяжелый взгляд на двери зала Совета.

Стефаний в миру звался просто Софроном, носил звание гипасп-капитана и вместе с Павлантием дрался за Крит. Его преподобие тогда был командиром малой фаланги гипаспистов³ и здорово выручил батарею «скорпионов»⁴ самого Председателя — их обошли и взяли в кольцо пельтасты⁵ мятежного гиппарха Солона, из-за амбиций которого и начался критский конфликт. Солон возглавил мятежную курию, сбросив погрязшего в разврате критского автарха Аполония, и провозгласил себя тираном, то есть единоличным

¹ Аксон — коммуникационный биочип, производимый в разных частях материка Солари на планете Гелион. Вживляется также с целью получения контроля над поведением человека. Разные модификации используются в армии, полиции, пенитенциарной системе.

² Элисий — название обитаемого континента планеты Гелион. Всего их два: Элисий и недоступный для исследования со времен войн Передела континент Ма.

³ Малая фаланга — основная боевая единица сухопутных войск Гелиона. Эквивалентна по численности пехотному взводу и насчитывает тридцать воинов. Гипасписты — тяжелая пехота, по оснащению близкая к мотострелковым частям, но круг выполняемых задач гораздо шире. Гипасписты служат всю жизнь, набираются из среды военнослужащих со сроком выслуги не менее пяти лет.

⁴ «Скорпион 250А» — самоходная автоматическая 250-мм осадно-штурмовая гаубица. Экипаж — три человека. В батарее от четырех до семи орудий.

⁵ Пельтасты — общее название легкой пехоты. Обычно это линейные части, костяк любой армии Гелиона. Набираются из среды призванных на обязательную для всех граждан Конфедерации и большинства независимых городов-государств действительную службу.

властителем колонии Крит. Захлебывающийся в соплях и винном угаре Аполоний вышел по открытому каналу в прямой эфир. Пьяный авантюрист раструбил о своем позоре по пятистам каналам глобальной новостной сети Гелиона. Брызгая слюной в дрожащий объектив бытового коммуникатора, низвергнутый автарх попросил помощи у Конфедерации.

Отказать этому развратнику и пьянице, конечно же, было невозможно: не поддержи олигархия одного из подписавших Хартию Согласия,¹ само существование такого хрупкого союза между влиятельными и богатейшими городами юго-запада окажется под угрозой распада. Критская война помогла упрочить союз и влияние трех активных его участников — Медиолантия, Спарты и Коринфа. Александрийцы тоже воевали неплохо, но слишком малочисленны и недостаточно организованны были их силы. Остальные полисы только наблюдали, ограничиваясь незначительной помощью конфедератам, не забыв, впрочем, примазаться к победе спустя три месяца — ровно столько длилась активная фаза кампании.

Стефаний-Софрон упругой походкой, отставив левую, согнутую в локте руку, на которую был намотан край багряной тоги, вошел в зал. Тогу жрец носил поверх легкой пиджачной пары, она была из коринфской шерсти глубокого серого цвета. Софрона призвали в храм Хроноса² и сразу произвели в чин таксиарх-прелата,³ учитывая огромный опыт шестидесятилетнего ветерана; это был достойный финал военной карьеры. Бронзовая маска с ликом Хроноса, чьи рубиновые глаза смотрели всюду и словно в никуда, уставилась на Председателя с осуждением. Мало кто знал, что это были современные фотоэлектронные умножители, позволяющие жрецу одновременно считывать поступающую прямо на сетчатку глаз информацию, распознавая по мимике собеседников, что те думают по тому или иному вопросу. Знать, когда тебе лгут, и не испытывать затруднений с ответной ложью, произнесенной из-под невозмутимой бронзовой личины, — вот фирменный знак всех жрецов. Грозный лик божества плохо сочетался с хохолком седых волос, предательски торчавших на макушке Софрона. Дождавшись, когда комес канцелярии скроется за дверью, жрец с облегчением сорвал с лица личину и бросил маску на стол, рядом сложил и бордовую тогу, оставшись в обычном летнем костюме.

— Привет тебе и долгих лет процветания, Председатель Совета олигархии! Да пребудет над тобой благословение Хроноса и всех олимпийских богов...

— Кошунство — это не то, что может привлечь благосклонность олимпийцев, Ваше святейшество, — Павлантий скупно улыбнулся. — Привет и благословение тебе, старый друг. Что привело тебя ко мне в столь поздний час?

— Хе! Вести из Дельф, что же еще. — Софрон взял с подноса краснобокое яблоко, налил себе полный бокал вина, залпом опустошил его, с хрустом разжевал и в два приема проглотил фрукт. — Опять пьешь этот сладкий компот, Павл! Но рожа у тебя кислая, сладенькое вино уже не спасает, а?

— Годы не те, чтобы дуть виноградную водку, как тридцать лет назад. — Автарх остро глянул в лицо друга поверх края кубка. — Оракул⁴ сказал что-то касающееся нашей

¹ Хартия Согласия — рамочный договор о торговле и взаимопомощи между семью городами юго-запада Элисия. Конституция Семиградья.

² Хронос — бог времени. Одно из трех наиболее почитаемых в Семиградье божеств. Служители этого бога носят темно-бордовые или ярко-красные тоги, лица жрецов всегда скрыты масками — согласно первому обету послушания, они не имеют права показывать свои лица вне стен храмов божества.

³ Таксиарх-прелат — специальный чин военных формирований воинов храма. Таксиарх-прелату подчинены все вооруженные силы духовных курий — охранителей божественного пантеона. Звание соответствует армейскому чину полного стратиг-генерала или адмирала флота.

⁴ Дельфийский Оракул — артефакт времен войн Передела. Живое существо, гуманоид в резервуаре, заполненном питательной жидкостью. Был обнаружен около пяти тысяч лет назад, через шестьдесят лет после окончания последних войн Передела. С тех пор является главным прогностом обитаемого материка Элисий и объектом поклонения и паломничества большинства жителей Элисия.

ситуации, Стеф? Не томи, говори скорей.

Павлантий от нетерпения даже чуть подался вперед, напоминая степного коршуна, высматривающего добычу. Между собой приятели не чинились, годы дружбы и семейное родство вполне позволяли — сын Софрона двенадцать лет тому назад взял в жены младшую дочь Председателя от первого брака.

— Оракул дал окончательный прогноз. Войны в ближайшие пять лет не будет, это совершенно точно. Помощь придет, откуда вы ее менее всего ожидали.

Софрон криво ухмыльнулся и, взяв с блюда еще одно яблоко, шумно начал его разгрызать, отвернувшись к окну и задумчиво глядя на звезды в безоблачном ночном небе столицы.

— Слава богам! — От сердца у Председателя отлегло, ему стало значительно легче дышать. — Завтра же принесу богатые жертвы Марсу и Митре! И твоего патрона тоже не забуду.

— Погоди с восхвалениями, Павл. Это еще не все новости, которые открыл нам провидец. С Геи¹ придут перемены и принесут переворот существующего миропорядка. Гелиону угрожает новый Передел.

— Что это будет?

Слова с трудом давались автарху, каждый звук словно нехотя выходил наружу. Все существо Павлантия сопротивлялось неизбежным известиям о грядущих бедах. Он, видевший смерть и лишения, уже поживший старик, не хотел этого для своих детей и внуков, но с богами не спорят.

— Вестником будет человек с тусклыми глазами.

— Слепец?

— Это неизвестно, — Софрон повел плечами в приступе раздражения.

— Кто же он такой: герой, полубог или древний?

— Просто человек. — Жрец отвернулся от окна, выражение его лица застыло в гримасе раздражения. — Его жизнь и судьба переплетены с нашими, но сам по себе это простой, обычный человек. Его появление — это знак начала перемен, но сам он не имеет веса и значения в грядущем танце Судьбы. — Софрон принялся отряхивать правый лацкан пиджака от следов яблочного сока. — Поверь мне, Павл, это всего лишь смертный с неясной и малозначительной планидой. Вот как ты или я.

— Ладно, то дело грядущего. — Павлантий взял кубок, наполнил его на треть, разбавил водой и, поморщившись, выпил до дна. — А что удержит молодого Селевкида на этот раз? Может быть, боги явят нам какое-нибудь чудо и император, поджав хвост, удерет вместе со своим войском аж в Гизу еще до рассвета?

По залу неожиданно раскатилось эхо громкого гогота, это преподобный Стефаний ржал, как застоявшийся в стойле жеребец, похлопывая себя по бокам. Посмеявшись и опершись о столешницу здоровенной ладонью, покрытой шрамами от ожогов, он вымолвил:

— Не... непременно явят, светлейший!.. Изволь обождать пару минут, и это чудо само явится к тебе на прием... Ой, не могу — насмешил, хоть и грешно смеяться в такой момент.

Ничего не понимающий Председатель мельком взглянул на голоэкран и только теперь заметил мигающий огонек вызова в левом нижнем краю сферы. Нетерпеливо ткнув в него пальцем, он увидел мелкий текст сообщения от Клавдия: «Первый комес посольства Александрии Полоний просит срочной аудиенции у Вашего превосходительства». Павлантий недоуменно поднял глаза на жреца Хроноса, а тот, все так же согнувшись от смеха, только махал рукой и шел к замаскированной в стене нише, за которой были покои Председателя — оттуда можно без помех слушать все, что происходит в зале Совета.

Аудиенции испрашивал архистратиг Полоний, по сути — глава разведки Александрии, одной из лучших тайных служб Конфедерации. Александрийцы компенсировали недостаточную военную мощь изощренностью своих шпионов, торговля информацией стала

¹ Гея — старинное, общепринятое на Гелионе название Земли.

одним из основных доходов этого полиса. Тамошний автарх сам когда-то был простым соглядатаем при дворе покойного Кандида, став правителем якобы согласно последней воле внезапно умершего вельможи. Следствие не обнаружило каких-либо следов «помощи» со стороны скромного и на тот момент очень тихого, благостно тупившего взор Феоктиста. Короче, все устроилось ко всеобщему удовольствию — скандала, а тем более войны никто не хотел.

Не раз и не два потом кусали локти все без исключения вельможи Семиградья, жалея, что замаяли историю с келейным переворотом в Александрии. Новый автарх оказался не так прост, как казалось сначала: уже через пару лет разведка этого полиса стала лучшей на всем континенте, уступая лишь Тавриде, да и то незначительно. А критский конфликт разразился во многом благодаря громкой кампании в прессе и на телевидении, развязанной медиакорпорацией «Папирус», через третьи руки принадлежавшей все тому же Феоктисту. После десятка провальных попыток покушения на жизнь автарха все приняли его новое положение, и Александрия стала не только светочем знаний. Благодаря обширнейшим базам данных, хранившимся в памяти «Минотавра», и двадцати лучшим на Элисии учебным заведениям, это было несложно. Феоктист сумел-таки утвердиться, добыть себе место в ряду сильнейших и влиятельнейших вельмож. Теперь с выскочкой-шпионом приходилось волей-неволей считаться.

Павлантий вызвал секретаря и велел пропустить александрийца в зал. Полоний — высокий, статный муж лет сорока на вид в скромном бежевом костюме-тройке, вошел не спеша. Увидев Председателя, с достоинством отвесил поясной, положенный по этикету поклон, произнес традиционное пожелание:

— Долгой и счастливой жизни, гражданин. Да покровительствуют тебе олимпийцы, светлейший автарх!

— Рад встрече, славный Полоний. Пусть боги Олимпа даруют и тебе безоблачных дней подолее, — откликнулся Павлантий, указывая жестом на кресло напротив своего, где еще совсем недавно сидел жрец бога времени. — Что привело тебя ко мне в столь неурочный час?

Александриец понимающе склонил голову и налил в бокал минеральной воды. Видимо, поручение было слишком деликатным, комес не решался вот так сразу заговорить, оттягивал начало разговора. Наконец, справившись с волнением, архистратиг заговорил ровным, хорошо поставленным баритоном:

— Прежде чем начать, позволь спросить тебя, почтенный Председатель, как продвигаются дела в споре с имперским послом Тамисом, готовы ли имперцы отступить от трех спорных областей и отвести войска?

— Твоему господину, как и тебе, впрочем, известно, что имперцы не согласились. Переговоры заморожены, Тамис завтра... — взглянув на часы терминала, Павлантий поморщился, — уже сегодня отбывает для консультаций в Гизу. Чего хочет от Совета твой господин, а, соглядатай?

Павлантий, сделав акцент на последнем, оскорбительном для комеса титуле, обозначил свое нетерпение. Полоний не обиделся, с легкой полуулыбкой поднял в защитном шутилом жесте обе ладони и, не меняя тона, ответил:

— Мира, о светлейший. Чего же еще может желать владетель столь малого и незащищенного народа, как наш? Армии и флотилии кораблей — это все есть и у других, а мы несем свет знаний...

— И вербуете воспитанников университетов и школ к себе в шпионы. Пятьдесят юношей уже отстранены от государственных и военных должностей после того, как вскрылось, что александрийский «Янус»¹ под разными предлогами сделал их своими агентами! Молчи, посланник, нет времени на пререкания и политесы, — оборвал Павлантий начавшего было оправдываться александрийца, стукнув кубком о стол, отчего капли

¹ «Янус» — александрийский разведывательный департамент.

рубиновой жидкости упали на зеленое сукно. — Время позднее, говори, что привело тебя ко мне, да побыстрее. Я устал.

— Мой господин автарх Феоктист просит дозволения выступить посредником между тобой и N67, — Полоний, несмотря на выдержку, не удержался и нервно сглотнул, — парламентаром и голосом царя Митридата, деспота Эвксина. Он в скором времени прибудет в Медиолантий в качестве посла с миссией от Бессмертного. Мы просто хотим предложить Совету свои услуги, никто не знает уловок синтетов¹ лучше нас. Пойми, о светлейший автарх, правду о полярных рудниках скоро узнают многие. В том числе и Флоксис со своими шакалами-триумвирами.

Павлантий отшатнулся от собеседника, откинулся на спинку кресла, как от удара в челюсть. Заключение противного богам союза с синтетами и их марионеткой Митридатом — это все равно, что говорить о воздержании от мяса голодному льву. Слушать и кивать он будет, но в конечном итоге все равно тобой закусит, когда пустые речи утомят хищника. Но как же быть с империей, если Феоктист через своего шпиона ясно дает понять: или Конфедерация примет помощь Митридата, или Александрия откроет всем истинное положение на альвиевых копиях и не исключено, что перейдет под руку Митридата? Имперцы, так или иначе, уничтожат ненавистный им «рассадник ереси» — так они именуют Александрию, и Феоктист это очень хорошо понимает, поэтому и вышел на представителей этого... существа, осквернившего само понятие «бессмертный». Что же хитрый александриец предложил Митридату от имени Конфедерации в обмен на союз? В любом случае выбора нет, нужно вновь созвать представителей олигархата.

Снова взяв себя в руки, Павлантий твердым голосом произнес, глядя александрийцу прямо в глаза:

— Совет соберется немедленно. Мы обсудим предложение твоего господина, более ничего не обещаю. Ступай, и да пребудет над тобой благословение олимпийцев.

Полоний понимающе улыбнулся. С плохо скрываемой иронией в голосе он произнес традиционную формулу прощания и удалился. Чуть погодя из-за отъехавшей в сторону декоративной панели с изображением сцен охоты на оленей вышел и снова оказался у стола жрец Хроноса. Председатель даже не посмотрел в его сторону, отдавая приказание секретарю о срочном созыве Совета. Софрон заговорил сам, и голос его не был веселым, как несколько минут назад, до визита посланника Феоктиста.

— Это единственный выход для нас, Павл. Войска синтетов — весомый аргумент в переговорах с империей. Флоксис не дурак, связываться с «бездушными» он не станет. Это даст нам время на подготовку...

— К чему? Только если собрать шмотки и семейство и отъехать к аргосскому диктатору в изгнание. Или ты говоришь об организованном отпоре, большой войне, как тридцать лет назад? Олигархи скорее принесут ключи от городов имперцам, нежели согласятся выдвинуть единого кандидата на роль командующего объединенной армией. И тебе это хорошо известно. Нас раздавят поодиночке, как и задумывали Флоксис и его триумвиры. Но и на пакт с Митридатом никто из автархов не пойдет — их свергнет собственный народ.

— Не надо преувеличивать ненависть демоса к синтетам. — Софрон вынул из внутреннего кармана пиджака плоскую «табулу»² и, вызвав небольшой голоэкрэн, начал водить пальцем по появившейся цветной таблице. — Феоктист уже год как готовит почву

¹ Синтеты — киборги, вымирающая раса, нашедшая пристанище и покровительство под рукой царя Тавриды Митридата Эвксинского после окончания войн Передела. Взамен они принесли царю клятву вечной верности и подарили возможность спастись от неизлечимой болезни кожи, а также составили костяк его армии, не уступающей по силе армиям Военной диктатуры Аргоса и войску империи Ра. После получения кибернетического протеза Митридат приказал именовать себя Бессмертным и казнил, объявляя личным врагом, всякого, кто усомнится.

² «Табула» — персональный коммуникатор.

для принятия союза с Митридатом. Его борзописцы внушают демосу Семиградья, что синтеты по крайней мере не страшнее рабского аксона в голове. Народ уже почти согласен — взгляни на рейтинги опросов.

— Ну, тогда нашим шпионам из департамента разведки нужно урезать денежные персоналии¹ ровно на треть, раз они проморгали заговор, раскинувший сети прямо у них под носом.

— Заговорами занимается контрразведка, старый друг, — снова улыбнулся Софрон, убирая «табулу» в карман. — Смирись, придется засунуть гордость и принципы подальше.

— А что это... ЭТО, — Председатель выделил последнее слово, которым обозначил Митридата, не желая произносить вслух титул святотатствующего безумца, — потребует от нас взамен? Душу в заклад, или наших юношей в их армию?! Три тысячи лет тварь дремала в своей норе под развалинами старого Эвксина. Нужно было еще два с четвертью века назад обрушить на этот проклятый остров всю нашу мощь. И мы еще сомневались, насмехались над калеккой, не помнящим родства. Теперь уже поздно, кадавр набрался сил, высасывая кровь Элисия... Боги карают нас за невежество, Стеф.

Неизбежность, о которой говорил жрец, злила Павлантия сверх всякой меры. Он понимал, что Софрон прав, но сознание не хотело смириться с лавиной фактов, которая обрушилась на Председателя.

— Митридат жаждет только одного — политической легитимности.

— Да?! А что потом?.. — Павлантий снова вскочил, но резкая боль в правом боку принудила автарха со стоном и ругательствами опуститься в кресло. — Чего еще захочет это древнее пугало, а, Стеф?!

Иерарх снова надел маску, и теперь его синтезированный баритон, каким говорят все жрецы Бога времени, зазвучал из-под маски особенно сухо и официально:

— Чего бы он ни захотел, Совет даст ему это. Собственно, я говорю сейчас от имени Олимпийского синклита. Жрецы всех богов приговорили — дайте Митридату то, что он просит, или Боги проклянут олигархию. Подчинитесь или уйдите.

Павлантия словно окатили холодной водой. Воистину, грядет эра перемен: жрецы никогда до нынешнего дня не осмеливались так дерзко говорить со светской властью, тем более противопоставлять себя ей. Наступило начало конца, Председатель буквально слышал, как дрожит и оседает фундамент с таким трудом взлелеянного равновесия. Мир рушился. Взяв себя в руки и выйдя из-за стола, он, чеканя каждое слово, произнес:

— Решать, что и кому дать, а что запретить, — прерогатива Совета олигархов. Я услышал мнение Синклита и доведу его до их сведения. Не задерживаю тебя, иерарх Стефаний, прощай.

Повисла долгая тягучая пауза, во время которой Софрон замер, словно борец-стасиец,² пропустивший смертельный удар. Впрочем, он быстро совладал с эмоциями, развернулся и, тяжело ступая, направился к выходу. Но на пороге, пока двери еще не разошлись в стороны, он обернулся и, отключив синтезатор речи, сказал уже спокойно:

— К чему этот пафос, старый друг? Сейчас не время цепляться за догмы, лучше пожертвовать малым, дабы избежать потери всего, что мы имеем. В любом случае ты будешь в меньшинстве. Прощай.

Павлантий ничего не ответил. Подойдя к окну, он прижался лбом к толстому стеклу и

¹ Персоналии — все средства и доходы государственных чиновников, в т. ч. военнослужащих и сотрудников аппарата милиции и спецслужб, зачисляются на персональный единый счет. Персоналии доступны для проверки органами контроля в любой момент, дабы избежать элементов коррупции среди госслужащих. Другие счета сотрудникам армии, милиции, органов юстиции, судов и прочих структур государственного подчинения иметь запрещается и карается смертью, а также конфискацией имущества. Система действует только в пределах Конфедерации Семи городов и Диктатуры Аргоса.

² Стасийская борьба — один из восьми олимпийских видов спорта. Внешне напоминает земной кикбоксинг, но включает в себя вариант боя с холодным оружием до смерти. Имеет свою профессиональную федерацию, популярен на Гелионе, как земные бои боксеров-профессионалов.

посмотрел на затягиваемое тучами темно-синее небо. На стекло упали первые тяжелые капли дождя, которые согнал прочь налетевший порывистый северо-западный ветер. Председатель ощутил себя особенно старым, и что самое противное — бессильным что-либо изменить. Грядущий день сулил спасение и гибель, но это опять-таки видел только он сам, да еще этот лукавый кадавр в стеклянной бочке с мутной влагой, которого все зовут Оракулом...

* * *

Временный лагерь диверсионной группы повстанцев EFPLK. 18 февраля 1990 года, 04:55 по местному времени. «Товарищ Мигель», он же Егор Шубин — военный советник.

...После марш-броска на пределе сил и возможностей мы вышли к схрону, оборудованному около полугода назад, как раз на такой поганый случай, как наш. Серебрянников находился в бессознании, синюшно-желтый оттенок его лица оптимизма не внушал. На жаре он продержится еще часов пять, потом придется по-тихому пристрелить, поскольку здешние места кишат паразитами, просто обожающими открытые полостные раны. Бинтовать не имело смысла, как, впрочем, и выжигать рану марганцовкой — спасти Батю от последствий не самого удачного ранения могли только срочная госпитализация с массивным применением антибиотиков и опытный хирург. Ни того ни другого у нас в наличии не было, а привал я сделал для того, чтобы дать отдых шатающимся от усталости и напряжения Дуге, Лису и Детонатору.

Мальчишка-проводник готов был топтать и дальше, настолько сильным было впечатление, которое на него произвели американские командос, а это без вопросов были амеры, только прикинутые как-то странно. За инопланетянами не послали бы вертушку, да и вооруженных пиндосской «молотилкой» М60 инопланетян можно увидеть лишь в плохих, амеровских же, видеофильмах. Похоже, что-то новенькое они там придумали, вот и прилетели проверить свое изобретение, так сказать, на натуре. Поставив в охранение Детонатора и Дугу, я посадил Лиса за рацию и велел во что бы то ни стало прорваться сквозь помехи и доложить о случившемся в Центр. Само собой, не в московский, поскольку все наши операции координировались местной резидентурой, сидевшей, по слухам, чуть ли не под носом у местной «интелигенция милитар» (военной разведки) и насквозь ленивой и гнилой полиции. Мух не ловили только наши американские «заклятые друзья», да их британские помощники, иногда серьезно осложняя жизнь нашим «пиджакам»¹ и тем, чья работа была еще опасней — пахарям артели «плаща и кинжала», нелегалам.

— Сова, есть связь, — вполголоса сообщил Лис.

— Сообщи, что столкнулись с превосходящими силами противника, вынуждены отойти в квадрат... — тут я, сверившись с картой, понял, что, в случае чего, от лагеря партизан мы всего в двух дневных переходах нашим теперешним темпом, — ...19'44. Подозреваем утечку, пусть пробьют по своим каналам. Запроси координаты точки встречи с группой обеспечения, сообщи о потерях и о том, что Батя серьезно ранен.

Лис кивнул и скороговоркой забормотал в микрофон. Потом, спустив наушники на шею, снова обернулся ко мне, вид у него был безразлично-усталый.

— Говорят, что нужно ждать результатов проверки еще три часа.

— Ладно, на быстрое решение я и не рассчитывал, такой форс-мажор, как наш, не каждый день случается. Собирайтесь, поднимемся выше по течению, там есть пара укромных пещер с родниками, там и затихаримся. Амеры, скорее всего, усиленно чешут эфир, могут натравить местных помощников, словить не словят, но побегать заставят. Не

¹ «Пиджак» — презрительное прозвище сотрудников внешней разведки, как правило, работающих под легальным прикрытием (дипломаты, журналисты, сотрудники торговых представительств и консульских служб). «Пиджакам» в случае провала или ошибки грозит только депортация, поэтому такие должности в среде профессионалов разведки особо не котируются. А среди настоящих полевых агентов, работающих нелегально, «пиджаков» просто презирают, наряду с сотрудниками, занимающими хозяйственно-административные должности.

хочу их развлекать, да и «тяжелый» у нас, для резких телодвижений момент сейчас неподходящий.

Лис кивнул и быстро собрал свое нелегкое хозяйство, а я высвистел обоих караульных и поставил задачу проводнику. Люди устали, а меня словно зарядили какой-то кипучей энергией — адреналин не отпускал, да и чуйка вещала, что не все еще кончено на сегодня. Вставив в автомат новый «рог» и мягко, без клацанья, передернув затвор, я пошел вперед, раздвигая заросли то стволом, то руками. Места, по которым мы ползли черепашным ходом, были самыми что ни на есть погаными: узкая тропка шла вверх под углом градусов сорок, а шаг в сторону означал нырок с высоты как минимум пяти метров по заросшим кустарником и лианами скалам. Пещеры тоже еще нужно было отыскать, поскольку все ориентиры в таких буераках меняются буквально на следующий день, как только вы оставите облюбованное для стоянки укромное местечко. Но Симон уверенно шел метрах в трех впереди и всем своим видом показывал, что с пути мы не собьемся. Батя уже не стонал, вырубившись, как только Дуга с Детонатором один раз нечаянно рванули носилки. Лицо подполковника напоминало посмертную гипсовую маску, крови он потерял много, да и паразиты скорее всего уже проникли в кровь и начали медленно убивать раненого.

До пещер добраться получилось ближе к одиннадцати часам утра, солнце стало ощутимо припекать, а мошара и дневные обитатели сельвы завели свой сводящий с ума монотонный концерт. Вход в новое укрытие имел в высоту полтора метра, зияя темным провалом, откуда несло стывшим ветерком. Ни в полный рост, ни тем более вдвоем протиснуться в узкую, заросшую плющом расщелину не удастся. Лис первым нырнул внутрь и через пять минут высунулся, показывая знаком, что все нормально. Втянуть носилки и разместиться получилось ближе к двенадцати дня, избежав начинающейся дикой и душной жары.

Пещера внутри напоминала полупустой мешок с развязанной горловиной: длинный и извилистый коридор заканчивался довольно просторным залом, в дальнем углу которого бил небольшой родник. Раненого разместили у западной стены таким образом, чтобы его не было заметно сразу от входа. Разместились все, вещи и оружие никто не бросил, суеты не было. Лис, едва глотнув воды из родника, сразу же сплюнул, чтобы не запороть дыхалку, и начал возиться с рацией, уйдя к выходу, чтобы вытянуть выносную шнуровую антенну. Детонатор и Дуга устало привалились к стене, усевшись на расстеленные синтетические подстилки.

Дождавшись, когда Лис вернется и подсветит мне фонариком, я сменил повязки на начавшей распространять сладковатый гнилостный запах дырке в животе Серебрянникова. Пулю удалось извлечь, но условия не располагали к самолечению, все чаще и чаще мне приходила в голову мысль, что вся эта возня — зряшное дело. При желтоватом свете карманного фонаря воспаленный участок кожи вокруг разреза выглядел особенно нехорошо. Закончив, я сполоснул руки в спирте из фляги, потом наконец добрался до родника и прополоскал рот, поскольку жажда была нестерпимой, и тут возникло еще одно дело, которое требовало личного участия. Подозвав Славку, я шепотом объяснил ситуацию:

— Трупы ребят нужно найти и спрятать. Я возвращаюсь, а вы сидите тут, ждите результатов проверки.

— Э! — Славка сморщил казавшееся в полумраке черным, как у старого негра с картинки, лицо. — Зачем один идешь? Там сейчас уже полно федералов, трупы если не вывезли, то уж точно сфотографировали и опознали.

— Отставить, — голос я никогда не повышаю, сказывается привычка обходиться без крика, очень полезная в профессиональном плане. — Даже если и есть там кто, то скорее всего, пара часовых с офицером. Вертушек слышно не было, а транспортный конвой вышлют не раньше, чем к полудню, ты это не хуже меня знаешь. Переправлюсь южнее и выше по течению, выну тела ребят и хорошенько их спрячу. Своих бросать нельзя, запомни это и никогда не забывай, лейтенант.

Детонатор потупился, вздулись и заходили под кожей желваки. Я пристыдил друга,

хотя и меньше всего желал, чтобы наш разговор шел по такому сценарию. Через мгновение веселый и обычно легкий в общении Детонатор молча кивнул, и уже хотел было уйти в свой угол, но я удержал друга, ухватив за плечо. Тот высвободился, но заметив, что и мне самому неловко, остановился, глядя куда-то в сторону.

— Слава, не время сейчас гонор показывать, давай по-взрослому, без соплей. Остаешься за старшего. Сидишь и слушаешь эфир. Я вернусь... — бросив взгляд на светящиеся стрелки черного с красной звездочкой циферблата «командирских» часов, я автоматически отметил время: — ...через пять часов. Если что-то пойдет не так — уходите в точку эвакуации, которую даст центр, это приказ.

— Почему один идешь?

Сил хватил только на то, чтобы пожать плечами. Как сказать другу, что с предшествовавшего выходу на задание вечера меня не отпускает необъяснимое чувство тревоги? Беда словно бы шла за нашим небольшим отрядом по пятам, имея в виду только мою грешную душу. Так уже случалось раз или два, но тогда не было под моим началом трех душ, одного зеленого пацана и умирающего командира. Стремясь взять весь удар ветра Судьбы, о котором говорила Анита, на себя, я хотел тем самым уберечь от бури остальных. Но вслух сказал:

— Потому что я тут самый крайний, пока Батя в отрубке. Береги его, постарайся донести живьем, лады?

Славка только согласно наклонил голову и ушел в дальний угол пещеры, сел на коврик, привалившись спиной к стене, устало прикрыл глаза. Прощание вышло жестким, но сейчас важно действовать быстро, пока федералы не опомнились и не стали рыть носом землю, понукаемые в хвост и в гриву своими американскими хозяевами.

Автомат я оставил, брать с собой ничего, кроме ножа, пистоля и легкой американской МСЛ, смысла не было. Прикрыть или как-то отвлечь противника не удалось, попытаюсь хоть похоронить тела ребят отдельно от местных. Это и почесть и, что самое главное, не даст амерам вывезти тела, чтобы потом козырять фотоснимками мертвых «русских командос» в местных и своих, «штатовских», газетах. Наполнил флягу свежей водой и наконец позволил себе выпить мелкими глотками немного; в этой воде не было паразитов, что встречается тут довольно редко. Симон говорит, что это из-за каких-то примесей в горной породе, через которую, как сквозь естественный фильтр, родник пробивает себе дорогу наверх. Обычно приходится пить обеззараженную воду, после которой остается мерзкое послевкусие и дико ноют почки. В голове почти сразу же прояснилось, и я, прислонившись к стене плечом, развернул планшет с картой, подсвечивая себе фонариком. Когда я уже почти нащупал подходящий маршрут, кто-то тронул меня за локоть. Оторвав взгляд от карты, я глянул через плечо. Это был наш парнишка-проводник. Неловко подбирая русские слова, Симон заговорил:

— Ты пойдешь назад, где был бой с демонами?

— Пойду, но это были не демоны. Ты что, учился плохо? Нет ни демонов, ни богов. Все зло и добро на земле только сами люди, амиго. Мистика тут ни при чем. Что ты хотел сказать?

Я перешел на испанский, чтобы не смущать пацана, поскольку его речь была невразумительна, но проводник упорно продолжал говорить на ломаном, чужом для него языке.

— В горах, есть канатный мост, дорога. Быстро быть на другой сторона... другой берег, час, может, два побережь. Могу показать. Мы пользовались им, очень быть давно. Вместе с мой братья. Давно, лет четыре-пять, никому не известно, кроме братья и мой... Меня.

Парень тыкал грязным пальцем с коротко обрезанным ногтем в карту. Выговорившись, он замолчал, с надеждой глядя мне в глаза. Сообщение выглядело любопытно, я задумался, прикидывая, как лишние полтора часа на дорогу смогут повлиять на уже вырисовывавшийся план акции. По всему получалось, что тогда удастся обойти выставленные посты и секреты федералов и избежать сложностей с переправой по речке с бурным течением. Что ни говори,

а ходить в мокрых шмотках очень не хотелось.

— Ладно, боец, — похлопал я по плечу Симона, который снова смутился и даже покраснел: добрые слова парню не часто случалось слышать от взрослых, — пойдем к твоему мосту...

— Нет мост... Канатный мост...

Парень шустро стал перебирать по воздуху руками, и я понял, что он имел ввиду. Значит, это просто трос, натянутый с одного берега на другой. Такие «мосты» часто используют в горах.

— Один хрен — дорога. Веди, время дорого.

— *Esto bien*,¹ — парень впервые за последние сутки улыбнулся, сверкнув двумя рядами белых зубов.

— Ну, вот и договорились. Только давай так, амиго: ты меня до дороги этой своей проводи и сразу обратно, понял?

— Я... Меня...

Улыбка и счастливый тон улетучились, и мне пришлось взять парнишку за плечи и, встряхнув, разъяснить ситуацию.

— Симон, ты солдат, воин. А воин не всегда делает то, что ему нравится, гораздо чаще просто выполняет скучные приказы командира. А командир сейчас я, и мой приказ будет такой: — Парень тут же рефлекторно подобрался и молча слушал, хотя обида, что его не считают способным, еще плескалась в глубине его глаз вместе с еле сдерживаемыми слезами. — Проводишь меня, вернешься в пещеру и во что бы то ни стало выведешь остальных туда, куда прикажет команданте Ставо. Задача ясна?

— Так точно, ясна, — парнишка украдкой смахнул предательски блестящую на ресницах влагу и утвердительно мотнул головой.

— Вот и отлично. А теперь пошли, солнце уже высоко.

Спустя каких-то минут сорок, постоянно рискуя сверзиться на гладкие глыбы каменистого берега реки, еще недавно бывшей пусть и строптивым, но неглубоким ручьем, мы вышли к вершине скалы. Симон аккуратно, чтобы не повредить дерн, отвалил замшелый камень на краю скального выступа и, запустив руку по локоть в открывшееся углубление, вытянул оттуда трос. Он продел один его конец в не замеченный мной сразу барабан лебедки, который извлек из-под другой ничем не примечательной кучки камней. Вся система была устроена таким образом, чтобы за пару минут переправиться и ликвидировать следы своего пребывания. Такой трос мог выдержать солидную нагрузку, пользовались им регулярно: скорее всего, братья Симона тягали по «канатке» всякий ценный груз, но это меня не касалось. Взявшись за хитро скрученную восьмеркой ручку, я проверил, как она ходит по тросу, и, кивнув парню на прощание, скользнул вниз. Полет получился не таким уж и стремительным, пару раз пришлось чуть дернуть за ручку, как только скольжение замедлялось. Но другого берега достигнуть удалось быстро и, судя по отсутствию пальбы и «комитета по встрече», практически незаметно для кого-либо. Спрятав ручку транспортера, как и сказал Симон, под ствол поваленного ветром дерева, отряхнувшись и поправив снарягу, я начал спуск вниз по течению, чтобы выйти в уже знакомые места.

Заросли по мере удаления от скал становились гуще, солнце скрылось, уступив место привычному полумраку. Когда до цели оставалось чуть меньше пяти километров, я замер и прислушался. Вроде все было как обычно: галдели птицы и... я услышал шум воды в отдалении. Водопад. Первая мысль была о том, что сначала следовало бы осмотреть место возле водопада. Федералы наверняка получат приказ собрать тела своих, а ведь именно оттуда мы в первый раз услышали стрельбу и взрывы. Нужно пробраться к водопаду первым и осмотреть там все как можно тщательнее, важна любая информация о произошедшем. Но на месте расстрелянного каравана тоже железно кто-то уже должен быть, поскольку основной бой и последующая эвакуация десанта происходили именно там. Скорее всего,

¹ Хорошо (*исп.*).

сейчас там оставили пару-тройку часовых, чтобы потом, уже не торопясь, собрать трофеи и все задокументировать.

Вот этим нужно воспользоваться, потому как если расклад именно таков, то я без помех подчищу наши следы, и тогда пиндосы с прихлебателями ни черта не найдут. Взяв левее к востоку, я длинными перебежками рванул к месту боя. Через час быстрого бега впереди показались выкошенные взрывами солидного размера просеки, и я понял, что добрался.

Но сначала нужно было выяснить, откуда пришли те странные амеры, от которых нам еле удалось уйти. Сверившись с картой, я повернул на юг, имея в качестве ориентира водопад Эль-Кристалино, чтобы обойти его с северо-восточной стороны и выйти на пересечение трех самых больших троп в этом районе. В свое время мы пару раз караулили в здешних местах, на тропках, которые зверье протоптало к водопаю. Стерегли мы как местных командос, так и их штатовских учителей. В обоих случаях все прошло без видимых результатов: пиндосы наскочили на оставленные Славкой «сюрпризы», но и только, — трупы они забрали с собой, и с тех пор мы больше в этих местах не пересекались. Несмотря на то, что местный колорит мне не особо нравится, есть и тут красивые места. Вроде этого шумного потока воды, падающего с высоты двадцати пяти метров.

Выйдя к берегу небольшого озерца, образованного падающей с приличной высоты водой, я осмотрелся и, не обнаружив явного присутствия засады, начал обходить озеро с северо-востока. Времени на подробный осмотр места, откуда предположительно явились эти гады, естественно, не было, но я примерно представлял, что случилось. Скорее всего, амеры напоролись на неизвестную группу диверсантов или федералов. Потом был бой, отголоски которого я и слышал, причем постреляться вполне могли свои со своими, в нашем ремесле это обычное дело. Сколько раз происходило следующее: одна группа выходит в патрулирование, обнаруживает следы непонятно кого в зоне ответственности и устраивает на предполагаемого противника засаду. Другая группа, независимо от первой, вполне возможно, даже из соседней части, шарится в чужом секторе, банально сбившись с пути. Причем друг о друге парни ничего не знают, не рассчитывая вообще встретить кого-нибудь из своих. Потом одни попадают в засаду, а другие узнают о том, что вышла промашка, уже на досмотре трупов. В двух случаях из трех промашку скрывают от командования, чтобы избежать неприятных для себя последствий. Редко когда правда выплывает наружу, обычно все списывается на противника, и, в конечном итоге, так и должно быть.

Никто не виновен, что выстрелил первым, потому что раздумья могут стоять тебе и твоим товарищам жизни. Все сводится к формуле: либо ты, либо тебя, что в принципе вполне закономерно, хотя и звучит дико с точки зрения обывателя. Противник в такой войне — это не идущий в полный рост под боевым штандартом пехотинец с ясно видимыми знаками различия и знакомым оружием. Враг незаметен, быстр и хитер. В лучшем случае успеваешь разглядеть смазанный силуэт, увидеть тень, отбрасываемую кем-то, осторожно перемещающимся от укрытия к укрытию. Может быть, это просто дикий зверь, но чаще всего — именно враг. Зевнешь, и вот уже он, а не ты осматривает быстро остывающий труп с остекленевшим, остановившимся взглядом. Это ты, мертвый и уже безразличный к происходящему, становишься галочкой в чьем-то рапорте, сухой цифрой в активе более удачливого противника. Короче, прав на такой войне тот, кто выжил, а мертвые... Им уже безразличны игры живых — их ждет покой...

Спустя полчаса я вышел на место боестолкновения, тут все еще было не тронут человеком, только порезвились падальщики и насекомые. Все подтвердилось: группа из шести человек пришла с северо-запада и устроила засаду. Ребята грамотно поставили пару противопехоток, а сами засели так, чтобы любой, кто пойдет по тропе с юго-запада, подставится под атаку в левый фланг и с тыла. Судя по направлению атаки, ждали кого-то из наших коллег, поскольку только так можно выбить звено управления группой у тех, кого обучали, к примеру, Батя или я сам. Я осмотрел оружие, обувь, и картина заиграла новыми красками: передо мной в разной степени разложения лежали тушки людей из группы моего

«злейшего друга» — лейтенанта Гарсиа. А вот и сам он, перерубленный пулеметной очередью почти надвое. Тот, кто это сделал, даже толком не остановился и расстрелял людей битого, опытного пиндоса, словно в тире. И заняло все представление около десяти секунд, потом странный противник американцев отправился по наши души. Но вот растяжек эти суперсолдаты не заметили, сначала «суперы», как для простоты я их стал называть, намотали на себя обе мины, поставленные людьми покойного лейтенанта. Скорее всего, не заметили они мины только из-за скорости, с которой перемещались, то есть километров сорок в час, а может, и все шестьдесят.

Но что мне запомнилось из моего сумбурного знакомства с «суперами», так это их необычайные зоркость и слух. Выходит, они ВИДЕЛИ людей Гарсиа и сначала нападать не хотели? Бред, но судя по следам, получается именно так: увидели, сблизилась, огня открывать не стали, и лишь подорвавшись на минах... Нет, все равно бред, оставим размышления на более спокойное время, а сейчас нужно уходить. Сориентировавшись по направлению, я оставил все нетронутым, лишь собрал оружие и боеприпасы, в две ходки утопив все под водопадом. На возню времени не было, просто погнул стволы и постарался бросить в самое глубокое место озера. Глянув на часы, понял, что выбиваюсь из графика, и припустил рысью. Уже отбежав на приличное расстояние, услышал, что с места гибели амеровских диверсантов доносятся отрывистые команды на испанском. Следовало поторапливаться.

Успокоив дыхание и вынув пистолет, стал осторожно продвигаться в сторону реки, поскольку именно там развернулись основные события минувшей ночи. Пройдя метров сто на восток, я присел у ржавого остова какого-то грузовика, оплетенного лианами практически целиком и напоминавшего необычной формы валун. Хотя, вообще-то, в любом лесу творения человеческих рук, даже спустя годы, выдают себя слишком правильными очертаниями, не сливаются они с тем, что придумала мать-природа. Рыдван, у которого я затаился, был когда-то средних габаритов пикапом небесно-голубого цвета, судя по пятнам слезшей лет двадцать тому назад краски. Сидя у правой передней стойки, я внимательно осмотрел место боя.

Стоп, вот оно: часовой... Нет, их трое. Одного просто трудней обнаружить, а этот — здоровенный мужик в полной выкладке, с потертым «паратрупером»¹ наперевес. Навздевал парень на себя почти все, что положено по усиленному варианту: «разгрузка» оливковой расцветки топорщилась от напиханных магазинов к винтовке, слева на поясе, почти у самой пряжки, черная массивная кобура с пистолем, скорее всего это «кольт» девятьсот одиннадцатого года. Только вместо каски этот шкаф, обвешанный оружием, носил обычное кепи с длинным козырьком, теперь надетое задом наперед, в подражание американцам. Также, как и его заграничные «братья», этот конкретный вояка перемалывал массивными челюстями «бабл гам», не забывая при этом окидывать все вокруг пристальным взглядом исподлобья.

Двое его товарищей, одетых более легко и оставивших оружие сваленным в куче у ног бдящего «человека-горы», обыскивали покойников, сортировали их и складывали в две шеренги, стараясь, чтобы трупы не особо глодала мошकारа, роившаяся над раздувшимися и посиневшими телами. Своих я узнал сразу: три тела федералы оттащили в сторону и запаковали в пластиковые мешки. Так, все понятно: вывезут на базу и попытаются идентифицировать. Нужно спешить, пока не пришел транспорт и те двое заняты шмоном.

Убрав пистолет в кобуру, я вынул из кармашка удавку и, осторожно обходя здоровяка справа по дуге, стал подкрадываться к нему сзади. Стрелять в такого детину или совать ему нож под лопатку не имело смысла: парень был здоровым как бык и, вполне возможно, успел

¹ FN FAL 50.63 (Fusil Automatique Leger — Легкая Автоматическая Винтовка) «Paratrooper» — автомат, производился по лицензии в некоторых странах Латинской Америки, поставлялся в большинство стран региона, в т. ч. и в Колумбию. Данная модификация стоит на вооружении парашютно-десантных войск. ТТХ: калибр — 7,62 мм НАТО (7,62 x 51), длина — 990/736 мм, длина ствола — 431 мм, масса — 3,77 кг (без патронов), магазин — 20 патронов, темп стрельбы — 650–700 выстр./мин.

бы вскрикнуть, предупредив своих корыстолюбивых приятелей, а тогда шума не избежать. Удавка у меня самая обычная, из рояльной струны, закрепленной на двух ручках, которые выстрегал сам, подгоняя по руке. Учился я искусству обращения с этим видом оружия все у того же веселого дядьки из подмосковного учебного центра. Самое главное, внушал нам этот седой как лунь крепыш, не смотреть на цель пристально, чтобы человек не смог почувствовать ваш взгляд; нужно быстро накинуть удавку и провести прием. Только в этом случае жертва не успеет крикнуть или оказать сопротивление. Огнестрельное оружие, даже глушеное, при снятии часового не дает нужного результата, и остается только этот способ, самый действенный и безотказный. Стрельба в нашем деле — это вообще крайний случай. Майор рекомендовал именно рояльную струну, чтобы крови из тушки вытекло как можно меньше или не было вовсе. Спрятанный труп не так скоро обнаружат, а вот пролитую кровь собачки, к примеру, могут чуют за три километра.

Состав, которым я обмазался перед выходом из пещеры, стал подтекать, и на меня тут же набросилась мошкара. Чихнуть или хлопнуть себя по лицу не было никакой возможности, вообще все движения мои совершались пофазно, чтобы ни звуком, ни запахом себя не обнаружить. Спина бугая-федерала уже была в каких-то пятнадцати метрах. Шаг за шагом я подкрадывался все ближе и ближе, вот уже стали слышны голоса обоих напарников часового:

— Анхель, посмотри, я золотой крест нашел. Завтра гульнем в «Арриве»!..

Еще два шага, и я чую запах пота, оружейной смазки и разогретой солнцем кожи ременной сбруи часового.

— Везет тебе, у меня только мелкие деньги да пара коронок зубных, особо не разгуляешься. Крест-то хоть правда золотой?..

Вот и последний шаг. Накидываю удавку и с поворотом корпуса назад тяну ручки на себя. Тело противника напряглось, руки взметнулись к горлу, перехваченному струной. Я проходил тренинг по освобождению от такого захвата, поэтому точно знаю, что чувствует сейчас бедолага: в голове стучит прилившая к вискам кровь, темнота пеленой застит глаза, а стук сердца заглушает все остальные звуки вокруг. В последний раз дергаю ручки на себя, враг выпускает еле слышный вздох. Финиш. Прижмурился. Отступаю влево и в сторону. Тело часового обмякло, запахло мочой и экскрементами — дело сделано. Не снимая удавки, оттащил тело метров на десять в заросли. Спрятав удавку и замаскировав тело, прислушался: отсутствие громы никто пока не обнаружил. Сделав пару дыхательных упражнений, закидал труп стеблями какого-то папоротника с широкими листьями. Здоровый все же лось мне попался, килограммов сто пятьдесят живого веса, никак не меньше.

Достал банку с пахнущей болотной тиной мазью и подновил маскировку в тех местах, где на коже остались разводы — проклятая роса все же сделала свое черное дело, кожа от укусов пошла волдырями и вздулась. Утренняя роса в сельве — это не совсем вода: масса всякой дряни оседает на траве. Пыльца растений делает простую воду малоприспособленной для питья, выпьешь такой водички, и личинки какого-нибудь паразита сожрут тебя изнутри за несколько дней. Закончив с наведением марафета, я вынул ПБ и вернулся на просеку. Мародеры все так же увлеченно шмонали трупы, не оглядываясь на то место, где свалено их оружие и должен был стоять их бдящий товарищ. Теперь можно работать совершенно спокойно, и даже если бы в руках у меня был обычный, а не специальный пистолет, расстрелять двух любителей падали с расстояния десятка метров — дело совсем не сложное.

Одного, которого звали Анхель, я приложил выстрелом в затылок как раз в тот момент, когда он ползал на карачках, нисколько не реагируя на гнилостный запах трупа, с которого этот добрый молодец стягивал совсем новые «берцы». Так и не успев походить в обновке, Анхель ткнулся лицом в разбухший живот покойника. Второй «везунчик», нашедший крест, успел-таки обернуться и даже попытался задать стрекача, но две пули в спину заставили его упасть ничком в траву.

Спрятав пистоль в кобуру, я осмотрел трупы мародеров, чтобы убедиться, что те не прихватили чего-нибудь из вещей ребят, но ничего не обнаружил. Оттащив тела обоих

любителей наживы к удушенному, привел в негодность их оружие и прикрыл тела стеблями кустарника с резким, сильным запахом. Теперь, если возьмется за поиски, то без собачек им не обойтись. Это растение показал мне колдун, которого я вылечил от радикулита. Криво ухмыляясь во весь свой беззубый рот с черными от жевания коки губами, старик объяснил на ломаном испанском, что стебли надо срезать у самых корней, тогда они отбивают даже запах крови. Колдун сопровождал свою лекцию величавыми жестами рук, скрюченных артритом. Выглядело все очень зловеще — старичок был непростой.

Тела ребят я вынул из мешков, морщась от тяжелого трупного запаха, убедился, что это действительно они, и запихнул в мешки три трупа из выложенных рядом местных покойников. Вся операция заняла около получаса, но никто меня не побеспокоил. Своих я на руках перенес к воде и, опять же, перенятым у индейцев способом заныкал в стволах двух деревьев с выеденным нутром. С виду стволы были совершенно целыми, выдавали изъяс только желтоватый цвет коры и какие-то кусты с желтыми цветами, которые всегда растут рядом. Расковыривать углубления в таких деревьях — все равно что резать картон, поэтому занятие было не особо затратным по времени, я управился за час с небольшим. Получилось знатно: щели я замаскировал мхом и лианами, которые за сутки примутся на новом месте, и ребят уже никто не потревожит.

Возвращаться к канатной дороге было нельзя, скоро трупы солдат так или иначе обнаружат. Потом начнут шерстить окрестности, и вполне вероятно, что мой след отыщут тоже. Сверившись с картой и пройдя метров четыреста вниз по течению, я вышел к тому месту, где оно было не таким бурным, поскольку ручей круто поворачивал на юго-восток. Течением меня сносило влево, даже простая речная вода хотела убить, поглотить чужака целиком, чтобы не осталось от него даже малого следа. Потоки желтой ледяной воды захлестывали меня, стараясь сшибить с ног, вынести на огромные скользкие валуны. Наконец, спустя двадцать томительных минут борьбы с холодной, пробирающей до костного мозга водой, мне удалось выбраться на берег. Отплевавшись, я сел в густой тени зарослей и осмотрел пистолет. На такой случай у меня всегда имеется сухая ветошь в полиэтиленовом пакете. Смазка не даст влаге превратиться в ржавчину, но это непременно случится, если воду вовремя не удалить, и тогда в нужный момент выстрела может и не произойти. Удалив влагу и собрав ПБ, отжал куртку и штаны, вынул из «берцев» пучки жухлых мертвых корней, которыми их туго набил. Корни эти почти повсеместно свисали с деревьев желто-коричневыми длинными патлами, вполне подходя на роль губки. Хотя боты и считаются непромокаемыми, но после такой переправы нужно сушить и их, а также осмотреть одежду на случай, если какая-нибудь водоплавающая живность проникла в ее складки. К счастью, ничего серьезного не обнаружилось, и через двадцать минут я уже уверенно шел к пещерам.

Пришлось дать крюк, обходя стороной те места, где мы проходили в первый раз. Делал я это уже чисто автоматически, чтобы, когда начнутся активные поиски уцелевших, не было даже намека на то, что кто-то шел в том же направлении еще раз. Труднее всего выдерживать направление, когда нет солнца или звезд, то есть естественных ориентиров, потому что их практически не видно из-за нависающих над головой крон деревьев. Часто приходилось петлять, возвращаться по своим следам на то место, которое прошел минут десять назад. Наконец, после почти трехчасового марш-броска по душным и влажным зарослям, я достиг пещер.

Когда до лагеря оставалось метров сто, слева сзади из-за дерева выступил Дуга и махнул рукой в знак приветствия. Повезло — ребята еще не ушли. Кивнув в ответ, я протиснулся в пещеру. Сразу стало прохладно, даже озноб прохватил от резкого перепада температур. Ничего здесь особо не изменилось, только, пересчитав бойцов, я не обнаружил Пако. Куда запропастился этот жирный увалень, еще предстояло выяснить, но сейчас были дела поважнее. Подойдя к склонившемуся над рацией Лису, я тронул радиста за плечо, тот вздрогнул, отпрянул от зеленого короба передатчика, но, узнав меня, расслабился и, сняв наушник, начал шепотом докладывать:

— Центр вышел на связь десять минут назад, командир. Приказано в лагерь Рауля не

возвращаться, идти в точку randevu 17'44.

— Это у партизан утекло?

— Айвор не знает, приказано выйти в квадрат и ждать вертушку.

— Спятели они там в городе: сейчас все вокруг начнут шерстить федералы, вертушке не дадут добро на взлет, небо закроют для гражданских.

Лис пожал плечами, как бы говоря, что все понятно, но раз приказано, то наверняка резидент, которого мне представляли только заочно и под псевдонимом Айвор, может знать больше нас. Возможно, так оно и было, но что можно разглядеть из уютной квартирки в богатом районе Картахены? Но приказ есть приказ, поэтому я кивнул:

— Дай Айвору подтверждение, сообщи, что ориентировочное время выхода группы в точку randevu — четыре часа, а контрольный срок — семь.

— Есть.

— Славка где?

Радист снял наушники и, избегая смотреть мне прямо в глаза, начал рассказывать:

— Пошел идиота этого жирного искать, сбежал крестник Рауля. Через час после твоего ухода. Срать попросился, а там пацаненку этому, Симону, прикладом автомата в зубы сунул и дал деру. Славка, когда пацан весь в кровавых соплях приполз и мы поняли, чего он лопочет, на поиски отправился.

— Ждать его не будем. Оставь метку в обычном месте у входа в пещеру и готовься к выходу. Времени мало, скоро квадрат начнут шерстить, нужно быстро убираться отсюда. Как Батя?

— Хуже не стало, но в сознание не приходит, боюсь, растрясем его снова, да жара эта...

— По-другому нельзя, вертушка — его последний шанс. Все, звони начальству, а потом начинай шустро собирать манатки.

То, что тихоня Пако удрал, было не слишком хорошей новостью, поскольку поймать этого увальня, похожего на хомяка Хому из мультика, мог не только Славка. Если федералы или конкуренты Рауля отловят его первыми, нам гарантирована утечка об инциденте во время засады. Детонатор — отличный подрывник, но следопыт из него так себе, поэтому результат погони мог обернуться не в нашу пользу с большой долей вероятности. Сборы заняли минут десять, следы нашего пребывания в пещере мы тщательно уничтожили, а под валуном у входа Лис оставил автоматную ржавую гильзу. Внутри гильзы, само собой, ничего не было. Это только в кино разведчик доверяет бумаге какие-то сведения, в жизни все иначе: контрольных точек, куда группа может выйти после завершения операции, всегда несколько, и все координаты каждый диверс знает наизусть. Для каждого такого места у нас был оговорен свой условный сигнал, в данном случае это была автоматная «ржавка». Славка найдет гильзу и точно будет знать, куда ему идти, а вот следопыт федералов просто пройдет мимо, гильз в лесу полно.

Мы вышли из пещеры ближе к семнадцати часам, когда жара стала совершенно нестерпима и изматывающая душная влажность не давала свободно дышать. Казалось, что у тебя вдруг отросли жабры и кислород приходится добывать из почти оседаемой водяной взвеси. Еще полгода назад в такой обстановке я не смог бы даже думать, а тем более вести любую осмысленную деятельность. Но ко всему можно привыкнуть, поэтому сейчас я шел, придерживая передний край носилок, и прокачивал ситуацию.

То, что нас сдал кто-то в лагере Рауля, теперь не выглядело таким уж самоочевидным фактом, поскольку действия нашего нового противника свидетельствовали о том, что хоть и шли они к месту засады, но про нас не знали наверняка. Любой мало-мальски понимающий оперативник смекнет, что груз захотят отбить. Для этой цели караван и сопровождали американские диверсы, но ждали они нас со стороны водопада, что вполне логично. «Суперы» же вышли в район операции по своим собственным наводкам, имея целью поиск и уничтожение любого, кто подходит под определение «партизан». Скорее всего, не случись этим козлам собрать на себя все мины и постреляться с группой Гарсиа, мы бы успешно

исполнили задуманное Батей и ушли. Но Айвор-то этого знать не может, поэтому и давит на все кнопки, стараясь уберечь остатки отряда от окончательного уничтожения, да и Батя для них очень ценен из-за своих местных связей. Безусловно, его хотят вытащить любой ценой, это ясно как день.

Впереди шел Симон. Парень очень переживал, что не смог прищучить беглеца, и старался не смотреть нам в глаза. Он вообразил, будто суровые русские считают и его трусом, отчего замкнулся, отвечал на все вопросы односложно, иногда не попадал, но вел нас грамотно. Наш маршрут пролегал вдоль стены заросшего лианами и всякой зеленой пакостью ущелья, образовывавшей невысокие склоны чуть выше сухого русла протекавшей тут когда-то давно реки. Причем лианы росли даже на высоте сотни метров над землей. Случись федералам попробовать искать нас с помощью вертолетов, то тут винтокрылым машинам просто негде маневрировать. А растительность у земли такая густая, что со склонов, поросших деревьями, вряд ли возможно разглядеть, кто или что движется по пересохшему руслу. Но за все нужно платить, и наша скорость на марше упала до смешных полутора километров в час. Кое-где заросли становились совершенно непроходимыми, и приходилось прорубать себе дорогу, оставляя пусть и не большую, но подсказку возможным преследователям. И так час за часом. Мы только раз остановились на дневку, хотя сумерки уже начали превращаться в непроглядную ночную тьму и нужно было поторапливаться. Ко мне подошел Лис и зашептал:

— Сова, Батя совсем плох. Рана загнивает, и чую, что жить ему осталось часов пять. Даже если и донесем... Помрет он.

— Предлагаешь пристрелить его и пойти дальше налегке? — Я намеренно произнес эту фразу, зная, что Лис разозлится. Но только так можно было привести бойца в чувство.

— Ты че, упал?!

— Вот и закройся, коли так. Без тебя знаю, что можем не донести. Батя бы никого не бросил, до последнего тащил бы.

— Да я... — Лис вскочил и, сжав кулаки, почти с ненавистью вытаращил на меня свои серые, с желтыми крапинками зенки.

— Мы разведчики, Лис. Нам многое дано, но и многое с нас спрашивается. Наша задача — вытащить командира. Поэтому перебинтуй его, почисти и прижги рану, а потом потащим дальше. Больше мы ничего сделать не можем, но что можем — то будем делать до упора, это ясно?

— Да. Прости, командир, на нервах все... Он... Батя мне как отец почти, — Лис отвернулся и, смотря куда-то в сторону, пробормотал: — Мой-то от водки сгорел три года назад. А Батя...

Он махнул рукой и ушел к раненому. Дуга, все слышавший, поймал мой случайный взгляд и передернул затвор пулемета, который осматривал, как только выдавалась свободная минута. Ему ничего говорить было не нужно, он побывал в положении Серебрянникова еще до моего прихода в отряд, когда его, с простреленной ногой, тащили на себе все тот же Серебрянников и погибший вчера Юра Грач. Даже мертвым нужно внимание живых, ибо грань между нами, оставшимися здесь, и ушедшими за нее слишком тонка. Любой миг в нашей жизни может стать последним, и все это понимают, но не каждый способен примириться и жить с таким знанием.

Симон вел нас вдоль северного склона ущелья, чтобы избежать любой вероятности обнаружения с воздуха. Сумерки быстро окутывали сельву, и скоро стало совсем трудно различать, куда ступаешь. В очередной раз избежав попадания ноги в заросшую травой и оттого еще более коварную щель меж камнями, я добрым словом помянул шамана Родриго. Старый хрыч долго орал на нас, плюясь коричневой от табака слюной и скаля пеньки гнилых зубов, а лицо его при этом становилось похожим на печеную картофелину, ожившую по воле какого-нибудь злого волшебника. Шаман натаскивал бестолковых гринго в искусстве ходьбы по местным лесам, рассказывал и показывал, как следует двигаться, на что обращать внимание, в общем, учил нас выживать. Со мной у него было меньше всего проблем, именно

тогда мы и сошлись: старик заметил, что я правильно ставлю ногу — с носка на пятку. Потом, уже вечером, Родриго пришел к нам в барак вместе с Анитой, которая немного говорила по-русски, и стал выпрашивать, откуда гринго с мертвыми, словно речные камни, глазами знает лесные обычаи.

Потом было еще много встреч. Колдун, раскрыв рот, слушал о снежных зимах, трескучих морозах моей Родины и о звенящих на пятидесятиградусном холоде деревьях. Снова и снова он просил повторить рассказ о северном сиянии, которое мне самому довелось видеть всего пару раз в жизни. Взамен старик учил меня ориентироваться в местной «тайге», слушать и разбирать нюансы в симфонии джунглей, какую дичь и траву можно есть, а что лучше скормить врагу.

Только благодаря науке, преподанной Родриго, я услышал сейчас, что звуки леса изменились, стали более беспокойными, а метрах в семидесяти позади нас затрещали заросли и в воздух вспорхнула небольшая стайка птиц. Передав край носилок Лису, я сошел с тропы и стал всматриваться в темноту. Но что можно рассмотреть в такой темноте? Пришлось включить «ночник» и поводить стволом по секторам: у черных (а при дневном свете — серых) птах были яркие полосы на крыльях. Они светились в темноте! Я усмехнулся, узнавая своих маленьких помощников. Более всего внешне и по размеру они были похожи на канареек, но совершенно серых, с черно-зеленой каймой на обратной стороне крыльев. Именно по этому характерному рисунку я их узнал.

Этих птиц тоже показал мне шаман и назвал их «лос хучичеррос»,¹ они раньше всех чувствовали приближение людей, но очень быстро возвращались в свои гнезда. Шептуны могут спокойно пропустить мимо ломящегося сквозь заросли кабана, но обязательно запаникуют, если заметят того, кто крадется, разумно полагая, что враг не всегда тот, кто шумит. Вот и на этот раз птиц всполошил некто, крадущийся по руслу бежавшей тут когда-то реки. Я вскинул свободную руку и дал своим сигнал остановиться. Симон, возглавлявший наш отряд и не видевший моего жеста, прошел еще метров двадцать вперед и, вернувшись, шепотом осведомился, в чем дело. Оставив носилки с раненым возле замшелых валунов, мы устроили короткое совещание.

— Метрах в ста позади кто-то идет, но вряд ли они ищут конкретно нас. И это не федералы. Шептуны даже не вспорхнут, когда солдатня ломится по джунглям. Это кто-то очень осторожный и грамотный. Симон, сбегай и аккуратно осмотришь там. Увидишь кого — сразу назад, понял?

Симон энергично закивал в знак согласия и побежал назад, осмотреть тропу, идущую чуть западнее и ниже нашего маршрута. Если чужаки идут по высохшему руслу, он их непременно заметит. Воспользовавшись передышкой, бойцы осмотрели оружие, привели себя в порядок. Лис обновил повязки у бледного, похожего на восковую куклу Серебрянникова. Радист хмурился, видимо, подполковник был совсем плох. Я снова включил «ночник» и снова стал осматривать окрестности. Как и ожидалось, ничего не обнаружил, но зато мне раньше всех удалось разглядеть петляющего между высокими и тонкими стволами деревьев Симона. Парень ловко перемещался в зарослях, облепивших склоны ущелья. Корни деревьев разрыхляли почву и дробили камень, отчего под подошвами осыпался мелкий щебень, стоило только неосторожно поставить ногу. Как для противника, так и для нас данная особенность рельефа могла сыграть злую шутку: противник мог получить самое очевидное преимущество при нападении — он будет предупрежден.

Симон, приблизившись, зашептал, мешая испанские и русские слова:

— Восемь человек, это «дестино специаль»,² я точно рассмотрел. У них оружие гринго, одеты как американцы, но не они, это точно.

— С чего ты так решил? Кругом темно, как у негра... — тут я осекся, поняв что парень

¹ Шептуны (*исп.*) .

² Спецназовцы (*исп.*).

не поймет метафоры. — Короче, хоть глаз выколи.

— Нет, команданте, одноглазых не видел. Но они ругались по-нашему, совсем тихо, но я слышал. Гринго так не умеют, — парень улыбнулся, — ну, кроме команданте Ставо.

— Хорошо. Как думаешь, куда они идут?

— Идут перекрыть тропу, ведущую к лесу, больше им тут нечего делать. Наших следов они не заметили, слишком темно.

Я усмехнулся: парнишка все верно смекнул. Нас они и впрямь не ищут, просто выбросили десант где-то неподалеку от входа в ущелье, а еще одна группа идет навстречу с другого конца. Видимо, трупы троих незадачливых любителей пожить за счет покойников уже обнаружены. Вряд ли нашли мои следы, если только не наняли кого-то из индейцев. Поэтому косяка я за собой не видел, федералы всего лишь проверяли возможные маршруты, которыми мы могли бы отходить от переправы. Но, так или иначе, придется разбираться с возникшей проблемой, и сделать это надо как можно быстрее. Я подозвал обоих бойцов и кратко изложил ситуацию, затем поставил задачу:

— Сюда идут местные спецы, группа — восемь голов, направляются к выходу из ущелья. Возможно, им навстречу идет точно такая же. Разобраться нужно быстро и по возможности тихо. Лис, ты на северный склон, там, метрах в десяти от тропы, заросли особенно густые. Пропусти головной дозор, а потом работай гранатами. Сколько их у тебя?

— Три «эмки». Больше ничего не осталось, все Славке отдал.

— Должно хватить. Теперь ты, Дуга. Сядешь чуть выше, вон у тех валунов, от них до позиции Лиса будет сто метров, обзор там хороший, градусов шестьдесят, не меньше. Как только он отработает, ударишь по оставшимся. Я подхвачу, зайду с тыла. Думаю, справимся. Вопросы? — Никто не возразил, план был неплох, поскольку нападения противник не ожидал. — Вот и отлично. Батю и молодого спрячем тут, вон в камнях ниша есть, вполне сгодится. Напоминаю: сигнал для всех — последний взрыв гранаты Лиса. Все. Работаем!..

Через пять минут все было уже на мази, а о недавнем нашем присутствии ничто не напоминало. От классической засады наша отличалась отсутствием минных закладок на пути следования федералов. Часто закладки скорее мешают, нежели дают преимущество при нападении. Памятен случай, когда высланная противником дозорная группа обнаружила, казалось бы, отлично замаскированную закладку и засада обернулась многочасовой гонкой по джунглям. Тогда федералы заставили партизан искать пятый угол. Поэтому я решил не рисковать, к тому же в темноте это довольно скучное занятие — мутить полноценный капкан.¹ Я спустился к каменистому ложу русла и притаился за стволом сдвоенного дерева, откуда тропа хорошо просматривалась. Минуты, секунды и мгновения потекли медленной вереницей, отсчитывая время до того момента, когда все вокруг преобразится и придет в движение.

* * *

Земля, республика Колумбия, руины заброшенного храма Солнца, северо-восточный квадрат. 18 февраля 1990 года, 01:16 по местному времени. Оперативный мобильный центр управления группы «Коготь» АНБ США. Капитан Шон Эндерс.

Наконец-то настоящая работа! Все существо Шона изнывало от политесов, расшаркивания перед начальством, фальшивых улыбок и официальных речей. Теперь, слава Всевышнему, он предоставлен самому себе, а тугой поводок и жесткий ошейник полковника Тэлли остались на этом плавающим железном корыте. Капитан никогда не любил моря, простор повергал Эндерса в необъяснимый трепет, после чего он с удвоенным усердием начинал поглощать горькие лекарства.

Командный пункт управления отрядом размещался на глубине более десяти метров под

¹ «Капкан» — жаргонизм, название комбинированной минной закладки, включающей более чем один тип взрывного устройства.

землей, в зале, где некогда жрецы предков местных латиносов резали глотки вопящим девственницам и жрали их внутренности. По крайней мере о чем-то подобном рассказывал Грэхем, когда возился с подключением оборудования. По большому счету, Шону было наплевать, чем занимались древние латиносы.

Главное, что тут темно и есть постоянный температурный режим, необходимый для компьютеров и климатической установки боевых боксов «Небулы». Последние были размещены в соседнем зале. Лампы дневного света придавали помещению зловещий оттенок, а «образцы» в костюмах вообще выглядели, словно сошедшие с местных каменных барельефов кровожадные божки.

Озноб заставил капитана поежиться, он отхлебнул горячего ароматного кофе, который признавал только без сахара и молока, это отрезвило и заставило сосредоточиться на плане предстоящей акции. В идеале все должно было получиться: «Небула» своим ходом выходит в район водопада, где наиболее часты столкновения с бандитами, гордо именующими себя повстанцами, и уничтожает любую достаточно хорошо вооруженную и многочисленную группу людей. Затем так же быстро возвращается на базу, и все довольны: Пентагону выделяют дополнительные ассигнования, сенаторы добавляют себе очки на предстоящих выборах. Самому Шону хотелось только двух вещей — вернуться домой, подальше от этих кишачих всякой живностью джунглей, и получить наконец полноценную базу для дальнейшей доработки проекта. Ну, может быть, иногда ему еще хотелось, чтобы терзавшие его головные боли ушли насовсем. Однако он уже так привык ко вкусу аспирина на языке, что часто даже ждал, чтобы виски вновь пронзил кинжальный импульс боли...

— «Небула», проверка связи, прием.

Нил застыл в напряженной позе перед рядом из семи мониторов, на шесть из которых выводились сигналы с портативных видеокамер бойцов группы и личная телеметрия каждого из «образцов». Седьмой экран отображал панель управления отрядом и его функциями. Инженер считался лучшим оператором из всех людей Эндерса. На его побледневшем от напряжения лице застыло выражение глубокой сосредоточенности, пустая, не раскуренная сейчас трубка, торчала параллельно столу, стиснутая зубами своего владельца. Экраны один за другим начали гаснуть и загораться снова, по одному слева направо. Одновременно с появлением зеленовато-черной картинки, прореженной рябью статики из динамиков, раскинутых под потолком и сейчас поглощенных мраком, слышались металлические, безжизненные голоса «образцов»:

— Здесь Альфа-Лидер, — раздался голос командира подразделения. — Начинаю проверку всех систем. Система навигации — норма, системы вооружения — норма. Системы маскировки и защиты — норма, жизненные функции — норма. Готов приступить, ожидаю приказа на выдвижение в район поиска.

Вслед за командиром все пятеро бойцов отрапортовали о готовности. Эндерс надел тонкий обод наушника с почти невидимой, изогнутой к подбородку спицей микрофона. Его кресло располагалось в пяти метрах позади основного пульта, где сидел О'Мэлли, жуя огромный бутерброд и одновременно стуча по клавишам своего терминала с одним, но тоже очень большим монитором. Лицо техника раскраснелось, оттопыренные уши шевелились в такт движениям челюстей. Пока все шло хорошо. Эндерс ровным голосом отдал команду:

— «Небула», говорит Дворец-Один. Код активации: шесть, девять, три, три «браво», «зулу», красный.

— Здесь Альфа-Лидер, код принят, приоритет подтвержден, жду указаний, Дворец-Один.

Голос «образца» был по-прежнему бесстрастен, но на мгновение Эндерсу почудилась в нем радость подавленной личности испытуемого. Вновь отхлебнув из кружки, Шон произнес в микрофон команду:

— Альфа-Лидер, выдвигайтесь в квадрат 1456. Ваша задача — поиск и уничтожение враждебных целей по схеме «Феникс-6». В районе оперирует хорошо вооруженный противник, предположительно общей численностью до батальона. Ваша задача —

уничтожить до семидесяти процентов живой силы противника и вернуться на базу. Срок исполнения — шесть часов, дополнительный — три часа. Подтвердите получение приказа, Альфа-Лидер.

— Альфа-Лидер, задача принята к исполнению, запрашиваю разрешение на выдвижение в оперативный район, Дворец-Один.

Эндерс, уже едва сдерживаясь, вопросительно глянул на подчиненных и резко выдохнул, обращаясь к ним:

— Ну?!

Техник в ответ показал сложенные в знак «о'кей» пальцы правой руки и шелкнул парой кнопок. На мониторе Эндерса фигурки бойцов засветились зеленым, техник разблокировал системы навигации и маскировки «образцов». Нил обернулся к начальнику и кивнул: мол, все в норме, и тоже отправил свой персональный код подтверждения, включив спутниковую систему слежения. На мониторе Эндерса отобразилась карта района, где маркерами были обозначены база и предполагаемые районы оперативного интереса местных партизан. Границы правильного квадрата, куда предстояло уйти бойцам «Небулы», светились ярко-алым, а сами «образцы» пока присутствовали в виде голубого ромба в правом нижнем углу виртуальной карты. Шон набрал на клавиатуре консоли управления шестизначный код и пароль, а затем бросил в микрофон:

— Альфа-Лидер, говорит Дворец-Один, выдвигайтесь.

— Здесь Альфа-Лидер, принял, Дворец-Один. Приступаю к выполнению боевой задачи.

Позади послышался вой механизмов контейнера, в котором размещались бойцы, прямоугольная железная коробка откинула боковую стенку, бывшую аппарелью, и в полумрак комнаты одна за другой вышли шесть двухметрового роста фигур. Эндерс и все остальные видели изображения бойцов на мониторах охранной системы. Внешне фигуры напоминали манекены — пособия по анатомии с рельефно протравленной мускулатурой и привинченной к торсу человека шутки ради головой стрекозы. Материал костюма, пока не включился режим адаптации, был матового, серо-стального цвета, лишь огромные, в пол-лица, фасеточные глаза «образцов» изредка мерцали красным светом. На полигоне «образцы» развивали скорость до сорока миль в час, производя не больше шума, чем спокойно идущий по тротуару человек в мягких теннисных туфлях. И это при полной нагрузке почти в две сотни килограммов! Капитан верил, что комплекс станет для него трамплином, который вознесет парня из почти нищей семьи простого автослесаря к вершинам, где сверкают дорогие машины, шикарные женщины расточают победительную улыбку, а на погоны золотым дождем падают генеральские звезды...

На мониторе голубой ромб «Небулы» уже проделал треть пути к алым границам района, где результаты всех усилий Эндерса и его соратников либо завершатся триумфом, либо провалятся в тартарары. Вот ромб, не снижая скорости, вошел в пределы оперативной зоны действий. Последовал доклад от командира «образцов»:

— Здесь Альфа-Лидер, вошли в район проведения операции, телеметрия в норме. Подтвердите статус задания.

Шон и оба его подчиненных придвинулись к мониторам, ожидая с нетерпением, когда на экранах мелькнет силуэт затаившегося в зарослях партизана и начнется то, ради чего они горбатились почти девять лет. Но пока все было тихо: бойцы беззвучно скользили по сельве, с невероятной быстротой меняя направление, легко лавируя между стволами, перепрыгивая ямы и едва заметные операторам рытвины в земле.

— Это Дворец-Один, статус миссии подтверждаю. Ваша задача — поиск и уничтожение. Выполняйте.

— Здесь Альфа-Лидер, принято, выполняю.

Вновь на мониторах замелькали джунгли, в мертвенном свете ноктовизоров растительность вообще выглядела неестественно, словно пластиковая. Мигнул и погас столбик статуса дальней связи — спутник ушел из района, а следующий появится не раньше,

чем через десять минут. Но бойцы смогут работать и в автономном режиме, это было особым предметом гордости Эндерса, тактическую модель поведения разрабатывал он.

Неожиданно на его консоли завыл телефон прямой связи с авианосцем. Шон поморщился, не желая отвлекаться в столь ответственный момент ни на секунду, и громко, для протокола, озвучил временную передачу полномочий Нилу, а сам взял трубку.

— Дворец на связи, здесь Эндерс.

— Капитан, — в трубке послышался отрывистый, лающий бас Тэлли, — мы только что получили данные от местного центра спецопераций. В данный момент их группа рейнджеров находится в вашей зоне ответственности. Операцию нужно немедленно прекратить, связь с разведгруппой только через три часа, есть опасность боестолкновения с... вашими парнями.

Эндерс криво ухмыльнулся. Ах, значит вот оно как: «образцы» вдруг стали «его», а старый болван вроде как и ни при чем. Значит, как только запахло жареным, Тэлли начинает прикрывать свою задницу. Ну ничего, когда все закончится, Шон непременно припомнит полковнику этот разговор. Подчеркнуто спокойным голосом он произнес в мембрану трубки:

— Господин полковник, сэр, при всем желании я не могу отозвать группу сейчас, спутник ушел из нашей зоны пару минут назад, «Небула» ведет поиск в автономном режиме.

— Опять ваши штучки, капитан! — Тэлли моментально сорвался на крик, так что Шону пришлось чуть отстранить трубку от уха. — Там же американские граждане!

— Простите, сэр, но сколько человек еще знают о том, что эти, — тут Эндерс не смог сдержать нотку иронии в голосе, — американские граждане шастают по территории чужой страны с оружием в руках? Сэр, маловероятный инцидент с рейнджерами нам ничем не грозит, их, как, впрочем, и нас, там просто нет.

— Послушайте, Эндерс, — Тэлли снизил тон, — не учите меня работать, отзывайте группу, как только появится связь. Это приказ. Вы все поняли?

— Сэр, так точно, сэр.

Эндерс положил трубку и поймал на себе взгляды своих помощников. В глазах Дам-в-грызла читалось облегчение, а вот Нил и пришедший в командный центр только сейчас Мэтьюс были явно разочарованы. Все ждали от него решения, а тем временем «образцы» уже вышли к какому-то водопаду и в углу каждого из мониторов звена управления появился зеленый значок активного режима дальней связи. В полной тишине, нарушаемой только писком аппаратуры, Эндерс произнес в микрофон переговорного устройства связи:

— Здесь Дворец-Один, Альфа-Лидер, статус миссии — поиск и уничтожение, активен.

— В районе зафиксировано наличие вооруженных людей. Количество — шесть бойцов. Направление — юго-запад от нашей позиции. Уничтожить?

— Это Дворец-Один, ожидайте, огня не открывать.

— Есть, отбой связи, Дворец-Один.

Эндерс, не обращая внимания на недоуменные взгляды подчиненных, обратился к Мэтьюсу:

— Стэн, залезь в базу данных местного центра спецопераций. Вынь фото всех, кто болтается сейчас в этой паршивой стране, и передай их Альфе, живо!

Мэтьюс не раздумывая ни минуты кинулся в соседний зал. Грэхем усмехнулся и наконец-то раскурил трубку. Все они ждали от этого проекта многого, и приказ свернуть операцию мог поставить на их будущем большой, жирный крест. К тому же любой в этой комнате понимал, что главной жертвенной овцой в случае провала будет именно Эндерс.

— Есть! Есть данные на рейнджеров, — Мэтьюс вбежал, неся, как величайшую драгоценность, миниатюрный лазерный диск.

Эндерс нетерпеливо вставил его в узкую щель приемника под монитором у себя на консоли и бросил в микрофон:

— Альфа-Лидер, здесь Дворец-Один, начинаю передачу визуальных данных для опознания. Подтвердите прием.

Узкая полоска датчика загрузки данных на экране медленно поползла вправо, фотографии разведчиков транслировались прямо в мозг бойцов «Небулы». Технология не

была опробована, ничего подобного в мире еще не случалось. Наконец столбик замер, цифры показали «100 % готовность», и сразу раздался механический голос командира группы:

— Данные получены, Дворец-Один. Обозначьте приоритет миссии.

— Альфа-Лидер, в районе операции присутствуют дружественные войска, подтвердите визуально тождество личности согласно полученным данным. Эти люди не являются мишенями, огонь не открывать. Подтвердите получение приказа.

— Альфа-Лидер, приказ получен. Начинаю поиск и сличение.

На мониторах прицельные рамки заматались по замершим метрам в ста пятидесяти от группы людям. Одна за другой красные рамки обводоов становились зелеными.

— Здесь Альфа-Лидер, процесс опознания завершен. Дружественные войска, отряд седьмого особого батальона специальных сил армии США, командир Альфред Гарсиа, лейтенант. Следуя дальше, продолжаю выполнение основного задания. Подтвердите статус миссии, Дворец-Один.

Эндерс обернулся к Нилу:

— Захвати запись и отправь копию полковнику, пусть старик ткнет коллег носом в дерьмо. Наши парни лучше всех!

Он набрал номер, Грэхем показал кулак левой руки с отогнутым вверх большим пальцем, давая понять, что запись ушла по назначению.

— Слушаю вас, капитан, вы отозвали группу? — Старый хрен уже успокоился, голос стал ровнее, видимо, ему уже передали запись. — Подождите... Что за...

Прошло томительных десять минут, по прошествии которых Тэлли уже совсем другим тоном, выказывающим крайнюю степень удовлетворения, четко приказал:

— Дворец-Один, зеленый свет. Продолжайте выполнение задачи, пусть образцы надерут партизанам задницы. Отбой.

Эндерс полез в карман за аспиринном, продолжая смотреть на монитор, где «образцы», набирая скорость, неслись мимо рейнджеров, даже не обративших на промелькнувшие перед самыми глазами тени никакого внимания. Горечь лекарства привычно растеклась по языку, успокаивая резкий приступ мигрени, случившийся так некстати, как только старый боров оборвал связь. Мониторы осветила яркая вспышка, затем еще одна, и вот уже кругом царил хаос. Нил и О'Мэлли вцепились в свои консоли, а Мэтьюс убежал в соседний зал, к связистам. Эндерс сглотнул и тоже впился взглядом в зеленовато-черную картинку, сиюсь разглядеть, что случилось с группой.

— Альфа-Лидер... атакован неизвестным противником, веду бой...

Похоже, что на группу рейнджеров кто-то напал, но почему не сработала система маскировки? Как «образцы» могли попасться обкуренным латиносам на глаза? Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Шона, пока он лихорадочно искал способ заблокировать оружие и увести кучу мяса, пластика и железа прочь от опасного места. Он обернулся к Нилу:

— Нил, что с группой, почему они не слушаются управления?!

— Альфа замкнул контур управления на себя. — Инженер уже отбросил потухшую трубку и, не отрывая взгляда от монитора, что-то быстро набирал на клавиатуре. — Бой происходит в автономном режиме, пока мы бессильны помешать.

— Можешь сказать, что случилось, откуда эти взрывы?

Эндерс чувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Его карьера висела буквально на волоске.

— Что-то не слишком мощное, мины или ручные гранаты. Потом вышлем чистильщиков и все узнаем подробнее.

Еще полчаса продолжался зеленовато-черный немой ужас, во время которого пару раз дребезжал зуммер связи с авианосцем. Эндерс не брал трубку в надежде взнудать строптивых «образцов» и с честью выпутаться из складывающейся совершенно пиковой ситуации. Телеметрия не радовала: костюмы всех бойцов имели в среднем более чем тридцать процентов утраты защитных функций, маскировка отказала у четырех из шести.

Радовало только то, что пока все они действовали и ни один противник живым не ушел. Но врагов становилось все больше, бой сместился к тропе, на которой откуда ни возьмись появился целый караван и человек двадцать народу с автоматами. Последовало еще несколько взрывов и откуда-то с тыла. Альфа-Четыре и Альфа-Шесть расправлялись с группой партизан, засевшей справа от тропы...

В командном центре все более-менее успокоились, и происходящее на экранах стало подвергаться первичной обработке.

— Костюм выдержал прямое попадание из АКМ! Регенерация и энергопоглощение проходят слишком замедленно, — бормотал Нил, вновь взяв в зубы любимую трубку. — Но я уже знаю, в чем проблема, дайте только добраться до верстака. И все равно — для первого раза показатели просто поразительные. Шон, по-моему, парни справляются.

— Не каркай, мистер англичанин, — возразил побагровевший от напряжения рыжий техник Фил. — Разве ты не видишь, это русские! А от русских всегда одни проблемы. Этот шалман с лошадами пасли не только рейнджеры. К нам на вечеринку пожаловали «комми», смотри, эта блямба на винтовке во-он того парня — это же русский ночной прицел, местные такого даже украсть не смогут.

Эндерс с тревогой глянул на экран и сверился с картой, где в реальном времени обновлялась общая обстановка на поле боя. Похоже, сварливый ирландец был прав и группа встряла в разборки русских и наших рыцарей плаща и кинжала.

Неожиданно монитор Альфы-Четыре дрогнул, и его повело резко вправо. В прицел попала темная фигура с автоматом на изготовку, и ослепительный тюльпан пламени сорвался со среза ствола. Четвертый снова качнулся и, захватив наконец в прицел верткого, сменившего позицию стрелка, открыл ураганный огонь. Мгновение спустя две яркие вспышки ослепили бойца и наблюдателей у экранов, потом все погасло, сигнал пропал. Эндерс крикнул, повернувшись в кресле к Нилу:

— Сигнал пропал! Что говорит телеметрия Альфа-Четвертого?!

— Боец жив, — с изумлением в голосе ответил инженер. — Визионная система сейчас перезагрузится.

Экран четвертого бойца замерцал, снова возникло изображение: боец скользил, чуть припадая на правую ногу, в направлении двух раненых русских, без сомнения, это были они. Что стало с метателем гранат, было неясно. Бой уже заканчивался, когда к русским подошла подмога, и в этот самый момент в зал вбежал запыхавшийся Мэтьюс.

— Босс, есть перехват управления группой, сработал аварийный пароль!

— Нил, уводи группу, высылай вертолет в точку «Браво-Зулу-Три». К черту все, думаю, что материала достаточно, миссия успешно завершена и полковник будет доволен.

— Есть, сэр!

Но прежде чем бойцы стали слушаться команд, произошел еще один инцидент, чуть не стоивший Эндерсу рассудка. Альфа-Два ввязался в перестрелку с отступающими к переправе русскими, и его отбросило назад хлесткой очередью замаскированного до поры до времени русского пулеметчика. Боец поднялся и отработал по противнику из РПГ, но снова хитрый русский оказался на шаг впереди, выигрывая время для беспомощных, отступающих по горло в бурлящей воде с раненым товарищем на руках «комми». В этот момент Нил поборол строптивый интерфейс и заставил бойца прекратить огонь, а затем отходить в точку эвакуации.

Эндерс, борясь с дрожью в руках, вызвал авианосец и как можно более спокойным и уверенным голосом отрапортовал беснующемуся Тэлли:

— Господин полковник, сэр! Группа поставленную задачу выполнила, уничтожены партизанский конвой и группа предположительно советских наемников. Противник уничтожен, группа возвращается на базу.

— Это все, капитан? — Тэлли понимал, что теперь они с Эндерсом в одной лодке посреди моря дерьма, и лучше ее не раскачивать. — Каковы наши потери?

— «Небула» вышла из боя без потерь. Рейнджеры, скорее всего, уничтожены

минометным огнем. Я свяжусь с местным комендантом района полковником Моралесом, он вышлет людей на место боестолкновения, а его рейнджеры не дадут остаткам партизан уйти к побережью. Группа показала более чем превосходные результаты, сэр.

— Ладно, Эндерс. Жду вашего полного отчета завтра. Черт, уже сегодня, к двенадцати ноль-ноль.

— Есть, сэр.

Не слушая восторженных возгласов подрастерявшего всю свою флегму Нила и перманентно оптимистически-радостного Мэтьюса, Шон поймал угрюмый взгляд главного техника О'Мэлли. Лишь они с ирландцем поняли, что слишком много крошек придется заметать под ковер, и, не дай Бог, хоть краешек правды выйдет наружу. Шону снова послышался тихий напев матери. Тряхнув головой и выдавив в ладонь еще таблетку аспирина, Эндерс вышел в коридор и, прислонившись спиной к холодным каменным плитам стены, устало закрыл глаза.

* * *

Земля. 20 февраля 1990 года, 11:32 по местному времени. Военный полигон Министерства обороны СССР Капустин Яр. Склад временного размещения АР 077/906, подземное строение 41, горизонт 2. Командир в/ч 073178 полковник Северской В. И.

Василий Иванович Северской никогда не считал себя суеверным, хотя на своем веку ему довелось повидать немало такого, что обычные люди называют «бред сумасшедшего» или «чертовщина». Когда его, молодого выпускника академии имени Фрунзе, вместо ожидаемого назначения в штаб элитной части выдернули сюда, в поволжскую «тмутаракань», он сначала хотел застрелиться. Но когда увидел, ЧТО ему доверили охранять, проникся к судьбе если не благодарностью, то по крайней мере уважением, и в конечном итоге пришло некое удовлетворение сделанным в юности выбором. Предложи ему сейчас кто-нибудь перевестись в Москву, даже на генеральскую должность, Василий Иванович послал бы высокое начальство на три русских буквы (мысленно, само собой) и принялся бы выкручиваться с целью остаться в прежней должности. Да что там лукавить, даже на понижение бы пошел. И все потому, что тут, в поволжских степях, был сокрыт важный кусочек Тайны.

А началось все в далеком 1949 году. Тогда из побежденной Германии вывезли два разбитых «дисколета» — опытные образцы новых летательных машин побежденного Третьего рейха. Войсковой разведке удалось отбить машины, но документацию и большинство сотрудников секретной лаборатории успели вывезти либо союзники, либо сами немцы.¹ Аппараты показывали тогдашним светилам науки, в том числе и Академику с громкой фамилией, но вся передовая наука бессильно разводила руками, а именитый сиделец с громкой фамилией ругался матом и твердил как заведенный, что «эта миска летать не может». Но руководство страны не отступилось, зайдя с совершенно неожиданной стороны. Так, спустя всего три дня после визита Академика на объект прибыл человечек с совершенно заурядной внешностью, но с документами второго зампреда Комитета партийного контроля. Звали его Анатолий Зайцев, но фамилия и имя вряд ли были подлинными. С ним прибыл штат неразговорчивых военных со знаками различия Спецвоентрою, а также несколько

¹ «Зондербюро-13» — реально существовавшая организация. Специальный отдел при обществе «Аненербе», занимавшийся исследованием неопознанных летающих объектов. К сотрудничеству привлекались ведущие авиаконструкторы, пилоты, люди с развитыми паранормальными способностями, с помощью которых и были получены данные об устройстве «дисколотов». Бюро создано в октябре 1942 г. и просуществовало до самой весны 1945 г. Штаб-квартирой бюро была, скорее всего, военная база Куммерсдорф. Советские войска захватили завод по производству «дисколотов», находившийся в г. Бреслау. Один или два аппарата действительно были взяты войсковой разведкой в качестве трофеев. Другая информация доверия не вызывает: состояние аппаратов, отсутствие-наличие документации и сотрудников «Зондербюро-13» в плену не имеют прямого подтверждения.

штатских весьма преклонного возраста, один из которых очень напоминал известного всему Союзу гипнотизера, и работа закипела.

Помимо ракетного полигона и соответствующей инфраструктуры был создан подземный исследовательский комплекс с неприметным названием «Склад временного размещения АР 077/906». Попутно среди непосвященных под огромным секретом стали распространяться слухи, что именно тут будут складировать некоторые виды вывозимых из Германии образцов боевых отравляющих веществ. И сначала какие-то контейнеры с маркировкой и традиционными орлами со свастикой в когтях действительно проходили в недостроенные еще помещения Временного Хранилища. Но спустя всего пару лет поток грузов иссяк, и на месте широкой горловины шахты образовалось совершенно ровное место, обнесенное ради порядка жидким частоколом со страшными надписями типа «Стоять! Охраняемая зона! Огонь на поражение открывается без предупреждения». Полигон тут же попал в специальный атлас военных объектов министерств обороны США и Великобритании. Но это скорее для порядка, поскольку никакой видимой активности на засыпанной и ставшей порастать цепкой степной травой бывшей грандиозной стройке замечено не было.

На самом же деле Временное Хранилище, или просто Склад, на жаргоне многочисленного персонала, жило и успешно функционировало. Десять огромных ангаров призваны были вместить небольшие, на первых порах, накопления советского правительства в области исследования всяких нестандартных явлений. Дисколеты стали одним из первых экспонатов, но не единственным. По подземным железнодорожным и автомобильным магистралям, протянувшимся на несколько сотен километров и выходящим на поверхность как вполне обычные скоростные тоннели, на Склад везли всякое. К приходу на должность полковника Северского склад временного размещения АР 077/906 уже разросся до сорока подземных горизонтов с более чем тремястами единицами хранения. В конце пятидесятых годов Склад обзавелся собственным вычислительным центром, десятком научных лабораторий и одним НИИ с номером почтового ящика 22091. Нельзя сказать, чтобы работа над исследованиями шла блестяще, поскольку в большинстве случаев ученым приходилось иметь дело с явлениями и артефактами, совершенно не поддающимися исследованию методами традиционной науки. Какие, к примеру, можно сделать выводы относительно кварцевой глыбы с высеченными на ней таинственными узорами в виде прерывистых линий и спиралей, которая раз в год совершенно теряет физический вес, а знаки меняют свое местоположение и, словно живые, скользят по ноздреватой поверхности, останавливаясь ровно через сорок два часа после того, как камень перестает парить в полутора метрах над землей и снова становится неподъемной глыбой породы? Правильно: ничего, кроме избитого слова «чудо», на ум не приходит.

Хотя были и прорывы. Так, с дисколетами разобрались довольно быстро, выяснив даже принцип работы двигателя. Увы, сам двигатель таил в себе несколько подозрительных узлов, имевших явно нездешнее происхождение, поэтому удалось только завести и полететь. Обычное топливо дисколеты не потребляли, казалось, что энергия берется из воздуха, но, конечно, это было не так: двигатели, как, впрочем, и вся электрика дисколета, запитывались от некоего устройства, которому дали название «конвертер». Как он работает, тоже было не особо ясно, поскольку большинство документации так или иначе было безвозвратно утеряно. Однако был освоен чисто практический момент: научились управлять этими машинами и поднимать их в воздух.

Аппараты, отремонтированные и лишённые разметки германских «люфтваффе», регулярно наводили ужас на американских и японских пограничников и пилотов дальней и разведывательной авиации в районе Аляски и Курил. Но воспроизвести либо скопировать движок так и не получилось, отсутствовало нечто важное, без чего был невозможен даже намек на догадку. Результаты полетов впечатляли, аппараты совершенно игнорировали законы аэродинамики, а пилоты еще долго будут вспоминать это непередаваемое чувство запредельных скоростей и абсолютной независимости от законов гравитации.

Их специально обучали в недрах Склада на макетах дисколетов, а потом осторожно приобщали к реальным полетам, так что охрана полигона Капустин Яр и некоторые местные жители провожали юркие и совершенно непохожие на обычные самолеты «летающие блюдца» полными недоумения и тревоги взглядами.

Но скоро мирным полетам пришел конец: американцы вывели в небо похожие аппараты, и началась война. Вернее, война продолжилась, но в иной плоскости, поскольку дисколет лишь частично находился в воздухе, большая часть полета, на сверхскоростях, происходила в некоем параллельном измерении, более всего визуально напоминавшем плотный сиренево-серебристый туман. Правда, пока противостояние недавних, хоть и вынужденных союзников сводилось к рискованному маневрированию в воздухе, и только. Полеты на почти неизученной технике таили в себе много опасностей, самой малой из которых был постоянный риск оказаться без возможности обзора. Сложности возникли с системой визуального наблюдения: немцы управляли кораблем в этом мареве, ориентируясь при помощи оптического прибора, более всего напоминавшего обычный перископ. Но в качестве материала для линз использовался неизвестный минерал, по свойствам немного схожий с горным хрусталем, но... короче, даже самая современная оптика не могла его заменить и слепла в невообразимом мареве «подпространства». Этот термин прочно вошел в обиход ученых Склада, занимавшихся изучением открытого совершенно случайно явления. Дисколет не летел в общепринятом смысле этого слова, он сворачивал пространство вокруг себя и по вектору движения.

Именно этим объяснялся эффект исчезновения аппарата в одной точке и появления его мгновение спустя в километре, а то и паре десятков от нее.

Американцам повезло больше: их аппараты появились в небе гораздо раньше, но успехов в воспроизведении они тоже не добились. По данным разведки, в их распоряжении было шесть дисколетов второго поколения, не оснащенных оружием, по классификации самих немцев — «Хонебю-2», для полетов внутри атмосферы. На Склад попали более совершенные аппараты «Хонебю-3» для межпланетных перелетов, но в очень плохом состоянии. Экипаж едва не погиб во время испытательного полета, и попытки выйти за пределы земной атмосферы были прекращены. Оружие на трофейных дисколетах тоже было безнадежно испорчено. Ученые до сих пор бились над тем, как бы снова оживить странные, практически целиком состоящие из того самого минерала полуметровой длины приборы, по виду — обычные среднего диаметра трубы, о которых пока можно было с уверенностью сказать только одно — это, несомненно, лучевое оружие. Последнее заключение, не колеблясь, дали эксперты Академии наук, целый месяц водившие хороводы вокруг устройства, снятого с дисколета.

Наряду с проблемами теоретическими возникали и вопросы, связанные с эксплуатацией аппаратов. Пилоты сходили с ума, не выдерживая нагрузок, а также подвергаясь облучению неизвестным видом энергии. Смерть наступала спустя полгода после появления на теле красных пятен ожогов, всегда в одном и том же месте — в районе солнечного сплетения. Иногда удавалось скрыть факт смерти, замаскировав ее под несчастный случай. В конце семидесятых годов путем проб и ошибок был выверен график полетов: ожоги не появлялись и пилот выживал, если общая продолжительность полета не превышала двух с половиной суток в неделю.

Василий Иванович сознавал, что сидит на куче непонятных и почти бесполезных диковин со всех концов света, не приносящих стране практически ни грамма пользы. Но в то же время он понимал, какую пользу со временем эти осколки неизвестно чего могут принести. Да, Северской в этом убедился в тот день, когда совершенно поседевший Зайцев привез на Склад молодого капитана погранвойск КГБ. Это был улыбчивый парень лет двадцати пяти с коротко стриженными, зачесанными направо вихрастыми волосами. Голубые, с лукавой смешинкой глаза смотрели на полковника с некоторой толикой любопытства. Парень не козырнул, не отдал рапорт, поскольку на Складе это было не принято, а просто протянул крепкую небольшую ладонь, представляясь:

— Капитан Возницын. Рад, что будем вместе служить, товарищ полковник.

— Надеюсь, что работаем, капитан.

Северской даже не мог представить, насколько знаковым оказалось прибытие этого простоватого на вид человека с прямым открытым взглядом и оригинальной манерой выражаться. Возницын всегда начинал разговор как бы издалека, но, вопреки нелюбви Василия Ивановича к долгим речам, капитана он всегда слушал с интересом, сам не понимая почему. Молодой зам недолго осматривался на новом месте и на третьи сутки попросил о личной встрече. Полковник уже было подумал, что вот сейчас на стол к нему ляжет рапорт с просьбой о переводе, но...

— Василий Иванович, как вы относитесь к качеству работы нашей ЭВМ?

Вопрос явно был с подвохом. Но Северской, не колеблясь, выдал все, что думал о программистах и кибернетике в частности:

— Место она зря занимает, а толку чуть. Работает дня два, вычисляет медленно, жалоб от смежников выше головы. Счеты обычные, и то лучше. А что, есть предложения?

— Есть. — Молодой капитан вынул из скромной, обтянутой «чертовой кожей» красной папки два листа машинописного текста и положил на стол перед полковником. — Помните объект за номером 1380?

Северской глянул в мелкий текст и сразу вспомнил странную по свойствам буддийскую мельницу. Ее привезли из аларского дацана, порушенного в тридцатые годы далеко в Сибири. Барабаны мельницы вращались сами по себе, и никто не мог уловить, как и в какой момент знаки на них менялись, настолько быстро и незаметно это происходило.

— Помню. А что, удалось понять, что это за штука?

— Как ни странно, удалось. — Возницын обошел стол полковника справа и, перелистнув страницы, очеркнул ногтем часть текста. — Это своеобразная вычислительная машина с заложенными в нее прогностическими функциями.

— А если без умных слов и ближе к сути?

— Этот артефакт может предсказывать ближайшее и весьма отдаленное будущее. Наши криптографы расшифровали язык ввода данных. Мы теперь можем получать достаточно точные прогнозы на пять-десять лет. Погрешность в прогнозах исчезающее мала. Более долгосрочные предсказания не так точны, но и они не идут ни в какое сравнение с тем, что нам дает традиционная наука.

— Что вы предлагаете?

— Наша ЭВМ плюс этот древний камень могут составить конкуренцию любому из мировых аналитических агентств...

Северской представил себе, как доложит куратору проекта о том, что они получают информацию от буддийской мельницы, и его мысленно передернуло. Но с другой стороны, каждый день соприкасаясь с неведомым, он научился доверять своей интуиции, памятуя, что не все можно обмерить с помощью аршина. По крайней мере, теперь можно будет предъявить какие-то осязаемые результаты.

Финансирование давно перестало быть проблемой для Склада: кучи всяких технических патентов с лихвой покрывали расходы на исследования и содержание бункера. Да и различных безделушек, не имеющих особой цены для исследований, скапливалось после экспедиций в разные уголки мира предостаточно. КПК и лично товарищ Зайцев были очень довольны, ни один из сотрудников Склада не бедствовал, хотя куда тут тратить деньги. Впрочем, грядущие события заставляли задуматься об использовании немалых финансовых активов. Зайцев еще в далеком пятьдесят четвертом предельно ясно дал понять, что война может принимать совершенно различные формы. Тогда, в один из своих нечастых визитов на Склад, он вызвал Северского на откровенный разговор, многое прояснивший в плане расстановки сил, так сказать, в мировом масштабе:

— Товарищ Северской, вы, молодой коммунист, как себе представляете международную обстановку и расклад сил в мировом масштабе?

— Англия уже не та, что до войны, она оказалась на дне глубокой долговой ямы.

Армия слаба, флот тоже постепенно хиреет. Британцы активно сдают свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Индии. Американцы пока еще неопытны в такого рода имперских играх, но это скоро пройдет.

Лицо куратора исказилось в недовольной гримасе, и он негромко хлопнул рукой по столу (он тогда еще сидел на месте будущего командира части), прерывая речь Северского.

— Верхушка айсберга, вот что такое все эти подковерные игры! — то был единственный раз, когда Зайцев повысил голос. — Миром правит банда семей капиталистов, разжиревших на банковских махинациях, ограблении стран Третьего мира и поставках оружия. Почти все они родом с этого прогнившего острова, который они гордо именуют «Туманный Альбион». Их люди спровоцировали отделение американских колоний, чтобы самим в свою очередь освободиться от влияния королевской власти. Америка стала для кучки нуворишей чем-то вроде плацдарма, где, словно на полигоне, можно обкатывать новые идеи по управлению людьми, которых они иначе как стадом не именуют. США — это дутое государство, ширма, скрывающая настоящий механизм управления не только отдельным государством, но и доброй третью всего земного шара. Эти же люди инициируют большинство финансовых кризисов и военных конфликтов. Они именуют себя просто — «Консорциум». Собираются они раз в три года, перед выборами американского президента, в одной из нейтральных стран, но никогда эта встреча не проходит дважды в одном и том же месте. Признаков несколько: частная охрана, уединенный дорогой особняк и никакой прессы, но влиятельные фигуры страны пребывания обязательно спешат туда с визитом, дабы засвидетельствовать свое почтение или получить указания из первых рук, без ненужных посредников.

— Значит, и последняя война — это работа Консорциума?

— Война идет всегда, только ее ветер иногда стихает, чтобы потом обрушиться на Землю с новой силой. И нет таких понятий, как «первая» или «последняя», просто война, и все. — Зайцев отер лицо широкой, в шрамах заживших ожогов, ладонью, как бы сгоняя тень усталости, и продолжил: — А что касается Гитлера... Мир в конце двадцатых годов содрогался от последствий первой волны финансового кризиса, творцами которого были доверенные лица Консорциума. Большинство известных сейчас стратегий войн капиталов были тогда на стадии становления, и что-то пошло не так, как планировалось — кризис стал пожирать собственных создателей, а Европа, со своей достаточно мощной финансовой системой, была пока еще недосыгаема для интервенции. Для того чтобы проникнуть в святая святых Старого Света, то есть участвовать в распределении финансовых потоков, требовалось крайне жесткое воздействие, сиречь война. Конфликт должен был по масштабности не уступать первой грандиозной бойне, во время которой Консорциуму удалось просунуть носок лакированного штиблета в чуть приоткрытую дверь финансовой империи Старой Европы. Отдача от займов и военных заказов, размещенных в США, позволила запустить первую фондовую пирамиду, но чего-то не учли, и все рухнуло, чуть было не уничтожив все государство. Чтобы поправить дела, война нужна была как воздух. Кроме того, необходима была сила, способная уничтожить такой неучтенный фактор на политической карте мира, как Советский Союз. Большевизм пугал своим презрением к частной собственности и индивидуализму, красные отрицали власть денег, что для Консорциума и остального «свободного» мира было вообще сродни сумасшествию. Как их припекло тогда! Но руки были коротки!

Западный мир исповедует крайний индивидуализм: толкни слабого — стань сильнее. Мы же предлагаем отличную от их собственной систему ценностей. Согласно ей, человек человеку не волк, а друг, товарищ и брат. И все делается прежде всего в расчете на общество в целом, в результате чего блага доходят до каждого конкретного индивидуума. Запад тоже скоро придет к пониманию, что такой способ управления — благо для всех: и для тех, кто правит, и для тех, кто подчиняется. Но на Западе вряд ли смогут принять такое положение вещей и вновь скатятся к олигархической диктатуре. Противостояние систем началось в тот самый момент, когда знамя Революции стало официальным символом России, а потом и

Союза. Ресурсы нашей страны огромны, но мы почти все время воюем, даже если взять и царские времена. Остальной мир боится нас, оттенки у этого страха разные — от неприкрытого ужаса до брезгливого презрения. Неизменно лишь одно: нас хотят уничтожить как вид, чтобы и следа от нации не осталось, а была лишь земля на другом краю света, которую можно превратить в помойку.

Нет и не может быть мира, в котором Запад и Восток не попытались бы уничтожить друг друга, помни это, Василий. Единственный вариант для обеих систем — буферная зона и четкий раздел сфер влияния, но и это лишь временное решение, передышка, пока одна из сторон не решит, что получила преимущество перед другой. Антагонизм, вечный и неизбывный. Но откуда западные страны сами были слабы (англичане еще не оправились от мировой войны, а военная мощь Америки еще даже не начиналась), нужен был сильный человек, харизматичный лидер. Причем народ должен был быть обозлен на весь мир, лишен инстинкта самосохранения, чтобы захотеть воевать вопреки здравому смыслу. Не важно, с кем, но весьма важно, за что. Необходима была униженная нация, бредившая реваншем, ведь за корку хлеба голодный и отчаявшийся народ готов на многое. Месть чаще всего способствует обдумыванию способа, но никогда толком не позволяет просчитывать последствия. Конечный результат — вот самое слабое место реваншистов.

Все было продумано: немцы истребляют славян, славяне сопротивляются. А мудрые англосаксы вместе с «нейтралами» стоят в сторонке и возводят очи горе, не забывая снабжать обе воюющие стороны всем необходимым для взаимной резни. Но бесноватый лидер немецкой стороны стал кусать руку, кормящую его, и всерьез принялся за «посредников», пробуя играть самостоятельно. Вот тут-то и случились «второй фронт» и временный пакт о взаимопомощи. До этого были только слова и поленья «союзнической помощи», щедро подбрасываемые в костер конфликта. Другие договоренности оставались лишь на бумаге. Кончилось все скверно для игроков Консорциума: русские не только выиграли войну, но еще и стали сильнее, чем были. Все попытки помешать СССР получить законное место в ряду сильнейших мировых держав успеха не имели. И вот теперь мы снова на позициях восемнадцатого года: «цивилизованный мир» против «большевистских орд». Пока мы сильны, так будет всегда, когда ослабнем — исчезнем бесследно, как и планируют стратеги Консорциума. Вот такая карусель получается, Василий Иванович...

...Северской вновь поднял глаза на своего теперешнего собеседника, сидевшего на том самом месте, что и полковник много лет назад. Воспоминания не повлияли на его восприятие услышанного.

— И что же говорит этот камень, есть результаты?

— Все как обычно: войны, катаклизмы. Для нашей страны перспективы не слишком радужны, но остальным в итоге придется еще хуже. Американцы влезут в большую войну в Азии, скорее всего это будет Вьетнам. Нам готовят ловушку в другом месте, но это будет не так позорно, как у янки, хотя Бон...

— Так, я понял, вы назвали новую э... вычислительную машину?

— Так точно, товарищ полковник. Но это не мы, он... Сам. — Лицо Возницына слегка вытянулось, видимо, он тоже не мог свыкнуться с мыслью, что в мире существуют говорящие камни.

— Это как?

— Машина начинает любое свое общение с некоей формы приветствия. Обычно это «Бон говорит» или «Бон видит». И, что самое главное, артефакт откликается, только если обратиться к нему по имени.

— Шут с ним, пусть будет кем хочет. На всякий случай не трогайте наших электронщиков, но запустите среди них слух, что у них есть конкуренты. Пусть стараются, всегда полезней иметь два источника информации, нежели доверяться одному.

— Есть запустить дезу, товарищ полковник!

— И вот еще что, капитан. — Северской поднялся и в три шага догнал у дверей молодого помощника. — Чувствую, мы с вами сработаемся, поэтому отныне без чинов,

только по имени-отчеству, лады?

— Хорошо, Василий Иванович.

С тех пор прошло без малого тридцать лет, а они так и служили вместе. Для страны настали плохие времена: новый генсек ездил по миру с речами, повторяя, словно заклинание, зловещие в своей непостижимости термины: «новое мышление» — «гласность» — «перестройка». В его окружении появилось много агентов влияния, толкавших недалекого в своей жадности, простоватого ставропольского мужичка на фактическое предательство интересов страны. Ему потакали западные «либералы», жали руку и говорили, фальшиво скалясь фарфоровыми протезами в объективы теле — и фотокамер, о появлении чуть ли не нового русского мессии, способного примирить Запад с его врагом, иногда по старинке именуемым Москвией.

Один за другим сворачивались перспективные проекты в оборонном ведомстве, срывались договоры по разоружению, когда генсек подписывал преступные по степени уступок соглашения с Западом. Падали, словно карточные домики, союзные СССР режимы в Латинской Америке, на африканском континенте и уже здесь, под самым боком, в щедро политой кровью советских солдат Европе. Худшие предсказания Бон сбывались: держава умирала, но Северской и Возницын, в отличие от безумцев, пытавшихся урвать друг у друга взбесившееся кормило власти, знали, что смута будет недолгой. Все, что требовалось от хранителей Склада, — это выиграть несколько месяцев и замести следы. Василий Иванович подтягивал кадры со всех концов Союза и из-за его пределов, готовил объект к частичной консервации. Предстояло скрыть, уберечь одно из главных вместилищ государственных секретов от алчных рук предателей, растаскивающих политое потом и кровью советских людей государство.

Кто и как сумел развалить, сбросить с шахматной доски мощнейшую державу, было понятно. Почти все, сказанное куратором, подтверждалось информацией, накопленной за годы работы в самом сердце государственной машины — в ее секретохранилище. Вот уже почти семьдесят лет агенты организации, объединяющей большинство крупнейших банков, концернов и корпораций, ищут брешь в обороне ненавистного им коммунистического режима. Они уже пытались сокрушить молодое советское государство с помощью военной силы, но, получив пинка, на время отступились. Потом были экономическая блокада и политический бойкот, однако снова потребность в русском золоте и хлебе пересилила острое желание Консорциума стереть с карты РСФСР. Потом была новая война, и вновь русские перехитрили всех, неожиданно оказавшись на самой вершине пищевой цепочки. В который уже раз Консорциум получил по рукам, тянущимся к горлу истекавшей кровью страны.

Теперь же они сменили тактику, пустив в ход средство, старое как мир и почти безотказное: подкуп. Само собой, всех купить не получилось, но крыса всегда прошмыгнет там, где забуксует самый современный танк. Вот уже последний неподкупный лидер страны убит, а на его место пришел невнятный старик, просто занимавший кресло генсека и через совсем непродолжительное время как-то незаметно сгинувший. А нынче трон занимает недалекий в своей алчности и жажде популярности плешивый человек с приметным родимым пятном на голове. Ушли с ключевых постов последние стражи Империи — кто добровольно, а кого-то пришлось и устранить. И вот, ворота страны оказались открыты, а ее мощная армия разлагается изнутри, а гончие псы отравлены и крутятся на месте, потеряв след врага. Тихий решающий бросок на Восток в третьей по счету мировой войне начался.

СССР изначально находился в меньшинстве, ведя войну против сытого и консолидировавшегося вокруг Англии и США остального мира. Слабые и мятущиеся народы стран Африки и Латинской Америки не могли всерьез противостоять консорциуму транснациональных корпораций, опутавших практически весь мир. Без ориентира, каким для них был Советский Союз, они быстро захиреют и умрут. Но и в нашей стране люди вновь начали гибнуть, и уже не от рук врага. На этот раз граждане ненавистной Консорциуму Империи убивают друг друга, не видя истинного лица противника, чей коварный лик скрыт под маской напускной печали и участия. Счет жертв пошел на тысячи, тогда как страны

Консорциума не потеряли ни единого человека. Свершилась их мечта — противник убивает сам себя, братья уничтожают друг друга с особым остервенением, ибо нет сильнее чувства, чем ненависть, взращенная из любви. Этот раунд несомненно остался за «свободными». Но Северской знал, что отмщение за каждую загубленную жизнь будет страшным, капиталисты и зажавшееся стадо их послушных рабов ответят за все. Сил и средств накоплено предостаточно, но сейчас не время для ответного удара. Пока не время...

— Василий Иванович, — голос секретаря прервал невеселые размышления полковника, — к вам Андрей Михеевич Возницын.

— Пригласи, я жду его.

С помощником Северской уже давно был на «ты» и величал Возницына, теперь уже майора Возницына, только по имени. Доверие между ними установилось, понимали они друг друга с полувзгляда, лишь изредка сбиваясь на привычный официоз. Несведущим людям казалось, что эти двое пожилых уже мужчин просто общаются телепатически: начинал мысль один, и ее тут же подхватывал второй. Майор стал сед, в уголках тонких губ залегли глубокие складки, но глаза смотрели все с той же веселой хитринкой.

Пройдя через весь просторный кабинет начальника Склада, майор кивком приветствовал полковника и присел за длинный, в форме русской буквы «Т», стол справа. Андрей Михеевич положил перед собой красную папку и вопросительно глянул на полковника. Тот приглашающим кивком головы поощрил майора к началу давно намеченного разговора. Кашлянув в кулак, Возницын открыл папку и, еле слышно шурша листами, начал негромко, но внятно докладывать.

— Василий Иванович, положение стабильно ухудшается, как и предсказывал Бон. К середине сентября следующего года к власти в стране придут ставленники Консорциума. К счастью, в их рядах достаточно наших агентов влияния. Мы будем препятствовать развалу страны чем только сможем.

— Сколько мы потеряем территориально и по населению?

— До сорока процентов территории Союза, и до тридцати миллионов человек умрут в ближайшие пять лет, если не помешаем. А возможности теперь будут весьма ограничены: при попустительстве органов госбезопасности агентура разведсообществ стран НАТО ведет себя все более нагло. Если обнаружим себя раньше времени...

Северской скривился, грудь пронзила острая игла болевого спазма. Полковник вспомнил голодное блокадное детство, вспомнил, как мечтал только о двух вещах: чтобы перестали бомбить и чтобы отец вернулся домой живым и принес вдоволь хлеба... Но впереди еще лежал долгий путь, состоящий из множества маленьких шажков, которые придется сделать, стиснув зубы и не оглядываясь на ту вакханалию, сквозь которую вновь предстоит пройти разьединенным народам Союза, сейчас вовсю готовящимся к кровавой междоусобице.

— Это точно?

— Бон редко ошибается на таком коротком отрезке времени. — Голос майора был глух от усилий, которые он делал, чтобы сохранить ровный, деловой тон. — Погрешность не более полутора сотых процента. План консервации уже запущен, агенты на своих местах, многие уже приступили к работе, информация поступает непрерывно. Пока Бон не ошибается.

— Хорошо. — Северской поерзал в кресле и, хлопнув ладонью по столешнице, начал вставать. — Будем прятаться... Отслеживайте всех агентов влияния, важно не пропустить никого, даже самую мелкую плотвичку нужно загнать в наши сети.

— Уже составляем схему инфильтрации, через месяц будет готова действующая модель структуры госаппарата новой страны и отколовшихся союзных республик. Аналитическая группа майора Молдаванова уже работает... Есть еще кое-что, товарищ полковник. — Андрей Михеевич своей фразой невольно остановил движение начальника, и тот снова опустился в кресло, с недоумением глядя на майора. — Бон и наша служба дальнего обнаружения засекли четкий сигнал «глобуса». Артефакт сейчас в активной фазе

работы, излучает, как сумасшедший. Сигнал очень четкий, мы точно определили его местоположение: он в Колумбии.

Северской нахмурился, подвинув к себе листы доклада. Артефакты, о которых говорил Андрей, были очень редки, и ни один из них в руки агентов Склада еще ни разу в целости не попадал. Разведка сообщала только об одном функционирующем «глобусе», найденном американскими конкурентами Склада, сейчас работавшими под крышей АНБ. Кроме отрывочных сведений, полученных из древних египетских и ацтекских рукописей, ничего о свойствах артефакта известно не было. Больше всего информации содержали рукописи, вывезенные конкистадорами из Перу и Боливии сразу после начала экспансии на континент. Рукописи эти содержали массу туманных намеков на огромное могущество, которым будет обладать владелец сферы благодаря содержимому крохотного, не больше крупной горошины, артефакта. В семидесятые годы пара таких сфер попала на Склад, но обе они были серьезно повреждены. Исследователям удалось только выяснить, что артефакты имеют внеземное происхождение, и датировать их возраст — не менее чем сорок тысяч лет для каждого образца. Такая цифра уже давно не смущала экспертов, работавших в лабораториях Склада, более того, они настаивали на уточнении, поскольку артефакт был изготовлен из того же минерала, что и линзы оптических систем дисколетов.

Платон в своих записях лишь один раз упомянул «глобусы», и сделал он это в той части своих трудов, в которой говорилось об атлантах и их загадочном острове. Хитрый грек только вскользь упомянул это устройство в связи с развитым ремеслом картографов Атлантиды, да и то это было воспринято как неверный перевод, и в дальнейшем любое упоминание о таинственных сферах вымарывалось из официальных научных исследований трудов греческого философа.

Северской придвинулся ближе к собеседнику, в голове полковника уже зрел план:

— Андрей, кто у нас работает в том регионе?

— Резидентура ПГУ, наши люди есть в нейтральных водах, на океанографическом судне. Трое в группе боевого обеспечения, внедрены в подразделение боевых пловцов. Куратор группы — второй помощник капитана корабля, но действия агентов затруднены: без санкции московского Центра они не могут покинуть корабль.

— Приказ я организую.

— Обстановка в зоне обострилась, и думаю, что это связано с активностью артефакта.

— Есть жертвы?

— Группа диверсантов пропала в стокилометровой зоне, где излучение артефакта было локализовано. По данным местного резидента, наши военспецы подверглись нападению неизвестного противника.

Северской до хруста в суставах сжал кулаки: если американцам удалось извлечь информацию и применить ее так успешно, это серьезно перекосит баланс в будущей схватке. Нужно срочно принимать меры, но что делать, если агенты заперты в недрах плавучей железной бочки и вынужденно бездействуют?

— Василий Иванович, — Возницын, понимая состояние начальника, говорил как можно более нейтральным тоном, — а что если использовать местные силы, ну вот хоть этих спецов? Раз они выбрались живыми из одной передраги, то...

— Рискованно, — полковник разжал кулаки, он уже обдумывал вариант, предложенный майором. — Но ты прав, следует задействовать все ресурсы, «глобус» нужно добыть любой ценой. Никто не знает, что конкретно удалось выудить из него американцам. Какие данные у нас есть по сложившейся ситуации?

— Подробности немного. — Возницын сверился с записями и продолжил: — Группа диверсантов в момент проведения боевой операции подверглась нападению неизвестного противника. Трое разведчиков погибло во время боестолкновения, один тяжело ранен. К сожалению, это был командир. Сейчас остатки группы идут в точку эвакуации, с ними проводник из местных.

— Отлично, Андрей! — Полковник воспрянул духом. — Значит, янки что-то криво

исполнили, иначе никому бы не уйти. В каком состоянии наши головорезы?

— Командует, по словам резидента, молодой лейтенант. Но, судя по действиям группы во время отхода, это вполне грамотный офицер. Положение осложняется высокой активностью подразделений колумбийской армии в том районе. Американцы постараются убрать свидетелей, поэтому у диверсантов мало шансов выйти в точку рандеву.

— Чепуха! — Северской махнул рукой и победно ухмыльнулся. — Уж кого-кого, а головорезов у нас готовят знатных. Как только диверсанты раздобудут артефакт, пусть любой ценой доставят его на борт исследовательского судна. Худший вариант развития событий: если военспецы провалят задание, придется работать самостоятельно.

— Шифровка с заданием уйдет нашему человеку в ПГУ через полчаса. Я подготовлю материалы для передачи непосредственным исполнителям. Как всегда, залегендируем под пропавший контейнер с редким микрочипом?

— Само собой, Андрей, само собой.

Когда дверь за помощником закрылась, полковник откинулся в кресле и принялся обдумывать ситуацию заново. Итак, американцы заполучили редкий артефакт и смогли вытащить из его содержимого нечто полезное. Более того, это воплощено в некой технологии. Но подспудно закрадывалось сомнение: правильно ли заокеанский соперник понял, что попало к нему в руки? Такой уверенности не было. Время, сейчас все решит только время.

* * *

Земля. Республика Колумбия. 19 февраля 1990 года, 23:32 по местному времени. Ущелье Теней, северо-западное направление. «Товарищ Мигель» — старший лейтенант Егор Шубин, военный советник.

Ждать, догонять и прятаться — вот три основных занятия, которым разведчика учат прежде всего. Я могу просидеть в засаде, не шевелясь, ровно шесть часов, по методике, которой обучал дед. Штука тут в том, чтобы незаметно напрягать и расслаблять разные группы мышц и правильно дышать.

Но зверь — это вам не человек, и почуять засаду он может только в одном случае из пяти. Позицию я выбрал удачно: от тропы она закрыта тремя валунами, привалившимися друг к другу, а густая завеса из воздушных корней скрадывает мой силуэт на фоне то появляющейся, то исчезающей за облаками луны. Спецы появились спустя минут двадцать после того, как мы сели на тропу. Сначала, как и положено, прошли двое дозорных: парни были почти одного роста, вооружены амеровскими короткими «кольтами»,¹ причем у обоих присутствовали сдвоенные двадцатипатронные магазины. И это правильно, поскольку амеровское оружие лучше не баловать «тридцатками», если хочешь жить. Этот недостаток отмечали сами янки, так ничего толком и не придумав взамен: хартфордские оружейники рекомендовали солдатам поменьше стрелять.

Лица диверсантов были по всем правилам размалеваны полосами камуфлирующей краски, из специально нашитых петель на «разгрузках», рукавах курток и штанах торчали стебли травы. Панама одного и кепи второго тоже были ими утыканы, словно клумбы возле дворца пионеров. Шли парни осторожно, но быстро, и миновали мою лежку буквально за пару минут. Потом один из них вернулся обратно, вероятно, для связи с основной группой — доложить, что впереди все нормально. Про себя я отметил, что поставь мы вдоль тропы мины, в такой темноте эти вояки их вряд ли бы обнаружили. Но, как я говорил раньше, в нашем деле лучше без особой надобности не рисковать.

¹ Егор имеет в виду американский штурмовой карабин XM-177E1 «Colt Commando», созданный как компромиссный вариант основного оружия для американских сил специального применения. Калибр — 5,56 x 45 мм 223 Rem, тип автоматики — газоотводный, запираение поворотом затвора, общая длина — 680–762 мм, длина ствола — 292 мм, вес — 2,44 кг без магазина, темп стрельбы — 750 выстр./мин., емкость магазина — 30 патронов.

Спустя еще минут пять подтянулись и остальные участники наших посиделок — шестеро плюс тот парень в кепке, что был в дозорной группе. В неярком свете луны я стал всматриваться в силуэты вновь прибывших, чтобы понять, что у них за экипировка и вооружение. Короб рации у предпоследнего в цепочке бойца, скорее всего, тоже амеровский, ничего необычного. Пулемет... Черт, плохо видно! Опа, вот и засек... Бельгийская десантная «машинка», с коробом на двести патронов.¹ Остальные все с «кольтами», снайпера в группе нет, а снаряга говорит о правильности моих предположений — группу десантировали у входа в ущелье, все диверсы прут на себе трехдневный рацион, загрузились для короткой операции.

Высмотрев в цепочке того, что нес на спине небольшой короб рации, я убрал «калаш» и вынул пистоль. Поскольку без шума нам не обойтись, нужно попробовать запутать командование федералов. Темнота отступала, когда из-за облаков высывался овал луны. Я осторожно вышел вперед, слегка раздвинув заросли рукой. Спустя мгновение впереди слева глухо ухнул разрыв гранаты, потом еще два, и застучали автомат Лиса и «ручник» Дуги. В какой-то момент все смешалось, ущелье наполнилось треском ветвей, визгом осколков, криками раненых и скороговоркой перестрелки. Как я понял, первыми погибли дозорные и пулеметчик, шедшие впереди, — именно на них пришелся динамический удар и град осколков. Остальные «коммандос» бестолково шарахались из стороны в сторону, попав под перекрестный огонь. В этой суматохе я в три прыжка догнал расстроившуюся колонну, походя врезал радисту по затылку рукоятью пистолета и волоком потащил обмякшее тело в направлении валунов, за которыми прятался до начала представления. Воздух гудел от звуков боя, пулеметные и автоматные очереди поднимали тучи щепок, каменной крошки и пыли.

Когда я уже почти дотащил слабо отбрыкивающегося радиста до валунов, из кустов выскочил ошалевший десантник, на ходу полосующий пространство перед собой очередями из своей короткой «трещотки». Три пули прошли у меня над головой, одна чиркнула по камню возле лица справа. Не задумываясь, я вскинул ПБ и три раза нажал на спуск. Две пули пробили левое легкое и шею противника, а последняя легла точно над правой бровью. Боец осел на тропу, опустив автомат, но не переставая давить на спусковой крючок оружия. Пули подняли тучу брызг вокруг оседающего тела, почти полностью скрыв его и меня неким подобием дымовой завесы. Не останавливаясь ни на мгновение в течение всего короткого эпизода, я затащил наконец уже почти пришедшего в себя радиста за валун и снова от души приложил его в челюсть рукоятью пистолета. Боец выключился, обмяк совершенно, поза его говорила, что в таком состоянии он пробудет еще минут двадцать.

Я стреножил пленного и рванул к месту сшибки, чтобы быстрее прекратился шум, поднятый нами. Если все пройдет, как я задумал, радист окажется нам очень полезным. Спрятав пистоль в кобуру, взял АКМ и осмотрел пространство впереди через «ночник». Картина получилась довольно оптимистичная: на ногах оставались как максимум двое — командир группы и еще один стрелок. Слева мелькнул силуэт между деревьями, я повел его плавно, выбирая люфт спуска, но не торопясь с выводами. Мелькнуло кургузое мурло «кольта» в руках скачками несущейся по тропе фигуры, и я не колеблясь дал по согнувшемуся в три погибели колумбийцу короткую очередь в четыре выстрела. «Калаш» едва ощутимо дернулся, фигура упала ничком, выпустив оружие и раскинув руки в стороны. Лица у бедолаги, скорее всего, нет совершенно, пара пуль как раз попала в затылок.

Тут же слева грохнула звонкая очередь, выбившая щепу в стволе довольно широкого дерева у меня над плечом. Колумбийцев хорошо обучили: только по небольшой засветке, почти в полной темноте и наверняка раненый, боец чуть было не продырявил меня. Уйдя в полуприсед за кусты левее того места, где только что был, я затаился, прислушиваясь. Но все

¹ Имеется ввиду бельгийский пулемет с раздвижным прикладом «MinimiPara». ТТХ: калибр — 5,56 мм НАТО, вес — 7,1 кг, общая длина — 914/776 мм, длина ствола — 349 мм, боепитание — лента на 100 и 200 патронов, стандартные секторные магазины от ШВ емкостью 30 патронов, темп стрельбы — 750 выстр/мин.

зря: с позиции Дуги короткой очередью огрызнулся пулемет, после чего тишину ночи пронзил долгий, истощный крик боли. Не теряя времени, я встал и вслепую выпустил длинную, почти в десять патронов, очередь на звук. Крик оборвался на высокой ноте, на несколько томительных секунд воцарилась тишина. И вот уже снова лес наполнился звуками возвращающихся к своим занятиям насекомых и птиц. Сельва никогда не лжет: кто бы ни был этот крикун, теперь он уже никогда не подаст голоса, местная фауна безошибочно определяет, когда люди так или иначе выбывают из игры.

Приложив руки к губам, я два раза ухнул по-совиному, обозначая свое местоположение для бойцов. Первым примчался Лис, знаком показывая, что не ранен, через пару минут за ним спустился Дуга. Левая рука у него была обмотана куском ткани, но здоровой рукой он сделал успокаивающий жест, давая понять, что рана не серьезная.

Я загнал в автомат новый «рог» и, передернув затвор, пошел к укрытию, где уже должен был прийти в себя пленник. Бойцы нашей невеликой команды пошли за мной следом, но поскольку на счету была каждая минута, я решил иначе:

— Саня, — обернулся я к пулеметчику, — собери все оружие, какое найдешь, его нужно заныкать. Возьми с собой местного, пусть помогает. Отбери четыре «ствола» и сними с «тушканчиков» сбрую, нужно все это надежно спрятать. Остальное бросьте вон в ту канаву, — стволом «калаша» я показал в сторону небольшой промоины справа от тропы, — и уничтожьте. Напоказ уничтожьте, чтобы никто не додумался захоронку с трофеями искать. У тебя есть минут двадцать на все дела, в темпе давай.

Дуга кивнул и в то же мгновение скрылся в густой темени, причем практически бесшумно.

— Лис, — радист как-то нервно оглядывался по сторонам, его необходимо было чем-то занять, — иди к Бате, проверь, что там и как, начинай готовить его к движению. Посматривай по тылам, лады?

— Нас услышали, скоро тут будет вся местная рать. Можно было затаиться...

— Само собой. Иди к раненому, позже поговорим.

Лис тоже ушел. Что я мог ответить на его резонное, в общем-то, замечание? Ну прав он кругом, если бы дело касалось решения задачи по тактике где-нибудь в тихой и светлой аудитории. Но фактически раненый не только замедлял наше продвижение вперед, но и лишал возможности маневрировать. Сейчас как никогда важны были скорость и отсутствие преследователей, дышащих нам в затылок или, не исключено, ожидающих нас где-то на выходе из ущелья. Поэтому я решился на небольшую радиоигру, чтобы увести погоню как можно круче в сторону от маршрута группы.

Радист уже пришел в себя, но еще толком не начал соображать, что было весьма кстати. Я снова без замаха врезал ему по морде. Удар был сильный, но сознания от такого не потеряешь. Развязал парню ноги и, срезав с них «берцы», оголил ступни, придавив их коленом к земле.

— Солдат, — начал я на родном для пленника языке, которым теперь довольно неплохо владел, — ты попал в плен, но тащить тебя с собой я не могу. Мне придется тебя убить.

— Гринго, проклятый коммуняка!.. — начал срывающимся голосом радист, но я заткнул парню рот пучком травы и, вынув клинок, отрезал ему мизинец на левой ноге. Тут же пережал рану его же носком. В полумраке лицо пленного потемнело от натужного, рвущегося наружу крика, а потом побелело, глаза стали закатываться, голова завалилась набок.

— Вставай, солдат! — тыльной стороной ладони я привел в чувство впечатлительного радиста. Похоже, парень боялся вида собственной крови. — Нет времени изображать из себя маленькую сеньориту. Я все знаю про таких, как ты: вы любите лить чужую кровь, но вид своей собственной пугает до усрачки, верно?

— Ты... Я ничего тебе не скажу...

Радист был испуган, запахло мочой. Момент, когда парень из храброго вояки

превратится в поющего, словно курский соловей, марьячи, похоже, уже наступал. Искусство допроса предполагает некоторые нюансы; мало сделать человеку больно, важно дать ему понять, что помимо угрозы потерять, скажем, пару пальцев у него в перспективе — мучительная и довольно длительная смерть. В любом, даже самом тренированном солдате прячется подсознательный страх смерти, по-другому никак, ведь отморозки сидят по тюрьмам, а в десант маньяков, лишенных инстинкта самосохранения, не берут. Конечно, и в десантуре всегда имеется какой-то процент тех, у кого протекает крыша, и их в конце концов списывают, но в действующей части весьма редко можно встретить маньяка, ну разве что по прозвищу, не отражающему реальных психических кондиций.

Именно на это нацелена методика, которую я с успехом применил сейчас. Моя задача заключалась в том, чтобы сорвать слой за слоем весь опыт, вдолбленный в пленника инструкторами, и вытащить наружу задыхающееся от страха и жажды жизни человеческое естество. Рано или поздно все рассказывают то, что требуется, и лишь немногим удается соскочить в безумие или умереть от болевого шока. В кино и книгах в сознание читателя внедряется мысль, что агентов учат останавливать сердце. Но никто не упоминает о препаратах, довольно распространенных и простых, с помощью которых можно запустить сердце вновь и не позволить хитрецу дважды сесть в один и тот же поезд. Пара уколов, острый нож, и вот уже самый крепкий и хитрый «джеймс бонд» продает родимую державу со всеми потрохами, лишь бы побыстрее получить заслуженную пулю в лоб и выбраться из океана боли на серую сушу вечного забвения. Что уж тут говорить о малограмотном парне из сельской глубинки, пошедшем в армию за парой крепкой обуви и бесплатной трехразовой кормежкой, — он тем более скажет все. Вот для чего разведчик всегда имеет один патрон для себя или заветный кругляш гранаты: мы не хотим переносить пытки, потому как так или иначе, но говорят все. Только мертвец никогда и никому уже не может навредить, поэтому мы в плен не сдаемся.

Пленный радист, захлебываясь соплями и обильно выделявшейся слюной, поведал об отдельном батальоне под грозным и вычурным, как все здесь, названием — «Черные ягуары». Парней отбирали по всей стране и свозили в тренировочные лагеря недалеко от побережья, где за них принимались американские военные инструкторы из 82-й дивизии ВДВ — так называемые «зеленые береты». По словам пленника, инструкторский состав испански говорил довольно плохо, большей частью полагаясь на переводчиков. Колумбийскую десантуру натаскивали на борьбу с партизанами, вооружали новейшими образцами оружия, придавая современную технику и средства связи. Скорее всего, «ягуаров» хотели использовать как некий мобильный резерв, на случай, если руки самих американцев в той или иной ситуации окажутся связаны. Но все это было не так интересно, как то, что пленник рассказал напоследок. Где-то неделю назад в расположение батальона прибыл некий гринго-американец в форме колумбийских парашютистов, имевший звание майора. Гринго постоянно жевал мятную жвачку, а взгляд его черных глаз был способен убить на месте, поражая своим мертвящим холодом. Сам полковник Руис, командир батальона «ягуаров», заискивающе отдавал ему честь и исполнял малейший каприз гостя. Потом в казармах прошел слух, что американец отобрал взвод лучших бойцов, преимущественно хорошо знающих местность, и больше ни его, ни тех парней никто на базе не видел...

Глянув на часы, я понял, что нужно закругляться, и перешел к сути своего плана. Поставив перед пленным короб рации и сверившись с блокнотом-памяткой, отобранным у радиста при обыске, я настроил рацию и надел ему на голову гарнитуру с наушниками и микрофоном.

— Сейчас, — начал я проникновенно, поигрывая ножом так, чтобы парень его все время видел, — ты свяжешься со своими и доложишь, что вы наскочили на минное поле, а партизаны тут не появлялись. Спросят командира — скажешь, что серьезно ранен, попросишь помощи. Не финти, я знаю ваши «дистресс коды»¹ и успею оборвать передачу, а в

¹ «Distress codes» — условные сигналы, передаваемые радистом в случае работы под контролем противника.

сельве полно голодных муравьев. Все понял?

Парень закивал и, вслушиваясь в треск статики, забормотал фразу вызова. Само собой, точных сигналов, принятых у них в подразделении, я знать не мог, но тут мне на руку был мой иностранный акцент. Парня приучали к мысли, что гринго всегда и все знают, авторитет иностранных спецов был непререкаем. Поэтому радист просто выполнил то, чего я от него и добивался. Дежа ушла по назначению, а парню я просто свернул шею и, разбив рацию, сбросил его в заросли слева от тропы.

Расчет был прост: скажи радист о том, что партизаны уничтожены, сюда тут же слетится хренова туча федералов и обнаружит обман. Совсем другое дело, если поисковая партия сама стала обузой, перестав приносить пользу. Помощь невезучим, конечно, окажут и пришлют вертолет, но сделают это не сразу, а лишь по окончании прочесывания района. Более того, поняв, что в ущелье есть минные поля, сюда вряд ли сунутся без сопровождения саперов другие поисковые группы. Нас тут тоже искать не станут, но на месте охотников я бы оставил заслоны на входе и выходе из ущелья. Таким образом, мы получаем часа два передышки, за которые можно спокойно просочиться между заслонами. В том, что это осуществимо, я не сомневался, ведь федералам станет известно про минные поля, а значит, никто караулить надежно перекрытое минами направление особо не захочет.

Спустя неполные тридцать минут наша потрепанная группа собралась на западном склоне, в десятке метров выше высохшего русла реки, и двинулась вперед. Состояние раненого командира было стабильно скверное. Рану Лис снова прочистил и прижег, прекрасно осознавая, что вечно так продолжаться не может. Дорога довольно неохотно отдавала нам километр за километром, но все-таки впереди, в нарождающемся предрассветном небе, показались пологие склоны гор — выход из ущелья Теней.

На этот раз впереди шли Лис и Симон. Парень вымотался, это было заметно невооруженным взглядом: под глазами черные круги, лицо осунулось. Двигался он порывисто, казалось, что вот-вот споткнется, повалится в заросли и больше не встанет. Когда долгое время живешь под угрозой смерти, но не знаешь, откуда она придет, усталость накапливается быстрее обычного. Постепенно возникает ощущение безразличия к тому, что будет дальше. Вот тогда-то и приходит то, что на казенном языке называется «случайная смерть». Человек либо сам совершает глупый, необдуманный поступок, либо неумышленно способствует тому, что подобное совершают его товарищи и гибнут или калечатся с ним за компанию. Спустя час быстрой ходьбы, подозвав к себе на коротком привале Лиса, я указал глазами на проводника:

— Следи за парнем, похоже, он выдыхается.

— Так вижу ж я. — Боец отстегнул с пояса флягу в матерчатом чехле, сделал скупой глоток воды и, прополоскав рот, сплюнул влагу. — Пока что он держится хорошо, но это ж пацан совсем, я в его годы еще из рогатки по крысам шмалял.

— Приглядывай, короче. — Я указал стволом «калаша» вперед и влево. — Вон по той ложбинке пойдем. Если кто тропу и сторожит, там, скорее всего, только пару сигналок поставили. Место глухое, для прохода с грузом неудобное.

— Трудно пройти будет. — Лис разглядывал место прорыва в бинокль. — Там метров тридцать полоса открытого пространства, да камни со склона осыпаются.

— Знаю. Придется рывками перебегать. Ну, давай, пошли, а то скоро утро, нужно успеть проскочить до того, как свет включится. Тронулись помаленьку.

Благодаря мягким предрассветным сумеркам и скрадываемой зарослями заре все вокруг стало неповторимого серо-сизого цвета. Время для рывка я выбирал не специально, но по опыту охотника знал, что в такое время чувства обманывают даже зверя, не обладающего разумом и слепо следующего инстинкту. Шанс проскочить мы не упустили: двигаясь быстро, но осторожно, след в след, наш маленький отряд через сорок минут вышел по ложбинке к северному склону ущелья и, не замеченный никем, скрылся в сельве. Спустя еще час мы остановились на дневку: настало время сеанса связи, да и от точки эвакуации нас отделяло каких-то десять километров. Люди устали, дорога вымотала нас до последней

степени, все мечтали хоть на полчаса замереть в полной неподвижности.

Лис накинул на сук антенну и взялся за свою шарманку, прослушивая полный треска статических помех и бормотания множества голосов эфир. Взгляд у него стал отсутствующим, движения затормозились — теперь придется приглядывать еще и за ним, парень совсем скис. Обойдя по периметру стоянку, я отошел от ребят метров на сорок, затаился возле группки тоненьких древесных стволов и прислушался, стараясь вычленив чуждые утренней какофонии джунглей звуки. И... услышал уханье филина, что для джунглей так же необычно, как если бы человек запел в голос.

Вскинув автомат, лишенный теперь за ненадобностью ночного прицела, я повел стволом вправо и увидел машущего оружием Детонатора. Славка! Живой и невредимый стоял в просвете между древесными стволами, а у его ног кулем валялся наш бегунок — Пако. Осмотревшись и не заметив ничего подозрительного, я вынул из кармашка «разгрузки» камешек и кинул его в сторону «певца». Его залиvistую арию мог услышать не только я. Камешек летел Славке ровно в середину груди, но он ловко отбил его автоматом. Тихо звякнул металл, сапер, улыбаясь, зашагал в мою сторону. Подгоняемый пинками, впереди довольно шустро, несмотря на подбитый глаз и пару ссадин на унылой физиономии, семенил абориген. Когда живописная парочка приблизилась ко мне метров на десять, я выступил ей навстречу. Пако шарахнулся было назад, но Детонатор ловко подсек ему ноги, и жирный родственник команданте снова рухнул в траву.

— Салют, брателло Мигель! Смотри, кого я тебе приволок... *Se levanta, la mierda!*¹

Славка пнул поскуливавшего местного, тот поднялся и потрусил вперед, а неунывающий Детонатор стал вполголоса рассказывать мне историю поимки беглеца:

— Ты как в поиск подался, этот хмырь жирный все на месте не сидел. Понял я, что свинтить чурка хочет, и автомат у него отнял. Так он чего удумал: нажрался ягод каких-то и ну воздух портить... У, падла! И вот тут я сплоховал, отпустил его, когда он в кусты запросился. Но, веришь, камрад, вонища такая стояла, что глаза резало. Потом оглушил он паренька нашего и деру дал. Причем хитро так след путал, но, видно, ягод своих пережрал, я его по кучам говна и нашел. Потом на место нашей последней стоянки прихожу, смотрю: нету никого, а под камнем весточка лежит. Правду говорят, что нет хуже занятия, чем ждать и догонять. Это ты опять шухер среди местных навел? Ползают по округе, как вши перед банным днем, еле протасил «пассажира» в лес.

— Ущелье шерстят?

— Уже нет. Трупы в вертушку подняли на тросах. Потом со своими у северной горловины перетерли, а те побожились, что не проходил мимо них никто.

— А ты все сидел и слушал.

— А че?! — вскинулся Детонатор и с нотками обиды в голосе продолжил: — Кабы они сказали, что вот, мол, проходили тут советские военные специалисты да привет вам передали, то всяко разнo облава бы уже в лесу шерстила. А так — покрутились возле горловины и назад повернули, подумали, что вы обратно ушли, не смогли пост тихо обойти.

— А сам-то почему вслед за федералами не пошел? — подначивал я подрывника, чтобы проверить, не врет ли, но делал это автоматически, по привычке. — Или...

— Да иди ты! Совсем-то за дурня не держи. Если знаешь, что до точки randevу в обход пилить и пилить, то найдешь лазейку. Вот я и подождал, когда ищейки отойдут подальше, и по ложбинке слева проскочил. Увалень этот мешал, конечно, но как только я пообещал ему яйца отрезать, то аж впереди меня стал ломиться, вот так и дошли.

— Ладно, Слава, не серчай. — Я хлопнул приятеля по плечу и пошел к рации. — Все на нервах сейчас. Привяжи кабана этого и отдыхай. Скажи Дуге, что его очередь в караул садиться.

В эфире ничего необычного мы не услышали и спустя еще двадцать минут двинулись к точке эвакуации. Место это лежало в двух часах хорошей ходьбы от нашей стоянки, но,

¹ Поднимайся, дерьмо! (*исп.*).

учитывая состояние раненого, который уже почти не подавал признаков жизни, я приказал увеличить темп марша. Мы добрались до приметной скалы, откуда удобно будет забирать и нас и носилки, за семьдесят одну минуту. В глазах темнело, пот уже не струился, а капал из пор, словно мы были сочащимися влагой губками. Постоянно слышался гул патрульных вертушек, операция по нашей поимке не сбавляла оборотов. Мы вповалку лежали на горячих камнях, как вдруг Лис выпучил глаза и, сорвав с головы наушник, передал его мне.

— Стрекоза — Мигелю! Стрекоза — Мигелю! Как прием, как прием?

Это был позывной нашей вертушки, но вот только сеанс получился внеплановый: время подлета было оговорено заранее, и выход в эфир означал экстренную ситуацию. Я взял мокрый от пота наушник с микрофоном.

— Здесь Мигель, говори, Стрекоза.

— Меня обстреляли. Машина повреждена! — Голос пилота был спокоен, но сквозь вой помех я различил надсадное завывание двигателя вертолета. — Всех на борт принять не смогу. Подниму максимум двоих-троих.

— Понял тебя, Стрекоза. — Блин, да что ж это за неделя-то такая выдалась. — Возьми раненого и двоих наших.

— Понял. Троих возьму. Подлетное время — двадцать минут.

— Ждем. Не свались по дороге...

Обернувшись к бойцам, я окинул взглядом все мое воинство. Ребята были на пределе, израсходовав второе, третье и даже десятое дыхание. Да и я сам представлял собой, наверное, зрелище более чем жалкое: измочаленная одежда, грязь и травяной сок по всему телу. Короче, приходите и берите нас тепленькими.

— Дуга, Славка, Симон — идете со мной. Лис, на тебе Батя и этот жирдяй-побегунчик. Мне некого больше отправить, боец, не серчай.

Радист посмотрел на меня с укором, но промолчал. Мы оба знали расклад: с Батей обязательно должен быть кто-то из наших, а Лис, как самый молодой, мог надломиться в самый неподходящий момент. Да и он сам знал, что в ущелье дал волю приступу малодушия и потому не имеет права настаивать на том, чтобы остаться.

С севера, чадя дымным шлейфом, приближался надсадно воющий движком вертолет. Это был американский «ирокез» без опознавательных знаков и какого бы то ни было бортового вооружения. Я запалил дымовую шашку, чтобы обозначить нашу позицию. Вертушка зависла метрах в двадцати над скалой и сбросила с обоих бортов тросы и корзину для раненого. Когда я привязывал Серебрянникова к хромированной корзине, он неожиданно пришел в себя и что-то прошептал. Я наклонился к самому его лицу, но ничего расслышать не получилось. Я ободряюще похлопал его по руке и подал сигнал на подъем. Остальные поднялись на борт без видимых усилий, даже Пако шустро перебирал конечностями, предвидя скорую безопасность и, возможно, повышение по службе.

Вертушка развернулась носом на юго-восток и, чуть вихляя, стала удаляться, набирая скорость. Я обернулся к оставшимся бойцам и хрипло проговорил:

— Форa по времени у нас минут пятьдесят, может, чуть больше. Погонятся за вертушкой или нет, для нас не имеет значения, район будут шерстить плотно, раз идет войсковая операция. Наша задача — выйти за пределы оцепленного района в направлении северо-северо-восток. Там болота, и есть вероятность, что не все выходы оттуда перекрыты. Пойдем быстро, привала в ближайшие десять часов не ждите. Принять стимуляторы. Задача ясна?

В выборе я не прогадал: три пары глаз смотрели на меня с усталым безразличием, но без отчаяния. Никто не проронил ни слова, ответом на мой вопрос были только еле уловимые кивки. Построившись в походную колонну, группа перешла на волчий шаг и вскоре вышла на звериную тропу, ведущую к болотам.

* * *

Планета Гелион. Первый день первого месяца года 5690 от окончания Передела, 12:38 по местному времени (соответствует примерно 06:00 10 февраля 1990 года по земному летоисчислению). Понт Эвксинский, дворец Гелиофор — главная резиденция правителя острова Эвксин. Митридат II Бессмертный.

...Ему снова виделся тот же сон, вернее даже греза, когда бодрствуешь, но настоящее не занимает тебя так, как произошедшее много лет тому назад. В этом сне отец, сильный и красивый, в окружении гвардейцев и высших офицеров замер у командно-штабной машины, а перед ними на портативном планшете пляшет во всполохах помех тактическая карта восточного побережья. Аккадцы уже высадились, их винтокрылые коптеры и боевые авионики утюжат форты понтийского укрепрайона. Эвксинские войска повсеместно гибнут, даже на пути их отступления точно работает аккадская артиллерия, сжигая технику и людей смертоносным дыханием плазменного всепроникающего огня. Днем ранее исчез в вихре коричневой чумы прекрасный Понт Эвксинский, мать Митридата и троих его братьев болезнь пожрала за считанные часы.

Самого Митридата спас раб-ромуланец, воспитывавший его с раннего детства. Рослый и умелый воин, Луций, попав в рабство к аккадцам, был выкуплен отцом царевича много лет назад. Он учил Митридата драться без оружия и с оным, а позже обучал тактике и стратегии, приличествующей будущему правителю и полководцу. Когда же началась бомбежка и люди, словно безумные, стали срывать с себя покрывающуюся коричневой пеной плоть, воспитатель не растерялся. Он стащил с манекена легкие доспехи, предназначавшиеся для него самого, быстро облачил в них мальчика и до последнего вздоха тащил его к тайному тоннелю в подвале дворца. По пути им попадались слуги и стражники, корчившиеся в судорогах на полу или бестолково мечущиеся по коридорам и залам дворца. Митридат хотел увидеть мать, искал ее взглядом, не замечая, что у него кружится голова и нечем дышать; наномехи уже разъели дыхательные фильтры брони, попали в кровь и начали свою разрушительную работу.

Дальнейшее он помнил смутно: вот упавший, потерявший человеческий облик Луций вталкивает его в открывшуюся дверь потайного хода, вот незнакомые воины с эмблемами «Вечного пламени» — личные телохранители отца — срезают с него изъеденную наномехами броню, приклеивая к коже, покрывшейся коричневой коркой нарывов, оранжевые блоки медицинских анализаторов. Потом — забытие, и вот он уже видит озабоченное лицо отца, который, вполоборота бросив что-то стратегу Хавларию, быстрым шагом идет к нему. Митридат не мог сказать ни единого слова из-за трубок во рту, но отец успокаивающе приложил палец к губам и сам начал говорить:

— Сын, мы с тобой остались вдвоем. Твои мать и братья погибли, мы не смогли пробиться в столицу вовремя и спасти всех вас. Ты болен, и болезнь эта неизлечима. Пока неизлечима. Нужно выжить, сын. Я верю, Арес не откажет тебе в праве на месть. Тебя отправят в катакомбы Малиариса, на север, а потом...

Потом был новый артудар, и Митридата спас только захлопнувшийся люк бронемшины. Отец сгорел в плазменном огне, как и последние из совета архонтов, командовавших остатками разгромленной в считанные часы армии маленького, утопающего теперь в огне пожаров Эвксина. Больше некому было отдавать приказы. Превозмогая боль, Митридат вырвал трубку изо рта и хриплым шепотом приказал растерянному глядевшему на него пилоту:

— В катакомбы. Нам еще нельзя умирать, солдат...

Очнувшись от воспоминаний, Бессмертный увидел величественный зал отстроенного заново Гелиофора, где все было восстановлено по старым чертежам и воспоминаниям самого царя. Три тысячи лет черного сна, похожего на смерть, и почти триста лет лишений и упорного труда... Сколько еще страданий и притворства, как долго еще терпеть этих надменных и лживых толстосумов из Конфедерации?... Опустив взгляд, он увидел склонившегося в глубоком поклоне посла и окончательно сосредоточился на настоящем. Путь к мести был длинным, а шаги тяжелы...

— Мой повелитель, посланник александрийской колонии комес Калистрат прибыл для вручения личного послания от своего господина Феоктиста Александрийского, — к нему приблизился прислужник в синем камзоле, расшитом золотым позументом, мягко ступая по сияющему зеркальными отражениями купола тронной залы полу.

Царь любил выступающих с особым достоинством высоких и статных ромулан. Этот раб не был исключением: в традиционном камзоле, бриджах и высоких, с круто загнутыми кверху носами, сапогах без каблуков, он смотрелся очень величаво. Бронзовая маска на лице прислужника изображала полуулыбку, не вязавшуюся с черными бусинками глаз — фотоэлектронных умножителей. Белый кудрявый парик скрывал шевелюру, совершенно обезличивая ромуланина, отнимая даже толику индивидуальности.

Прислужник встал слева от замерцавшего сиреневыми всполохами деактивируемого на короткое время защитного экрана, склонившись перед вошедшим в зал послом в легком полупоклоне. Митридат всем давал понять, что ни один правитель Элисия, будь он хоть трижды олигархом или, не приведи Олимпийцы, самозванным императором, не стоит поясного поклона самого ничтожного раба эвксинского царя. Где уж этим однодневкам тягаться с ним, прожившим три с лишним века, видевшим гигантские ковчеги Ура, отплывавшие от пылающих берегов того, что теперь именуется единственным островком цивилизации. Он помнил железную поступь легионов Ашшурты, на фоне которых меркнет мощь всех армий известного мира. Царь до сих пор чувствовал ужас, заставлявший тревожно перемигиваться датчики в левом нижнем углу монитора, зависшего перед внутренним взором Бессмертного теперь уже навсегда. Синтеты дали ему бессмертие и почти полную неуязвимость, но у всего есть цена: он не мог больше видеть свободное от непонятных ему символов окружающее пространство, все было подернуто паутиной координатной сетки и мигающих таблиц и цифр.

Синтеты обещали, что попытаются убрать это ненужное ему сочетание цифр и графиков, охватывающих видимое пространство цепкими зеленовато-желтыми нитями. Боль, поселившаяся в теле почти три века назад и сжигавшая кожу, превратившуюся в подобие темной прожаренной шкуры цыпленка, теперь ушла. Сейчас Митридат не чувствовал абсолютно ничего: даже самое малое беспокойство исчезло совершенно. Теперь царь не нуждался в сне, пище и мог неделями заниматься своим любимым детищем — приземистыми «асписами».¹ Новые танки били на полигонах и в мелких стычках имперские «ирбисы»,² заставляли пятиться даже тяжелые «сциллы»³ аргосских еретиков. С таким оружием царь заставит чванливых конфедератов и этого молокососа в остроконечной тиаре, именующего себя императором всего известного мира и сыном Бога Солнца, скулить и умолять о пощаде. Но пока это только планы. Теперь же придется заняться послом, который вот уже долгих пять минут стоит на коленях в десяти метрах от низкого ложа, на котором сидит Митридат.

Посол замер под прицелом десятка телохранителей-синтетов, облаченных в боевую броню и небрежно поводящих стволами «круверов».⁴ Но оружие у этих солдат всегда деактивировано, о чем никто, кроме самого Митридата и двух его самых доверенных людей, не знает. Мало подавить покушение, гораздо важнее предотвратить его. Поэтому под

¹ «Аспис» — шагающий танк. Как правило, имеет ракетное вооружение, несколько тяжелых пулеметов, безоткатное орудие. Название образовано от древнегреческого слова «аспис» (круглый ростовой щит). «Асписы» — наследие войн Передела, имеются в небольшом количестве в войсках армии Митридата. Из-за высокого уровня автоматизации управляются только воинами-синтетами.

² «Ирбис» — единый многоцелевой танк имперских вооруженных сил.

³ «Сцилла» — единый многоцелевой танк вооруженных сил Аргоса.

⁴ «Крувер» — 23-мм автоматическое роторное гаусс-орудие. Носимый вариант часто имеет уменьшенный калибр и небольшой носимый боезапас. Монтируется как основное оружие на боевом тактическом пехотном комплексе «Ксара», применяемом только в армии синтетов.

сводами зала пряталась самая совершенная в обитаемом мире охранная система, не убивающая, а лишь парализующая убийцу или убийц с помощью скорострельных иглометов и стазис-ловушек, невидимой сетью опутывающая жертв необоримыми гравитационными лучами. Игла с ядом парализует, а гравитационная сеть удерживает на месте. А затем служба охраны выступает из-за потайных стен зала, чтобы тут же на месте вживить дерзким преступникам аксон подчинения. Более того, теперь Митридат стал совершенно неуязвим, поскольку его мозг покоился в резервуаре с питательной жидкостью в подземелье эвксинского дворца, а кибернетическое тело лишь управлялось нервными импульсами, передающимися по выделенному каналу к послушной кукле, которую все считают Бессмертным. Когда случались дальние походы, мозг в бронированном контейнере помещался в один из шагающих танков, что на фоне их слабой уязвимости было вполне разумно...

— Бессмертный и величайший, — начал свою речь хорошо поставленным голосом александриец после разрешающего кивка головы Митридата, — мой господин, автарх...

— Я знаю, как зовут твоего хозяина, раб. — Голос нового тела оказался приятным басом. Посол вздрогнул и замолчал. — Говори, чего хочет Феоктист, но не увиливай, мое время хоть и бесконечно, но весьма ценно, раб.

— Мой господин, — голос Калистрата дрожал от волнения, — хочет предложить тебе, Бессмертный царь царей, союз от имени Конфедерации семи городов Элисия.

Дипломат замолчал, думая, что его опять прервут, но ошибся. Митридат не страдал манией величия, просто ему не хотелось показывать всем свое истинное лицо. На самом же деле Бессмертный давно пытался угадать, кто же из кичливых автархов Семиградья первым прибежит к нему на поклон. Этот плод селекционных браков внутри своего семейства, Флоксис, давно уже напрашивается на хорошую трепку. Загвоздка в том, что выступи Митридат теперь, у всех появится повод забыть старые распри и объединиться против монстра, каковым его считают все без исключения СМИ на Элисии. С Флоксисом, этим полоумным щенком, разговаривать бесполезно — он и шагу не ступит без своих триумфиров и сотни-другой принесенных в жертву Осирису девственниц. Но обладая огромной, хорошо оснащенной армией и вторым по численности флотом, можно иметь некоторые экстравагантные привычки. Кроме того, Флоксис коварен и легко может ударить в спину, чего нельзя ожидать от разобщенных, но таких гордых аристократов Конфедерации. Эти будут блюсти букву договора и скорее отдадутся Митридату в рабство, нежели нарушат клятву...

— А с чего это твой господин решил, раб, что я хочу заключить с теми, кто считает меня богохульником и порождением бездн Аида, какой-либо договор? Оглянись вокруг, — Митридат повел рукой, и правая стена залы исчезла, открыв встроенный в нее голографический экран, — мое царство велико, а армия непобедима. Вы не нужны мне, смертные. Это я и мои фаланги необходимы вам как воздух!

Бессмертный поднялся с низкого, стоявшего на полутораметровом возвышении ложа, устланного шкурами горного барса, спустился по ступеням и оказался рядом с александрийцем. Без видимых усилий он поднял посла с колен и развернул в сторону экрана, высившегося от пола до купола зала (двенадцать с половиной метров в высоту и сорок метров в длину). Карта отображала остров Эвксин с мигающими пурпурными значками крупнейших полисов — Тавриды и Понта Эвксинского. Также на ней отображались кусок северного побережья Аларнийского океана и восточная часть Аргосского полуострова.

— Смотри, раб: пурпур — это я. — Повинуясь мысленной команде Митридата, весь Эвксин, сорокамильная зона океана вокруг него и большая часть северо-западного побережья Элисия окрасились в багрянец. — Сине-белый — это твой господин и другие толстосумы-конфедераты.

На экране загорелся обширный кусок суши, простирающийся от юго-восточного побережья до отрогов Родопских гор. Изрезанная внутренними границами Конфедерация не производила впечатление надежного монолита. Придворные картографы постарались

выразить все презрение эвксинского деспота к этому слабому, аморфному государственному образованию. Бессмертный продолжал свой монолог, нисколько не сомневаясь, что посол ловит каждое его слово:

— А вот ваш самый злейший враг, — Митридат снизошел до того, чтобы указать на юго-восточную часть суши, окрашенную в коричнево-золотые цвета — громадный кусок Элисия, вдвое перекрывавший все остальные цвета на карте, — щенок Флоксис и его осиный рой!..

Царь отпустил посла, вернулся на ложе, уселся на нем, закинув ногу на ногу. Митридат был одет в темно-бордовую тогу с золотой оторочкой, голову венчал венец из червонного золота с граненым, в форме восьмиконечной звезды, крупным сапфиром, на ногах — мягкие сафьяновые сапоги с загнутыми носами, в которые были заправлены черные, отороченные золотым же позументом бриджи. Тело, данное царю синтетами, внешне ничем не отличалось от обычного человеческого. Оно могло бы принадлежать высокому, под два метра ростом юноше лет двадцати. Правильные черты овального лица, прямые, коротко стриженные черные волосы, высокие скулы, серые внимательные глаза, прямой, словно вычерченный по лекалам, нос, бронзового оттенка кожа там, где ее не скрывала одежда. Но вот выражение лица было застывшим, его не искажала ни одна эмоция: гнев, радость или малейшее волнение на нем не отражались, словно это была статуя кого-то из Олимпийцев. Бессмертный единственный не носил маски. На всем Эвксине было принято скрывать свои лица, подобно жрецам, но Митридата почитали, словно живого бога, сошедшего на землю.

Посланник александрийского автарха Калистрат снова опустился на колени, смиряя гордыню, и продолжил свою речь. Трудно было произносить слова послания, текст которого ему передали лишь за час до начала аудиенции у деспота, ведь Митридат не признавал суверенитета посольств. Последним, кто вызвал неудовольствие своенравного властителя, был имперский адат (так в Ра называли послов и наместников), осмелившийся назвать своего господина императором во время вручения верительных грамот, хоть это и было в перечне запретных выражений, доводимом курией иностранных дел до всех представителей суверенных держав при царском дворе. Имперца поджарили живьем путем облучения микроволнами в огромной дворцовой печи, казнь длилась трое суток, с шестьюдесятью реанимациями сошедшего с ума от боли человека. Прекратилось истязание лишь тогда, когда Митридату надоело слушать вопли, транслируемые в тронный зал вместе с картинкой процесса. Запись была отослана Флоксису.

Говорят, молодой император оценил изобретательность Митридата и повелел сконструировать у себя нечто похожее. Агенты александрийской разведки в имперском дворце доносили также, что молодой монарх в бессильной злобе изрубил в покоях троих прислужников и свое золоченое ложе из драгоценных пород древесины. Ведь казнить в ответ послов Митридата и тем самым дать повод воздушному флоту эвксинского тирана сравнять с землей Гизу он не мог. Воздушная армия Митридата уступала только аргосским ВВС, да и то, так это или нет, проверять еще никто не решался. Диктатор Константин далеко не так глуп, чтобы обескровить свою армию в боях с равным по силе противником...

Долгая жизнь дала Митридату власть над остатками технологий ушедшего на другой конец света народа Ура, о котором мало что известно вот уже более пяти веков. Мобильное и неуязвимое войско эвксинского деспота громило врагов с пугающей быстротой и эффективностью. Предок нынешнего императора, Селевк IX, потерял весь флот, включая два новейших на тот момент авианосца, полторы тысячи танков и три тысячи отборной пехоты в попытке открыть военные действия против Митридата. В течение двух суток имперские войска и корабли просто перестали существовать. Волны Торгайрского пролива, отделяющего Эвксин от материка, просто расступились, и весь имперский флот провалился в гигантскую воронку: вода, словно не выдержав веса многотонного груза, ушла из-под килей судов эскадры, в считанные мгновения сомкнувшись над головами почти сорока девяти тысяч человек. Никто так и не выплыл на поверхность, поскольку глубина пролива исчисляется тремя тысячами метров в самом мелком месте. Жадная Торгайра никого

не выпустила из своих цепких объятий. Больше никто не решался нападать на оставшегося в своих границах эксцентричного... Какими словами можно описать существо, живущее вечно и лишенное всех человеческих слабостей, кроме тщеславия? «Богохульство» так и просится на язык, но Калистрат сдержал себя:

— Автарх Феоктист предлагает тебе, Бессмертный царь, легитимность и готов воздать тебе почести, достойные Олимпийцев.

Вопреки ожиданиям александрийца, деспот не рассмеялся, а благосклонным кивком головы предложил говорить дальше.

— Александрия берет на себя посреднические обязательства, во исполнение коих ты станешь полноправным членом Совета олигархов Элисия с правом равнозначного запрещающего голоса. Ты станешь равным среди... равных. — Тут посол запнулся, но, снова увидев разрешающий жест Бессмертного, продолжил, глотая окончание неудобной фразы: — Более того, Олимпийская курия и Совет жрецов признает твой божественный статус. А в Пантеоне будет воздвигнуто подобающее изваяние.

Александрийский посол закончил, и в зале повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь работой сервоприводов боевой брони синтетов. Приготовившийся к любому развитию событий Калистрат неожиданно услышал негромкие хлопки и смех. Глянув в зеркальную поверхность плит пола, он увидел, что царь смеется и хлопает в ладоши:

— Правильно ли я понял предложения Феоктиста, раб? Ты говоришь, что твой хитроумный господин сможет даровать мне власть, сравнимую по полномочиям с непримиримым Павлантием, моим извечным гонителем? И жрецы воскурят жертвы мне, как одному из Олимпийцев?

В голосе Митридата не слышалось недоверия. Скорее, возникало нехорошее чувство, что это существо заранее знало, что хотел передать через своего посла Феоктист.

— Точно так, Бессмертный царь, — александриец согнулся в низком поклоне, коснувшись лбом отполированной обсидиановой поверхности пола.

Митридат на мгновение замер, ни единым движением не выдав своих эмоций, и без того недоступных для прочтения никакими методами, коим Калистрата, как всех представителей дипкорпуса, обучали в «Янусе». Мгновения тянулись, словно застывающая патока, заставляя посла внутренне содрогаться в предчувствии ожидающей его участи. Будь его воля, близко бы он не подплыл к Эвксину! Ну почему его жребий оказался так жесток? Сидел бы в тихом болотце консульской службы где-нибудь в Фивах, попивал тамошнее охлажденное вино...

— Не терзайся страхом, раб, — громоподобно раскатился по залу голос царя, вновь ставшего похожим на свои изображения. Эвксинские фарты с голографическим изображением сидящего на троне Митридата были самой ходовой валютой на Элисии. — Я не казню почтительных послов вроде тебя. Приходи завтра на праздник Диониса, там я и дам тебе ответ.

Мгновенно возле посланника оказались двое дюжих прислужников в синих камзолах, чьи лица были скрыты за масками черного серебра. Это были личные телохранители царя. Их набирали из числа наиболее отличившихся офицеров отдельного корпуса морской пехоты «Посейдон», где служили только ветераны, прошедшие через большие и малые войны, которые вел их повелитель.

— Проводите посла до ворот, вручите ему триста солариев в знак того, что мы удовлетворены его поведением и выказанным почтением. Не благодари меня, раб! Будь ты хоть каплю менее вежлив, твоим уделом стала бы жаровня на моей кухне. Передай своему господину, что малейшая ложь с его стороны обернется для него лично и для его города неисчислимыми бедами. Ступай, и да пребудет с тобой милость Олимпийцев.

Дождавшись, когда посла выведут, Митридат дал охране знак удалиться. Затем неспешно поднялся и прошел в дальнюю часть зала, задрапированную тяжелыми, черного бархата портьерами. За ними открылась небольшая, только-только по росту царя, потайная дверь, в которую Митридат привычно скользнул, растворившись для сенсоров охранной

системы дворца. Зная, что синтеты тоже захотят быть в курсе всех его дел, Бессмертный не переходил в кибернетическую оболочку насовсем. Свои истинные мысли и дела он открывал лишь двум доверенным советникам, чей необычный вид мог бы напугать рядового жителя континента.

Скоростная платформа, окруженная слабо мерцающим ореолом защитного силового поля, опустила царя на пять километров ниже уровня поверхности. Тут, в естественном лабиринте скального основания острова, располагалось жилище Митридата. Три десятка комнат и никакой охраны, только возведенная группой казенных позже инженеров и строителей автономная система безопасности и жизнеобеспечения. Царь прошел в изолированную комнату с единственным ложем на невысоком постаменте и возлег на него. Глаза его потускнели, тело дернулось и застыло...

Но теперь у него было очень много глаз, он слышал и знал все, что происходило в бункере, и одновременно не мог двинуться с места. Бронированный танк с множеством нитевидных световодов, опутывающих комок серого вещества, парящего в питательном растворе. Вот каково было истинное лицо повелителя Эвксина. Механическая кукла синтетов осталась в надежно экранированной каверне у входа в истинное убежище Бессмертного.

— Мой грозный господин, спектакль, который вы разыграли для александрийских шпионов, выше всяческих похвал, мы с Дарнуром до сих пор под впечатлением.

Эти слова принадлежали странному существу, более всего похожему на рептилию, вставшую на задние лапы и отбросившую хвост. Плоская, треугольная голова его чрезвычайно напоминала змеиную. И если бы не большие ярко-голубые глаза и широкая, полная немаленьких клыков пасть, существо вполне могло бы походить на ящерицу. Но очертания тела под мешковатой черной рясой с откинутым за спину капюшоном говорили о том, что существо вполне способно быстро двигаться на двух ногах.

— Варуна, старый друг, — прошелестел из упрятанных под потолком динамиков искусственный тихий голос, — иногда мне кажется, что люди испытывают потребность в преклонении перед тем, кого я им показываю. Они хотят видеть грозное и спесивое божество, я им его даю.

Варуна, а таково было имя рептилии в черной хламиде, испустил тонкий свистящий выдох и проворно оказался возле низкого секретера. Проведя пятипалой когтистой рукой над поверхностью резной столешницы, он дискантом продолжил:

— Повелитель, мой народ рассказывает о людях много разных гадостей, но ни один дагонит¹ не заподозрит вас в самоуничтожении.

— Ладно, оставим это для долгих вечеров сезона штормов. Что нам известно относительно предложения александрийца? Феоктист действительно готов выполнить все то, о чем говорит через своего посланника?

— Так, — пальцы Варуны порхали над сенсорной виртуальной клавиатурой, а голубые глаза с совершенно обычным, почти человеческим зрачком впивались в голубоватую мешанину цифр и текста, ежесекундно всплывающих и исчезающих на голоэкране его персональной консоли. — Миссия комеса Калистрата имеет высший приоритет секретности, никто, даже консул Ипатий, не знает о содержании его беседы с тобой.

— Бедняге промывают мозги по возвращении или тихо умертвят. — Голос царя прошелестел совершенно бесстрастно.

— Тебе жаль этого чиновника, Бессмертный владыка?

— Да.

— Но его коллегу-имперца ты зажарил в печи, да еще сокрушался, что для репликации не осталось подходящего генетического материала, чтобы повторить это на празднике

¹ Дагониты — мифический подводный народ, поклоняющийся богу моря Дагону, предположительно обитает на больших глубинах, иногда вступая в контакты с людьми суши. Дагониты имеют развитую сеть подводных полисов, являясь высокотехнологичной цивилизацией, развивающейся параллельно с наземной.

плодородия. Как тебя понять?

— Варуна, имперец пытался подкупить гвардейцев, чтобы поставить прослушку в моих покоях. Прихвостни этого потомка кровосмесительных связей не могут забыть своего поражения и толкают императора на любую авантюру, лишь бы во вред мне. А посол александрийского автарха пришел ко мне с открытой душой...

— Они просто знают, что прочитать вас с помощью их физиогномической программы невозможно, — перебил царя раздраженный его кажущимся легкомыслием секретарь. — А другие методы они уже использовали. Все они жаждут вашей гибели, повелитель!

В голосе слышались нотки неуверенности: царь на добрую сотню лет был старше, да и опыта в политических баталиях ему было не занимать. В ответ, словно шорох гонимой листвы пронесся по залу, голосовой интерпретатор изобразил укоризненный вздох Митридата.

— Он честный человек, старый друг. А это редкое среди дипломатов качество души. Мне нравятся прямые, откровенные речи, поскольку обычно только ты и твой брат говорите со мной без уверток. Пожалуй, я спасу этого чиновника от промывки мозгов. Отпущу его с тем условием, что Феоктист оставит его в ранге посредника.

— Это блажь, господин. Чем нам может пригодиться мелкий чиновник, к тому же из псарни этого александрийского олигарха с вуайеристскими наклонностями?.. Но воля ваша, я всего лишь секретарь.

— Ладно, давай о другом, — синтетический голос стал сух и деловит. — Каков прогноз дальнейшего развития ситуации?

— Все, как мы предполагали, мой царь: александриец потащит вас на нейтральную территорию в Дельфы, где потребует встречи с глазу на глаз. Затем начнет торговаться, требуя для себя особого статуса, но это сверхзадача. — Голубые глаза дагонита недобро прищурились. — Конфедераты слишком напуганы угрозой геноцида в случае полномасштабного конфликта с империей Ра. Феоктист пойдет на любые уступки, кроме потери собственного статуса.

— Жажда жизни... — голос Митридата вновь стал задумчив. — Я тоже был готов на все, но не потерял рассудка в критический миг, поэтому и обрел вечность. Надеюсь, что нам удастся получить доступ к Оракулу — информация о том, кто сидит у жрецов в подземелье, будет весьма кстати. Переговоры — хорошая маскировка. Как думаешь, александриец в отчаянии?

— Он человек, а люди импульсивны, мой господин. — Дагонит лишь на миг замедлил бег пальцев над клавиатурой, слова слетали с его языка неохотно. — Мы поклялись служить только тебе, потому что ты единственный из людей, пришедших к нам, смог возвыситься над своим естеством. Дагон учил, что нет рас и наций, есть лишь сияние разума, а ты явил единение с ушедшим богом и стал равен ему, поэтому мы с тобой. А этот человек, — Варуна презрительно оскалил желтые клыки, и голос его стал похож на рычание, — всего лишь слабая тень того, кем он желал бы стать. Нет, он не поставит разум выше животного начала. Сокруши его, повелитель.

— Так и поступлю, старый друг, так я и поступлю...

Эскорт из двух звеньев стремительных «хэтатлей»¹ прынул вверх, уходя в стратосферу, где их принял в свои недра «Райес» — корабль-матка ВВС Эвксина. Шесть конусообразных полупрозрачных теней скользнули вверх и растворились за считанные мгновения, оставив тяжелый транспортный «борт» плавно опускаться на летное поле закрытого сектора дельфийского аэропорта. Теперь огромный сигарообразный силуэт «Райеса» будет нарезать широкие круги в черном пространстве высоко над полисом, готовый мгновенно высадить

¹ «Хэтатль» — многоцелевой гиперзвуковой высокоманевренный истребитель проекта «Пернатый дракон». Производится на заводах корпорации «Танатос» полиса Сиракузы. Поставляется во все крупнейшие армии Элисия, за исключением империи Ра. Отличается высокой надежностью и чрезвычайно живуч. Модификации, используемые ВВС Эвксина, модифицированы инженерами синтетов и превосходят по боевым возможностям аналоги, поставленные в Конфедерацию и на Аргос.

десант и подавить любое поползновение войти в воздушное пространство Дельф без запроса и проверки. У эвксинских ВВС было десять таких монстров, приземлявшихся для регламентных работ только раз в десять лет. Чем-то их функции были схожи с авианосцами империи Ра, только используемые технологии синтезов позволяли воздушным кашалотам без посадок обогнуть Гелион триста раз, не экономя ресурсов. Помимо истребителей, корабль-матка нес еще один транспортный самолет и две сотни тяжеловооруженных бойцов десанта. Транспортник был точной копией того, который сейчас опускался на летное поле дельфийского аэродрома.

Как только свист двигателей стих, по откинувшейся аппарели съехали один за другим четыре совершенно одинаковых пятиосных бронетранспортера, в доли секунды выполнивших построение в колонну по одному. Затем они споро заскользили на высокой скорости к мерцающим в предрассветных сумерках силовым щитам ограждения. Там их уже поджидали два антиграва¹ милицейского эскорта, и как только в защитном экране возникло хорошо подсвеченное дежурной иллюминацией КПП службы охраны аэропорта окно, они двинулись по гладкому дорожному полотну в сторону города.

Во втором бэтээре ехал, уверенно водя джойстиком управления, сам Митридат. Боевые машины типа «скарабей» всегда ему нравились за легкость в управлении и приличную скорость. К тому же, колесная машина была неплохо вооружена и, в случае чего, нападавшим бы сильно не поздоровилось: низкий силуэт не скрывал 72-мм орудие на плоской башне, рядом с которой спереди слева притаился спаренный «крувер», способный сбивать даже вертких дронов, так полубившихся имперцам. Турель была сейчас выдвинута в боевое положение и плавно вращалась, ведя поиск целей в задней полусфере. Царь не терпел рядом ординарцев и охраны, но в такой машине ему вряд ли что угрожало. В отличие от допотопных изделий имперских инженеров, экипаж и десант «скарабея» был размещен в независимых бронированных капсулах, изолированных внутри корпуса бэтээра, поэтому саму машину вполне возможно было лишить подвижности и даже уничтожить, но экипаж и десант все равно спаслись бы благодаря экстренной системе катапультирования. Боекомплект — обычные болванки, без иницилирующего облучения в оружейных контейнерах они не способны стать оружием и сдетонировать, а силовая установка прекратит синтез рабочего вещества, как только поступит приказ на блокировку альвиевого конвертера — сердца любой современной машины, будь это корабль, танк или самолет. Дым, рев двигателей вот уже почти пять сотен лет не оскорбляют ни слуха, ни обоняния людей. Альвий, этот серый камень, добываемый в полярных областях Гелиона и у южных предгорий Родопских гор, подарил человечеству свет, тепло и топливо для машин.

Перед взором царя, проецируемым в искусственный мозг, проплывали пустынные улицы. Дельфийцы, выказывая высшую степень почтения перед мощью Эвксина, расчистили широкую магистраль, ведущую к приземистому куполу храма Хроноса. Ни единой души не было на всем пути следования кортежа, хотя главная дорога к храмовому комплексу всегда была самой оживленной частью полиса. Там, на глубине шестисот метров, обретался Оракул — странное существо, способное провидеть будущее. Бессмертному была понятна цель Феоктиста, назначившего переговоры в присутствии Оракула. Страх за собственное положение толкнул автарха Александрии на еще одну глупость: в узких кругах все знали, что Оракул почти дословно передает информацию жрецам Пантеона, а те в свою очередь не стесняются торговать ею даже с борзописцами. Само собой, автарх надеется, что раз все писаки у него под крылом, а большинству толстосумов и правителей он заткнет рот компроматом, то огласка ему не грозит. Пусть тешится иллюзиями. Митридат мысленно оскалился, как в молодости, когда его тело еще не было поражено ужасной экземой, но красивое лицо царя не выражало ровным счетом ничего и сохраняло невозмутимое выражение.

¹ Антигравы — легковые машины, использующие антигравитационный движитель. Из-за низкой скорости и длительного процесса перезарядки альвиевых батарей в военной промышленности не применяются.

Церемониальные ворота открылись, впуская кавалькаду машин во внешний двор, где тут же распахнулись ворота поменьше, созданные уже из многослойной броневого пласта, с невероятной быстротой сомкнувшиеся сразу за последним милицейским антигравом эскорта. Проехав еще метров триста вглубь и повернув два раза на хитрых развилках подземного защитного лабиринта, точно следуя указаниям головной машины дельфийцев, «скараabei» остановились на обширной площадке перед еще одними воротами, распахнутыми настежь. Из трех бронетранспортеров высадились морские пехотинцы в тяжелой штурмовой броне, а из десантного отделения «скарабая», который пилотировал Митридат, выпрыгнули и стремительно заняли позиции на флангах оборонительного строя морпехов четверо синтетов с активированными пулеметами.

Синтеты почти на две головы возвышались над строем немаленьких, закованных в скорлупу доспехов людей. Но по большому счету разница меж ними была незначительной: и морпехи, и синтеты в своей громоздкой бронированной скорлупе напоминали выползших на берег раков, только люди сжимали в руках короткоствольные «ксифы»,¹ выглядевшие в их четырехпалых клешнях-манипуляторах словно игрушки, а киборги поводили перед собой массивными трехствольными пулеметами. Они были готовы в любое мгновение выплеснуть на врага рой стальных конических пуль, для которых преградой служила лишь компонентная броня² тех же «скарабеев». Поверхность доспехов меняла цвет, пока фигуры солдат не стали полупрозрачными, подстроившись под яркую иллюминацию помещения, вспыхнувшую тотчас же. Синтеты не утруждали себя маскировкой, поскольку в принципе люди не могли причинить им вреда: портативные генераторы силовых полей тонкой прозрачной дымкой окутывали киборгов с ног до головы. Эту технологию они скрывали даже от Митридата, но, судя по всему, секрет изготовления подобных полезных вещей был ими полностью либо частично утерян. Киборги прикрывались индивидуальными силовыми щитами, это да, но вот их техника, созданная уже много позже бури Передела, такой защиты уже не имела. Шагающие танки, низкосилуэтные морские крейсера и подводные лодки, а также вся летающая техника пользовались традиционными средствами перехвата — противоракетами, мощными генераторами постановки помех и обычной компонентной броней.

Царь жестом отстранил гоппон-капрала,³ пытавшегося закрыть Митридата от выступившего навстречу эвксинской делегации богато разодетого жреца. Тот был в маске Зевса и белой церемониальной тоге, надетой поверх белой же пиджачной пары. Бессмертный кивнул жрецу и первым спросил:

— Привет тебе, святейший. Скажи мне, сын Громовержца, почему меня встречаешь ты, где Стефаний, жрец всевидящего Хроноса?

¹ «Ксиф» — модульная штурмовая гаусс-винтовка производства ВПК Эвксина. Может быть преобразована в оружие поддержки (пулемет, снайперская винтовка) пехотного подразделения до взвода включительно. Калибр — 7,77 мм облучаемый конический унибоеприпас «веретено». Тип автоматики — электромагнитный, запираение поворотом затвора. Эффективная дальность стрельбы — 1200 м (для штурмовой винтовки), 2500 м (для пулемета), 4000 м (для снайперского комплекса). Длина — 638 мм в базовой конфигурации, с раздвинутым телескопическим прикладом. Длина ствола — 218 мм (три индукционных блока) в базовом варианте, 129 мм (два индукционных блока) в варианте «Компакт» и 508 мм (четыре и шесть индукционных блоков) в варианте пулемета или снайперской винтовки. Вес — 2,05 кг без магазина. Темп стрельбы — 2000 выстр./мин. Магазин — отъемный секторный коробчатый на 60 патронов (в варианте штурмовой винтовки), 30 (в варианте снайперского комплекса) или 500 патронов барабанный (в варианте ручного пулемета). Магазины имеют интегрированный блок инициации боеприпаса. Стандартный вес блока — 150 г, для вариантов СВ и пулемета — 120 и 300 г соответственно.

² Компонентная броня — способ защитного бронирования боевой техники, в т. ч. самолетов и кораблей. Включает в себя сочетание в одном сплаве элементов активной и пассивной брони, позволяющей снизить вероятность поражения бронебойными боеприпасами до приемлемых процентных величин.

³ Гоппон-капрал — младший чин в иерархии командных должностей фаланги, соответствует земному званию «старший сержант». Однако гвардейские звания относятся к разряду специальных, поэтому гоппон-капрал гвардии приравнивается к чину капитана любого линейного армейского подразделения.

Опешивший от такой бесцеремонности жрец Зевса не успел даже рта раскрыть, как тут же прозвучал зычный голос еще одного жреца, в багряных одеждах, не дав эвксинским морпехам поупражняться в стрельбе — дерзкий ответ Бессмертному карался на месте. А жрец и так нарушал вбитый в гвардейцев протокол, согласно которому царю нет равных и отвечать на его вопросы полагается, склонив голову и преклонив правое колено. Только гвардейцы пролитой кровью и верностью заслужили право обращаться к Митридату стоя и по прозвищу — они звали его «Бессмертный».

— Прости нашего Алка, Бессмертный властитель!

Софрон остановился ровно в трех шагах, упав на одно колено. Оптика маски показала, что он облучен системами наведения оружия эскорта Митридата. В горле у него сразу пересохло, но он тем же радушным тоном продолжал:

— Хлопоты, связанные с твоим визитом, задержали меня. Не гневайся и позволь проводить тебя в отведенные покои, автарх и его люди прибудут только через два часа.

— Разве стратосферные авионики¹ — не самый быстрый транспорт на планете? — Митридат позволил себе улыбнуться краешками губ. — Но время еще есть, мои люди осмотрят отведенные для нас апартаменты, веи, жрец.

С поклоном таксиарх-прелат поднялся на ноги и быстрым шагом пошел к роскошной прямоугольной плите подъемника, на которой при желании могли помимо охраны разместиться и все четыре бэтэра эскорта царя. Командир морпехов отдал по внутренней связи команду, и четверо из пятнадцати гвардейцев отошли к бронемашинам, задраив за собой люки. Машины, стоявшие в колонне, на миг ожили, башенки турелей повернулись, занимая каждая свой сектор обстрела. Теперь в случае непредвиденной ситуации они могли не только дать отпор, но и пробиться на помощь к пешему эскрту Митридата. Само собой, нападать вряд ли кто решится, но мир полон странных идей, одна из которых — убийство крупного политического деятеля или правителя с помощью террориста-смертника или группы таковых. Будь Митридат действительно заточен в теле киборга, такая акция безусловно могла иметь много шансов на успех, поэтому охрана Бессмертного и демонстрировала готовность отразить нападение. Но на этот раз царя охраняли не только его предусмотрительность и многовековой опыт. Улыбаясь про себя, он понимал, что нынче его защищают еще и жрецы, да что там лукавить: сам александрийский правитель нуждается в живом и здоровом безбожнике больше, нежели в мертвом.

«Сейчас, — думал царь с некоторой долей злорадства, — я нужен им как большое и страшное пугало. Внутренних оппонентов они заставят заткнуться, напугав их военной угрозой, и те проглотят наживку: мудрые правители стравили безбожника с варваром, война снова пройдет стороной».

Желание ослабить его и имперцев было сколь очевидно, столь же и глупо. Овцы пригласили в защитники волка, наивно полагая, что он будет грызться с шакалами за высохшую кость собственного тщеславия. А потом, когда все закончится и пыль осядет, можно будет надеяться, что волк уберется на свой остров, ничего не потребовав взамен. Пусть тешатся иллюзиями, до поры не стоит их разубеждать, роль тупого и тщеславного диктатора, однако, хорошо получилась.

Царь безразлично кивал в ответ на лесть жреца, ведущего его по роскошным залам Пантеона — обязательной части любого храма культа олимпийских богов. Главный такой храм находился в Медиолантии, но дельфийский комплекс был особенно богат: барельефы из розового мрамора, статуи божеств десятиметрового роста из редкого агносса. Камень, чьи залежи находятся так близко к запретному континенту Ма, был способен имитировать все, что пожелает скульптор, даже живую человеческую плоть. Залы поражали своим подавляющим величием и настолько натуралистическими голографическими фресками, что

¹ Авионик стратосферный — разновидность гражданского воздушного транспорта. Стратосферный планер, способный на короткое время выходить в верхние слои атмосферы, что значительно сокращает расстояние до пункта назначения. Скоростные авионики снабжены жидкостными ракетными двигателями, что увеличивает их скорость в два раза.

порой казалось, что боги вот-вот сойдут с куполов и стен на землю и до них можно будет донести любую просьбу смертного. Но Митридата не трогало искусство, слишком мало оставалось у правителя Эвксина времени, чтобы думать о развлечениях.

С тех пор, как он освободился от уз плоти и многих ее желаний, все его время занимал процесс достижения паритета с подданными Ашшурты, этого скрывшегося на запретных землях аккадского властителя, чье могущество уже два раза опрокидывало континенты и меняло местами полюса Гелиона. И оба этих раза нечто могущественное останавливало шумеро-аккадские войска, более того, стирало их почти в пыль. Ашшурта отступал, но снова поднимался, изобретая все новые и новые смертоносные машины, лепя орды существ, при одном взгляде на которых у обычного человека просто помутился бы рассудок. Долгое время Митридат искал врага, который столь успешно противостоял алчному до власти аккадцу, но по каким-то причинам не уничтожал его. Он опустил на дно океана, полагая, что дагониты — рабы бога водной стихии Дагона, — это и есть искомый союзник, но оказалось, что это не так. Впрочем, пройдя испытания старейшин умирающей расы земноводных, он, тогда еще сгоравший от страшной, насланной аккадцами на его Эвксин биологической заразы, обрел друзей.

Но снова все было тщетно: дагониты не воевали вот уже более чем десяток сотен лет, их раса вымирала в подводных городах, скрытых под пирамидальными куполами. Инженеры и собиратели знаний, рептилии не могли воевать, а лишь достигли невероятного искусства в умении скрываться на чудовищных глубинах океана. Однако их подарок новому повелителю пришелся как никогда кстати: болезнь пожирала Митридата заживо, плоть съежилась и пошла коростами. Царь не спал вот уже двадцать лет, потому что боль терзала его неустанно.

Подводные жители помогли ему в обретении бессмертия, дав командные коды, позволившие взять под частичный контроль расу синтетических воинов, разгромленных аккадцами еще во времена первых войн Передела. Синтеты прятались в северной части океана, на островах Арморского архипелага. Слухи об их главном убежище были весьма отрывочны: киборги встречались Митридату и его соглядатаям довольно редко, поскольку, частично рассеявшись по Элисию, они продавали свои услуги в качестве наемных воинов. Уход аккадцев за океан оставил в разоренных землях хаос, быстро переросший в неутихающую гражданскую войну. Каково же было удивление Главного контура — сорока оставшихся высших машинных ИИ, когда им по резервным частотам пришла команда на повиновение. Митридату удалось несколько обуздать хлебнувших воли киборгов и даже для острстки отключить двоих несогласных подчиниться. Синтеты признали его приоритет, и Главный контур согласился помогать ему в поисках неведомого Врага аккадцев. Но коды тут сыграли второстепенную роль: несмотря на терзающую Митридата болезнь, он проявил себя как опытный политик, заронив в сознание разумных машин искру надежды.

Перед тем, как послать команду на подчинение, царь с новыми союзниками — дагонитами долго блуждал по информационным сетям синтетов и обнаружил нечто вроде стихотворного пророчества. В длинном, изобиловавшем машинными аллегориями и иносказаниями тексте, расшифрованном дагонитами, говорилось о некоей обетованной земле, куда можно прорваться на космическом корабле. Машины не желали иметь с людьми ничего общего. Но доступ в космос был для них закрыт, а технология подпространственного прыжка утеряна. И тогда Митридат предложил машинам шанс найти утерянные технологии и, если уж они того желают, обратиться с Гелиона так далеко, как им этого захочется. Но вот незадача — для этого требуется много времени, а он, увы, всего лишь покалеченный болезнью смертный правитель слабого островного государства. Дальше все было совсем просто, ведь, приученные служить и повиноваться, машины, даже очень умные, плохо умеют мыслить в категориях собственной выгоды.

Так царь обрел бессмертие и могущество, хотя и то и другое, как ему мыслилось сейчас, было тоже не навсегда...

Покои оказались действительно роскошны: шесть просторных залов, отделанных в коринфском стиле, с вычурными ионическими колоннами, барельефами, изображавшими

подвиги неизвестных сейчас героев, и драпировками из лилового и коричневого бархата с вкраплениями шитого золотого орнамента. Митридат в молчании опустился на низкое отделанное золотистым медиолантским орешником ложе и пролежал без движения до тех пор, пока появившийся в дверях зала жрец, преклонив колено, не оповестил его о приходе Феоктиста.

— Я не буду встречать александрийца, проявившего ко мне дерзость и редкостное неуважение. — Голос царя был глух, и будь Стефаний моложе лет на тридцать, тон эвксинского владыки мог бы его напугать до дрожи в коленях. — Веди меня к Оракулу, жрец. Там мы и побеседуем с правителем Александрии.

Поклонившись, жрец шустро скрылся в дверях, а ухмыляющийся про себя Бессмертный поднялся с ложа и, проведя по коротко стриженной шевелюре пятерней, прошел к персональному подъемнику. Охрана, сократившаяся до пяти гвардейцев, последовала за ним, царапая полированный, глубокого синего оттенка, мрамор пола рифлеными подошвами сапог. Синтеты остались в покоях. Митридат не доверял киборгам до конца, предпочитая людей в качестве окончательных проводников своих самых деликатных приказов.

Спуск к обиталищу Оракула занял от силы пару минут, поскольку скоростные подъемники пролетели шестьсот метров практически незаметно для пассажиров. Когда плита подъемника, изукрашенная мозаичным орнаментом, мягко дрогнув, остановилась, эвксинцы без промедления ступили на пол огромного круглого зала, погруженного в полумрак. В центре на невысоком постаменте покоился прозрачный бак цилиндрической формы, до краев наполненный непрозрачной молочно-белой жидкостью. Верхняя оконечность этой огромной стеклянной колбы была закрыта массивной крышкой. Митридат, растянув в усмешке губы подвластного ему тела-конструкта, бросил через плечо подошедшему жрецу:

— Пусть принесут кресло, разговор обещает быть долгим.

— Но, великий царь, — Стефаний сам не заметил, как заговорил шепотом, — Оракул...

— Ничего, — раздался громкий скрипучий голос из-под сводов зала, — пусть Бессмертный царь сидит, если ему так хочется, я не в обиде, как бы сильно он ни желал унижить меня.

Митридат не успел и пальцем пошевелить, как морпех, стоявший за его правым плечом, вскинул автомат и тот коротко стрекотнул, выпустив короткую очередь, выбившую мраморную крошку в полу перед постаментом бака. Жрецы, коих в зале было пятеро, кинулись к выходу, но Стефаний остановил их окриком и, сдерживая ярость, обратился к Митридату:

— Царь, не забывайся в присутствии старейших, Оракул несет...

— Я почти равен вашему консервированному умертвию по годам, жрец. Кто бы он ни был при жизни, я никогда не позволю заспиртованным трупам обращаться ко мне прежде, чем я о чем-либо сам их спрошу. Распорядись принести кресло, пока я не огорчился окончательно. Мы оба знаем, что последствия могут быть плачевны.

Маска не давала увидеть выражение лица Стефания, но по его дрожащим рукам и порывистой походке было понятно, что старый священник взбешен. Однако, смирившись, он подал знак, и вскоре резное кресло было принесено и поставлено напротив бака, где в молочной мути скрывался Оракул. После неудачного начала разговора он затаился, не произнося больше ни слова. Испугалось существо в баке или нет, определить было невозможно: тишину нарушало только легкое шуршание вентиляторов, нагнетающих свежий воздух в помещение.

Неожиданно послышался чмокающий звук, и в зал стремительно вошел плотный, невысокого роста человек средних лет с поредевшей шевелюрой неопределенного пегого цвета. Казалось, он просто катится по полу, словно гонимый ветром лист, по странному стечению обстоятельств летящий строго по прямой линии невысоко над землей. Одет человек был в серую, тонкой шерсти тогу и темно-серый же костюм, выгодно скрывающий

полноту пришельца. Человек шустро докатился до кресла, в которое уже опустился Митридат, но, как будто спохватившись и суетливо хлопнув себя пухлой пятерней по широкому покато лбу, откатился назад, бухнулся на колени в положенных десяти метрах от Бессмертного и произнес:

— Бессмертный владыка Эвксина, прости мне мою дерзость. Ведь твои корабли быстрее на Элисиуме, а я лишь управитель небольшого и бедного города. Прости, величайший, тысячу раз прости!..

Без сомнения, это был автарх Феоктист, чья манера поведения была широко известна, как, впрочем, и причуды Митридата. Происходя из бедной семьи письмоводителя курии иностранных дел Александрии, Феоктист еще в юности познал все тяготы и лишения карьеры чиновника. Благодаря своему холодному расчетливому уму безродный чинуша вознесся к вершинам власти. Показная скромность и дружелюбие не снискали автарху ни популярности, ни дружбы среди ему подобных. Богачи не принимали Феоктиста всерьез и немного побаивались его осведомленности в разного рода делах и делишках, о которых лукавый александриец имел весьма обширные сведения. Всем были известны коварство и воистину безграничное самообладание александрийского правителя. Вот и на этот раз он прибыл без свиты, подчеркнуто пренебрегая мерами предосторожности. Но лишь Митридат знал, что специалисты «Януса» взломали охранную систему храмового комплекса и сейчас пытаются глушить рабочие частоты эскорта эвксинцев, чтобы исключить риск удара с воздуха, буде Бессмертный пожелает поджарить дерзкого александрийца, захватив его в плен.

— Перестань паясничать, Феоктист, и прикажи своим ищейкам оставить мои линии связи в покое. Пожелай я видеть тебя хорошо прожаренным куском свинины, мне стоит только отдать приказ, и тебя не спасут ни твой ум, ни тем более переменчивая Фортуна. Говори, что хотел предложить, и пусть этот кадавр вынырнет из своего чана, раз уж взялся быть свидетелем нашего разговора.

Александрийский автарх, даже не изменившись в лице, вынул из внутреннего кармана пиджака инкрустированную золотом «табулу» и что-то тихо забормotal в пространство. Мгновением позже Митридат получил от своего начальника эскорта подтверждение, что атака взломщиков на коммуникационную сеть прекратилась. Нарочито суетливо спрятав коммуникатор в карман, Феоктист выпрямился, повинаясь разрешающему жесту Митридата, встал с колен и тем же вкрадчивым тоном проговорил:

— Светлейший владыка Эвксина, я от лица Совета олигархов и Олимпийской курии прошу о заключении союза между нашими государствами. Император Ра не оставляет нам выбора, армии Конфедерации не устоят в случае, если начнется война. Альвиевы залежи на севере истощены, Аргос отзовет своих наемников, как только прекратятся платежи. Константин не станет посылать воинов на бесплатную смерть. Все мы в лице твоего скромного слуги, — тут Феоктист, изображая искреннее отчаяние, словно хороший актер, приложил пухлые ладони к груди, — уповаем только на мощь твоих армий. Останови Флоксиса, сотри с лица планеты его кроважадные варварские полчища. Ведь мы, по сути, не так уж и отличаемся друг от друга: эллин не должен отказывать другому эллину, когда тому грозят гибель и безвременье. Все делают ошибки, великий царь. Так не дай же нам упустить возможность их исправить. Демос по всей Конфедерации алчет твоего прощения, протяни нам руку помощи, Бессмертный Митридат!

Властитель Эвксина неопределенно пожал широкими плечами и нахмурился, намереваясь что-то сказать, но его опередил резкий шепот, исходивший, казалось, из всех концов зала:

— Бессмертный, — в голосе Оракула не слышалось страха, словно говоривший бредил, торопясь облечь в слова переполнявшее его знание, — твоя хитрость не знает границ, но все закончится плачевно и бесславно, как только ты убьешь человека с тусклыми глазами, не пожелавшего встать на колени. Трон твой падет, царство скроют морские волны...

Голос утих, все, словно очнувшись от наваждения, стали переглядываться, лишь

эвксинский правитель не шелохнулся, только перекинул ногу на ногу, а затем, словно ничего не произошло, обратился к Феоктисту совершенно будничным тоном:

— Этот кадавр несет чушь, мне надоело слушать его бредни. — И царь демонстративно поднял к потолку указательный палец правой руки. — Это научит вас ценить мое время.

Мгновением позже Стефаний вздрогнул от вибрирующего в кармане пиджака коммуникатора, одновременно и Феоктист вынул свою дорожную «табулу». Жрец и олигарх не сговариваясь повернулись в сторону Митридата. Тот невозмутимо продолжил:

— Два десятка ракет с плазменными боеголовками нашли цели в пределах ваших владений. Пока это пустоши, где нет ничего, кроме песка, моря и скал, но ваши системы обороны не смогли перехватить мои новейшие ракеты. Вода испарилась, а песок и камни расплавились. А ведь военные специалисты Аргоса наверняка уверяли вас, что их «Гидра» сможет перехватить любую воздушную цель, даже свободно планирующие бомбы. Но теперь вы задумаетесь: а стоит ли, заключив со мной сделку, пытаться потом обмануть доверчивого эвксинского Царя? Учите придворный протокол Эвксина, и останетесь в выгоде, господа. Теперь, даже в случае, если ваш кадавр произнесет еще одно лишнее слово и уважаемые жрецы не вразумят его заткнуться, следующие цели будут выбраны ближе к населенным районам. Я знаю, на простых людей вам наплевать, поэтому могу обещать, что пострадают те, кто вам дорог. Теперь к делу, — Митридат поднялся с кресла и приблизился к застывшим от ужаса людям. — Договор меня полностью устраивает, вы получите помощь, о которой просите. Взамен я получаю доступ ко всем библиотечным комплексам храмового комплекса и аналогичным архивам полисов Конфедерации. Место в совете будет весьма кстати, а божественного поклонения мне не надо. Ваши граждане боятся меня, вы тоже видели достаточно для того, чтобы воздержаться от двойной игры. Можете прекращать выплаты аргосцам, я отброшу войска этого щенка за Родопы уже через две недели после того, как наш договор ратифицирует Совет олигархов. Таковы мои условия.

На лицах жрецов ничего прочесть было невозможно, но Бессмертный буквально ощущал волну облегчения, исходившую от застывших в коленопреклоненных позах людей. Они уже мысленно прикидывали, что из хранимых данных можно припрятать, а что лучше оставить нетронутым. Феоктист же был потрясен не столько демонстрацией мощи эвксинского тирана, сколько той легкостью, с которой этот казавшийся до последнего мгновения глуповатым самодуром Митридат вычислил все меры предосторожности, с таким тщанием подготовленные лучшими александрийскими специалистами по инфильтрации. Подспудно в голову хитроумного мастера шпионажа закралась мысль, что даже нынешняя встреча была спровоцирована этим древним существом, помнящим еще монстров, порожденных Переделом. Мотнув головой, прогоняя вредные мысли, александриец низко склонился перед Митридатом и, пятясь, удалился вон из зала. Царь Эвксина медленно подошел к баку, в котором скрывался Оракул, и, положив правую ладонь на толстую поверхность стекла, начал что-то шептать. Молочно-белая жидкость вдруг потускнела и преобразилась в прозрачную, отливающую изумрудом морскую воду. По крайней мере, так показалось изумленным жрецам. Морпехи же оставались невозмутимыми, недаром их учили не удивляться при возникновении опасности, а лишь адекватно на нее реагировать. В данный момент по внутренней связи пришел приказ: «Ожидать дальнейших распоряжений».

Существо, явившее свой облик людям впервые за четыре века со дня своего рождения в их мире, не было похоже ни на одно известное ученым Элисия животное. Длинное и узкое, словно у змеи, тело без видимых половых признаков, увенчанное маленькой, похожей на женскую, головой. Вместо волос голову обрамлял клубок щупалец, оканчивавшихся острыми когтями. Лицо было безобразно. Узкий, безгубый рот иногда открывался, и обнажались удивительно белые, мелкие иглы зубов. Нос, приплюснутый и неразвитый, едва выступал вперед, а глаза, словно покрытые бельмами, смотрели в никуда. Двумя тоненькими пятипалыми ручками существо практически не пользовалось, лишь изредка гребя ими во время вялых передвижений. Оракул замер точно в центре бака, и по залу пронесся уже привычный свистящий шепот:

— Даже видя меня, ты ничего не добился, могучий Царь. Не бойся, твоих тайн никто не узнает, я буду молчать. Но другие... Те, кого ты так давно ищешь, все равно уже близко, и битвы не избежать...

— Где они, кадавр? Покажи мне, где!

Голос царя на мгновение выдал его волнение и тревогу, кулак с силой опустился на стекло резервуара, раздался глухой стук, но Оракул остался на месте, а динамики наполнились его срывающимся на визг криком:

— Все скрыто! Человек с тусклыми глазами... Если ты не убьешь его, то будешь жить еще очень долго!..

После последней фразы жидкость снова стала молочно-белой, утратив прозрачность. Динамики умолкли, даже шороха помех расслышать никому не удавалось. Круто повернувшись, Митридат быстро зашагал к подъемнику. В этот момент он вел интенсивный ментальный обмен с оставшимся на «Рейесе» дагонитом Варуной. Эскорт стремительно покинул пределы храмового комплекса и на предельной скорости устремился к аэродрому. Спустя еще полчаса Митридат уже сидел в комнате для совещаний на борту базового корабля. Такие помещения были на всех авианесущих кораблях класса «Райес», чтобы царь, всегда стремительно передвигавшийся вслед за своими войсками, ни на мгновение не терял нитей управления государством. Вдоль стен тянулись консоли управления, за которыми бесменно дежурили два десятка офицеров из числа отборных гвардейцев, а в центре зала было выделено специальное пространство с огромной голографической сферой в центре и всего двумя креслами и одним терминалом. Там обретались сам царь и его неизменный помощник, и ни единого слова не выходило за пределы этого скрытого туманной дымкой силового экрана, помещения в помещении. Сейчас Митридат сидел перед голоэкраном, на котором извивалось уродливое тело дельфийского Оракула.

— Что ты об этом думаешь, Варуна? — Царь, откинувшись в кресле, пристально всматривался в объемный снимок существа. — В наших базах данных есть что-либо похожее?

— Да, мой господин. Капрал Кальвист заслуживает награды, — дагонит оскалил пасть в улыбке, — он так натурально разыграл неконтролируемый гнев, стреляя по оскорбителю твоего величества, что датчики, зашитые в его пули, смогли разместиться достаточно близко от вместилища Оракула. Данных предостаточно, и мы с уверенностью смогли идентифицировать существо. Это кайт, пожалуй, одно из самых хорошо сохранившихся искусственно выведенных существ аккадцев.

— Расскажи подробнее, я не встречал в записях по войнам Передела упоминаний о кайтах.

— Зато ты смог на себе испытать последствия их службы Ашшурте. Именно такое существо отдавало приказ на использование той биологической заразы — «коричневой лепры», от которой...

— Замолчи! — восклицание вырвалось помимо воли, подлокотники кресла смялись под механическими пальцами царя.

Митридат отвернулся, воспоминания о гибнущих от упавшей с неба медленной смерти, сходящих с ума людях, сдиравших с себя гниющие лоскуты плоти, снова встали у него перед глазами, словно все это произошло только вчера. Варуна совсем тихим голосом продолжил:

— Прости, повелитель, но в забвении нет пользы: деяния врага следует помнить.

Митридат кивнул, воспоминания снова ушли в глубину памяти, вернулась сосредоточенность. Уже спокойно он спросил дагонита:

— Эта тварь знает, где укрылся противник аккадского царя?

— Вряд ли: кайты — органические боевые вычислители. Их задачей было провидеть действия врага и принять превентивные меры к отражению атаки наиболее эффективным способом. Они сильные псионики и могут в некоторой степени предвидеть будущее. Но те, что отдавали приказ на бомбардировку Эвксина, были накрыты веерным обстрелом Врага

вместе с остальными силами вторжения. Враг применил неизвестный вид наступательного оружия, и почти полумиллионная группировка аккадцев просто испарилась: только серый пепел и больше ничего. Может быть, в хранилищах жрецов есть что-то, способное пролить свет на те события. Сам знаешь, повелитель, они до сих пор хранят «глобусы» аккадцев, считая их военные отчеты и рапорты мистическими текстами.

— Согласись, что без ключа их коды так и выглядят. Таинственные письмена, а когда защитная программа требует код авторизации на аккадском...

Дагонит зашелся в приступе злорадного смеха и перешел от консоли в зал, где один из дежурных офицеров связи подал личному секретарю царя маленькую горошину «глобуса». Теперь все данные по открытому существу будут отданы для обработки собственному, построенному по чертежам и с помощью синтетов вычислителю. Митридат назвал его «Тень Ареса». Новый вычислитель был способен потягаться по мощи с «Минотавром», но вот справится ли он с возложенной на него функцией, это еще предстоит выяснить. Мысленно вызвав капитана базового корабля, Митридат приказал взять курс на Понт. Царь хотел быстрее оказаться дома.

* * *

Земля. Республика Колумбия, заброшенный храм Солнца, мобильный центр управления оперативной группы АНБ «Коготь». 24 февраля 1990 года, 22:15 по местному времени. Капитан Шон Эндерс.

Для радости, впрочем, как и для паники, не было никаких оснований: «Небула» показала сносные, для первого полевого испытания, результаты. А если учесть невероятное количество роковых случайностей, которые имели место, то лучшего и желать было нельзя. Тэлли уже пыжился перед вашингтонскими шишками, туманно намекая сенаторам, что данный результат — далеко не предел. Но полностью запудрить мозги начальству полковнику не удалось. Среди профанов, получивших свои кресла в результате многолетних интриг и сложных разменов политических фигур, в комиссии по вооружению нашелся некий сенатор, которого отредактированный отчет о ходе испытаний прототипа не впечатлил. Так уж вышло, что отчет попал на стол заместителя главы комитета по обороне, сенатора Николаса Барнета.

Тоший, словно щепка, сенатор более всего подходил под выражение «заноза в заднице». Ветеран корейской войны, во время которой он собственноручно уничтожил десятков пять северокорейских солдат: встав к пулемету, практически в одиночку отбил несколько атак на позиции своего взвода. Получив пулю в ногу и серебряную звезду на грудь, молодой лейтенант вернулся в Штаты и удачно женился на дочери техасского нефтепромышленника Смайта. Не испытывая склонности к бизнесу, ветеран написал и издал книгу мемуаров, в которой живописал свои подвиги и сделал пару серьезных заявлений как начинающий политик. А дальше были выборы в губернаторы самого своенравного среди прочих лоскутков американского государства — штата Техас, а потом и кресло сенатора.

Справедливости ради нужно сказать, что Барнет почти никогда не вел грязной игры. Это не означало, что он не использовал компромат, когда таковой позволял убрать с дороги очередного оппонента или молча пожать руку представителю какой-нибудь крупной корпорации, когда последний недвусмысленно намекал Барнету, что совсем неплохо будет пролоббировать тот или иной законопроект. Просто сенатор всегда с обескураживающей прямоотой отвечал на нападки «шалавов пера», постоянно пытавшихся припереть непотопляемого ковбоя к стенке. Коронной фразой Барнета стало выражение, тут же подхваченное его сторонниками: «Американский народ заслуживает право на лучшую долю. А я сделаю все, чтобы наш кусок вишневого пирога был самым большим и вкусным, чего бы это ни стоило. А на остальной мир мне плевать!» Основной же чертой его характера, помимо редкой занудливости и упрямства, была паранойя: сенатор везде и всюду подозревал подвох, обман, предательство.

Как ни странно, но на этот раз чутье Барнета не обмануло, и он лично решил прибыть на борт «Энтерпрайза», чтобы поймать Тэлли на горячем, так сказать. По крайней мере, именно это он старался показать всем, кто не входил в число посвященных в истинную подоплеку его визита к берегам Колумбии. На самом же деле толчком к столь живому интересу к данному проекту Минобороны послужила встреча с одним из главных спонсоров всех предвыборных кампаний сенатора — Робертом Мак-Кинли. Этот преклонных лет денежный туз лишь десять лет назад снизошел до личной встречи с сенатором, а до этого общался с ним сначала через длинную цепочку посредников, потом пришел черед адвокатов и личного помощника — Ангуса Миггса. И только в декабре восемьдесят первого Николас Барнет был приглашен на закрытую встречу, которую Мак-Кинли организовал в своем частном поместье в Вермонте.

Трехэтажный особняк главы корпорации «Global World Research Inc.» посетили еще семеро дорого одетых господ и одна довольно молодая дама в строгом деловом костюме, чей акцент говорил о том, что она родом из ЮАР. А точнее, из одного влиятельного семейства с английскими корнями, сделавшего себе имя и состояние на торговле оружием. Когда все переместились из столовой в библиотеку, где в окружении сотен старинных томов, располагавшихся на уходящих под потолок полках, стоял овальный стол с десятком кресел с высокими резными спинками и вычурными подлокотниками в виде голов химер, сенатора не пригласили сесть вместе со всеми, а отвели к стоявшему поодаль табурету и вежливо попросили подождать. Барнет был влиятельным человеком и далеко не трусом по натуре, но в этом месте витали эманации настоящей Власти. Не той, что творит судьбы одного государства, а той, по чьей воле можно заново перекроить политическую карту мира. Николас понял, что это тот самый шанс вознестись так высоко, что даже президент с его овальным кабинетом и кучкой олигархов мелкого пошиба будет записываться к нему на прием за год вперед. Правда, и падение с такой высоты будет однозначно смертельным.

После недолгого ожидания в библиотеку вошли восемь мужчин и одна женщина. Вопреки мизансцене, обычной в дорогих и не слишком голливудских фильмах, женщина не была в этом собрании главной. Напротив, за все последующие встречи Сабина Витт — так звали главу южно-африканской оружейной корпорации «Calarius Arms» — ни разу не произнесла ни слова. Более того, женщина, уткнувшись носом в черную, с золотой символикой своей компании, папку, даже не взглянула на сенатора. Барнет привык, что на любом мало-мальски значимом светском приеме или в кулуарах деловых переговоров все так или иначе стремились свести с ним короткое, пусть даже «шапочное» знакомство, сунуть визитку, пожать руку. Тут все было иначе: Николас кожей ощущал подспудную угрозу, исходившую от всех участников необычного сборища, куда его позвал спонсор, мнению которого сенатор привык доверять. Наконец взоры присутствующих обратились на Барнета, только женщина по-прежнему листала страницы в папке, изредка делая пометки в маленьком блокноте. Речь от имени собравшихся держал Мак-Кинли, его дребезжащий дискант эхом гулял под сводами зала:

— Ник, мы с вами уже давно ведем дела, и кажется, вы именно тот человек, который нам нужен. Упреждая ваш вопрос, скажу яснее: «мы» — это группа бизнесменов, для которых нет границ и правил, потому что и то и другое проводится и создается по нашим указаниям.

Мак-Кинли улыбнулся, серые глаза его при этом хитро блеснули, тонкие губы приоткрыли ряд чуть желтоватых, мелких, но ровных зубов. Барнет знал, что у Мак-Кинли отменное зрение и он до сих пор сохранил все зубы в целости, ни разу не побывав у дантиста.

— Грядет новая эпоха, Ник. Скоро страны станут нанимать армии, потому что содержать собственные им станет не на что. Нефть и золото обесценятся, потому что ни то ни другое не будет пользоваться спросом, пока мы, — промышленник особо выделил это «мы», обведя взглядом окружающих его соратников, — этого не захотим. Мировые лидеры встанут в очередь, надеясь получить подачки с нашего корпоративного стола, чтобы

обеспечить себе и своим близким место под солнцем. Новые технологии, новый век принесут нам все это. И вот тут возникает очень важный для тебя вопрос: хочешь ли ты встать в очередь вместе с ними или же ты автоматически оказываешься одним из тех, к кому эта очередь выстроится. Решать тебе, и думаю, что ты не ошибешься — ты не рядовой солдат, Ник, ты еще и хороший командир, изворотливый политик с потрясающим чутьем.

— Но вы выбрали меня не только поэтому, Мак, — от волнения голос сенатора звучал хрипло, со срывами.

В ответ промышленник еще раз улыбнулся и бросил взгляд в сторону рыхлого белокожего толстяка с бульдожьим лицом и мертвыми, абсолютно черными глазами. Чем-то он напоминал Черчилля, только вместо сигары держал в левом углу рта незажженную короткую трубку. Толстяк ухмыльнулся в ответ и, словно с чем-то соглашаясь, наклонил большую, совершенно лысую голову. Мак-Кинли снова повернулся к сенатору и продолжил:

— Ты прав, Ник. Нам нужны твоя репутация и мозги. Идиотов в коридорах власти не убавляется, а цена ошибки в таком деле, как наше, исчисляется отнюдь не деньгами. Мы не можем себе позволить роскошь совершать промахи, способные привести к потере влияния. Сам знаешь, если у тебя есть рычаг давления — никакие деньги не спасут твоих врагов и конкурентов. А влияния можно достигнуть старым добрым способом: приставить к виску противника пистолет со взведенным курком. Чаще всего это лишь метафора, но иногда... — Мак-Кинли прищурился, — иногда действительно нужно кого-нибудь для остротки пристрелить, чтобы другие были более сговорчивы.

Промышленник замолчал, в зале повисла гулкая тишина, прерываемая лишь слабым завыванием сквозняка, гулявшего по старому, выстроенному в колониальном стиле дому.

— Я уже давно не держал в руках винтовку, Мак.

Фраза вырвалась у сенатора машинально и прозвучала скорее неловко, нежели смешно. Однако многие за столом едва заметно улыбнулись, обстановка слегка разрядилась, хотя напряжение не исчезло окончательно. Только теперь до сенатора стал доходить масштаб этих людей. Отшутившись, Барнет постарался скрыть озноб, пробравший его до самых костей. В Корее он боялся только призраков, появлявшихся всякий раз, когда он напивался в офицерском баре. Дохлые «косоглазые», которых он стрелял и жег, стояли рядами перед внутренним взором молодого офицера и смотрели на него пустыми провалами глазниц, выклеванных падальщиками или вышибленных взрывной волной. На их объединенных крысами и собаками лицах беззвучно шевелились губы, а синие распухшие языки, еле ворочаясь, шептали проклятья. Барнет смеялся и плевал им в рожи, но вот сейчас понял, что Дьявол существует во плоти и действительно многолик, как о том рассказывал преподобный отец Муни в своих проповедях, которые Николас помнил с детства почти наизусть. Однако страх оказаться лишенным той власти, что предлагал ему Лукавый, пересилил острое желание отказаться и уйти, пусть даже после этого его ожидает неминуемая отставка; Мак-Кинли наверняка подстраховался на случай отказа.

В фельетонах и плохих книгах политиков изображают некими бездушными монстрами, порочными и лживыми существами. Но так может говорить и думать только тот, кто ни разу в жизни не ощущал эманации реальной, большой власти. Словно мутный, дурманивший поток, эта сила охватывает человека, заново переписывая всю его сущность. Только очень сильные личности способны дышать отравленным воздухом коридоров, где могущество словно бы витает в воздухе. Но и они со временем ломаются, становясь рабами силы, кто раньше, а кто немного погодя. Барнет держался очень долго, но предложенное ему было под стать искушению, которому некогда подвергался лишь один человек, да и тот был сыном Бога. Прежний прямолинейный и удачливый сенатор исчез бесследно, власть раздавила его, превратив в марионетку, послушную воле Десяти, сидевших за столом. Тот, кто раньше был сенатором Николасом Барнетом, поднял глаза на замершего в ожидании ответа Мак-Кинли, затем перевел опустевший взор на ожидающее его ответа собрание и произнес:

— Реальная власть — это то, к чему я шел всю жизнь. Дайте мне ее, и я не подведу вас, господа... и дамы, — он коротко кивнул госпоже Витт, которая безразлично скользнула по

нему взглядом и снова уткнулась в какие-то разложенные перед ней бумаги.

За столом стало тихо, эхо последней фразы, произнесенной Барнетом громким, балансирующим на грани срыва голосом, гуляло под сводами зала и наконец умерло где-то высоко в темноте. Большая хрустальная люстра оставалась темной, в библиотеке горели лишь светильники, упрятанные в стенах среди книжных стеллажей.

Толстяк неожиданно легко поднял свою тушу из-за стола и сказал мягким баритоном, похожим на голос доброго дядюшки из водевиля:

— Вы не пожалеете, Николас. — Толстяк оказался американцем, говор выдавал жителя Нью-Орлеана. — Я Малькольм Дюпуи, возглавляю банковский конгломерат «Consulting & Investments group». Моя роль здесь чисто номинальная — нечто вроде государственного секретаря. Мисс Витт отвечает у нас за связи с представителями силовых ведомств стран Североатлантического блока. А ваш рекомендатель, мистер Мак-Кинли, — наш почетный президент.

— И какова же будет моя роль, господин Дюпуи? — Волнение, нагнанное приливом адреналина, схлынуло, сенатор неожиданно почувствовал себя лучше, все происходящее ничем ему лично не угрожало. Барнет успокоился. — Думаю, все должности уже давно распределены.

Дюпуи усмехнулся, его сходство с английским премьер-министром стало еще более явственно. Раскурив трубку, отчего поморщилась госпожа Витт, он мотнул головой:

— Вы будете нашим публичным лицом, сенатор, проводником воли нашего э... ну назовем это собрание Консорциум. Да, — банкир улыбнулся, но глаза его остались мертвы и холодны, — вы станете проводником решений Консорциума. Но для этого вам нужна слегка вырасти в статусе. Понимаю, кресло сенатора — это надежно, но иногда нам требуется очень быстрое принятие решений, на некоторые угрозы лучше реагировать как можно более оперативно. Вы готовы занять пост председателя комиссии по национальной безопасности при президенте США, Николас? Нет-нет, — банкир упреждающе поднял пухлую правую ладонь, — не сейчас, а через два месяца, когда старая развалина Рейланд уйдет. Как вам такое предложение?

— На это место никогда не назначат республиканца...

— Ой, оставьте эти иллюзии, Николас, — Дюпуи беседа явно забавляла. — Вас уже сейчас боготворят домохозяйки, и деревенщина всего Среднего Запада видит «ковбоя из Тусона» в Овальном кабинете! Вас можно смело выдвигать в президенты. Но на это мы пойти не можем: слишком явно обозначать свое присутствие в кабинетах власти — не наш стиль. Вы займете место по правую руку от президента, чтобы контролировать принятие нужных решений. Именно оттуда вы сможете оказывать Консорциуму некоторые услуги. Но пока вы полезны и в своем комитете. Как раз сейчас мы хотим, чтобы была назначена комиссия по одному из одобренных вами пять лет назад проекту — «Небула». Нам нужно вывести его из-под опеки АНБ и прикрыть как неперспективный, а материалы и специалистов засекретить. Безопасники уже готовят для группы «волчью яму», проект не получит необходимого ему времени на доработку, а это нас не устраивает. Мы выкупим разработку у Минобороны, а вы сделаете этот процесс более... скоротечным, проволоочки не нужны. В особенности нас интересует личность непосредственного руководителя полевых испытаний — капитана Эндерса. Его непременно нужно сделать сотрудником отдела спецпроектов корпорации мисс Витт.

— Эндерс — хороший офицер, ему удалось сделать невозможное...

— Нам известно, что он сделал, именно поэтому важно, чтобы военные не развалили проект, а к этому все идет. Исследования артефакта должны быть завершены, а правительство таких денег не даст. Мы не заинтересованы в успехе этой программы в рамках госструктур.

— Эндерса обвинят в растрате...

— Напротив, его нужно повысить в звании, а группу любыми способами вывести из-под удара. Подумайте, как это можно сделать, сенатор, и сообщите нам через секретаря

господина Мак-Кинли.

— Хорошо, господин Дюпуи, я найду приемлемый способ.

Место председателя в совершенно секретном, тщательно оберегаемом от прессы комитете, считалось пожизненным. Майк Рейланд, о котором говорил Дюпуи, был бессменным председателем «нацкомитета» вот уже более двадцати лет кряду. Ни одно важнейшее решение, ни один закон не попадал на подпись к президенту без согласования с этой структурой. Теперь-то Барнет понимал, кто стоит за Рейландом и почему Консорциум пришел именно к нему. Это был тот самый трамплин, благодаря которому он может достигнуть пика своей карьеры, и плевать на все — будь на месте банкира сам Дьявол, сенатор не колеблясь расписался бы хоть кровью на пресловутом договоре. Но на деле все оказалось куда прозаичнее, отчего осознание неотвратимости сделанного выбора было только ощутимей...

Банкир, кивнув, вышел из-за стола и, оказавшись возле кресла, где сидел Барнет, протянул ему руку:

— Малькольм. Для вас теперь просто Малькольм, дорогой Николас!

Тут он широко улыбнулся, его толстые губы раздвинулись, обнажив два ряда зубных протезов, отчего все происходящее снова напомнило Барнету дешевую мыльную оперу. Одновременно сенатора окатило волной мертвенного холода, словно все тепло вдруг улетучилось и в зале повеяло суровой зимой. Он поднялся и пожал рыхлую, но сухую ладонь Дюпуи, что, как он отметил про себя, не характерно для полных людей. Обычно руки у толстяков влажные от пота, и в них нет той силы, которая чувствовалась в каждом движении банкира. В тот день сенатор перестал быть просто политиком, он стал частью организации, правящей миром, содрогаясь в душе от своего поступка. Но пути назад уже не было.

На обратном пути в Вашингтон, откинувшись в кресле небольшого реактивного самолета, предоставленного сенатору лично самим Мак-Кинли, Николас смог спокойно обдумать сложившуюся ситуацию. Казалось, все складывалось как нельзя лучше: карьера шла в гору, перспективы роста просто потрясали своей стремительностью. С другой стороны, Мак-Кинли не предложил посвящения, которое проходили все члены Консорциума. Информации об этой организации было крайне мало, до Николаса долетали лишь слухи, в которых фигурировал некий замок в Англии, принадлежащий Консорциуму, где и проводились ритуалы и принимались самые важные решения. Неужели ему не доверяют и взяли только в «служки»? Если так, то он непременно припомнит банкиру это поручение, как только его выполнит, и потребует открыть карты. А от провокации он хорошо прикрыт своей незыблемой репутацией честного служаки, так что даже если велась запись беседы, сами представители Консорциума будут скомпрометированы. Нет, игра явно велась гораздо тоньше, и его пока не отпихивают от стола. Нужно правильно использовать ситуацию и развалить проект Эндерса. Парень будет рвать и метать, но когда поймет, что ему предложат взамен, непременно утихнет и станет работать за десятерых, план, предложенный Дюпуи, вполне осуществим.

В салоне пахло дорогим освежителем воздуха с ароматом лаванды, две вышколенные стюардессы в темно-бордовой униформе с золотым вензелем «МК» на нагрудных кокетливых кармашках неслышно скользили из конца в конец, ненавязчиво предлагая свои услуги. Николаса давно занимал вопрос, как они ходят на таких высоченных каблуках столько времени и при этом не теряют той открытой доброжелательности во взглядах, которыми одаривают пассажиров. Неужели это просто выучка? Или, может быть, тайная надежда обратить на себя внимание влиятельного толстосума? Нет, читать мысли он не умеет, а угадать, что кроется за этой кажущейся искренней заботой, реальное желание угодить или глубокий тренинг, ему не дано. Сделав знак мгновенно оказавшейся рядом симпатичной брюнетке, сенатор попросил:

— Стакан томатного сока, если есть.

— Сию минуту, господин Барнет, сэр, — девушка чуть раздвинула в улыбке накрашенные ярко-алой помадой губы.

Спустя пару минут стюардесса вернулась. Сенатор взял с подноса толстостенный стакан, отхлебнул прохладный, солоноватый сок. Он уже мечтал о собственном самолете и других вещах, на которых не стоит казенный ценник. Он думал, что сделает все, чтобы оказаться за тем столом, рядом с мисс Витт и Дюпуи. Как и на войне, Николас готов был шагать по трупам, если придется...

Эндерс с хрустом жевал таблетку аспирина, всасывая лекарственную горечь. Проверки он не боялся, поскольку знал — как только заезжее начальство узрит «суперов» вблизи, ассигнования польются как из рога изобилия. Тем более что в Барнете он ощущал родственную душу, так два хищника из одной стаи по запаху распознают друг друга и либо объединяются ради совместной охоты, либо стараются не стать помехой для собрата по крови. Тэлли и ему подобные всегда останутся лишь бюрократами, не понимая всей красоты и изящества созданного его командой оружия. Шон вошел в центр управления и поднял дребезжащую противным зуммером телефонную трубку защищенного канала связи с авианосцем. Линия прокладывалась по суше и океанскому дну, поэтому перехват такого сообщения будет быстро обнаружен, не говоря уже о невозможности перехвата средствами РЭБ. Подняв белую, цвета слоновой кости, трубку, капитан спокойно доложил:

— Здесь Эндерс.

— Капитан, вы проделали отличную работу, сенатор лично привезет приказы о поощрении вашей команды, а лично вы представлены к внеочередному званию.

Голос Тэлли источал злость пополам со страхом. Шон его прекрасно понимал: сейчас карьера его начальника висит на волоске. Если случится провал, Тэлли не доверят даже микрофон диспетчера в службе такси. Проекты вроде «Небулы» могут вознести на недостижимые высоты и с той же легкостью низвергнуть в глубины хаоса и позора, из которых нет возврата.

— Какова же цена этого «звездопада», сэр?

— Вы умный человек, Эндерс, — ответил шеф после некоторого молчания, в его голосе слышались нотки раздражения. — Нам нужен еще один фейерверк, но на этот раз без наших мертвых парней, иначе...

— Не продолжайте, сэр, я понимаю, сколь важен приезд такой персоны, как сенатор Барнет. Беда только в том, что группа в полном составе к выполнению задания может приступить не раньше чем через неделю, а сенатор прибывает послезавтра. Двое бойцов нуждаются в серьезной...

— Послушайте, капитан! — мгновенно завелся и заорал в трубку Тэлли. — Мне плевать, что там у вас не в порядке! Пусть ваши бойцы хоть на брюхе ползут в джунгли, главное, чтобы они принесли этому сраному параноику Барнету две тонны партизанских ушей! Это понятно?!

— Мы сделаем все, чтобы сенатор уехал довольным, сэр. — Тон Эндерса остался спокойным. Для этого ему понадобилось выдавить из упаковки и катать на раскрытой ладони еще одну таблетку аспирина. — Дайте нам время до прилета высокого гостя, и уверяю вас, мы сумеем его убедить в нужности проекта.

— Лучше, если это будет так, Шон. — Тэлли сник, от злобного тона не осталось и следа, в голосе сквозила надежда на то, что Эндерс знает, о чем говорит. — Иначе нам всем грозит трибунал и длинные сроки заключения за махинации и растрату оборонных фондов.

— Все понятно, господин полковник. Не беспокойтесь, наши ребята постараются привести образцы в кондицию и мы устроим сенатору отличное представление. Сами ведь знаете: со стороны все будет выглядеть ровно так, как мы с вами захотим, чтобы это выглядело.

— Действуй, Шон. Может ты действительно сделаешь то, о чем так складно поешь. Отбой связи.

Эндерс ничего не успел ответить и был этому чертовски рад, поскольку утешать обосравшегося от страха начальника ему совершенно не хотелось. Положив трубку на

рычаги, он направился в соседний зал, где сквозь механическую какофонию звуков мастерской слышалась отборная ругань старшего техника О'Мэлли. Войдя в помещение, Эндерс поморщился от запахов горелой изоляции, разогретого металла и чего-то еще, поразительно напоминавшего вонь разлагающейся человечины. Вокруг распятых на стендах шести костюмов «Небулы» бегали старший техник и трое его подручных. Даже невооруженным взглядом было видно, что прошедший бой дался «суперам» с трудом и только многократное дублирование систем спасло с таким трудом отобранных солдат от гибели. Тем временем ирландец, голый по пояс, с неизменной зубочисткой в левом уголке рта и фанатичным блеском в глазах, сноровисто переходил от одного верстака к другому, не забывая поматерить помощников на чем свет стоит:

— Гарри, черт тебя дери, ублюдок! — О'Мэлли подскочил к чернокожему парню, стоявшему с паяльником в одной руке и какой-то деталью в другой, и рванул его за лямку комбинезона. — Этот гироскоп стоит больше, чем задница ее величества королевы! — орал ирландец, брызгая слюной в лицо опешившему помощнику. — Не говоря уже о том, что твоя лишайная шкура к вечеру будет сушиться на двери моей каюты. Аккуратней с этим оборудованием, иначе я снова заставлю тебя выгребать дерьмо из всех галюнов на базе, как это было полгода назад... Сэр!

Последнее восклицание касалось вошедшего Эндерса, к которому О'Мэлли тут же поспешил подойти, вытирая руки куском ветоши и закладывая зубочистку за левое ухо. Зная любовь ирландца к сигарам, следовало оценить его самоотверженность: за верстаком он никогда не позволял себе расслабиться, даже такую малость, как курение. Капитан махнул рукой в сторону выхода: мол, необходимо пообщаться без лишних ушей. Натянув комбез на потный торс, техник кивнул, и они, выйдя в коридор, уединились в глухом тупике, где тускло светила одна-единственная лампа, в желтом свете которой лица обоих приобрели нездоровый оттенок.

— Главный старшина, — голос Эндерса больше не дрожал, приятная горечь успокаивала нервы, мигрень отступила, — я сейчас разговаривал с полковником.

— Готов биться об заклад, сэр, англичанин предложил вывести наших парней в поле.

— Всегда полагался на вашу прозорливость, Фил, — Эндерс криво ухмыльнулся. — Можете обрисовать мне техническое состояние образцов, в какой степени они готовы к операции?

— Сами парни не пострадали, костюмы их спасли. — Дам-в-грызло вновь вынул зубочистку, что делал только в периоды активной работы мысли и в непосредственной близости от начальства. — Но на этом хорошие новости заканчиваются. Альфа-Лидер потерял систему управления отрядом, повреждены системы энергоснабжения, в туловище четыре дыры и нет половины аккумуляторных батарей. Альфа-Третий лишился системы гиростабилизаторов: ни ходить, ни бегать не может. Альфа-Четвертый... — О'Мэлли сплюнул, и зубочистка едва не вылетела у него изо рта. — Две пули от «Калашникова» попали ему в голову, дублирующие системы отказали через десять минут, это не шлем теперь, а кусок дерьма, сэр! С остальными все более-менее нормально, но как цельное подразделение они нам погоды не сделают — нужно переписывать программное обеспечение, заново откалибровать костюмы...

— Понял вас, главный старшина, — Эндерс невольно потянулся к карману рубашки за аспирином, но вовремя остановился, у него возникла идея. — А сколько бойцов вы сможете привести в форму и вывести в поле за трое суток?

— Четверых, сэр.

Дам-в-грызло мог сомневаться в чем угодно, только не в своих железках, которые чувствовал и понимал почти на мистическом уровне. Капитану иногда казалось, что красномордый здоровяк просто знает некие могучие ирландские заклятья, с помощью которых может заставить показывать платные каналы даже телевизор, отключенный от сети.

— Отлично, главный старшина. Собирай всех, кого нужно, и подготовь этих четверых по резервной программе «Охотник за головами». К нам едет сенатор Барнет.

— Толковый мужик, сэр. — Техник еще раз тщательно вытер куском ветоши свои большие, в пятнах веснушек, лопатообразные ручки. — Его предки — какая-то дальняя родня тем О'Мэлли, что родом из Питтсбурга. Мама всякий раз голосовала за него. Такой человек оценит нашу работу, сэр. Наконец-то небеса посылают нам правильного начальника.

— Хорошо, если так, Фил. Сенатор будет здесь через трое суток. Сделайте все как надо.

— Мы не подведем, наши парни будут таскать ему головы партизан тоннами, сэр. Хотя прямо в каюту, — техник хохотнул, вынул из промасленного кармана пакетик с зубочистками и прихватил одну зубами. — Вот увидите, сэр!

Последние слова он сказал уже вполоборота, и Эндерс махнул рукой, отпуская О'Мэлли. Судьба и на этот раз, похоже, оставила им лазейку к успеху. Быстрым шагом Шон дошел до конференц-зала, где уже стоял длинный прямоугольный стол с десятком стульев, а у входа высился молчаливый вестовой из тех парней, что прибыли неделю назад вместе с командиром — майором Ридом. Судя по ухваткам, это были ребята из второго особого батальона рейнджеров, с которыми Эндерс уже сталкивался во время прохождения курса боевой подготовки десять лет назад. Но их появление лишь усиливало беспокойство капитана по поводу характера миссии вашингтонской шишки. Что если их проект не собираются закрывать, а просто сменят руководство, и вся эта возня с проверками затеяна только с одной целью — присвоить результаты восьмилетнего труда его команды? Пока трудно сказать что-либо наверняка. Подойдя к часовому, Эндерс бросил сквозь зубы:

— Передай майору, что я жду его здесь через десять минут. Заодно вызови капитана Нила и капитана Мэтьюса, их я тоже хочу увидеть в то же самое время. Исполнять. — Эндерс заглянул в деланно безразличное лицо бойца и отдельно повторил: — Быстро исполнять, солдат.

Часовой внешне ничем не выразил своих чувств. Но капитан был уверен, что его тон подействовал на солдата должным образом. Пройдя к столу и усевшись во главе его так, чтобы можно было видеть всех, кто входит, Шон достал упаковку аспирина и стал вертеть ее в руках, то и дело постукивая ею по столешнице. Он прикидывал, как лучше мотивировать смену тактической задачи для «Небулы», но пока ничего путного на ум не приходило: дельная мысль вертелась где-то на периферии сознания, постоянно ускользая, как только капитан обращал на нее внимание. За размышлениями прошло минут восемь, когда в зал вошел высокий человек плотного телосложения в полевой форме без знаков различия, с заправленным за левый погон куртки зеленым беретом. Эндерс окинул майора Рида, а это был именно он, внимательным взглядом: на вид лет пятидесяти, загорелая черная кожа, умные карие глаза, из растительности на голове и лице — только опаленные остатки белесых бровей и седая щетка аккуратно постриженных усов. Эндерс поднялся навстречу, но руки не протянул, лишь указал майору на стул слева от себя и приглашающе наклонив голову. Рид не обиделся, сам протянул руку, и Шону пришлось ответить на любезность. Сухая и жесткая клешня майора сказала о новом члене команды гораздо больше: надежный, но чересчур самостоятельный, уважает только тех, кто заведомо сильнее и умней его. С таким можно работать, если убедить его в том, что на него возложена задача, с которой никто кроме него не справится. К этому ключик считай подобрали, носом будет землю рыть.

Тем временем подошли Мэтьюс и Нил. О чем-то увлеченно споря, они лишь кивнули Шону и, не замечая вновь прибывшего, плюхнулись друг напротив друга, вывалив на стол груды чертежей и схем. Кашлянув, чтобы привлечь к себе внимание собравшихся, Эндерс поднялся и начал заранее подготовленную речь. Ему предстояло выжать из этих людей все соки, чтобы сенатора встретила сплоченная и уверенная в успехе команда, а не куча нытиков, лишь облегчающая проверяющему задачу по смене руководства проекта или его закрытию вообще.

— Господа, у нас возникли некоторые изменения в графике регламентных работ. Поскольку командный режим взаимодействия уже протестирован и принят как удовлетворительный лично полковником Тэлли, нам приказано перейти к следующей

ступени — полевое тестирование автономного режима «Охотник».

Эндерс откинулся в кресле, выжидательно глядя на своих подчиненных. Все, кроме Рида, встревоженно переглядывались, но помалкивали, не понимая, к чему клонит капитан. Режим, о котором он говорил, был лишь наброском схем и базовых подпрограмм: «Небула» создавалась как единое целое, и автономные действия бойцов рассматривались как самая крайняя стадия, когда отряду, понесшему критические потери, только и остается, что продать свою жизнь подороже. Самостоятельные действия не протоколировались, испытания и тактические учения с такими условиями тоже не проводились. Тем временем Эндерс продолжал:

— Для финальной проверки к нам прибыл майор Рид, — Шон кивнул в сторону чуть подобравшегося охранника, — который обеспечит нашу безопасность, а также возьмет на себя общее руководство встречей сенатора Барнета, который будет здесь через пятьдесят часов.

Шон посмотрел на своих подчиненных — похоже, им наконец стало ясно, что отчет не устроил кого-то в комитете и для окончательных разборок подтянули «тяжелую артиллерию» — человека, похоронившего не один амбициозный проект, но давшего добро именно на разработку «Небулы». Замысел командира очевиден: дать в отчете как можно больше трупов партизан, и тогда кислород не перекроют, а для этого нужно вывести в поле всех, кто остался. Возможно, стратегия, выбранная капитаном, — это единственный вариант, способный вытащить проект. Но риск огромен, ведь в случае провала, процентное выражение которого исчисляется как три против одного, «Небулу» и всех, кто хоть каким-то образом к ней причастен, заклеят и вычеркнут из списков перспективных и подающих надежды. Образно говоря, Эндерс вел свою команду по краю пропасти, дна у которой не было. Все участники задавали себе один и тот же вопрос: а есть ли другой выход, можно ли выложить карты на стол и сказать правду? И каждый, кто со стыдом, кто в бессильном отчаянии, признавал — другого пути нет. В мире затевалась большая политическая возня, целью которой было свалить русских, вообще не применяя оружие. Армейские программы сокращались одна за другой. Деньги уходили неизвестно куда, хотя всем было очевидно: происходит глобальная раздача взяток, подкуп или устранение всех тех, кто сможет выступить на защиту разваливающейся Империи Зла. Некто очень могущественный решил, что настала пора бескровной войны, когда новые территории и рабов можно заполучить в неповрежденном виде. Более того, большинство стран сами с радостью станут рабами, выполняя любые приказы далекого заокеанского хозяина. Коварство и масштабы потрясали воображение, но каждый гнал от себя кричащие прямо в лицо факты, ибо слишком жалким на фоне грядущих событий выглядело бряцание ядерной дубиной, и даже высокотехнологичные «суперы» смотрелись чем-то вроде детской игры в солдатики.

И в это же самое время на первый план вышли частники — крупные корпорации, прежде хоть и имевшие свой кусок пирога от военных подрядов, но державшиеся в тени. Представители этих компаний получили широкий доступ к секретным военным программам, укореняясь в армейских структурах и на самом верху разведсообщества США. Интерес их был понятен: скупка перспективных технологий и получение неограниченного влияния на принятие решений в масштабах всей страны. Эндерс уже догадался, что Рид — не просто человек сенатора, но именно он является новым лицом военпрома Америки, гибрида государственной атрибутики с частными интересами. Видимо, доклад, представленный Тэлли «наверх», все же ввел больших боссов в заблуждение и теперь они стремятся любой ценой перекупить «Небулу», возможно, даже оклеветав проект перед Пентагоном и сенатской комиссией. Барнет с его репутацией старого, прямого как штык вояки — самая подходящая кандидатура для такого спектакля. Интересно, что они скажут, когда специалисты того же «Global World Research Inc.» получат в руки все данные по «суперам» и убедятся, что вытянули пустышку?... Эндерс готов был признать, что замах оказался слишком силен и проект разваливается на глазах. Резкий приступ головной боли заставил его незаметно сунуть в рот капсулу аспирина и столь же незаметно ее разжевать. От

размышлений его отвлек бодрый голос майора Рида, который уже прохаживался вдоль стола, заложив руки за спину. Многие из сказанного им свидетельствовало о его недюжинном опыте — майор явно знал толк в своем ремесле:

— Господа, — говорил майор, — те двое, что должны были обеспечивать вашу безопасность и охранять государственные секреты, нынче отбыли к новому месту службы. Их работа признана неэффективной, как, впрочем, и ваше, капитан Эндерс, решение подключить к операции прикрытия местных. Среди них полно агентуры противника, и утечка о характере проводимых испытаний и дислокации базы — лишь дело времени.

Эндерс не собирался оправдываться, он выразительно глянул на Рида со своего места и тихо возразил:

— При всем уважении к вам, майор, хотелось бы напомнить, что вы подчиняетесь мне. Или, может быть, вы имеете полномочия, согласно которым ответственность за проект переходит к вам? Это первый момент, — Шон предостерегающе взглянул на собиравшегося что-то сказать охранника. — Момент второй, майор, заключается в том, что у меня в роте охраны двадцать морпехов, а территория, на которой проводилась операция по испытанию «суперов», составляет более шестидесяти восьми квадратных километров джунглей, кишачих партизанами и контрабандистами. Отсюда вопрос: как бы вы поступили, мистер, если у вас под носом оказалась группа русских командос и еще десятка два вооруженных бандитов, везущих наркоту?! Молчите, майор, я внимательно вас слушал!

Эндерс резко встал из-за стола, отчего стул с противным визгом отъехал на метр назад. Рид молчал, играя желваками. Формально Эндерс действительно был его начальником, во всяком случае, пока не пришли уточняющие инструкции, поэтому он помалкивал, вынужденно слушая тихий, но от этого не менее неприятный голос Шона.

— Майор, русские уничтожены, партизанский караван разгромлен, а ваши коллеги из корпуса рейнджеров просто оказались на пути моих парней. Получился бардак... И все это от того, что ваши генералы не говорят с нашими. Так было всегда, и так будет впредь, нам обоим это известно. Но хвосты удалось подчистить, к тому же чужими руками, сведя и без того неприемлемый уровень потерь к минимуму. Поэтому давайте не будем тыкать друг в друга пальцами и бить морду, а попытаемся закончить работу как можно более профессионально. — Боль стала невыносимой, но Эндерс только чуть сморщился и продолжил, не меняя тона: — Если вы внимательно изучали мое досье, то знаете, что я бывал в поле и знаком с грязной работой из первых рук. Другого способа отогнать неожиданно возникших в зоне испытаний русских я в тот момент не видел, важна была скорость принятия решений. Да и «суперов» никто из местных не мог заметить, поскольку на точке эвакуации были только наши люди. Хватит пыжиться, давайте перейдем к делу.

Шон развернулся, поймал стул за спинку, придвинул его к себе и сел за стол. Рид еще какое-то время молчал, но увидев, что все глядят на него с нескрываемой враждебностью, постарался сгладить ситуацию, не переставая гнуть свою линию:

— Простите, сэр, видимо, это сказывается долгая дорога. Но вынужден вас огорчить: русские провели местных и ушли. Менее чем полчаса назад мы перехватили радиообмен местных служб слежения за воздушным пространством в зоне операции. — Рид положил на стол и подтолкнул к Эндерсу два сложенных пополам листа бумаги с мелким машинописным текстом. — Вертолет без опознавательных знаков завис над высотой 1080 на время, достаточное, чтобы принять на борт пассажиров. Группа тактического реагирования прибыла на место зависания вертолета через час. Там обнаружены следы нескольких человек, ведущие в сторону болот. А двумя часами ранее, — торжество в голосе Рида звучало уже до неприличия громко, — с места, где, согласно докладу оперативного координатора операции, остатки русской диверсионной группы были уничтожены местными командос из отдельного батальона «Черные ягуары», поступило другое сообщение, — Рид сделал небольшую паузу и, вынув из нагрудного кармана куртки еще один лист бумаги, зачитал текст, который, судя по всему, помнил чуть ли не наизусть: — «...Группа попала в хорошо организованную засаду и была полностью уничтожена. Радист, будучи захвачен в

плен, дал ложную наводку для координатора поисковых мероприятий, после чего тоже был устранен русскими...».

Майор сложил и этот листок пополам и, подтолкнув его к хмурому Эндерсу, продолжил, но в его голосе теперь не слышались агрессивные нотки, он хотел договориться:

— Там дальше много всякого про шараханье местных по сельве в поисках русских. Они ждут их возле болот, но думаю, что упустят — с ними явно идет опытный проводник, отлично знающий эти места, вероятно контрабандист. Вы делали все, что можно было сделать, сэр, я не отрицаю этого, но вы имеете дело с профи, которых учат выживать там, где вообще не живут, где умирают... — Рид прищурился так, словно выцеливал врага через автоматный прицел. — Белому человеку вообще в сельве нет места, а эти... Я воюю с русскими уже двадцать лет, господа. Они выживут везде, и их практически невозможно победить в открытом бою... Они вернутся, я буду их поджидать.

Эндерс провел ладонью по лицу, отгоняя усталость; за последние несколько недель он спал в общей сложности не более десяти часов, и иногда в ушах слышался противный звон, а на глаза набегала мутная пелена — слезились глаза. Этот майор хорошо подготовился к докладу, и его выводы вряд ли понравятся комиссии. Подняв на собиравшегося что-то добавить майора тяжелый от усталости взгляд, Шон сказал:

— Давайте не будем воевать друг с другом, у нас общий враг, попробуем объединить усилия и к приезду сенатора навести глянец.

Рид, присев на краешек стула ответил:

— Я открыт для предложений, сэр, — обращение «сэр» он произнес с нажимом, давая понять, что власть скоро переменится и он поставит наглого капитана на место.

— Отлично. — Эндерс без улыбки обратился к собравшимся: — Раз досадная помеха не была устранена традиционными мерами, попробуем действовать иначе. Скажите, майор, есть в вашем распоряжении проверенные сведения о точной дислокации партизанских баз или временных лагерей, достаточно крупных, в нашей зоне ответственности?

— Так точно, сэр. На западе сидит некто команданте Рауль, ставленник небезызвестного вам Снайпера. Диверсанты вероятнее всего пришли оттуда и прикомандированы к его отряду. Русские хоть и ослабили помощь, но поставки оружия и специалистов до сих пор достаточно велики. На северо-востоке два отряда, один из них возглавляет хефе Эль Гуарон, а второй пока не превышает по численности обычную мелкую шайку, остальные всерьез их не воспринимают и зовут «лос гелдраперос» — оборванцами. Постоянного командира у них тоже нет.

— Как близко соприкасаются зоны, подконтрольные этим трем бандам?

— Рауль держит западный проход к побережью, и у него есть лазейки на панамской границе. Думаю, что сорок километров — предел для него. Эль Гуарон — бывший уголовник и крепко повязан с контрабандистами, но прямых выходов на перуанские картели или прибрежные кланы у него нет. «Оборванцы», — тут майор впервые искренне улыбнулся, — те просто грабят всех, кто попадется под руку, похищают фермеров, что позажиточнее, занимаются мелким рэккетом, с этого и кормятся.

— Значит, все три группировки располагаются более-менее компактно и вы можете назвать эти районы, я правильно все понял?

— С точностью до двух километров, сэр. Сельва только на первый взгляд полна хаоса и неразберихи. На самом деле в джунглях у каждого есть свое место, и у этого места имеются хоть и зыбкие, но вполне конкретные границы, несмотря на то, что тут постоянно идет война. Впрочем, как и везде в мире.

— Отлично, такое положение вещей нам только на руку, — Эндерс с облегчением откинулся на спинку стула, а потом, вновь резко придвинувшись к столу, обвел всех прояснившимся взглядом: — Вот что мы сделаем, господа...

* * *

Земля. Республика Колумбия, точное местоположение неизвестно, 22 февраля 1990 года, 18:45 по местному времени. «Товарищ Мигель» — Егор Шубин, военный советник.

...Боль, усталость и страх перестают ощущаться, когда от твоей ясной головы и четкости мыслей зависит еще чья-то жизнь. В такие моменты исчезают все посторонние звуки, а усталость, пробиваемая лекарствами, транслирует в мозг и ко всем рецепторам восприятия удивительно резкую картинку происходящего. Растительность приобретает серый и пепельно-зеленый оттенок, запахи сливаются в некую удушливую смесь гнили, ароматов цветов и выделений местного зверья. Все это вкупе с полным безветрием и духотой создает непередаваемую атмосферу вонючей парилки, когда каждое движение дается с невероятным усилием. Домой я вернусь худющий как щепка, и не дай Бог, это произойдет где-нибудь в марте, когда у нас еще дуют пронзительные ветра и холод стоит такой, что здешний житель, окажись он где-нибудь в средней полосе России, назвал бы такое место чертогами демонов. Сразу, словно пробудился какой-то условный рефлекс, на языке я ощутил привкус арбуза. Так бывало всегда в зимнее время: выйдешь из подъезда, и первый вдох морозного чистого воздуха пахнет свежестью и почему-то арбузом. Но сейчас перед глазами была только спина Дуги, перетянутая ремнями, а вокруг — непроходимая стена сельвы, тонущая в вечном сумраке. До возвращения домой еще как до луны, но я впервые дал себе слово, что без отпуска в следующую командировку не поеду. Пусть хоть до рапорта дело дойдет, но пока не увижу настоящего снега и не пробегу на лыжах километров пятьдесят по заснеженной таежной тропке — никаких жарких стран, остеросили мне эти «пампасы».

Остатки нашей группы цепочкой отходили от места, где удалось эвакуировать раненых, в сторону болот. Скупая, волчья рысь, неизбежные при усталости хриплое дыхание и неприятный запах человеческого пота — вот и все, что затуманенное стимуляторами сознание доносило до меня. Рацию, как и все лишнее, забрали те, кто ушел на вертолете, поэтому ориентироваться по загонщикам, которые наверняка шарят по кустам где-то неподалеку, можно было только на слух. Но, если разобраться, рация, как, впрочем, и карта, в такой глуши — вещи бесполезные. Ориентироваться оставалось лишь по сторонам света, да еще по тяжелому, гнилоственному запаху, который все более сгущался, что свидетельствовало о том, что проводник ведет нас верной дорогой. Чтобы сосредоточиться и не поплыть окончательно, я стал гонять в уме варианты, которые могут прийти в голову преследователям, а в том, что они за нами идут, я ни капли не сомневался.

Самым логичным было бы поставить заслоны на сухих участках за трясинной, а не перед ней, поскольку после сезона дождей рельеф береговой линии сильно изменился. А за трясинной все без изменений — скалистая гряда и снова джунгли, где начинается территория повстанцев и в частности нашего команданте Рауля. На месте противника я бы выбросил там десант и разместил на возвышенностях пару батарей ротных минометов, способных быстро переносить огонь по секторам, а на самых вероятных участках прорыва группы раскинул сеть из противопехотных мин и простых сигналок, а потом накрыл бы нужный сектор минометным огнем. Такие гадкие варианты обычно и есть самые верные. Поэтому я решил дать команде отдых и даже придумал, как это устроить. Там, в тишине и относительном покое, мы и обмозгуем, что делать дальше.

Как только мы приблизились к болоту вплотную, я ухнул по-совиному, подзывая Симона. Тот подошел почти бесшумно. Смотреть на его черное от усталости и грязи лицо было больно, меня не отпускало чувство неловкости оттого, что я таскаю с собой пацана, которому бы по-хорошему еще в школу ходить. Впрочем, я скоро понял, что недооценил нашего проводника: хоть он и был измотан до последней степени, но речь его была живой и связной, чему скоро нашлось объяснение. Парнишка жевал смесь из листьев коки, извести и еще какой-то дряни, поэтому и мог сохранять бодрость сутками. Я слышал, что те же ниаруна применяют такой состав, называя его «кото», что на их наречии означает нечто близкое по значению к русскому слову «живчик».

— Симон, насколько хорошо ты знаешь эти места? — я произнес это хриплым

шепотом, но парень прекрасно меня понял.

— Братья возили здесь товар, но болота обходили с севера. Однако можно пройти и напрямик. А что ты задумал, командир?

— Нас плотно обложили федералы. На той стороне, у скал, нас наверняка уже ждут.

— Будем прорываться? — Глаза мальчишки задорно блеснули, и я снова удивился, как у него хватает сил на гримасы, когда у меня от усталости и напряжения немеют даже кончики волос.

— Нет, это как раз то, чего они от нас ожидают, и поэтому, скорее всего, накроют минометным огнем издали, не приближаясь на дистанцию контакта. Нужно подумать и выслать разведчика, а на все это необходимо время.

— Но за нами идут человек пятнадцать справа, — парень повел в ту сторону стволом «калаша», — и еще два раза по столько же в тылу и слева. Через полчаса они увидят наши следы.

— Это я тоже понимаю, — я постарался растянуть почерневшие и потрескавшиеся губы в ободряющей улыбке, но вышло плохо, если судить по метнувшемуся в сторону взгляду проводника. — Нам нужно отсидеться на болоте, найти сухую кочку и пересидеть там хотя бы до сумерек. Три часа отдыха — это то, что нам всем нужно. Что скажешь, есть такое место на болоте или нет?

— Ты хитрый дьявол, командир. Брухо говорил, что ты родом из места, где обитают демоны гор, и там холодно, словно в аду, но я не верил старому болтуну. — Лицо парнишки посерьезнело, взяв у меня планшет, он ткнул пальцем в квадрат, где вообще ничего не было обозначено: — Командир, два года назад, когда я уже был в связных у дона Рауля, мы с братом попали в облаву и он показал мне этот остров. С воздуха его не видно, про него не знает никто, кроме меня и... Брат погиб спустя год, теперь знаю только я.

— Ты как-то странно говоришь, боец, — я видел, что Симон чего-то боится и только вера в мою удачливость и острое желание жить вынудили его раскрыть семейную тайну. — Там безопасно?

— Я думал, что демоны чувят своих сородичей. — Парень все еще с опаской смотрел мне в глаза. Наконец, собравшись с духом, он продолжил: — Там не совсем остров, это вершина старой индейской пирамиды, а внутри сухо и нет воды. Мы с братом спустились только на три метра, дальше не пошли, кто знает, какие пакости и чары древние приготовили для незваных гостей. Мы пересидели там три дня и ушли по тропе, отмеченной вешками отца, нас даже не искали в трясине. А эти отродья свиней, — глаза Симона гневно сверкнули, — за нами точно не полезут, и острова им не найти, даже местные ниаруна не помнят, чья это пирамида. И те, кого федералы завербовали в проводники, вглубь болот тоже не пойдут. Идем, командир, путь неблизкий.

Я дал сигнал к построению и снова занял место в хвосте колонны. Мы двинулись в путь, тухлая вода и кишачая всякой мелкой живностью болотная жижа обняли нас. Мы погрузились в это вонючее месиво по пояс. Но Симон уверенно вел нас куда-то, а позади уже слышались голоса преследователей — кто-то из них уже вышел на тропу, ведущую к берегу.

Нельзя сказать, что местные болота сильно отличаются от топей моей родной Сибири: те же кочки, доросшие мхом, хилые деревца, кажется, растущие прямо из-под воды, и злобная мошкарка пополам с пиявками. Но тут следует сделать поправку на колорит: в тех местах, где топь переходит в некое подобие заводи со стоячей водой, водятся змеи и мелкие рыбешки, могущие залезть даже в мочеиспускательный канал. Первое время я сильно опасался именно такой пакостной мелочи или мух, откладывающих яйца прямо в носовые пазухи, пока не убедился, что это всего лишь единичные случаи. И рыбешка, и всяческие насекомые предпочитали использовать для своих нужд животных. Поэтому мы спокойно брели след в след за проводником, продвигаясь в южную часть топи, которая на картах обозначена как непроходимая. И действительно: пару раз нам пришлось вытаскивать из трясины бойцов, неверно взявших чуть в сторону от тропы. Оступившиеся сразу же проваливались с головой в вонючую, кишачую мелкой живностью субстанцию, которую так

и подмывало назвать дерьмом.

Крики позади давно стихли: вероятно, преследователи посчитали, что оказавшиеся в подобном безвыходном положении люди все же выберут честный бой и быструю смерть от вражеской пули, а не мучительную и медленную — в зловонной жиже. Само собой, когда придут местные рейнджеры и их американские коллеги, они попытаются пройти вслед за нами, однако в успехе их я сильно сомневался. Для преследования в подобных обстоятельствах мало знать приблизительный путь, нужно быть точно уверенным в том, куда идешь. Симон и его братья знали, а вот следопыты местных командос — вряд ли. Мысленно я поспорил сам с собой, сколько человек сунется за нами следом и сколько из них выберутся обратно. По всему выходило, что не слишком много, и это было более чем приемлемо.

Мы шли по горло в мерзостной жиже, лишь изредка выбираясь на твердую почву, когда уровень тухлого месива из водорослей, насекомых и ошметков гниющей древесины опускался до уровня пояса. Так продолжалось довольно долго, пока Симон не подал знак, что мы у цели: неожиданно я почувствовал, что вот уже пару минут иду по твердому камню, иногда спотыкаясь, словно под ногами были ступени. Наконец мы вышли из воды к небольшому островку, что стало понятно по более высоким деревьям и постепенно спадающему уровню воды. Еще через пару минут мы выбрались на сухой участок, и больших усилий стоило не упасть ничком прямо там, где стоишь. Симон раздвинул заросли и указал на открывшийся в склоне невысокого холма провал. Он сноровисто закрепил на железном костыле, вбитом в каменную глыбу, нейлоновый канат и сбросил свободный конец в дыру. Подавая нам пример, парнишка начал спускаться первым. Вскоре канат колыхнулся, Симон вылез наружу, и глаза его радостно светились:

— Командир, там сухо и есть вода, хорошая, не болотная! Спускайтесь по одному и идите по коридору, там увидите большой зал, размещайтесь у северной стены. Я замаскирую лаз и спущусь последним.

— Лады. Ты молодец, парень.

Спустившись по канату в неожиданно сухую темноту подземелья, я подумал, что судьба действительно играет человеком. Раньше отпущенного срока помереть не получится. Казалось бы, вот он, писец: кругом обложили так, чтомышь не проскочит, позади враг, впереди непролазное болото, а нет — мы выскочили, как обмылок из рук. Посмотрим, что будет дальше, может, мне удастся прожить еще день-два.

Отойдя от проема в своде пещеры, я осмотрелся, насколько позволял тусклый свет, испускаемый химическими светильниками, коих у нас в комплекте у каждого было ровно по пять штук. В их зеленоватом свете можно было различить некоторые детали: мы оказались в помещении явно искусственного происхождения, метров десять в ширину и метра три в высоту. Стены напоминали сходящиеся к потолку грани пирамиды. Пол тоже имел некоторый уклон, но заметил я это только после того, как Дуга бросил один из светильников в дальний правый угол. Длинный, похожий на обычный фломастер «светляк» покатился по полу влево, пока не зацепился за выбившийся из паза край плиты.

— Это очень старое место, — голос проводника звучал глухо в замкнутом пространстве. — Мой брат услышал о нем от старого пьяницы — ниаруна. Индеец совсем потерял ум от рома и все время болтал о золоте, что хранят его великие предки...

— Так чего же твой родственник предпочел тягать контрабанду, а не развлекаться где-нибудь в Майами, швыряя миллионы направо и налево?

Эту реплику произнес Славик. Очухавшись от заплыва по трясине, наш остряк обрел свою обычную язвительность. Однако мальчишка-проводник, не приняв его иронии, ответил:

— Брат просто оказался умнее тех, кто шастает по руинам древних в поисках их богатств. Все, кто отправлялся искать золото, нашли здесь только свою смерть. Брат смекнул, что это место, если индеец не спятил от рома и не ошибся с ориентирами, может стать неплохой берлогой. Но ниже этого помещения и двух соседних комнат ни он сам, ни его люди никогда не спускались.

— Значит, и мы не будем, — резюмировал я. — Это приказ, товарищи офицеры. Особенно он касается тебя, команданте Ставо.

Неожиданно Славка взбеленился, что скорее всего явилось следствием вынужденного воздержания от его обычных приколов во время нашего «заплыва».

— Не согласен категорически. — Детонатор уже разложил сушиться свои вещи, он остался в камуфляжных штанах и майке, но с автоматом так и не расстался. — Тут наверняка много всякого старого барахла. Вернемся в Союз — на один оклад жить станешь, а, старшой?

Я поманил разбушевавшегося подрывника к себе, демонстративно провел рукой по каменной кладке и протянул к носу приятеля испачканную в пыли ладонь.

— Что ты видишь, Слава?

— Ни хрена! Клешню твою только грязную, и все, — сбитый с толку неожиданным вопросом, Детонатор слегка опешил. — Что ты этим доказать-то хочешь?

— А ты еще вдохни глубоко, — не повышая тона продолжил я. — Чем пахнет, не подскажешь?

Детонатор покрутил головой, сморщил нос и, чувствуя подвох, но не понимая его сути, пожал плечами:

— Воздух как воздух. А что тут такого, если я вниз прогуляюсь? Так и так сутки здесь сидеть, пока местные нас не похоронят и не снимут кордоны...

— Слава, — я вытер ладонь о штанину и присел, не в силах больше держаться на ногах, — мы в полутора-двух метрах под водой, а стены сухие. Опять же, мы в подземелье, а воздух не затхлый и, более того, болотной вони я не ощущаю. Под нами древний бункер, который наверняка имеет свою систему охраны, и я бы не рассчитывал на то, что она вышла из строя. Будем сидеть тут, сколько потребуется, ничего трогая. Симон, — обратился я к проводнику, — как тут с водой и насчет отхожего места? А то сидеть придется долго и наружу лучше не высовываться. Федералы наверняка подняли вертушки и болото прочешут обязательно.

Проводник махнул рукой в сторону единственного выхода из зала, более всего напоминавшего дверной проем средних размеров.

— Там коридор и две комнаты поменьше, друг напротив друга. Справа и слева от этой двери. В одной брат складывал припасы. Я посмотрел, сейчас там есть немного вяленого мяса и сушеные фрукты, но дня на два, не больше.

— Отлично, — я с усилием поднялся на ноги и пошел следом за пацаном, подсвечивая себе химическим фонарем. — А как с водой и сортиром?

— В конце коридора — провал, мы всегда ходили... туда. — Парень улыбнулся, и я понял, что напряжение последних дней его тоже отпускает. — Вода в комнате, которая справа от входа. Там каменная скамья, а напротив нее вода сочится прямо из стены.

— Болотная! Как же вы ее пили?

— Нет, командир, стена не внешняя, и как вода струится из стены и куда уходит по желобу в полу, я не знаю. Да и вкус у нее... странный.

— То есть?

— Не объяснить это. Нужно выпить... Но никто не заболел, просто все видели странные сны.

— Какие такие сны?

— Иногда, — Симон задумчиво посмотрел на меня и тут же отвел глаза, — сны сбывались, иногда — нет. Но ни до, ни после никто из людей моего брата такого не испытывал: сны очень реальные.

— Ну, тогда это ничего, — я улыбнулся, отчего кусочек засохшей грязи упал со щеки на пол. — Я редко вижу сны и почти их не помню. Передай всем, что можно располагаться, пусть сушатся и отдыхают. Смены по три часа, первым заступаю я. Выполнять.

Конечно, я устал не меньше других, да и сырая одежда и налипшая коркой грязь радости не добавляли, но я вполне мог отстоять первую смену, а людям требовался отдых. Пройдя в комнату, где, как сказал Симон, была вода, я увидел в тусклом зеленоватом свете

«химки»¹ высеченную из цельного куска камня скамью, больше напоминавшую стандартную полутораспальную кровать, а справа прямо из стены выступала статуя какого-то приземистого божка. Высота статуи была метра два, под потолок комнаты. Божок представлял собой фигуру человека с головой то ли вороны, то ли попугая, увенчанной пышным плюмажем. Судя по довольно внушительным причиндалам, это был мужик, и мужик с положением, поскольку на шее у него висело ожерелье из прямоугольных пластин. Руки божка были скрещены на груди таким образом, чтобы на сложенных «лодочкой» ладонях он смог удерживать некое сооружение, напоминающее пирамиду, вроде той, в которой мы нашли убежище. Более ничего интересного в статуе, вытесанной из серого пористого камня, не было, лишь вода частыми крупными каплями сочилась с ее ладоней, вытекая откуда-то из-под основания миниатюрной копии пирамиды и падая сначала на босые ступни, а затем исчезая в длинном желобе, идущем вдоль стены.

Проведя рукой по заросшей недельной щетиной физиономии, я решил умыться. Вода оказалась холодной, поэтому грязь и остатки краски отходили с лица и рук с большим трудом. Умывшись, подставил под строчку капель пустую флягу, неожиданно ощутив прилив бодрости. Странно, ведь еще десять минут назад на мне живого места не было, ныло и саднило все тело. Особенно чувствительной была боль в почках — обычное дело после окончания действия стимуляторов. Не обращая на это внимания, я стал наносить новый слой камуфляжной краски на лицо и руки, попутно и одновременно прислушиваясь к тихой возне бойцов в главном зале. Вроде все было штатно, посему, осмотревшись, насколько это было возможно, я поднял с пола наполнившуюся на удивление быстро флягу и, опустив внутрь обеззараживающую таблетку, плотно завинтил крышку-стаканчик. Хотя Симон и заверил, что вода не опасна, но нет смысла нарушать наработанный протокол только потому, что местные спокойно переваривают болотную тухлятину, называя ее «чистой водой». Благодаря таблетке вода приобретет резкий, химический привкус, но зато я буду защищен от кишечных паразитов и возбудителей всяческих лихорадок, для которых у врачей уже давно кончились все обычные слова и в ходу сплошная латинская ругань. Глянув на прикрытый кожаным чехлом циферблат часов, я снова вышел в зал, столкнувшись у входа со Славкой, видимо, пришедшим за водой.

— О! — вырвалось у него непроизвольное восклицание. — А я типа водичкой разжиться хотел...

— Главное, не пей сырую. Сейчас костер разведем. Тут тяга воздушная есть, наверняка дым тянет понизу, наружу он не выходит. Смены каждые три часа, после меня заступает Дуга, потом ты, потом пацана пошлю к суше поближе, надо восточку Раулю послать. Кроме него сквозь сельву никому из нас не пройти. Пусть пошумят, отвлекут сторожей наших, а в суматохе есть шансы прорваться. Рискнем, раз все «научные» методы накрылись медным тазом.

— Разумно, но... — Детонатор с сомнением цыкнул зубом. — Тут-то долго сидеть будем?

— Чтобы потеряли наглухо след, посидим какое-то время. Придется на пару дней затихариться, ничего не поделаешь.

Мне была понятна нервозность друга, но как я никогда не лез в его хитрые замуты со взрывчаткой, так и в вопросах тактики не позволял другим вторгаться в мою епархию. Мне частенько помогает интуиция, подсказывая парадоксальное, порой идущее вразрез с наработанным опытом решение.

— Если рвануть сегодня к вечеру, — возразил Детонатор, — шансов проскочить гораздо больше: кордонами еще не везде все закроют, да и растяжки плюс оборудование минометных позиций времени требуют.

¹ «Химка» — жаргонизм, осветительный одноразовый источник света. Время действия: 6-12 ч. Имеет «ушко» в верхней части капсулы для крепления к снаряжению. Цвета: красный, желтый, оранжевый, зеленый. Размеры: 1 x 25 см.

— Здравая мысль, Слава. Да только устали мы все. Почитай, четверо суток мотаемся на пределе. А тут любая ошибка — гарантированный писец. Нужно отдохнуть. Пройдем и сквозь кордоны, чай не в первый раз. Иди отдыхай, пока время позволяет.

— Я бы выдержал...

Спорить и толочь воду в ступе было бессмысленно: Славка всегда с бесшабашной уверенностью кидался напролом, и будь он один, у него вполне могло бы и получиться. Но в данный момент у меня на попечении был зеленый пацан, хоть и местный, но все же не трехжильный. И на него была вся надежда. Да и выставят кордоны скорее всего формально, поскольку болота по мнению федералов лишь частично проходимы. Время, проведенное в бездействии, — враг любого караульного. Люди расслабятся, втянувшись в рутину графиков и расписаний смен, станут менее внимательны. А рвать вперед, надеясь, что на тропе нет «секрета» или в кроне дерева не сидит снайпер с ночной оптикой, — верх глупости.

Наблюдателя, даже хорошо замаскированного, можно вскрыть в момент пересменки, если верно прикинуть, где возможна наиболее удачная позиция для наблюдения и ведения огня. Поэтому я без дальнейших дискуссий подхватил автомат за ремень и по веревке вылез наверх, разумеется, оглядевшись предварительно в наблюдательную трубу. Штука эта предназначена для снайперов, чтобы осматриваться, не демаскируя своей позиции, но часто помогала и мне, как человеку смежной профессии. Не заметив ничего подозрительного, я лег на кочку рядом с лазом и затаился под прикрытием заросшего лианами холмика, бывшего основанием пирамиды. Сектор обзора был довольно широким. Москиты, учуяв запах бальзама, гудели рядом, но не кусали. Длинная вахта началась. Я замер, дыша через неравные промежутки времени, став частью оглушительно орущей вокруг природы. На первый взгляд, позицию я выбрал не слишком выгодную: обзор только в одну сторону, демаскировка убежища основной группы при обнаружении НП вообще не вызывала проблем. Но это только на первый взгляд. На самом же деле такая практика подходит для обычного леса, с твердой почвой и достаточно обширными возможностями обходных маневров. В болотистой местности свободы обычно никакой: подходы к островкам суши так или иначе известны, а тот, кто рискнет сойти с узкой тропки чуть в сторону, рискует в лучшем случае быстро утонуть, а в худшем долго глотать зловонную маслянистую жижу, судорожно вытягивая шею над тугой ряской, а спустя еще пару часов все равно утонуть, но уже полностью свихнувшись от отчаяния и осознания неизбежности смерти.

Так что позицию я выбрал все-таки удачно: гать, по которой мы пришли на островок, просматривалась вглубь и по флангам метров на пятьдесят, что было совсем неплохо. Главное при несении караула в подобном месте — это слух. Глаз часто «замыливается», и тогда враг может почудиться там, где просто причудливым образом сплелись лианы или неровно легли кусты, образовав подобие припавшей к земле фигуры стрелка в лохматом камуфляже. Именно поэтому я лишь бросал короткие взгляды по секторам, но внимательно слушал вопли болотных жителей, которые всего вернее предупредят о приближении чужака.

Все вокруг было привычно: орали лягушки, пересвистывались пичуги, какой-то мелкий зверек прошуршал в кустарнике, но и только. Пару раз пролетел вертолет, но курсом на северо-восток, где, по всей видимости, находились известные федералам тропы через трясину. Над нашим же укрытием все было спокойно, и во мне крепла уверенность, что я сделал верный выбор, доверившись Симону. Так прошло около трех часов. Я дернул за шнур, другой конец которого был привязан к руке следующего по смене, там, глубоко под землей. Метод этот мы разработали сами во время долгих ночных сидений в джунглях, когда даже шепот может выдать тебя, что уж говорить о радиопереговорах — противник тоже не дурак и умеет слушать лес. А так я тихо дал сигнал о своем возвращении и вот уже, спустившись под землю, инструктирую Дугу, который, довольный отдыхом, кивает в ответ. Выслушав меня, он беззвучно скрылся в проеме люка, и наступила темнота — «химки» истощились, да в них и не было особой нужды. Славка протянул мне кружку с горячим травяным настоем, секрет которого заключался в том, что он бодрил и утолял жажду, но не выдавал нас привычным для человеческого жилья запахом. Сделав пару глотков, я

направился к роднику у статуи и смыл с себя грязь и краску. Сон прогонять больше не было сил, поэтому я положил на лавку у правой стены отощавший «рюкзак-семисуток», автомат поместил рядом, так, чтобы его не было заметно тому, кто войдет в комнату.

Часто в кино приходилось видеть, как герой ставит винтовку или автомат в изголовье или кладет пистолет под подушку или на прикроватную тумбочку. Такое поведение наш инструктор называл «выкрутасы покойника». Понятное дело, что профессионал либо выстрелит от двери из глушеного ствола, либо внимательно все осмотрит, прежде чем подойти на дистанцию работы ножом или удавкой. Человек, что-то прячущий, обнаруживает себя напряженной позой даже во время сна. Недели три мы учились держаться расслабленно, чтобы язык тела не выдал нашу готовность даже к неожиданному нападению. Вот и сейчас: Симон отскочил назад, когда вроде бы расслабленный и спящий команданте Мигель плавно соскользнул с лавки на пол, и вот уже в живот вошедшему парнишке смотрит автоматный ствол. Узнав проводника, я опустил оружие и, поднявшись, ободряюще кивнул ему:

— Что случилось, омбре?¹

— Мигель, вертолеты уже не летают, федералы перестали нас искать. Болота — не то место, где люди выживают так долго. Я могу сходить, посмотреть, свободен ли путь к лагерю. Я тихо, эти ленивые свиньи даже не заметят, что я рядом.

Я провел пятерней по лицу, отгоняя сон. Резон в том, чтобы отправить Симона разузнать, где наши злейшие друзья расставили силки, несомненно был, но меня тревожила слабая выучка парнишки в плане топографии: мало знать самому, где засел враг, нужно, чтобы он точно смог показать эти места на карте.

— Хорошо, амиго, иди. Только задача у тебя будет чуть иная: мы тут можем сидеть долго, но не бесконечно. Поэтому пойдешь в отряд к Раулю, а заодно вешками отметишь нам путь из болота. Смотри, — я развернул карту и, сняв с руки часы, положил их себе на колени. Встряхнув последнюю «химку», зацепил светильник за карман «разгрузки». — Мы примерно вот тут, в десяти километрах от южного края болот. Сколько времени тебе нужно, чтобы дойти туда, не привлекая ничье внимание?

— Часов десять, если выйти прямо сейчас. К вечеру буду у края болот, возле караванной тропы.

— Отлично. Только там-то нас и будут поджидать. Найди обходной путь. Сможешь?

— Ты шутишь? — Симон застенчиво и вместе с тем горделиво улыбнулся. — Я же вырос в этих местах, тут каждый камень — это мой друг.

— Значит, когда ты сможешь выйти к передовым постам отряда?

— К завтрашнему утру. Думаю, что часам к семи буду в отряде.

— Накинем на все про все еще часов десять, так?

— Наверное, так. — Симон уже притопывал ногами от нетерпения. — Рауль верит мне, тем более что остальные ваши, скорее всего, уже в лагере.

— Смотри и запоминай. — Я прочертил на карте несколько линий и расставил отметки так, чтобы парень смог повторить их на такой же карте в партизанском лагере. — На северо-востоке две противостоящие высоты, где федералы наверняка уже разместили минометы. Их сектора обстрела будут перекрывать все сухие участки береговой линии, где есть выход из трясины, и большую часть караванной тропы. Нам это мешает, но если Рауль вышлет людей, блокирует минометчиков и одновременно нанесет несколько отвлекающих ударов по позициям федералов на северо-востоке от тропы...

— А с чего ты взял, что они там устроили засаду? — следя за ходом моих рассуждений, парень не забывал цепким взглядом поглядывать в карту.

— Это просто: только там можно разместить до двух взводов пехоты так, чтобы это не бросалось в глаза. А чтобы не попасть под обстрел своей артиллерии, федералы вынуждены будут рассредоточиться вдоль тропы. Место для такого маневра есть только на северо-восточном участке, в двухстах метрах от края болот. Как только Рауль ударит им в тыл, они

¹ Парень (*исп.*).

вынуждены будут развернуться к нему. Начало его атаки будет сигналом к нашему броску в направлении тропы. Через двенадцать часов мы выдвинемся вот сюда, — я указал карандашом на небольшой холмистый выступ на линии края трясины, — и будем ждать, когда вы начнете шуметь.

— Ты хорошо придумал, Мигель, но вот станет ли Рауль рисковать из-за тебя своими людьми?

— Не сомневайся, — я подмигнул парню, — есть кое-кто, чей голос будет услышан, и Рауль не то что пойдет, он побежит нам на выручку.

— Думаешь, сеньорита Анита...

— Скажем так, я очень на это рассчитываю, Симон. А сейчас иди отдыхать, путь предстоит неблизкий, да и я тоже чуток придавлю на массу.

Парень не понял последнего выражения, но, уловив общий смысл, ушел в первый зал, откуда раздавался негромкий храп Детонатора. Я прилег и, смежив веки, еще некоторое время прокручивал в уме варианты возможного поведения федералов. По всему выходило, что пока нет причин думать о провале. С точки зрения любого более-менее грамотного спеца, очень многое зависело от случайных факторов, не поддающихся анализу. Так, почти незаметно для себя, я соскользнул в вязкую полудрему...

Мне снился снег, наш, такой до боли знакомый по ощущениям, въевшимся в самое мое утро. Пушистые невесомые хлопья падали со свинцово-серых небес, окутывая все вокруг пуховым покрывалом. Оглянувшись вокруг, я узнал родные места: вот рубленая еще отцом баня, почерневший сруб, чуть припорошенный на стыках бревен только что выпавшим снежком. Внезапно я понял, что со спины ко мне подходит Наташка. Ее легкие, быстрые шаги по скрипучему снегу звучали совсем как наяву. Оборачиваюсь и тону в ее огромных, зеленовато-серых глазищах, обрамленных густыми ресницами, замечаю буквально все: бледные крапинки веснушек, обсыпавших прямой, чуть вздернутый нос и щеки, пару новых морщинок в уголках рта. Из-под рыжей собачьей шапки выбилось несколько прядей светло-русых волос, в которые тоже успели впутаться снежинки. Жена была в белой дубленке, на которую я ухлопал весь свой оклад за два месяца, и специально сшитых для нее унтах, которые едва доходили до колен, прикрытых клетчатой шерстяной юбкой.

— Егор-рка! — звонкий девичий голос эхом отозвался в сосняке, тревожа покой улегшегося на зимнюю спячку леса. Затрещала, вспорхнув с ветки и полетев в более спокойное место, сорока.

— Ната! — вроде как произнес я в ответ, но во сне всегда нет четкого ощущения действий. — Родной мой человечек, я... я так скучаю!..

Руки мои плетью лежали вдоль туловища, словно примороженные, ноги застряли в снегу по колено, не давая двинуться с места. Радость встречи, растерянность и щемящая тоска накрыли с головой, вышибая все остальные мысли. Наташа пробежала пару оставшихся до меня метров, и ее руки сомкнулись на моей шее. Напрягая все силы, мне удалось поднять руки и обнять ее. Но ощущения и запахи во сне стирались, я был там, на нашей «фамильной», как называл ее отец, даче, и одновременно ощущал на лице сухой ток воздуха подземелья и легкий запах болотной гнили. В то же самое время у меня не возникало полного ощущения пришедшего сна: руки обнимали жену, губами я ловил: то капризную и тонкую верхнюю губу Наташи, то полную и податливую нижнюю. И при всем при этом меня не оставляло предчувствие близкой беды, вот она — крадется на мягких лапах, чтобы упасть сверху, навалиться со всех сторон...

* * *

Земля. Арабская республика Египет, западная окраина Каира. 25 февраля 1990 года, 19:22 по местному времени. Майор ПГУ КГБ СССР Николай Журавлев, командир оперативной группы «Омега» (непосредственное оперативное воздействие).

Солнце уже не так жгло, но жар все же струился от асфальта, стен домов и

проезжающих мимо автомобилей. Журавлев поправил солнцезащитные очки-«капли», машинально проверяясь на предмет сторонней опеки, свернул в проулок между двумя блочными трехэтажками и оказался во внутреннем дворике одной из них. Встав в тени чахлого дерева, бросавшего рассеянную тень на пыльную землю, Николай стал ждать. До условленного времени оставалось еще минут двадцать, а всего он кружил по кварталу около двух часов кряду, стараясь выявить активность возможной засады, проверяя, не прицепился ли кто-нибудь непосредственно за ним самим.

Египет в последнее время вновь стал местом постоянных столкновений с англичанами, окончательно перешедшими в подчинение к бывшим «младшим партнерам» из Штатов. Впрочем, «томми»¹ часто взбрыкивали, и тогда удавалось сыграть на противоречиях между «родственниками». Но сейчас все было несколько иначе: вот уже более двух лет Журавлев работал на представителя КПК, выполняя в рамках своей службы поручения главного ревизионного органа партии, всегда с подачи представителя комитета партконтроля, которого он знал под псевдонимом Изяслав. Журавлев был уверен, что этот невысокий, с невыразительным, скучным лицом человек, при одном взгляде на которого хотелось отвести взгляд — очень высокопоставленный чиновник МИДа. Несколько раз Николаю удалось засветиться на каком-то ведомственном мероприятии, там он увидел своего связника в окружении чиновников министерства иностранных дел, и были это люди из высшего эшелона.

Завербовали Журавлева просто: он никогда не отличался сдержанностью по отношению к «пиджакам» и как-то раз открыто выступил против своего тогдашнего шефа — полковника Фесенко, по чьей милости провалилась одна операция в Вене, когда в ходе возникшей перестрелки с немецкими «коллегами» из BND² погибло двое сотрудников из группы обеспечения. Смерть таких же, как он сам — опытных диверсантов, майор вполне мог пережить. Так или иначе, это была их работа, к риску их готовили, и с мыслью о возможности внезапной гибели Николай уже свыкся, постоянно ощущая ее ледяное дыхание затылком. Но вот пара пожилых австрийцев, вся роль которых заключалась в передаче «посылок» и выполнении несложных заданий типа «пойди-принеси»... Случился громкий скандал, во время которого майор чуть не придушил непосредственного начальника, в момент разбора полетов обронившего нечто пренебрежительное по поводу погибшей под пулями немецких оперов семейной четы. Рванувшись к полковнику через стол, на глазах у бойцов своей группы Николай сомкнул пальцы на худощавой шее начальника, желая увидеть, как потускнеют глаза этого мерзавца. Опомнившиеся подчиненные еле уберегли майора от гарантированной статьи за убийство. Опешивший Фесенко, хрипло откашливаясь и цедя угрозы, счел за благо ретироваться.

Глядя, как за полковником закрывается дверь кабинета, Николай с тоской подумал о том, что не успел придушить это самодовольное ничтожество, по чьей вине погибли двое по сути мирных людей.

На пару месяцев Журавлева отстранили от службы, прямо намекнув на увольнение с оперативной работы и исключение из партии. Последнее обстоятельство было особенно неприятным. Николай получил партбилет после выполнения сложного задания в Бейруте, был ранен и на торжественное собрание явился еще с тросточкой. А вручал ему красную книжечку сам Василий Поваров, личность легендарная в узких кругах. Будучи командиром

¹ «Томми» — презрительное прозвище англичан в странах Британского Содружества.

² BND — Bundesnachrichtendienst, Федеральная разведывательная служба Германии. Как самостоятельное ведомство создана в 1955 г. на базе т. н. «организации генерала Гелена». В системе государственных органов ФРГ БНД является подразделением, подчиняющимся ведомству федерального канцлера. По количеству служащих БНД — самое крупное федеральное учреждение Германии. Штатный состав составляет более 7000 человек, из них около 2000 заняты непосредственно сбором разведанных за рубежом. Среди сотрудников представители примерно 70 профессий: военнослужащие, юристы, историки, инженеры и технические специалисты. Штаб-квартира БНД располагается в Пуллахе под Мюнхеном. Здесь трудятся руководство спецслужбы и более 3000 сотрудников центрального аппарата.

разведроты во время войны, Василий Алексеевич лично уничтожил более трех сотен фашистов, сто пятьдесят восемь из которых — голыми руками, удавкой и ножом-финкой. Нож он не таясь носил всегда при себе и с готовностью демонстрировал молодым сотрудникам боевые приемы, даже в свои семьдесят пять давая фору более молодым умельцам. Журавлев, тогда еще капитан, с трепетом принял билет из рук старого диверса, навсегда запомнив руки старика. Перевитые голубыми прожилками вен, в пятнах от ожогов и старческой пигментации, эти руки не дрожали, и рукопожатие было крепким. Поваров ничего не сказал тогда, только остро глянул на молодого коммуниста из-под кустистых седых бровей, и Николаю вспомнился отрывок из фильма «В бой идут одни „старики“», где вот точно так же красные книжечки получали те, кто только что вернулся из боя. Именно тогда Журавлев до конца осознал то, что ему так долго внушали инструктора и старшие, более опытные коллеги: он на войне, на войне страшной, потому что нет четкой линии, отделяющей своих от чужих. Но еще более страшной она казалась Николаю от того, что вокруг него живет целый мир людей, думающих, что война давным-давно в прошлом...

Изяслав пришел к нему домой через трое суток после окончания череды допросов и последовавшей затем настоятельной просьбы не покидать Москвы и своей квартиры в частности, «до выяснения некоторых подробностей дела», как выразился «пиджак» из следственной комиссии. Николай, не заглядывая в глазок обитой вишневого колера кожаным элементом двери, но привычно встав справа от нее, открыл и узрел на пороге невысокую фигуру в старомодном черном плаще, надвинутой на глаза черной шляпе, обычного вида темно-серых брюках и остроносых черных же ботинках.

— Николай Валентинович? — голос человека показался Журавлеву таким же бесцветным, как и его внешность.

— Так точно. Вы из следственной комиссии?

Николай посторонился, приглашая гостя войти.

Тот кивнул, на ходу расстегивая плащ.

— Некоторым образом, — гость вынул «корочки» со знакомыми комитетскими реквизитами и в развернутом виде поднес к лицу Журавлева. — Нам нужно поговорить, майор.

— Скорее уж лейтенант, учитывая формулировку обвинения, выдвинутого вашими коллегами, Дмитрий Вадимович.

Из предъявленного гостем удостоверения следовало, что это полковник Селиванов, второй заместитель начальника их управления. Фамилия была знакома и фигурировала в некоторых приказах по управлению, но лично с этим серым человечком Журавлева судьба не сводила. Чутье подсказывало, что просто так высокопоставленный чин из аппарата Конторы в гости к почти что отставнику не приедет. Майор внутренне подобрался, пропуская гостя в тесную прихожую своей двухкомнатной квартиры. Жилье было ведомственным, поэтому Журавлев с беспокойством подумал, где они с женой и дочерью будут жить, если дело примет самый скверный оборот и его уволят. Родители оставили им небольшой домик за городом, но ведь убогую избушку, где и осенью-то жить трудновато, вряд ли можно было считать полноценным жильем. Подавив невольный вздох, Николай заставил себя отогнать невеселые мысли.

— По результатам расследования полковник Фесенко уволен со службы и заключен под стражу. Вы временно назначаетесь исполняющим обязанности начальника отдела оперативного воздействия, майор.

Ошарашив такой новостью, гость, не снимая ботинок, лишь бросив шляпу на тумбочку и аккуратно повесив плащ на вешалку, быстро переместился в кухню. «Будь этот человек объектом для захвата, пришлось бы поработать», — отметил про себя Николай и прошел следом, рассеянно тронув чайник на плите.

— Чай будете, товарищ полковник?

— Не откажусь. — Селиванов уселся так, чтобы хозяин квартиры и вход в комнату все время оставались у него перед глазами. — И если можно, дайте пепельницу. С самого утра

ничего не ел, а без папирос, увы, и получаса не могу, извините.

Журавлев повернул переключатель под конфоркой на электроплите, достал большую чугунную сковороду и взял из настенного шкафа глиняную пепельницу, выполненную в виде старого стоптанного башмака. Сам он курил только на балконе или выходил на лестничную клетку (жена не переносила табачного дыма), а пепельница осталась от умершего несколько лет назад отца. «Вот и пригодилась», — промелькнула мысль в голове майора, пока он шарил в холодильнике, выискивая что-нибудь съестное. От пайка оставалось мало чего — жена относила большую часть дефицитных теперь продуктов (масло, сыр и колбасу) сестре. Та схоронила недавно мужа, сильно пившего инженера, который зарабатывал не ахти, и теперь одна тянула двоих ребятишек. Бедняга повесился в гараже, оставив записку, что-то в духе «ухожу, прошу никого не винить». Слабые умы часто чувствуют беду загодя, избирая для спасения даже такие способы, как самоубийство, ведь им просто некуда больше бежать...

Найдя выход в четырех куриных яйцах, маленькой склянке подсолнечного масла и паре крупных помидорин с дачного участка, Журавлев повернулся к гостю:

— Яичницу будете?

— Если вас это не затруднит, Николай... Можно вас так, без отчества?

— Можно.

Гость раздвинул губы в улыбке, неожиданно широкой и располагающей, словно говоря: «Да ладно, церемонии уже ни к чему».

— Вот и хорошо, разговор предстоит непростой. Вам известно что-нибудь о некоем конгломерате западных бизнесменов, именующем себя «Консорциум»?

— Нет. — Новости, которые сообщил Селиванов, ошеломили майора, но он быстро взял себя в руки, и вот уже на сковороде зашкворчала яичница с помидорами и репчатым луком, крупно порезанным кольцами.

— Чуть позже я расскажу вам о той операции, которую вы и ваш новый отдел будете проводить. — Гость невольно повел носом в сторону плиты, видимо, не соврал насчет голодного начала дня. — Дело непростое, многое придется делать без прикрытия и страховки, таковы правила. Но давайте сначала подкрепимся.

Журавлев не хотел есть, взял только кусок хлеба, а гостю выложил все содержимое сковороды в тарелку с золотым ободком по краю и сел напротив. Гость аккуратно и быстро расправился с яичницей, несколько виновато поглядывая на Николая, а потом, отпив изрядный глоток крепкого чая, вынул из старомодного серебряного портсигара папиросу, предложил Журавлеву, но тот отказался. Селиванов высек огонек из простой, в стальном поцарапанном корпусе, явно недорогой зажигалки «зиппо». Язычок бесцветного пламени опалил архаичную, почти киношную папиросу «Герцеговина Флор». Лицо визитера окуталось клубами ароматного дыма, отчего Николай инстинктивно потянулся к пачке «Столичных», лежавших тут же, на подоконнике кухонного окна, вместе с пластиковой одноразовой зажигалкой. И вот наконец Селиванов начал рассказывать, и чем дальше он неторопливым тоном проговаривал все то, о чем Журавлев так или иначе догадывался, тем холоднее становилось майору в тот теплый августовский день восемьдесят восьмого года.

Спустя час Селиванов ушел, оставив новоиспеченного начальника отдела в тягостном замешательстве. «Стране пришел конец, государство доживает последние дни, и с этим уже ничего не поделаешь». Эта фраза, произнесенная полковником, никак не укладывалась в голове майора. Даже то обстоятельство, что визитер сообщил о своей принадлежности к самой закрытой секретной структуре в Союзе, не так потрясло Николая, как перспектива краха всего, что он так любил и ради чего рисковал жизнью. Но многочисленные факты и фактики, копившиеся месяцы и годы, словно цветные стеклышки в детском калейдоскопе, неожиданно сложились в страшный, кровавый узор. Своих бойцов он пока решил не посвящать в детали сделки с комитетчиком. Для них вполне достаточно его личного приказа или просьбы, в случае чего ребята будут ни при чем. Согласившись помогать организации, представляемой Изяславом, Журавлев ни разу об этом не пожалел, поскольку работа ничем

не отличалась от обычной, даже рутинной деятельности его группы. Для солдата, каким Журавлев себя считал всю свою жизнь, нет хуже осознания того, что бороться с врагом, идущим по родной земле, невозможно. Альтернатива, предложенная Изяславом, давала надежду на успешное противодействие агрессору, и Николай твердо решил, что будет биться до конца, то есть до тех пор, пока жив. Что до семьи, то он знал твердо, что если просто сбежит, прихватив их с собой, то не сможет жить с осознанием факта своего дезертирства. Зина и Машенька его поймут, должны понять. Кроме того, гость пообещал, что Комитет не оставит семьи тех, кто вынужден подставляться под удар. Обычно Журавлев не доверял голословным посулам, но сейчас что-то ему подсказывало: невзрачный человечек не врет.

Задания от нового куратора приходили по линии управления, за них точно так же шли поощрения, премии и даже награды, и майор понимал, что работа его отдела направлена на подготовку какой-то крупной операции. Все, как всегда, было скрыто, и он, как рядовой исполнитель, знал лишь часть от целого. И вот только сейчас, в этом прожаренном египетском дворике, он понял, что вершится нечто важное. Задание было простым: захватить группу американских и немецких разведчиков, под видом археологов копающих неподалеку от знаменитой пирамиды Джосера.¹ Люди, с которыми предстояло воевать, были выведены своими официальными структурами за штат и подчинялись странной организации под названием «Консорциум». С тех пор как Журавлев стал выполнять задания комитетчика, он уже три раза так или иначе входил в соприкосновение с оперативниками, принадлежавшими именно к этой организации. Воевали они жестко, без перчаток, как, впрочем, и сам Николай, поскольку и он, и его противники понимали, что поставлено на карту...

От размышлений его отвлек звук мотора белого микроавтобуса «тойота», который въехал под арку. Внутри сидели трое его бойцов. Подхватив дипломат, в котором лежал укороченный немецкий пистолет-пулемет MP-5,² Николай сел в машину. Магазин этой новой игрушки снаряжен бронебойными патронами, и при нажатии клавиши под ручкой переноски из дипломата прольется свинцовый вихрь, от которого не спасут даже новомодные кевларовые бронежилеты. Патроны ему передал молчаливый парень из штата посольской охраны, через него же Николай и его бойцы получили все остальное оборудование, снаряжение и машину. Судя по звуку, у нее под капотом был форсированный двигатель, а вместо обычной магнитолы — широкополосный сканер радиочастот.

За рулем сидел Вадим Свешников, смуглый горбоносый крепыш, которого легко можно было принять за местного, благо по-арабски он говорил практически как местный житель. Вадик был классным водителем и по совместительству — пилотом, способным поднять в воздух и посадить где угодно все, от современного истребителя до тяжелого пассажирского лайнера. Подав ему сигнал двигаться к контрольной отметке, Журавлев откинулся на сиденье рядом с Иваном Винниченко, сухопарым шатеном с тонкими, интеллигентными чертами лица. Роговые очки, кудрявая, с высокими залысинами на лбу, темно-каштановая шевелюра и обезоруживающая застенчивая улыбка Ивана стоили жизни

¹ Пирамида Джосера считается первой культовой постройкой в Египте такого размера и архитектурного искусства. Эта шестиступенчатая пирамида (размерами 125 x 115 м и высотой приблизительно 62 м) была первой пирамидой в Древнем Египте. До настоящего времени пирамида Джосера сохранилась в хорошем состоянии, хотя за минувшие тысячелетия она оказалась несколько занесена песком, так что ее размеры составляют на сегодняшний день 121 x 109 м, а высота 61 м. Расположена в селе Саккара (30 км к югу от Каира). Заказчиком был фараон Третьей династии Нечерихет Джосер, архитектором был жрец и советник фараона по имени Имхотеп, время постройки — приблизительно 2650 г. до н. э.

² MP-5 — в данном случае имеется в виду компактный пистолет-пулемет MP-5K. Был разработан немецкой фирмой «Heckler & Koch» на основе их популярного пистолета-пулемета MP-5. MP-5K разработан специально как оружие скрытого ношения, пригодное для ведения ближнего боя и обеспечивающее на коротке большую огневую мощь. MP-5K широко используется различными организациями антитеррора по всему миру, а также различными службами охраны высокопоставленных лиц. Снабжается специальным кейсом со смонтированным внутри спусковым механизмом, позволяющим мгновенное открытие неприцельного, подавляющего огня. ТТХ: длина — 325 мм, длина ствола — 115 мм, темп стрельбы — 900 выстр./мин., магазины — 15 и 30 патронов, эффективная дальность стрельбы — до 25 м.

двум агентам израильской «Моссад», пятерым цеэрушникам и троим «коллегам» из геленовской шарашки, что расстреляли в Вене австрийцев-связников. Винниченко был ликвидатором, штатной «тяжелой артиллерией» группы. Кроме того, он слыл мастером перевоплощений и чуял слежку каким-то неизвестным науке органом, который не раз выручал всю группу и его самого. Сложив на коленях худые руки, Иван то и дело поглядывал в боковое окно, мурлыкая себе под нос песенку из мультфильма «Трое из Простоквашино» — сигнал о том, что слежки нет.

— Макс уже на «подскоке», командир, — нарушил молчание третий боец, повернувшись вполоборота к Журавлеву с переднего пассажирского сиденья. — Клиенты сидят в пансионате, на северо-восточной окраине города. Двое уехали на раскопки еще вчера, вернулись два часа назад. В сеансах связи нет нештатных выходов в эфир. Новых людей, кроме связника, не появлялось.

Этим третьим был Эдик Павликян, взрывотехник, вопреки стереотипам, сложившимся о его соотечественниках, мрачный и неразговорчивый крепыш с наголо бритым черепом, блестящим в лучах клонившегося к закату солнца. Особо выделялись на его плоском лице «профессорская» бородка и крючковатый длинный нос. Нетипичный по складу характера армянин умел отвечать на вопросы, которые Журавлев только собирался задать, но болтливостью не отличался. Эта его привычка озвучивать то, что витало в воздухе, а потом как ни в чем не бывало смотреть в пространство, словно все сказанное не имело к нему ровным счетом никакого отношения, снискала Павликяну славу некоего говорящего камня. Отсюда и пошла его кличка — Командор, очень уж он походил манерой поведения на каменную статую из известного фильма с Высоцким. Но взрывником Эдик был знатным: один раз он изготовил из пластиковой взрывчатки точную копию кофейной чашки, практически неотличимую от обычной, но с химическим детонатором. Чашка с налитым в нее горячим кофе попала в руки намеченному в мишени гражданину Арабских Эмиратов, любившему давать деньги афганским моджахедам. Любитель кофе почитал это богоугодным делом, и Аллах наверняка засчитал ему пожертвования как плюс в общей статистике, когда обычная кофейная чашка снесла своему владельцу голову. Дело в том, что духовский благодетель держал приличный штат охраны и полный набор сканеров, определяющих работу электронных устройств. Даже в сортир он ходил только после проверки комнаты на наличие «сюрпризов», а штурм в тех условиях обернулся бы для группы Журавлева стопроцентным уничтожением личного состава и не гарантировал устранение мишени. Четыре пояса безопасности, два полных взвода хорошо подготовленных охранников и близость военной базы, откуда подкрепление к людям «благотворителя» пришло бы в течение десяти минут, не оставляли никаких шансов на успех операции. И тогда Павликян продемонстрировал свое изобретение в действии и сам сыграл роль официанта в кофейне, где мишень постоянно останавливалась по пути из города в свое поместье, чтобы выкурить кальян и запить его чашкой крепкого кофе. А этот напиток там действительно готовили бесподобно, во вкусе «благодетелю» не откажешь...

Микроавтобус свернул с улицы во дворик очередного четырехэтажного блочного дома и остановился возле единственной двустворчатой двери, расположенной чуть ниже ряда узких окон, скрытых опущенными жалюзи из белой гофрированной жести. Как и везде на окраинах, во двор выходило больше окон, нежели на улицу, чем и воспользовался Максим Осипов — лучший стрелок подразделения. Сейчас он находился на третьем этаже, в одной из трех снятых под «офисные нужды» комнат. Макс вел наблюдение за зданием, расположенным через улицу. Наблюдательную точку, или, на жаргоне, «подскок», Макс выбирал сам. Расчет строился прежде всего на том, что выбранный дом был одним из пяти самых высоких в полукилометре от двухэтажного пансионата, где разместились оперативники Консорциума. Объект наблюдения просматривался с четырех сторон, снайпер мог видеть всех, кто входил и выходил из пансионата, а также для обзора открывались большая часть внутреннего двора и небольшой крытый гараж на четыре машины.

Журавлев спросил у Командора:

— Когда транспорт с дежурной сменой пойдет в Саккару?

— Через двадцать минут. Изменений нет: трое сядут в крытый фургон, водитель — мужик из местных — используется втемную, приезжает на своем старом «форде» спустя еще десять минут. Тех, кто в фургоне, он никогда не видит, заводит машину и едет к лагерю возле пирамиды. Там его отвлекают, якобы для подписи наряда на новое оборудование, пока пассажиры выйдут. Потом водила порожняком возвращается в город, и так каждый день, но пассажиры у него бывают только раз в двое суток.

— Значит, эти парни — наша первая мишень, как мы и предполагали. — Николай позволил себе улыбнуться. — Тогда все разыгрываем по второму сценарию. Одежда наша подобрана правильно?

— Все в порядке, — вступил в разговор Свешников, отвечавший еще и за матобеспечение, — с трех метров никто вас не отличит от этих гавриков.

— Тогда все на исходный рубеж, проверим связь и оружие.

Бойцы без суеты начали собираться. На всех были светлые легкие брюки мешковатого покроя, какие носят туристы, и свободные, навывпуск льняные рубашки с длинными рукавами и открытым воротом. На ногах у каждого — легкие туфли, но сшитые из специальной ткани, с подошвой из армированной резины. Под всем этим скрывались наколенники и налокотники, плотно прилежавшие к телу, не выпиравшие под тканью одежды. Также каждый, включая водителя, имел под рубахой легкие бронежилеты, способные остановить как обычную, девятимиллиметровую, пулю, так и более мощную, револьверную, выпущенную из любимого американцами «сорок пятого» калибра. Командор и Винниченко были с полноразмерными МР-5, ставшими существенно длиннее из-за навинченных глушителей, Свешников был вооружен только пистолем (тупоносый ПБ уютно пригнулся у водителя под рубахой, в поясной кобуре). Журавлев тоже нес глушеного «макарку», но сзади, чтобы портье за стойкой не насторожился раньше времени. Как следовало из их собственных наблюдений и из сопроводительной информации, переданной связником, оперативники Консорциума вооружились круто, но довольно стандартно. Все четверо в легких «брониках» скрытого ношения М-200,¹ у двоих легкие автоматические

¹ Бронежилет скрытого ношения М-200, производства «American Body Armour». Многослойная кевларовая прошивка (48 слоев ткани), защита по классу IIA (пистолетные пули, малые гранатные осколки, колюще-режущее оружие). Вес — 4,7 кг. Имеется карман для установки дополнительной бронепластины.

² Имеется в виду автоматический пистолет «Глок-18». Специально для нужд спецподразделений армии и полиции фирма «Glock» создала вариант модели 17, имеющий возможность ведения автоматического огня, названный модель 18. Переводчик режимов огня находится на затворе, темп стрельбы около 1200 выстр./мин. Данная модель предусматривает ведение огня как очередями с отсечкой в 3 выстрела, так и непрерывной очередью. Ряд фирм выпускают для нее дополнительные аксессуары вроде складного приклада или специального крепления, позволяющего использовать запасной магазин в качестве передней рукоятки для удержания. Общая длина — 186 мм, длина ствола — 114 мм. Вес без магазина — 625 г. Использует магазины емкостью 10, 17, 19, 31 патрон (магазины отъемные коробчатые, двурядные). «Глок-18» имеет характерный удлиняющий силуэт ствола компенсатор подброса ствола. Компенсатор выполнен в виде группы отверстий в верхней дульной части ствола, и соответствующих им вырезов в затворе рядом с мушкой. В остальном это обычный армейский пистолет, построенный по схеме с коротким ходом ствола и запиранием при помощи выступа на стволе, входящего в окно затвора для экстракции гильз. Снижение ствола осуществляется фигурным приливом, выполненным под стволом. Пистолет имеет ударниковый УСМ т. н. «безопасного действия» (Safe Action) с тремя автоматическими предохранителями, в том числе одним — на спусковом крючке. Особенностью УСМ «безопасного действия» является то, что в ходе цикла перезарядки пистолета ударник взводится лишь частично, при этом он заблокирован при помощи автоматического предохранителя. Довзведение ударника происходит только при нажатии на спусковой крючок, при этом ударник остается заблокированным от движения вперед вплоть до момента полного выжимания спускового крючка. Таким образом удается достигнуть однообразного усилия на спусковом крючке от первого до последнего выстрела, что положительно сказывается на точности стрельбы. Усилие спуска регулируется от 2,5 до 5 кг путем замены пружины.

«глоки»;² а двое других вооружены ножами и скорострельными «ингрэмами».¹ Кроме того, каждый имел коротковолновую радиостанцию и по паре наступательных гранат. Если не застать этих ребят врасплох, затяжной перестрелки и потерь не избежать: дистанция огневого контакта колебалась от пятнадцати до двух метров, поскольку Журавлев планировал войти в здание с парадного входа, отвлекая на себя внимание противника, тогда как Командор и Винниченко войдут со двора. Макс со своей австрийской «снайперкой»² выполнял роль прикрытия, на случай прибытия к противнику подкрепления или если кто-нибудь из осажденных вырвется из пансионата наружу. Свешников же, как всегда, страховал всю группу, держа транспорт «под парами» и слушая полицейскую волну.

Журавлев поправил гарнитуру наушника и вышел из фургона в сгустившиеся вечерние сумерки.

Миновал арку и попетлял между невысокими домишками, отделявшими амеровский «теремок»³ от их временного пристанища. Прислонившись к нагретой за день стене дома, из-за угла которого отлично просматривался вход на объект, он замер, ожидая сигнала от штурмовой группы.

— Я Небо, — спустя три минуты заговорил наушник голосом Макса, — Второй и Третий вышли на исходные. По секторам — зеленый.

— Принял, — едва шевеля губами пробормотал Журавлев в рукав рубашки, где прятался микрофон. — Кибитка, как погода?

— Здесь Кибитка, — это докладывал Свешников. — Погода без осадков, ясная.

— Здесь Первый, начинаю движение. Номерам — отмашка, работаем.

Прогулочным шагом Николай двинулся к парадному входу в «теремок». Связник,

¹ Журавлев говорит об американском пистолете-пулемете «Ingram M-11», стоявшем в то время на вооружении американских спецслужб. «Ingram M-11» является автоматическим оружием, построенным по схеме со свободным затвором. Затвор фрезерованный, ударник неподвижно установлен на зеркале затвора, стрельба ведется с открытого затвора. В переднем положении затвор значительной частью своей длины набегаёт на ствол (для уменьшения общей длины оружия). Рукоятка заряжания находится на верхней поверхности ствольной коробки и при стрельбе двигается вместе с затвором. В переднем положении затвора поворот рукоятки на 90 градусов запирает затвор, выполняя роль дополнительного предохранителя. Основным предохранителем расположен снизу ствольной коробки, справа от спусковой скобы, и имеет вид продольно скользящего движка. Переводчик режимов огня расположен на ствольной коробке слева и имеет вид поворотного рычажка. Ствольная коробка штампованная из стали, состоит из двух половин, верхней и нижней, соединяемых в передней части штифтом. Ствол в дульной части имеет наружную резьбу для установки глушителя. Прицельные приспособления простейшей конструкции, состоят из нерегулируемого диоптрического целика и мушки. Приклад телескопический выдвижной, со складным плечевым упором из стальной проволоки. В передней части ствольной коробки имеется антабка для короткого ремня, используемого для удержания оружия второй рукой. ТТХ: калибр — 9 x 17 Browning Short (.380ACP), вес — 1,59 кг без патронов, длина — 222/460 мм, длина ствола — 129 мм, темп стрельбы — 1200 выстр./мин., емкость магазина — 16 или 32 патрона, эффективная дальность ведения огня — 30–50 метров.

² Речь идет о компактной снайперской винтовке «Steyr-Mannlicher SSG 69 P IV», весьма популярной за опцию, предусматривающую установку ПБС (глушение вспышки, звука выстрела до 127 дБ). Без потери боевой эффективности на средних (до 200 м) дистанциях из данного оружия можно поражать хорошо защищенные цели. Снайперская винтовка «Steyr-Mannlicher SSG 69» представляет собой магазинную винтовку с ручным перезаряданием. Затвор продольно-скользящий, поворотный, запирается 6 радиальными выступами в задней части затвора за пазы в ствольной коробке. Ствол тяжелый, выполнен методом холодной ротационнойковки. Спусковой механизм регулируемый, спуск с предупреждением. Магазин роторный на 5 патронов, отъемный. Ложа выполнена из пластика (SSG 69 первой из снайперских винтовок получила такую ложу), длина приклада может регулироваться при помощи специальных резиновых прокладок под затыльник. Р IV открытого прицела не имеет, данная модель оснащена только посадочными местами под оптику, и пожалуй, это единственный минус данной винтовки, как оружия для проведения городских операций. ТТХ: калибр — 7.62 x 51 мм НАТО (.308 и .243), механизм — ручное перезарядание, продольно-скользящий затвор, длина — 1140 мм, длина ствола — 650 мм, вес — 3,9 кг без прицела и патронов; 4,6 кг с прицелом, магазин — 5 патронов барабанный.

³ «Теремок» — жаргонизм. Так разведчики называют конспиративную квартиру, используемую как база для проведения «черных» операций на вражеской территории или территории нейтральных стран.

кроме всего прочего, передал кодовую фразу для обмена с дежурным американской явки. Согласно плану, Журавлев должен был представиться агентом, вынужденным срочно уходить от преследования. Фраза, конечно, запутает дежурного, но лишь на короткое время: сигнал о провале агента идет по независимому каналу, чтобы сам агент не пришел в проваленный адрес. Но главной задачей виделась не столько инфильтрация, сколько бесшумное уничтожение охраны, едущей на объект в пустыне, чтобы под ее личиной проникнуть в лагерь «археологов». Для этого нужно было ликвидировать всех в «теремке», не привлекая внимания. Подойдя к наружной двери, Николай нажал на кнопку интеркома справа от нее и отчетливо, имитируя южный акцент, произнес по-арабски, коверкая слова на американский манер:

— Добрый вечер, меня интересует, сдается ли еще первый этаж, как было сказано в объявлении?

В руке, помимо кейса, Журавлев зажал свернутую трубочкой газету, как и было указано в инструкции связника. Дверь с легким жужжанием приоткрылась, Николай проскользнул внутрь. Впереди была еще одна дверь, с большими, почти до пояса взрослому человеку, вставками из на вид безобидного грязноватого армированного стекла. Сразу за ними, в глубине небольшого холла, сидел за высокой стойкой хмурый парень, по виду типичный европеец. Коротко стриженная шевелюра, серые глаза, сломанный «боксерский» нос, тонкие, плотно сжатые губы. Дежурный устал, это было предусмотрено планом — начать штурм за час до пересменки охраны и за десять минут до прибытия водителя. Услышав пароль, охранник впустил гостя, но вторые двери не открыл, вглядываясь в незнакомое лицо. Журавлев, виновато улыбнувшись, переместил кейс так, чтобы первая же очередь прошла поверх стальной пластины, скрытой за фанерными панелями дверных створок, и нажал на спуск под ручкой переноски.

Толстые стекла пробило навывлет, осколки вылетели на зеленое ковровое покрытие пола, следом за ними в холл ворвались звуки выстрелов. Дежурный охранник уже почти скрылся под стойкой, но в следующее мгновение вторая серия из двух коротких очередей отбросила американца назад, на выкрашенной в яично-желтый цвет стене обозначились кровавые кляксы и кусочки мозга, перемешанные с осколками затылочной кости. Две бронебойные пули одна за другой пробили низкий лоб дежурного, и тот без вскрика рухнул на пол. Умельцы из оружейных спецлабораторий Конторы потрудились на славу: пули имели чуть выступающий сердечник из какого-то прочного сплава, способного пробить преграду и посерьезнее, нежели этот шестимиллиметровый стеклопакет. Стоило немалого труда разработать патрон под импортное оружие, да еще используя стандартную заводскую параллеллумовскую гильзу. Еще один ребус для амеровских экспертов...

Прекратив стрелять, Журавлев извлек из кармана небольшой черный цилиндр и, приставив его к двери чуть выше замка, нажал на малоприметную кнопку на корпусе. Раздался негромкий хлопок, заряд выбил механические потроха довольно серьезного дверного запора, и створки вторых дверей распахнулись. Не мешкая ни секунды, майор расстегнул кейс, высвободил маленький автомат и положил его на стойку администратора, контролируя вход в коридор первого этажа и лестницу, ведущую на второй, которая была чуть правее центра холла. Сам он стоял у правой стены, сразу за которой было уже соседнее здание, с бесшумным «макаркой» в левой руке. Таким образом, правый фланг был полностью прикрыт, но проблемными оставались коридор и лестница на второй этаж. Из задней части здания раздался вскрики, прогремели две длинных очереди, послышались тяжелые, приближающиеся шаги, глухо что-то упало прямо за стеной, и в дверной проем вывалилась чья-то волосатая рука. Ожила рация, и Журавлев услышал:

— Здесь Второй, первый этаж — чисто, два «двести». Устанавливаю петарды.

Это Павликян разобрался с теми, кто находился в задних комнатах, и уже ставил термические заряды, поскольку планировалось устроить пожар спустя какое-то время после отхода с объекта. Журавлев бросил косой взгляд на часы: прошло пять минут. Водила будет у задних ворот минут через десять, он всегда задерживался. Но почему молчит Винниченко?

Время дорого! Николай уже потянулся к микрофону, когда со второго этажа послышались приглушенные шаги, и на лестнице возникла долговязая фигура «чистодела». Иван сложил пальцы левой руки в знак «о'кей», что означало три свежих скальпа на его поясе, так же молча спустился, встал у окна и, отогнув лепесток жалюзи, бросил взгляд на улицу. Порохом от «ствола» Винниченко не пахло, значит, всех, как обычно, отработал ножом, причем жертвы, тренированные, тертые парни, ничего не успели предпринять.

— Здесь Кибитка. Погода безоблачная, жду указаний.

— Здесь Небо. Из «теремка» никто не выходил, как обстановка, Первый?

Журавлев присоединил к автомату рожок с обычными патронами. Специальных было всего пять стандартных коробок,¹ праздник кончился, да и глушитель не выдержит автоматического огня, его порвет мощными бронебойными пулями. Майор быстро навинтил на ствол «коротышки» спрятанный до поры до времени «тихарь», кивая про себя в такт звуку скользящего по направляющей резьбе ПБС. И только когда из сгустившейся тьмы в дверном проеме первого этажа вынырнул массивный Командор, ответил на вызов.

— Теремок пуст, у хозяев шесть «двести». У нас сухо, ждем извозчика. Небо, особое внимание на северо-восток. Кибитка, отходи на точку два, как приняли?

— Кибитка — принял, отхожу на второй подскок.

— Небо — принял, смотрю и примечаю, потом отхожу на вторую точку.

В голосах бойцов слышалось облегчение — все живы, враг мертв. У задней двери послышался шум подъезжающей машины, и в наушнике майора мгновенно отозвался Макс:

— Здесь Небо, прибыл кучер. Паркует машину, принимайте! Отбой.

Журавлев кивнул бойцам, и все трое пошли через узкий коридор к задней двери. Фургон был пригнан задом почти вплотную к высокому крыльцу, чтобы облегчить погрузку. Диверсантам оставалось только войти и закрыть за собой двери кунга. Переступив через распростертый на полу труп одного из охранников, Журавлев негромко бросил в микрофон:

— Проводишь нас, Небо, потом сворачивайся и уходи на точку. Как принял?

— Принял, провожу. Отбой связи.

Один за другим бойцы скрылись внутри кунга темно-синей «полуторки». Николай, шедший последним, постарался как можно тише захлопнуть гофрированный задний створ кунга. Внутри сразу зажгли фонарики. Осмотревшись в кузове, связник сделал вывод: машиной пользовались давно и водителю, который уже забрался в кабину и заводил мотор, она не принадлежала. Вдоль стен — две лавки, ближе к кабине лежали несколько порожних картонных коробок, больше ничего нет. Журавлев уселся у левой от кабины стенки. Машину зашатало, чуть слышно заработал мотор. Спустя еще пять минут в наушнике майора послышался голос наблюдателя:

— Уходите чисто, любопытных не наблюдаю, по секторам — зеленый. Ухожу на второй подскок. Прием.

— Понял тебя, Небо. Отбой.

Теперь у них было около получаса времени, чтобы сбросить часть напряжения и подготовиться к решающей фазе операции. Главной задачей группы Журавлева было проникнуть на раскопки, войти в недавно вскрытую подземную камеру, отстоящую от пирамиды почти на две сотни метров, и забрать некий предмет. Раскопки велись втайне от всех, Консорциуму помогали люди из деловых кругов страны, обеспечив железобетонное прикрытие и поддержку. Журавлев толком не знал, что именно представляет собой объект операции, ему показали только две фотографии некоего цилиндрического куса серого камня, испещренного клинописными письменами. Связник сказал, что цилиндр полтора метра в высоту, пятьдесят сантиметров в диаметре и около двадцати килограммов весом. От внимательного взгляда майора не укрылось, что камень не похож на фрагмент какой-нибудь колонны, форма его задумана именно такой, какая есть, но вот зачем кураторам понадобилась эта древняя тумба...

¹ В стандартной упаковке двадцать патронов в пластмассовых сотах-держателях.

Мотнув головой, Журавлев переключился на конкретику, еще раз прогоняя в голове план проникновения на раскопки. Пройти внешний периметр помогут специально изготовленные пропуска — запаянные в пластик фотографии со скудными данными о каждом из «охранников» и косой красной полосой по диагонали, что означало полный допуск. Им предстояло пройти в общей сложности шесть постов охраны, но серьезными были только два (один у ворот, ведущих в тоннель, и второй — на входе в камеру), четыре же обычных они должны миновать совершенно спокойно. Сложности ожидалась только на ближних подступах к камере, где, судя по данным того же связника, искомая каменюка находится до сих пор. Агент Конторы, внедренный в экспедицию как сотрудник охраны, благополучно испортил подъемник, который должны были починить как раз к тому моменту, когда команда Журавлева войдет на территорию лагеря. Именно этот помощник добыл схему охраны периметра, образцы пропусков и составил график смен сотрудников, на основе которого и разрабатывался план операции.

Грузовик подпрыгнул, скаты зашуршали по песку и вскоре снова перескочили на асфальт. Николай дал бойцам сигнал приготовиться: машина через десять минут прибудет к воротам лагеря.

— Всем приготовиться, — Журавлев говорил тихо, хотя вряд ли водитель мог что-нибудь услышать за ревом мотора и дребезжанием подвески. — Командор, мы с тобой идем к объекту и зачищаем всех, кто будет рядом с ним. Ваня, ты у нас как танк, берешь на себя лебедку. Инструкции, как запустить механизм, не забыл?

Винниченко улыбнулся и отрицательно помотал кудрявой головой. Его словно совершенно не волновало, что будет дальше, добродушное выражение не сходило с его физиономии, глаза смотрели спокойно и уверенно. Говорят, что убийцу выдает взгляд, якобы холодный и запредельно жуткий. Но только не в случае капитана Винниченко — этот интеллигент до мозга костей производил впечатление человека, совершенно беззащитного в бытовом плане. Мимо такого пройдешь и не заметишь, тетка с зычным голосом может обругать долговязого «профессора» в очереди за молоком, хулиганы в трех из трех случаев не колеблясь пристанут к «тютю» в темной подворотне с сакраментальным вопросом о куреве.

Только вот если тетчины шансы выжить после скандала примерно семьдесят на тридцать, то хулиганье здоровье потеряет совершенно точно и навсегда.

— Иван, — продолжал Журавлев тихо, — по нашей информации, лебедка уже должна работать, и там будут двое грузчиков и сопровождающий. Если нам удастся, не поднимая шума, нейтрализовать охрану внизу, я дам знать по короткой связи. Постарайся не шуметь, нам необходимо увезти груз до того, как за ним приедет конвой сопровождения. Это почти два взвода хорошо вооруженных вояк, не совладаем. Итак, в идеале просто грузим камень в фуру и тихо едем к воротам. Груз нужно доставить любой ценой, ребята. В случае, если сделать это будет невозможно, его нужно уничтожить. Эдик, — майор коротко глянул на Командора, — эта часть на тебе. Как только прорвемся к объекту, минировать его так, чтобы разнесло на атомы в случае чего.

— Нет проблем, командир, — Павликян кивнул, демонстративно похлопав по небольшой сумке, притороченной к поясу. — Даже пыли не останется.

Грузовик тряхнуло в последний раз, заскрипели тормоза, фургон замер. Диверсанты поднялись и один за другим выбрались наружу. Солнце уже село, лагерь освещали прожектора на вышках и треногах. Журавлев осмотрелся: их высадили за внешней оградой, выполненной из ячеистой сетки Рабица, поверху была пущена спираль «колючки». Сощурившись от бьющего в глаза света прожекторов, он прикинул высоту ограждения, и снова информация связника оказалась точна: три метра. К нему подошел подтянутый охранник, по виду местный, и, глянув на пропуск, висевший на шее Николая, сделал разрешающий жест рукой. Створка ворот отъехала вправо, диверсанты вошли в лагерь. Несмотря на позднее время, вокруг царила суета, тут и там сновали рабочие. Быстрым шагом бойцы приблизились к закрытому тентом пространству метрах в пятидесяти от пирамиды.

Журавлев мельком глянул на нее и подумал: груда старых камней, чего все так восторгаются, но внимание уже переключилось на старшего смены второго поста охраны. Эти трое парней имели при себе короткоствольные дробовики и пистолеты, но это был последний внешний пост, тут не имело смысла носить что-то другое. Согласно данным, полученным от агента, лифт опустится под землю на тринадцать метров, а там — еще три поста, и на последнем есть даже пулемет. Более того: весь тоннель заминирован на всей протяженности и в случае тревоги и непосредственной угрозы объекту камера и проход к ней будут взорваны. В любое другое время захват был бы обречен на провал, но сегодня меры безопасности были ослаблены из-за скорой эвакуации артефакта.

Снова пропуска сработали, охранник с сонным лицом пропустил диверсантов в легкий, более похожий на гондолу строительного подъемника, лифт и нажал кнопку спуска, как только решетка двери сомкнулась за спиной Журавлева, последним шагнувшего в кабину.

Подъемник опускался со скоростью улитки, казалось, что прошла целая вечность с того момента, как они вошли на мост. Наконец сквозь прутья решетчатых стен кабины стал виден небольшой зал с единственной массивной дверью в противоположной от шахты лифта стене. Там была оборудована стрелковая ячейка, а справа от нее стояла на узких рельсах, уходящих за дверь, обычная дрезина. На посту дежурили трое парней в такой же белой униформе, что и у диверсантов, но поверх были надеты тяжелые «броники» с синего цвета очехловкой. Каждый щеголял полноразмерной М-16А2 — стандартным амеровским «стволом», но ничего более серьезного у охранников не наблюдалось. Старший наряда подошел к Николаю, посмотрел на пропуск, сличил фотографию на куске пластика с физиономией «охранника», хриплым басом спросил:

— Вы чего опаздываете? Дрезина старая, заводится через раз, по второму кругу уже глохнет.

— Это не ко мне, приятель, — Николай криво ухмыльнулся, мотнул головой куда-то вверх. — Этот ленивый Фарук опять опоздал, парились в кузове почти полчаса, пока дожидались.

— Ладно, садитесь в таратайку.

Начальник поста кивнул одному из своих подчиненных, и тот перекинул в верхнее положение рычаг электромотора, тянущего створ тоннельных ворот в сторону. Дверь медленно поползла влево, но Журавлев не спешил садиться. Он обернулся к охраннику:

— Эй, приятель! Мои парни эту штуку назад отгонять не будут, у меня инструкция. Где машинист этой тачанки?

— Не заводись, коллега, — начальник поста уже расслабился, видимо, он до конца проверял незнакомых охранников на вшивость. — Брось ее в тупичке на конце ветки, сюда эту колымагу уже гнать не придется. Как смену отстоите, на ней же и вернетесь.

— Ладно, но как-то это неправильно...

Николай не стал больше приставать к словоохотливому дядьке. Диверсы погрузились на небольшую платформу, Павликан тронул кнопку стартера, дрезина, медленно набирая скорость, втянулась в освещенный тусклыми лампами тоннель, ведущий к камере с артефактом. Дверь за ними со скрежетом закрылась, и свет ламп стал еще более тусклым, тени в набегающем пространстве тоннеля понеслись навстречу, в глазах зарябило. Наконец, через какое-то время, в цепи ламп впереди мелькнуло черное пятно — один фонарь не горел, это был условный знак. Командор повернул реостат, и дрезина сбавила ход, вписываясь в плавный поворот тоннеля. Винниченко прыгнул с платформы и исчез в темноте, настало его время показать класс.

Задача ликвидатора была профильной: убрать троих сопровождающих, которые придут на грузовике, чтобы транспортировать артефакт в аэропорт Каира, где контейнер перегрузят в специально зафрахтованный самолет и отправят в Германию; судя по данным связника, это будет база американских ВВС Рамштайн. Внедренному в штат охраны агенту удалось открыть сервисный тоннель, ведущий на поверхность, через него-то Винниченко и должен был пройти к шахте, по которой контейнер поднимут наверх и погрузят в машину.

Агент подстроил поломку подъемника и ушел. Журавлев искренне надеялся, что этот смелый парень действительно ушел чисто, без шума. Глянув на часы и отметив время, Николай напряженно всматривался в темноту тоннеля со вновь ожившими огнями ламп на правой стороне. Дрезина набрала прежнюю скорость. Вскоре показался тупик с высоким перроном, за которым виднелась стена с высеченными в ней арочными воротами, испещренными клинописью, не похожей на египетских птиц и зверей — местную разновидность письменности. Проем был перекрыт навесной железной дверью: очевидно, вход в камеру был замурован и «археологи» взорвали кладку, как только поняли, что смогут попасть внутрь только таким способом. Дрезина остановилась, и Николай с Командором сошли на перрон.

— Эй, вы чего так долго? — Навстречу диверсантам шел высокий молодой негр, держа в левой руке М-16А2 стволом вниз, а в правой — портативную радиостанцию. — И почему вас только двое?

Задавая эти вопросы, негр отступил на два шага и начал поднимать оружие. Его лицо выражало настороженность, глаза прищурились, в движениях наметилась напряженность. Журавлев скорчил кислую гримасу и поднял автомат за ремень, держа его перед собой.

— Бумажник он потерял, вот и спрыгнул, щас явится. Расслабься, приятель! Я — старший смены, развод пройдет как положено, будь проще.

— Ты че лепишь? — проговорил охранник уже не так уверенно, как секунду назад. — Какой бумажник?!

— Ну, — Николай сделал виноватое лицо и снова поморщился, как бы выдавая не слишком приятный секрет, — фотку сына он нам все показывал, достал совсем. Видишь ли, сын у него после двух девчонок родился неделю назад. Жена фотку прислала, он ее в бумажнике держал да нам показывал. Тут снова полез в карман, дрезина дернулась, бумажник-то и выскользнул из рук. Ну и полез искать, я ему свой фонарь отдал. Че, заявишь теперь, или договоримся?

Журавлев знал, что снижение скорости зафиксируют и дадут знать на пост. Легенда строилась на парадоксальности, нетипичности истории и нелепой внешности Винниченко, производившего впечатление рассеянного, невнимательного человека. А это было немаловажно, поскольку словесные портреты сменщиков передавались по инстанциям. Негр осмотрел прибывших и не обнаружил среди них ярко выраженного «растяпу», что тоже сыграло в пользу легенды о пропаже бумажника. Пользуясь набором несложного вербального воздействия, с подкупающей улыбкой на лице, Николай полез в дорожную сумку, извлек из нее бутылку дорогого виски и протянул «флакон» бдительному охраннику. Глаза негра загорелись: он почти выхватил бутылку из рук Журавлева.

— Ладно, — опустив оружие, совсем смягчившись, сказал охранник. — Скоро и так сворачиваемся. Вам и стоять-то всего часов шесть... Будем считать, что я ничего не видел.

Майор кивнул Павликину: мол, все обошлось, и прошел в открывшуюся створку ворот. Миновав короткий коридор, тоже испещренный клинописью от пола до потолка, диверсанты оказались в круглой комнате, заставленной ящиками. Николай тотчас заметил железный ящик, стоящий отдельно от остальных, деревянных. Двое напарников чернокожего балагура не отступили от протокола, думая, что третий из сменщиков остался у входа, и передали карту-ключ от верхнего створа грузового подъемника, откуда должна была подойти платформа для упакованных в ящики древностей. Подхватив свои баулы, похожие как две капли воды на сумки прибывших «сменщиков», охранники направились к выходу. Когда дрезина с тремя людьми скрылась за поворотом, майор вернулся в камеру. Там Эдик уже вскрыл контейнер и, глянув на командира, показал кулак с отогнутым вверх большим пальцем — в контейнере действительно находился искомый артефакт. Николай заглянул в ящик: тусклый свет не давал возможности четко рассмотреть предмет, но майор успел разглядеть обычный кусок полированного серого камня цилиндрической формы, длиной около метра. Артефакт был покрыт клинописными иероглифами, разделенными на три равных кольца, опоясывающих его поверхность. Не теряя времени, подрывник уже химичил

над внутренностями ящика, а через три минуты осторожно закрыл крышку и осторожно защелкнул замки.

Вдруг желтый свет ламп на стенах сменился на красный, глухо завывала сирена. Диверсанты переглянулись. Журавлев кивнул Командору на выход, вставил ключ-карту в прорезь небольшого щитка на западной стене и повернул переключатель. Согласно протоколу, все двери могли быть заблокированы, на этот случай Павликян имел при себе несколько направленных зарядов, способных вскрыть грузовой люк, но был шанс, что этого не потребуется. Створки дрогнули, и металлический диск люка распался на две одинаковые части, убираясь в стены. От входа глухо чмокнули две короткие очереди, послышалась приглушенная расстоянием отборная ругань на английском. Видимо, кто-то уже пытался проверить, в безопасности ли груз. Патронов хватит только на полчаса хорошего боя, и если Иван не управится до того, как их тут потравят газом либо задавят числом, — придется умирать. Сверху заскрежетало. Журавлев поднял взгляд на потолок, и на душе у него стало совсем паршиво: створки грузового люка замерли, разойдясь едва на треть, а потом стали конвульсивно дергаться, то сходясь, то расходясь. Впрочем, вскоре приоритет был восстановлен, и створки захлопнулись. Видимо, в системе возник сбой, а его ключ-карта какое-то время не давала закрыть двери окончательно.

Взяв на изготовку свой автомат-коротыш, Журавлев в полуприседе пошел по коридору и сразу углядел слева от входа скорчившуюся за бруствером из мешков с песком и щебенкой фигуру подрывника. Противник оставил диверсантам довольно неплохо оборудованную стрелковую точку. Ячейка имела три амбразуры и держала сектор, охватывающий все жерло тоннеля, и всякий, кто появлялся из-за поворота, так или иначе мог попасть под огонь одного из трех стрелков. Сейчас, в полной темени, ничего толком было не разглядеть, поэтому Николай полез в карман куртки, вынул плоскую коробочку с несколькими алюминиевыми капсулами внутри и высыпал из одной белый катышек таблетки. У препарата был мерзкий железистый привкус, но спустя пару минут темень превратилась для майора в сумерки и он стал различать стены тоннеля и пять фигур, перемещающихся в их сторону вдоль левой стены. Николай откинул рамочный приклад автомата и передвинул барабанный целик прицела на отметку «100». Потом поднял оружие и дал две короткие очереди по перемещавшимся. Глушитель украл звук и вспышку, поэтому было хорошо видно, как дернулась и провернувшись волчком на месте упала первая фигура, а остальные четверо залегли и открыли ответный огонь. Зачиркали пули. Пригнувшись и выставив ствол над бруствером, Журавлев выпустил еще пару очередей по нападавшим, вынудив их отойти. Затем, повернувшись к Павликяну, указал на дверь и дал сигнал отходить: противник безусловно знает, где расположена ячейка охраны, и по укрытию запросто могут ударить чем-нибудь вроде РПГ.¹ Но этот вариант рассматривался как крайний, главной угрозой была многочисленность противника и высокая вероятность применения нелетальных средств типа слезогонки. Противогаз в закрытом помещении от такой штуки спасает слабо, поэтому в баулах у диверсантов имелись маски с небольшими баллонами дыхательной смеси, на двадцать пять минут. Но зато никто не отравится и сможет действовать так же четко, как и до газовой атаки.

Боп! Боп! Боп!

Это случилось: за звонкими хлопками, которые эхом отдавались в гулкой пустоте тоннеля, к позициям диверсантов полетели три газовых гранаты. Они с шипением упали в правый угол, далеко от затаившихся разведчиков. Николай не мешкая надел маску и присоединил к ней цилиндр кислородного баллона. Павликян проделал то же самое. Знаками Журавлев показал, чтобы Эдик занялся люком, а сам разложил перед собой три рожка к

¹ РПГ — реактивный противотанковый гранатомет. Разновидность носимого стрелкового оружия, может применяться как против бронированной техники, так и против живой силы.

автомату и четыре оборонительные гранаты. На этот случай у них были новые РГО,¹ хорошо показавшие себя именно в городе, поскольку взрывались при контакте с любой поверхностью, а не по истечении горения замедлителя, как старые добрые «феньки».² Зная о том, что тоннель заминирован, Николай решил приберечь их на самый крайний случай. Все заволочло пеленой едкого дыма, но Журавлев спокойно ждал, когда появится враг. Вот впереди послышались осторожные шаги, на слух майор определил, что снова идут пятеро, рассыпавшись цепью и вроде как ничего не опасаясь. Дождавшись, когда атакующие подойдут на полсотни шагов, майор высунулся из-за укрытия и выпустил три короткие очереди, по пять выстрелов каждая. Снова послышались крики боли, ругань, вслепую заговорили автоматы штурмующих. Николай, не теряя времени, опустошил магазин автомата на звук голосов и бледные вспышки выстрелов. Ругань прекратилась, ответная очередь заткнулась на полуслове. Противник спешно отступал. «Видимо, двое уже никуда не уйдут», — подумал майор, загоня новый магазин в свой «коротыш» и взводя затвор. Один из ремней маски ослаб, времени, чтобы поправить, уже не оставалось.

Позади раздался глухой стук, запахло каленым железом, а затем в дверях появилась «слоновья» голова Павликяна. Подрывник показывал сжатую в кулак ладонь правой руки с отогнутым вверх большим пальцем и махал рукой. Вырвав кольцо у одной гранаты, Журавлев броском отправил ее в сторону, где стихли вопли наступавших, а затем бросился вслед за скрывшимся в камере Командором. Позади грохнуло, по стенам ударила дробь осколков и каменной крошки, снова послышались вопли нападавших и удаляющиеся шаги — никто не хотел рисковать, кроме того, охрана была уверена, что диверсанты заперты в камере и никуда не денутся. Все шло по одному из разработанных аналитической группой сценариев, когда после попытки штурма следуют переговоры.

Журавлев увидел две половинки люка, вырванные термитной смесью и упавшие внутрь помещения под собственным весом. Сверху свешивался трос лебедки, а метрах в пятнадцати выше моргнул три раза желтый огонек ручного фонарика. Вдвоем диверсанты подцепили контейнер с артефактом, с помощью карабинов на поясе пристегнулись сами, и Командор два раза мигнул фонарем. Трос пошел вверх, несмотря на более чем солидную нагрузку. Сорвав с лица маску, майор жадно вдохнул прохладный ночной воздух и оглядел площадку над шахтой грузового лифта. Тут лежало восемь трупов, а у заднего левого колеса грузовика с тентованным кузовом сидел Иван. Бок его был темным от крови, но смотрел ликвидатор все так же спокойно, лишь лицо стало чуть более бледным под слоем нанесенного искусственного загара. Время поджимало, поэтому Николай вместе с Павликяном сначала закрепил в кузове грузовика контейнер с каменной глыбой и лишь потом помог раненому Винниченко подняться, спросив:

— Чисто не получилось?

— Получилось! — голос бойца был глух. — Ревун чуть позже сработал, я думал, это вы наследили. Четверых убрал сразу, а после тревоги еще двое набежало, потом еще... Один из

¹ РГО — советская специальная оборонительная ручная граната, разработка ГНПП «Базальт». Тип запала — ударно-дистанционный, двойного действия. Корпус стальной, четырехполусферный (две внутренние и две внешние), три с внутренней насечкой, одна (внешний корпус) имеет рубчатую внешнюю мелкую насечку. Масса — 530 г, заряда ВВ — 92 г. Средняя дальность броска — 25–30 м. Средняя осколочная масса при подрыве — 670 г, усредненная масса одного осколка — 0,46 г. Начальная скорость разлета — 1200 м/с, радиус разлета убийных осколков — 50 м, зона эффективного поражения живой силы — 16 м.

² Жаргонное название легендарной советской ручной оборонительной гранаты Ф-1. Создана на основе французской ручной гранаты F-1 обр. 1915 г. и английской гранаты системы Лемона (отсюда и «лимонка»). Модифицировалась в 1939, 1941 и 1978 гг. ТТХ: запал — УЗРГ (унифицированный запал ручных гранат) системы Е. М. Винцени, с замедлением 3,5–4,5 сек, корпус литой, чугунный с продольно-поперечной крупной насечкой, средняя осколочная масса при подрыве — 290 г, начальная скорость разлета осколочной массы — 730 м/с, радиус разлета убийных осколков — 200 м, зона эффективного поражения живой силы — 18–20 м, радиус гарантированного эффективного поражения живой силы — 3–5 м, масса — 600 г, масса заряда ВВ — 75 г, средняя дальность броска — 25–30 м.

дробовика зацепил... Ребра сломаны, «броник» в хлам... Но я их уделал. Потом с тем, кто вас штурмует, по радиации говорил разок. Вроде не раскусили. Уходить на третью точку, к побережью, надо.

— Согласен, — Журавлев помог раненому забраться на водительское сиденье. — Мы тоже спокойно прошли. Потом подумаем. Вести сможешь? А то нам еще через охрану проходить...

— Обижаешь, командир, — Винниченко поморщился, но справился с импульсом боли, придав лицу отрешенное выражение.

Журавлев запрыгнул в кабину, на пассажирское сиденье, и дал отмашку на движение. Грузовик с мягким гудением покатился к восточным воротам, в противоположной стороне от тех, в которые диверсанты въезжали каких-то сорок минут назад. Спустя десять минут они подъехали к КПП, на протяжении всего пути Винниченко на чистом английском, перемежающемся арабской руганью, отгонял с дороги бестолково мечущихся по лагерю людей. Николай протянул дежурному путевой лист с красной полосой по диагонали. Тот попытался пройти к кузову, но майор с дружеской, но холодной усмешкой предложил ему не проявлять интереса там, где это может повредить карьере, и охранник только махнул рукой. Ворота открылись, пропуская грузовик к внешнему посту. Тут повторилась та же история, но на последней стадии проверки, когда у проверяющего бумаги охранника затрещала рация и лицо вытянулось от удивления, Винниченко дал по газам, и еще где-то час грузовик петлял по проселкам, пока вдаль не стихли звуки погони.

Они остановились в сорока километрах от морской береговой линии. Тут их уже ждали Свешников и Макс. Журавлев с Командором вскрыли контейнер и извлекли артефакт, оставив в кузове ящик с «начинкой» для любопытных. Тяжелый камень поместили в матерчатый рюкзак с неприличным именем «кондом». Свешников сел за руль и, махнув остальным: мол, свидимся еще, с шиком развернулся на небольшом пятачке твердой как камень земли и на скорости ушел в пустыню. Журавлев помог разместить в кузове минивэна раненого ликвидатора и повел машину, держа направление по компасу, сверяясь с брошенной на «торпеду» картой. Вскоре микроавтобус вынес диверсантов к морскому берегу. Журавлев вынул из кармана плоскую коробочку радиомаяка и нажал плоскую прорезиненную кнопку. Теперь оставалось только ждать: в течение часа команда боевых пловцов с дрейфующего в нейтральных водах советского сухогруза заберет злосчастный камешек, ради которого затевался весь сегодняшний аттракцион.

Расположившись на берегу, Николай и Павликян перевели дух. Вскоре к ним подошел Винниченко и сел рядом, следом за ним появился из темноты снайпер Макс.

— Свешников отогнал ваш тарантас в пустыню, сам уйдет по запасному каналу. Что случилось в лагере, командир?

Майор всю дорогу прокручивал в голове ситуацию, но ничего путного не получалось: возможно все, вплоть до утечки информации, но лучше это оставить аналитикам Конторы. Глядя на лунный блеск морских волн, Журавлев ответил:

— Скорее всего, просто случайность, которую не предусмотрели умники из группы планирования. Вернемся домой — будем разбираться.

Через двадцать минут далеко в пустыне послышался глухой звук взрыва: значит, в контейнере был маячок. А еще минуту спустя на морской глади перед местом, где заняли круговую оборону диверсанты, появились шесть фигур в аквалангах, одна из которых три раза мигнула цветным сигналом фонаря: две красные и одна зеленая вспышка. Получив ответный сигнал, пловцы вышли на берег. Журавлев и Макс помогли Винниченко облачиться в гидрокостюм и передали командиру водоплавающих коллег баул с артефактом. Тащить раненого сквозь частую сеть поиска, которую наверняка уже раскинул по всему Египту Консорциум, было глупо и опасно, а на сухогрузе Ивану окажут помощь и в целости доставят в один из советских портов или высадят там, где его сможет подобрать советский военный корабль, вариантов много. Черные фигуры подводников, среди которых выделялась долговязая фигура ликвидатора, исчезли так же неслышно, как и появились. Журавлев сел за

руль микроавтобуса и завел двигатель. Теперь предстояла долгая дорога домой, но чувство хорошо выполненной работы делало ее чуть-чуть короче и безопаснее.

* * *

Земля. 2 марта 1990 года, 00:40 по местному времени. Военный полигон Министерства обороны СССР Капустин Яр. Склад временного размещения АР 077/906, подземное строение 41, горизонт 2. Командир в/ч 073178 полковник Северской В. И.

Весна никак не сказывалась на климате в «закромах», как называли в обиходе сотрудники заглубленные помещения хранилищ и лабораторий. На поверхности бушевали дурно пахнущие нечистотами «ветры перемен», в газетах и журналах, будто сорвавшись с цепи, вчерашние менестрели соцреализма с остервенением набрасывались на умирающую власть, вываливая на головы читателей тонны грязного белья из жизни партийных чиновников и вождей, не забывая и собратьев по перу, но коллектив Склада, словно экипаж подлодки на боевом дежурстве, сохранял неизменно рабочее настроение. Здесь редко читали газеты, фильмы смотрели лишь по внутренней телесети, и это были в основном старые, проверенные временем картины, тщательно подбираемые психологами подземного города. Напряженная работа, часто связанная с огромным риском для жизни, требовала разрядки, некоей отправной точки покоя, где все было надежно, стабильно и безмятежно. Однако были здесь и те, кому приходилось по долгу службы читать, слушать и смотреть все, приходящее с поверхности. Но имелись и добровольцы, которым не жалко было тратить время на мутную реку информации, стремившуюся затопить сознание и разбередить инстинкты человека, случайно или намеренно вошедшего с ней в контакт. Впрочем, таких было немного — люди на Складе редко отрывались от работы, бывшей их главным и порою единственным увлечением в жизни.

Командир номерной части был одним из тех, кому приходилось, пересиливая себя, листать периодику и слушать теле — и радиопередачи, по-новому освещающие старое и пропагандирующие радужные перспективы «нового мЫшления», как выражался передовой генсек. Вот и сейчас Северской с отвращением отбросил отливающий глянец свежий номер журнала «Огонек». В нем на импортной финской бумаге и четырех листах убористого текста некий правдоискатель доказывал, что на фронтах Отечественной войны воевали только силой отловленные по городам и весям люди, погоняемые в спины пулеметными очередями заградительных отрядов. Про зверства «кровавой гэбни» автор обещал отписать подробнее в следующий раз. Василий Иванович с отработанной за последние годы сноровкой выудил из кармана поношенного пиджака пузырек с валидолом и бросил две маленькие крупинки лекарства под язык. Сам он, житель блокадного Ленинграда, чей отец ушел на войну прямо от станка и пропал без вести два года спустя, не верил рассказам бойкого писаки. Зато он хорошо помнил, как шипят в ведре с талой водой немецкие зажигательные бомбы, которые он и его друзья-подростки десятками собирали на крышах домов. Помнил черные от копоти лица рабочих, когда они, еле передвигаясь от недоедания, шли на завод, где хотя бы было тепло и можно было не сомневаться, что друзья поднимут ослабевшего товарища, дадут ему кружку кипятку, а может, и печеную картофелину или сухарик ноздреватого черного хлеба. Северской помнил вкус этого сухарика: кислый, отдающий пылью и машинным маслом, но такой сладкий, особенно когда есть совсем нечего. Ячневая и перловая крупа считались деликатесом, их иногда приносил сосед дядя Миша с первого этажа, их участковый. Сорокалетний старшина, не попавший на фронт по причине выбитого глаза, казался Василию очень старым. Свой паек милиционер делил между соседскими детьми, и два дня в месяц десяток ребятишек мог хоть немного подкормиться сваренной на воде и приправленной сахарином жидкой болтушкой из муки и круп.

Северской порывисто встал, кресло клацнуло роликами колес и ударилось о стену, журнал полетел в мусорную корзину. Пропитанная ядом лжи бумага жгла полковнику руки, а мозг и сердце горели от воспоминаний детства, когда никто не думал о том, что ест

товарищ Жданов на обед, а больше беспокоился о том, сколько дней он сам еще сможет работать и как быстро умрет от истощения. Но ни у кого и в мыслях не было, чтобы с поднятыми руками выйти на окраину города и направиться в сторону немецких окопов. Да, он знал, что такие люди тоже были, слышал и о стихийных «голодных» митингах, и сплетни о подземном убежище, где секретарь городского комитета партии будто бы обжирался красной икрой и упивается дорогим шампанским. Видел гладкие рожи спекулянтов, менявших просроченные мясные консервы на золото и меха у отчаявшихся ленинградцев. Но его окружали простые советские люди: слесарь-инструментальщик Порфирьев, умерший, вытаскивая тяжелую болванку снаряда, почтальонша тетя Лида, разносившая письма и газеты несмотря на дистрофию, от которой она и умерла зимой сорок второго года.

Много было их, простых граждан осажденного города, тихо, без пафоса делавших каждый свою работу и надевавшихся, что вот этот снаряд, выточенный слабейшими руками, или этот самолет с отремонтированным на их заводе двигателем окажется последним решающим аргументом в пользу победы над сильным и умелым врагом. И Василий Иванович сильно сомневался в том, что руководство города было столь расхлябанно и морально разложено. Будь так, немцы взяли бы город еще весной сорок второго года, однако этого не случилось. Произошло это потому, что в основной своей массе ленинградцы, как и большинство советских людей, боролись не только за свою жизнь. Что-то глубинное, упрямое далеко в генах, именуемое памятью предков заставляло советских людей сопротивляться. Было что-то первобытное в этом всеобщем отказе покориться незваным гостям, стремившимся кровью и железом поставить жителей осажденного города на колени и зашелкнуть на каждой поникшей шее рабский ошейник.

Взгляд полковника остановился на журнале, брошенном в корзину для бумаг. Приступ отвращения уже прошел, уступив место нахлынувшему потоку воспоминаний детства, таких ярких, словно все случилось только мгновение назад. Тогда, в голодном сорок втором году, все виделось проще и яснее. На каком-то этапе он потерял способность беспокоиться о том, когда и как умрет, это уже казалось неизбежным и оттого не слишком важным делом. Главным стали простые действия: встать, одеться, влезть на крышу, обвязавшись веревкой, чтобы не упасть, и зорко глядеть в небо, потому что ни одну «зажигалку» нельзя было пропустить. Он думал тогда: если я умру, то пусть не сейчас, пусть после того, как окончится налет и все бомбы окажутся в бочке с водой. Василий не бегал под пулями, не убил ни одного фашиста, хотя очень хотел, чтобы Лиза Четверикова из соседней парадной увидела его с настоящим автоматом в руках, в красноармейской форме и обязательно с медалью на груди. Но пока о медалях можно было только мечтать. Три раза он ходил в военкомат и три раза, несмотря на подложенные в валенки толстые стельки, чтобы казаться выше ростом, его заворачивал хмурый старший лейтенант в мятой, давно не стиранной форме.

— Через года два заходи, — говорил военный скрипучим голосом, — может, тогда и войны-то уже не будет.

Но война в тот бесконечно долгий 1942-й год не закончилась, как не закончилась и в 1944-м, когда все жители блокадного города высыпали на улицы и обнимались со слезами на глазах. Не было ей конца и в победную весну 1945-го, когда мама получила серый прямоугольник похоронки на отца. В тот день гремел салют, по радио передавали веселые песни, а мама сидела на табуретке одна в пустой кухне, опустив голову. Василий тогда не мог себя заставить подойти к ней и обнять, утешить, но поклялся никогда не допустить повторения того, что пережил сам, его сверстники и прежде всего самый дорогой человек — родная мать. И вот сейчас враг снова рядом, его солдаты пришли на советскую землю, он не сдержал свой клятвы, которую вспоминал каждое утро, становясь к зеркалу бриться.

Впрочем, сегодня Северской в первый раз за последние шесть лет бессонных ночей поглядел в зеркало с надеждой, и даже этот пасквиль в журнале не слишком испортил ему настроение. Враг захлебнется своей собственной кровью, и полковник еще увидит, как горят американские, французские и немецкие города, и тогда уже жители благополучного вероломного Запада будут искать и не найдут спасения. Счет к оплате слишком велик, и

полковник не был уверен, что врагу удастся его погасить. Он не собирался щадить никого, поскольку только так можно быть полностью уверенным, что на его родную землю снова не обрушится неумолимая смерть. Это многоликое существо слишком долго гостит в Союзе, в России, на Руси. Теперь у бывшего мальчишки из блокадного города появился шанс — он сдержит данное себе слово, выгонит это кошмарное существо туда, где его породили и спустили с цепи. Он сделает так, что на Руси похоронки больше никогда не вложат ни в одну материнскую руку!

Полковник отпустил столешницу, в край которой его пальцы вцепились до онемения, и подошел к входной двери. В приемной, где по-утреннему было пусто, он кивнул секретарше, затем направился к лифту, в дальний угол коридора. Лифт был с секретом: в его кабине, справа от двери, была небольшая металлическая панель с двумя оконцами. В одном из них в один ряд расположилось семь верньеров с цифрами от единицы до нуля, а в другом — небольшое оконце с семизначным циферблатом. Набрав определенный код, можно было подняться или опуститься на любой этаж, если, конечно, набирающий имел на каждый из них допуск и знал соответствующую комбинацию. Шифр менялся каждые сутки в полночь, колонки цифр выдавала ЭВМ, а немного позже уведомления рассылались сотрудникам и начальникам подразделений Склада по системе пневмопочты. С учетом ненадежности и медлительности компьютерных сетей каждая ЭВМ не имела внешнего интерфейса и все машины не объединялись в локальную сеть. Важные документы по-прежнему печатались на бумаге и складировались в архивах, система выглядела громоздкой, но так сводилась к нулю возможность внешнего дистанционного проникновения.

Полковник набрал семизначную комбинацию, и после появления в окошке последней цифры лифт, тихо заурчав, пошел вниз. Василий Иванович спускался в последний по счету уровень, находившийся на четырехкилометровой глубине. Там, под сводами обнаруженных еще при закладке комплекса пещер, размещались риск-лаборатории. Природную пустоту укрепили, доработали и разбили на несколько больших помещений, отделенных друг от друга толстыми стенами. В стены и свод помещения были заложены сосредоточенные заряды на случай, если проведение какого-нибудь эксперимента выйдет из-под контроля. Бороться с непредсказуемым люди пока умели только одним способом — заваливать его пустой породой. Но пока был только один случай, когда на полигоне произошло нечто неординарное, да и то обошлись малыми затратами, а человека, имевшего редкую способность излучать тепловые волны такой интенсивности, что плавилась новейшая танковая броня, просто усыпили.

Но все это в прошлом, сейчас у полковника были другие заботы: в одну из камер только вчера доставили добытый оперативниками в Египте артефакт. Командир группы силовиков уже давно работал на КПК, и завербовал его чуть ли не первый зампреда этой закрытой организации, настолько ценен казался руководству обычный силовик. Надо отдать должное чутью старых аппаратчиков — майор Журавлев действительно не подвел, умыкнув с охраняемой территории из-под носа американских оппонентов один из главных элементов будущей многоходовой схемы.

Началось все более десяти лет назад, когда товарищ Зайцев, пряча глаза, сообщил полковнику о начале Вторжения. Противник оказался слишком силен, и давление достигло критических величин. Аналитики Консорциума верно просчитали, что если они не втянут восточную державу в полномасштабную войну с Германией, Российская империя к сороковому году двадцатого столетия будет доминировать в Европе и Азии, став новым полюсом влияния, и сокрушить ее уже не получится. Поэтому был разработан план, согласно которому Россию вовлекут в союзный договор с Англией и Францией, потом столкнут лбом с Германией, а в нужный момент союзники оставят ее в петле долговых обязательств. Планы Консорциума спутали большевики, выведя разоренную страну из войны. Казалось бы, нонсенс: малозначительная партия левого толка с невнятным руководителем совершенно не геройской наружности, плешивым и с дефектом речи, вдруг захватывает власть в огромной стране. То, что изначально считалось происками немецкого Генштаба, давшего деньги на

раскрутку антивоенной партии, вылилось сначала в восстание, а позже стало причиной объединения вчерашних противоборствующих сторон — Германии и стран Антанты. Консорциум не растерялся лишь по той причине, что многие обстоятельства оказались ему на руку: армия разложена, промышленность парализована, многие регионы отделились от империи. Но случилось нечто непредвиденное — большевики дали народу Идею, по силе равную объединяющим постулатам христианства. Мир, свобода, равенство. Все это накладывалось на извечные чаяния русского народа о справедливости и счастье, дав новой власти карт-бланш. А далее все покатилось по наклонной: Россия вышла из войны, отказавшись от выплаты гигантских военных займов и выполнения роли «живого щита» для стран Антанты. Консорциум достиг поставленных целей лишь частично, он поставил на колени самые влиятельные страны Старого света, однако лишился доступа к ресурсам Московии. В России установился режим, бестрепетно относящийся ко всем без исключения угрозам, не поддающийся воздействию марионеток теневых правителей «свободного мира». В кратчайшие, по историческим меркам, сроки новое государство стало одной из ведущих индустриальных держав.

Тогда-то Консорциум и бросил на противодействие СССР все свои силы, благо под его влиянием оказались практически все развитые страны планеты со своими армиями, экономиками и людьми. Последних постоянно запугивали, уверяя, что «красные» питаются исключительно христианскими младенцами, а любой приличный большевик не засыпает без мысли о собственноручном умерщвлении сотни-другой мирных западных обывателей. И вот, цель почти достигнута: страна разваливается в очередной раз, кровь ее граждан льется полноводной рекой, армия бессильна и слаба, а предатель вот уже пять лет мостит новым хозяевам дорогу через бывшие нерушимыми столько лет границы. Вновь, как и почти сто лет назад, Россия должна погрузиться в огненную купель, чтобы раз и навсегда изгнать врагов со своей земли, а затем истребить их всюду, где только они смогут найти убежище. Такова цель задуманного в КПК плана, а Склад и его ресурсы должны стать тем ядром, вокруг которого сплотятся все, кто нашел в себе силы и решимость противостоять хитрому, коварному и сильному противнику.

На заседании Президиума КПК было решено, что пришла пора начать войну на тотальное уничтожение. Но эта война будет иной, без мощных армий, идущих друг на друга в лоб или изводящих противника коварными маневрами. Масштабных кровопролитных сражений не предвидится. Если раньше подобное историческое событие можно было сравнить с рубкой на мечах, когда разлетаются в разные стороны брызги крови и куски тел, то теперь война скорее походила на изящный фехтовальный поединок, где все решают один или два точных укола. Время для подковерных игр прошло, поскольку миром договориться не получалось. Все упиралось лишь в решающий аргумент, на роль которого напрашивалась атомная бомба. Однако, ознакомившись с различными моделями развития событий, пришли к выводу, что нужен принципиально новый вид оружия. Жертв со стороны населения страны и так предвиделось слишком много за период третьей фазы Вторжения, которого, так или иначе, было не избежать, это понимали все члены Консорциума, еще когда предатель только ходил пешком под стол. Существует неизбежное, которому скрепя сердце нужно дать свершиться, хоть жертва и велика, — это с горечью осознавали все присутствовавшие. Чтобы сохранить жизнеспособную нацию, нужен один удар, способный сокрушить врага раз и навсегда, нужно сверхоружие, нужны технологии, способные перевесить все брошенные противником на стол козыри. В свое время фашистам почти удалось проникнуть в тайну погибшей по неизвестным причинам цивилизации Атлантиды, но им не хватило времени, чтобы как следует изучить полученные знания. Теперь же методы войны и возможности изучения изменились, а самое главное, времени — более чем достаточно. У комитетчиков был выбор — либо продолжить борьбу явно, бросив все имеющиеся ресурсы на спасение гибнущей страны; либо затаиться, сохранить людей и ресурсы, с тем чтобы нанести сокрушительный удар по врагу в тот час, когда он будет меньше всего этого ожидать.

Тогда-то товарищ Зайцев и предложил искать альтернативное решение там, где его уже

ищет противник. Но цели противоборствующих сторон были разными. Консорциум уже сделал ставку и искал артефакты лишь по инерции, довольствуясь кажущейся эффективностью разработанной стратегии. Комитетчики, напротив, понимая свою слабость в игре на чужом поле, стремились поломать игру врага, изменить ставки и условия грядущего сражения, выложив на стол джокера. Вот тут-то и подключился Склад, как основной инструмент, способный найти решающий аргумент, которым должны были стать технологии, приведшие к гибели высокоразвитую цивилизацию древних. В свое время удалось добыть результаты работы одного из комитетов ВЧК, где содержались манускрипты, привезенные со всех концов мира специальными научными экспедициями, в состав которых входили агенты иностранного отдела ВЧК, а также известные ученые, согласившиеся помогать власти.

В текстах, добытых в основном в Индии, говорилось о некоем мире, где все достойные получают второй шанс, но попасть туда можно, «лишь пройдя процесс смерти души целого народа». Впоследствии аналитики расшифровали текст «манускрипта Индры», как его назвал в описи профессор петроградского вуза, работавший с ним на ранних этапах, еще в первые годы после революции. Профессор утверждал, что речь идет о некоем механическом устройстве, с помощью которого можно создать нечто вроде Ковчега и спастись в месте, называемом Солнечный мир. Древний текст сообщал координаты захоронения устройств, разбросанных по «трем землям», и описывал способ активации чего-то вроде космического корабля. Ученому удалось вычислить координаты только одной такой «земли», но экспедиция в Среднюю Азию ничего не дала: камера, замаскированная под гробницу известного завоевателя, хранила лишь еще один свиток и указание на то, что механизм был перевезен в Китай. Агентурная работа позволила проследить артефакт и там, но устройство было уничтожено землетрясением в мае 1940 года.

Годы ушли на то, чтобы отыскать след Ковчега, как его теперь стали именовать, уже в Египте, но до последнего времени точного местонахождения узнать не удавалось. Однако одному из советских разведчиков, носившему псевдоним Скиф, удалось напасть на след группы американских и британских ученых, исследовавших материалы масштабных раскопок конца девятнадцатого века в Гизе. Разведчик почувствовал, что слишком высокий уровень секретности вокруг простых археологических раскопок — это уже слишком подозрительно. Он нашел способ попасть в состав экспертной комиссии, а затем и в группу, курирующую проект по вопросам безопасности. Информация поступала только к представителям КПК, минуя официальные каналы первого главного управления КГБ. Это в какой-то мере спасло Скифу жизнь, поскольку многие структуры внешней разведки Союза уже просматривались функционерами западных разведсообществ, а значит, и агентами влияния Консорциума. Наконец информация попала к товарищу Зайцеву, и тот отдал приказ о силовой реализации полученного материала. И вот теперь устройство, как, впрочем, и код активации, выданный новым приобретением Склада, псевдоразумной машиной древних Бон, находилось в испытательном ангаре на глубине четырех тысяч метров...

Полковник вышел из замершей кабины лифта в полумрак широкого коридора, слабо освещаемого лампами дневного света. Пройдя метров сорок, он остановился у развилки, где начиналась узкая колея железнодорожных путей. Тут его ждала мотодрезина с двумя рядами лавок, расположенными друг напротив друга и отделенными от места машиниста жестяным бортиком. Майор Возницын уже сидел на одной из скамей, с неизменной красной папкой на коленях. Увидев начальника, он привстал. Северской пробрался на пассажирскую половину, и сослуживцы, практически сроднившиеся за годы совместной работы, обменялись рукопожатиями. Машинист на дрезине не был предусмотрен: она тронулась с места, как только майор нажал кнопку на переборке кабины. Все происходило согласно заложенной раз и навсегда жесткой программе управления.

— Артефакт размещен на стенде четвертого полигона, — перекрывая стук колес, доложил Возницын. — Ждут только нас.

— Что говорит профессор Валиханов? Удалось разработать протокол инициации

объекта на основе дешифрованных и интерпретированных текстов?

— Да, — майор раскрыл папку и, сверившись с какими-то записями, продолжил: — все учтено, насколько это возможно в данном случае. И само собой, пятый протокол вступит в действие автоматически, как только возникнет угроза нештатного разрешения ситуации.

Под пятым протоколом он имел в виду обрушение сводов пещеры, когда тонны грунта похоронят под собой то, что будет угрожать людям. Северской непроизвольно сжал кулаки — это был не тот результат, которого он ждал. «Все непременно должно получиться», — твердил он про себя словно молитву. Тем временем заместитель уже здоровался с невысоким седоватым мужчиной лет сорока, в чертах лица которого выделялись только бородка клинышком да роговые черные очки, оседлавшие крючковатый длинный нос. Это был возглавляющий проект с кодовым именем «059786 Индра» физик-теоретик Алексей Петрович Валиханов. В молодые годы он засветился с диссидентской литературой, попав в поле зрения оперативников профильного управления КГБ по защите конституционного строя. Учитывая талант молодого тогда еще аспиранта, Алексея Петровича только предупредили, не посадив. Но клеймо осталось, и в течение долгого времени ученый не получал доступа к проектам космической программы, поскольку большая их часть так или иначе подпадала под ограничения закона о государственной тайне. Одна из работ тогда уже кандидата физико-математических наук Валиханова заинтересовала аналитика, курировавшего научное направление в изысканиях Склада. Товарищ Зайцев лично побеседовал с физиком, открыв ему перспективы неограниченного поиска, где любое требование или эксперимент были осуществимы, стоило ученому лишь пожелать. Условиями оказались лишь фиктивная смерть Валиханова и отказ на неопределенный срок от свободы передвижения и распространения информации. Молодой ученый согласился, в свою очередь выдвинув условие, что когда-нибудь он сможет опубликовать часть своих теоретических работ. Комитетчик не только не возражал, но и распорядился создать фиктивную личность, под именем которой Алексей Петрович мог иногда публиковаться и защищать диссертации на предмет получения научных званий. Так появился профессор Казанского государственного университета Абдуллаев, регулярно публиковавшийся даже за пределами Союза. Через месяц после того, как Валиханов дал согласие работать на Складе, он был аккуратно «похоронен». Его смерть была мастерски инсценирована оперативниками группы майора Журавлева. Валиханов оказался ценным работником, по-своему рискован и самоотверженно преданным своей работе. Часто он ставил опасные опыты, оставляя только за собой право на ошибку, за которую может быть заплачено чьей-то жизнью...

— Алексей Петрович, каков ваш прогноз?

Полковник Северской с интересом разглядывал артефакт, выведенный сразу на несколько настенных монохромных телеэкранов. Профессор был рядом, он лично вышел встречать военных.

— Предчувствия у меня хорошие, товарищ полковник, — голос у Валиханова был басовитый, мощный, не вязавшийся с subtilной внешностью ученого. — Изделие представляет собой три обработанных слитка металла цилиндрической формы с отверстием по центру, нанизанных на стержень, словно «блины» на штангу. Но пробы и спектрограммы четких результатов не дают: сплав изготовлен из внеземных материалов, в таблице элементов Менделеева таких нет. По свойствам тоже не все ясно: он твердый, но измерения показывают, что структура циклически меняется.

— Иными словами, — Северской улыбнулся, — эта штука на самом деле может растечься по полу как кисель?

— Может, и так, — Валиханов недовольно дернул себя за бороду и обернулся к панели из пяти телевизионных экранов, транслирующих в бункер изображение артефакта, находящегося за толстой, двухсотметровой переборкой в павильоне риск-лаборатории, — но мы точно не знаем. Есть мнение, что внутренняя структура объекта представляет собой выстроенные в определенной последовательности искусственные молекулярные цепи, несущие сложный информационный код...

— Не понимаю, объясните подробнее, профессор. Но время дорого, говорите яснее. Вам удалось понять, с чем мы имеем дело?

Северской подошел к одному из экранов и ткнул указательным пальцем в изображение — тускло поблескивающую металлическую болванку.

— Полковник просто хочет знать, — пояснил Возницын, — чего нам сейчас ожидать, только и всего. Понимаю, что это эксперимент, но вы-то делали предварительные прогнозы?

Валиханов снова захватил бороду в кулак и прошелся по узкой, заставленной измерительной аппаратурой комнате из конца в конец, ободряюще похлопав по плечу одного из трех лаборантов, занятых протоколированием эксперимента и в разговоре не участвовавших. Невысокий парень с бледным узким лицом и коротко стриженными светлыми волосами поднял на профессора серые, покрасневшие от напряжения глаза и встал со своего места. Тихим голосом, немного хриплым от волнения, лаборант начал объяснять:

— Объект состоит из материала с изменяемыми под воздействием тепловыделения свойствами. Свойства эти заложены на молекулярном уровне и имеют строгую последовательность. Наш артефакт — это цилиндр с осевым стержнем и тремя подвижными валиками, нанизанными на него. Согласно выданным ЭВМ рекомендациям, мы провернем валики, чтобы символы на поверхности соединились в нужную комбинацию, что замкнет цепь внутри валиков и инициирует реакцию. От стержня идет слабое излучение, не поддающееся классификации, но каких-либо вредных влияний на людей пока не обнаружено. Интенсивность волновой пульсации позволяет сделать промежуточный вывод — это и есть источник энергии. Для человека он безопасен, но это, повторюсь, предварительно: слишком много нужно еще работать, тесты не завершены. Да и исходного вещества не так много, не исключена также вероятность повреждения артефакта после извлечения из бетонного футляра. А взятие большего количества образцов для изучения могло привести к непредсказуемым последствиям. Мы сначала думали, что стержень сделан из того же материала, что и валики, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что мы имеем дело с элементом внеземного происхождения, обогащенным промышленным способом. Опыты показали, что это природный элемент с очень высокой степенью энергетического КПД, в полторы тысячи раз превышающей схожие характеристики любого известного нам земного изотопа. И это только по предварительным данным.

Северской слушал лаборанта, рассеянно глядя на освобожденный от цементной рубашки артефакт, стоящий посреди огромного ангара. Риск быть распыленным на атомы его особо не прельщал, но внутреннее чутье подсказывало, что сегодня он не умрет. Повернувшись к ученым и помощнику, полковник проговорил:

— Товарищи, мы с самого начала работаем во тьме, ощупью движемся куда-то, и не факт, что путь этот ведет к свету. Однако стоять на месте тоже нельзя, даже отрицательный результат — это уже шаг к успеху. Начинайте процедуру инициализации артефакта. Поехали!

Откинувшись в кресле, Василий Иванович снова обратил взгляд к монитору. Ученые начали перебрасываться длинными фразами на своем научном жаргоне, из которых полковник едва ли мог вычленить пару знакомых слов. Он отрешился от всего, вцепившись пальцами в подлокотники кресла, как бы передавая гнущему железу часть своего напряжения. Теперь все было в руках Судьбы.

— Подвожу манипуляторы к объекту, — парень хладнокровно водил двумя рукоятками на небольшом пульте перед собой, а на экранах две стальные хромированные штанги, оканчивающиеся клешнями трехпалых манипуляторов, потянулись к цилиндру.

— Есть захват. — Клешни манипуляторов сомкнулись на цилиндре, обхватив его за вершину и серединную часть. — Начинаю процесс инициализации.

Потянулись долгие минуты ожидания, во время которых ничего интересного не происходило, но нервы людей были натянуты как струны, ведь случиться могло все что угодно... Но самое страшное было сознавать, что цилиндр может так и остаться мертвой болванкой неизвестного металла, сведя к нулю усилия нескольких сотен людей.

— Процедура завершена, все символы установлены согласно инструкции.

Лаборант отпустил рычаги, управляющие манипуляторами. Ничего не произошло: железная болванка злорадно подмигивала сотрудникам склада, блики света играли на ее черных матовых боках. Северской крутанулся на стуле и посмотрел на помощника:

— Американцы не могли подсунуть нам туфту?..

Возницын ничего не успел ответить, поскольку мониторы залила белизна и все они разом погасли. Комната словно лишилась одной стены — мониторы были мертвенно черны. Одновременно заверещали зуммеры, стал слышен шорох самописцев, ученые засуетились, а белобрысый лаборант нырнул куда-то под стол, попутно срывая кожух с укрытых внизу панелей под мониторами. В воздухе ощутимо запахло озоном и жженой проводкой. Профессор Валиханов бросил на военных дикий взгляд и срывающимся голосом прокомментировал ситуацию:

— Камеры на полигоне вышли из строя от теплового выброса, там сейчас температура, как в печи Мартена, этого нет в манускрипте!

— Или вы это пропустили, профессор...

Реплику вставил майор Возницын, утиравший выступившую на лбу испарину, но внешне сохранявший невозмутимое выражение лица. Вскоре замерцали, а затем заработали два монитора из пяти. Лаборант вынырнул из под стола, победно сияя:

— Алексей Петрович, я переключил мониторы на резервные камеры, они еще держатся. Как я и предполагал, волна пошла только радиально. Правда, изображение недостаточно четкое...

На реанимированных экранах почти ничего не было видно: все они на две трети были залиты ярким свечением, исходившим откуда-то снизу. Лишь одна камера, подвешенная вертикально под сводом пещеры, показывала ярко светящийся клубок, охвативший половину помещения ангара. Так продолжалось еще полчаса, все, кроме Валиханова, успокоились, и действие приняло вид запланированного, управляемого процесса. Один Алексей Петрович, казалось, не находил себе места: громким голосом давал подчиненным какие-то указания, таскал за собой ворохи вырванных из самописцев лент, на что-то показывал белобрысому лаборанту огрызком вынутого из-за уха карандаша. Молодой помощник, словно привязанный, мотался вслед за профессором от мониторов к приборным стендам и обратно, не забывая всякий раз что-то отвечать на восклицания Валиханова. Оба военных почувствовали себя чужими и молча ждали, когда картина происходящего хоть сколько-нибудь прояснится.

— Пускайте азотную смесь! — звенящим от напряжения голосом приказал Валиханов одному из помощников, столпившихся в левой части помещения. — Процесс замедляется, тепловыделение падает, пора сбивать температуру.

Через десять минут свечение на мониторах пропало, лишь где-то в нижней кромке осталось небольшое яркое пятно. Валиханов потер руки, потом сунул их в карманы белого халата. Он победно глянул на обоих не посвященных в процесс военных и кивнул головой на мониторы:

— Инициализация завершена, процесс прошел штатно, но мы не ожидали такого выделения тепла. Видеоаппаратура вышла из строя, освещение накрылось, но бригада ремонтников уже готовится к выходу. Нет... Уже вон они — входят в ангар.

На мониторах появились смутные тени, прошел еще час томительного ожидания, за время которого полковник и майор не обменялись ни единым словом. Вся их работа последних двадцати лет зависела от того, что находилось сейчас в оплавленной подземной пещере. Ведь не факт, что проклятый цилиндр просто не расплавился без следа и не предстоит мучительный поиск нового решения проблемы.

Экраны вновь засветились, на мониторах вновь возникла четкая монохромная картинка. Северской и Возницын чуть ли не вплотную приблизились к экранам, сияясь запечатлеть в памяти увиденное. А посмотреть было на что: цилиндр исчез, уступив место серебристой сигарообразной конструкции метров пятнадцати в длину и около трех в высоту.

Аппарат завис в полуметре над землей, словно аэростат времен Второй мировой войны. Обшивка его, на первый взгляд абсолютно гладкая, без единого шва, еле заметно мерцала. Вокруг него суетились ремонтники в асбестовых костюмах, отчего все это напоминало какой-то научно-фантастический фильм о покорении космоса. Северской повернулся к профессору:

— Когда будет можно осмотреть объект вблизи?

— Да хоть сейчас, — Валиханов весь светился от счастья. — Никаких вредных излучений наша аппаратура не регистрирует. Наденем костюмы и посмотрим, что получилось.

Спустя еще час Северской стоял возле сигарообразного объекта, чуть задрал голову и рассматривая его сквозь прозрачное стекло шлема. Он медленно прошелся вдоль правого борта «корабля», почему-то не сомневаясь, что это именно корабль, осторожно ведя пальцами левой руки по обшивке. Сквозь толстую резину ничего не почувствуешь, но Василий Иванович ощутил легкое покалывание в кончиках пальцев. Он интуитивно приложил ладонь к обшивке серебристой сигары, и тотчас в этом месте с легким шипением образовалась прореха. Все сбежались к полковнику, кто-то оттащил его в сторону. Из чрева сигары выехал двухметровой ширины и шести метров в длину трап без поручней и гулко звякнул о грунт, прочно оперевшись в него. Лица людей осветил мягкий синеватый свет. Корабль предлагал войти.

— Профессор, — на лице Северского заиграла довольная улыбка, — подготовьте бригаду техников и специалистов из лабораторий комплекса. Разберите эту штуку по винтикам, но узнайте, как ею можно пользоваться. Торопиться не надо, времени у вас теперь будет предостаточно. Приступайте.

Полковник повернулся на каблуках и зашагал к выходу из ангара, следом поспешил несколько разочарованный Возницын — майор очень хотел заглянуть внутрь корабля. Но Василий Иванович уже не обращал внимания на предмет своих недавних волнений: в голове у него крутился следующий этап операции, приближавший его месть ненавистному врагу. В дезинфекционной камере, под струями вонючего раствора, бьющего из стен и с потолка, он повернулся к помощнику и приказал:

— Подбирайте кандидатуры на переброску в этот Мир Света. Уже нужно определяться с составом десанта и пилотами. Поднимайте дела пилотажной группы «Новая Земля», работавшей с дисколетами. Десантников отбирайте особо — их миссия будет крайне деликатной, нужны крепкие и уравновешенные бойцы.

— Уже работаем, — Возницын сплюнул едкую жидкость, не открывая крепко зажмуренных глаз. — Пилоты готовы приступить к полетам хоть завтра, а десантную группу можно собрать в течение полугода и натаскивать на Саянской базе...

Василий Иванович Северской вернулся в свой рабочий кабинет выжатым до крайней степени, но довольная улыбка нет-нет да и проглядывала на обычно бесстрастном лице полковника. Из верхнего ящика стола с замаскированным цифровым замком наподобие того, что в лифте, он извлек пухлое досье с материалами по проекту и раскрыл его там, где была тонкая бечева закладки, вшитая в верхний корешок. Требовалось освежить некоторые факты, полковнику всегда легче думалось, когда документы были перед глазами, хотя он и помнил каждый почти дословно. Перелистывая пожелтевшие страницы, аккуратно подшитые в дело им же самим, Северской начал подводить предварительные итоги. Первая высота взята: транспортное средство древних изучат и так или иначе заставят работать, опыт уже имелся, и немалый. Теперь многое зависело от того, как пройдет операция в латиноамериканских джунглях, где засветился другой осколок головоломки — Сфера.

Какое отношение этот невеликий шарик имеет к плану, разработанному аналитиками Склада, было выяснено десять лет назад. Тогда сотрудникам итальянской резидентуры советской разведки, направляемой агентом влияния КПК, удалось выкрасть и переправить в Союз фрагмент индейского манускрипта из хранилищ Ватикана. Это для широкой публики было заявлено, что «еретические письма» культур завоеванного конкистадорами

континента были сожжены все до единого. На самом же деле функционеры одной из старейших европейских тайных организаций — Общества Иисуса¹ — уже в те далекие времена понимали важность поиска и сохранения подобной информации. Согласно обширному досье, имевшемуся в распоряжении Северского, иезуиты точно следовали доктрине ордена: «цель оправдывает средства». Так, под видом искоренения ведьм и борьбы с ересью Общество Иисуса собрало богатейшую коллекцию манускриптов и артефактов, относящихся к доисторическим временам. Также на службу ордену иезуитов пришли люди с экстраординарными паранормальными способностями, помогавшие священникам укреплять власть ордена в Европе. Тайные эмиссары показывали черни «чудеса», являли примеры невероятных исцелений, что несомненно способствовало влиянию Общества. Позднее, когда агенты влияния прочно укоренились в структурах Ватикана, некоторая часть орденских хранилищ была перемещена в Ватикан. Среди редкостей, спрятанных вдали от туристических маршрутов, глубоко под землей, оказались и все письменные памятники культур завоеванных народов Латинской Америки. Во время покорения Перу одним малоизвестным конкистадором были похищены из разграбленного индейского храма, а позже привезены в Испанию под присмотром агента Общества несколько сот инкских свитков и каменных таблиц. Все это было выкуплено у семьи конкистадора за невеликие деньги вместе с четырьмя пленными рабами, по словам бравого идалго,² добровольно отдавшимися ему в рабство, чтобы не разлучаться с реликвиями.

Под пытками орденские дознаватели вырвали у индейских жрецов способ шифра, которым были записаны захваченные тексты. Иезуиты стремились отыскать путь в закрытый Золотой Город. Но, естественно, Орден интересовало не золото, коим по рассказам были вымощены его улицы. Слабая наука того времени подталкивала отцов церкви к выводу, что раскрашенные дикари могут знать путь не куда-нибудь, а в само Царствие Небесное. Перспективы и впрямь открывались радужные: фонтан молодости, амброзия и райские кущи, плюс возможность разговаривать с самим Богом. Но, как часто случается, находишь не совсем то, что ищешь. Так иезуитам стали ведомы тайна и сроки реального Светопреставления, а также способ спасения от него. Полностью понять и осмыслить полученные сведения им не удалось — слишком слабы еще оказались технологии того времени. Таблицы и манускрипты заперли, индейских жрецов тихо удавили, замуровав трупы в стенах хранилища.

Часть артефактов непрестанно изучали, в результате чего об одном из них — Сфере — стало известно резиденту советской разведки в Италии и региональному куратору от КПК. Последний перехватил информацию, закрыл к ней доступ и дал разведчику добро на

¹ Общество Иисуса, или Орден иезуитов, основано католическим священником, бывшим военным, баском по национальности Игнатием Лойолой в 1540 г. Общество Иисуса создано с благословения Павла III в качестве института защиты католической церкви, в т. ч. и при помощи оружия. Устав ордена Лойола написал лично, в том же 1540 г. этот устав утвердил папа. Главные постулаты ордена — целомудрие, послушание, бедность и преданное служение Богу и церкви, безропотное подчинение этой церкви и ее главе папе. Строгая иерархия ордена не терпела никаких возражений стоящим выше. Орден, как и прочие военизированные сообщества религиозного толка, проводил (и проводит до сих пор) самостоятельную политику, преследуя собственные цели, не декларируемые публично. Отличие Общества Иисуса от клерикальных орденов вроде розенкрейцеров или тамплиеров заключается в том, что его структуры тесно интегрированы в структуры Ватикана и начиная с середины XVII в. политика католической церкви уже мало чем отличается от политических постулатов, заложенных еще Лойолой при его основании. Прямым подтверждением ассимиляции ватиканских бюрократических структур является судьба его основателя. В 1622 г. Игнатий Лойола был официально канонизирован папой Григорием XV. Произведения Лойолы стали широко популярны, в особенности знаменитое «*Exercitia spiritualia*» — «Духовные упражнения». Орден Иезуитов обрел огромную популярность, став впоследствии не только военной, но и политической организацией. Широкое применение получили иезуитские школы. Иезуиты-миссионеры проникли во многие страны мира, где успешно проповедовали свои идеи. Впоследствии иезуиты оказывали глобальное влияние на ход мировой истории. До сих пор первого генерала Общества Иисуса именуют не иначе как «пехотинцем римского папы».

² Идалго — знатный человек, дворянин средней руки.

разработку темы. Через неделю артефакт выкрали из лаборатории одной солидной компании, работавшей на итальянское правительство, имитировав диверсию конкурирующего с ней французского концерна с громким именем. Но после доставки артефакта на Склад выяснилось, что за столетия «изучений» Сфера была безнадежно повреждена. Впрочем, даже по поврежденному образцу советским ученым удалось выяснить следующее: объект является информационным накопителем данных, способным аккумулировать и использовать энергию, аналогичную той, что использовалась в дисколетах. Еще обнаружилось, что Сфера, или, как артефакт позднее стали именовать, Глобус, испускает модулированный волновой сигнал, улавливаемый лишь радиостанциями тех же дисколетов. Принцип работы был давно изучен — полковник не вникал в тонкости, но получалось, что сигнал идет по некоему внепространственному каналу и обычными средствами пеленг его невозможен. Аналитики Склада предположили, что Глобус — это некое средство навигации с подобием функции радиомаяка. Имея нужную аппаратуру, без труда можно его найти. Соотнеся Глобус с земным «черным ящиком», используемым в самолетах, техники снова перетряхнули чертежи немецких дисколетов, но тщетно — ничего подобного в тех аппаратах не было, но специалисты сделали вывод, что нужно искать некое транспортное средство или следы его пребывания на Земле. Вот после этого и началась охота, столь удачно завершившаяся для полковника и его людей.

Северской закрыл пухлую папку с документами по теме «Солнечный город» и огляделся. На глаза снова попался гляцевый журнал в корзине для бумаг. Сердце кольнула игла острой боли, полковник нажал клавишу настольного селектора, вызывая секретаршу:

— Анна Валерьевна, принесите чаю, пожалуйста. И... — Северской усмехнулся, — скажите техничке, что у меня мусор скопился, пусть побыстрее уберут.

Хорошее настроение прогнало боль. Полковник убрал папку в верхний ящик стола, прошел в левый дальний угол кабинета и взял с полки любимую с детства книгу — «Отверженные» Виктора Гюго. Сегодня можно сделать небольшой перерыв. Планы наконец-то утратили эфемерность и обретают овеществленную конкретику. Впрочем, пройдена лишь треть пути и до ворот мира «солнечных городов» еще очень далеко. Но блеск их стен уже виден на горизонте, и он согревает старого человека в поношенном сером костюме светом надежды. Полковник бережно листал потрепанную книгу, прихлебывая почти черный чай из тонкого стакана в старомодном алюминиевом подстаканнике. Ждать оставалось уже недолго. Знакомые с детства персонажи Гюго, казалось, тоже радовались встрече со старым другом и тому, что дела у него идут на лад.

* * *

Земля. Республика Колумбия, точное местоположение неизвестно. 25 февраля 1990 года, 06:03 по местному времени. «Товарищ Мигель» — Егор Шубин, военный советник.

Человек пробирался сквозь заросли жестких лиан и тонких, похожих на седые старушечьи космы воздушных древесных корней. Пробирался очень грамотно — высоко поднимал ноги, мягко переносил ступни с носка на пятку, ощупывая землю перед тем, как полностью сделать шаг. Не сиди я по горло в болотной жиже у самого берега вот уже пять часов, незнакомец так и прошел бы незамеченным вглубь болот, а ведь именно туда он держал путь, это было видно по направлению движения. Я чуть сместился вправо, чтобы не упустить его из виду, и дернул веревку, надежно прикрепленную к поясу. Теперь ребята будут знать, что к нам идет гость, с которым непременно нужно побеседовать. Длинный канат потревожит пустую консервную банку в нашем подземном убежище, и этот осторожный прохожий придет туда, где его будут ждать Славка и Дуга. Моя же задача оставалась прежней: следить за расписанием патрулей, ищущих нас. Пояс дернулся два раза, это Славка дал знать, что они уже выходят встречать гостя.

Вновь пристально всматриваюсь в мешанину листьев и древесных крон, чтобы не пропустить смену из трех жутко смысленных граждан, оседлавших тропу правее, порядка

трехсот метров к востоку от моей позиции. Натасканные амерами местные туго усвоили науку маскировки и перекрывали все подходы со стороны болота: пулеметчик держит открытый участок и срежет любого, кто ступит на узкую звериную тропку, двое стрелков страхуют его с флангов и прижмут к земле всякого, кто попытается уйти из-под обстрела в чащу или вперед, вдоль тропы, где наводнение вымыло неглубокие овраги. Незнакомец, которого сейчас встречают мои бойцы, грамотно обошел армейский секрет с тыла, намеренно спугнув стайку обезьян, отвлекших внимание дозорных на пару минут. Хоронясь по оврагам, он успешно затерялся в прибрежных зарослях и незамеченным вышел севернее болотной гати, что меня и насторожило.

И тут я понял, что не зря сижу по горло в тухлой воде вот уже шестой час подряд: с юго-востока раздался шорох, а потом за пригорком, где расположились местные вояки, грохнули сразу пять разрывов. Как я и надеялся, в составе поста был корректировщик, который навел минометный огонь с одного из отдаленных скальных массивов. Это было как нельзя кстати. Я поудобнее устроился в своем укрытии и постарался рассмотреть застывших вражеских часовых. Ветром донесло запах кофе и чего-то съестного. Ай-яй-яй, граждане, жрать на посту такую пахучую пищу, да еще запивать ее кофе... Это большая ошибка. Веревка на поясе вдруг натянулась и дернулась четыре раза подряд. Видимо, пленный оказался ценным источником информации, раз меня зовут немедленно возвращаться. Осторожно, без единого всплеска, выбираюсь из укрытия и ухожу к острову. Попутно прикидываю, как нам теперь выбираться из этой дыры. Заросли почти не шуршат, но двигаться быстро нельзя: вешки контрабандистов едва заметны, и в предрассветных сумерках нужно быть вдвое внимательней, чтобы не сбиться с дороги.

Холмик с торчащим из кустов каменным боком древней пирамиды показался впереди лишь через час с небольшим. Навстречу мне выступил утыканный ветками и обмазанный грязью Славка, дал сигнал спускаться вниз. Детонатор спешил сменить меня, поэтому мы лишь коротко обменялись данными по обстановке и он направился туда, откуда я только что появился. Я уже был готов к тому, что увижу, спустившись под землю. В комнате, освещенной парой «ночников», меня ждали невозмутимый Дуга и тот странный путник, которого я засек давеча на болоте. Это был кучерявый бородатый брюнет лет сорока в стираной коричневой майке, грязных джинсовых шортах и плетеных сандалиях. Прикид дополнял широкий «офицерский» ремень советского образца с линялой, пустой в данный момент, американской кобурой. На полу у ног моего бойца лежала снаряга гостя: китайского образца «лифчик» с четырьмя магазинами для «калаша» и сам автомат, но с массивным пулеметным «барабанником» на семьдесят пять патронов. Оружие и снаряжение были поношенными, но ухоженными и добротными, что безусловно делало честь их хозяину.

Кивнув пулеметчику, я, не глядя на пленника, сидевшего на корточках у дальней стены, подошел к груде снаряги и взял в руки АК. Отсоединив барабанный магазин, я разобрал его: семьдесят патронов в улитке, пружина тугая, явно поджатая вручную. Да, незнакомец вызывал уважение, поскольку набил барабан не до самого конца, чтобы избежать перекоса патрона, и правильно обжал пружину, чтобы «маслята» плотно сидели внутри магазина, не брэнча при каждом движении бойца. Снова присоединив магазин к оружию, я положил автомат на место. Поднял и вынул из ножен мачете, лежавшее рядом с автоматом. Тяжелый клинок с односторонней режущей кромкой, не слишком острый, чтобы лезвие не застревало в твердых бамбуковых стволах и мясистых лианах, хорошо сбалансированный, держать удобно. Такой штукой хоть головы рубить, хоть щепу на дрова лущить — одно удовольствие и ноль проблем. Лишнее подтверждение, что владелец — дядька опытный, в здешних краях не новичок. Среди прочей амуниции я нашел и пару метательных ножи́ков, в просторечье именуемых «рыбка», за характерную форму. Пленник носил их слева, за тканевой прокладкой «разгрузки», чтобы в случае опасности и будучи обезоруженным можно было выиграть немного времени для побега, или прихватить с собой на небо какого-нибудь бедолагу с невезучей кармой. Я вложил «рыбки» в нашитые самочинным образом кожаные чехлы и бросил их обратно в кучу к остальным пожиткам гостя. Пистоль тоже говорил о

хозяине только хорошее: испанский «STAR-P»¹ с пообтершимся воронением, надежная, проверенная временем «машинка», с таким тут ходит довольно много народу, включая полицейских и вояк. Все скромно, без выкрутасов, и не вызовет излишнего возбуждения ни у одного нормального «контрика».² Пистолет тоже отправился в общую кучу трофеев.

Дуга подал мне тоненькую пачку документов пленника. Тут ничего особенного: чилийский паспорт, явно настоящий. Рональдо Аугусто Вебер, подданный этой замечательной страны. С визами, правда, полный бардак, но это ни о чем не говорит, тут такое сплошь и рядом. Еще какие-то бумажки явно коммерческого толка, из которых следует, что парень то ли рыбак с бизнесменским душком, то ли бизнесмен, зарабатывающий на жизнь рыбным промыслом. Я присел на корточки в двух метрах от гостя и начал беседу:

— Времени у меня мало. Поэтому давай быстро поговорим о том, кто ты на самом деле и как тебя сюда занесло. Лучше, если скажешь все сразу, не заставляя нас с приятелем спрашивать по-плохому. Ну как, договорились?

Мужик улыбнулся и на ломаном русском, тщательно выговаривая каждое слово, проговорил:

— Заря-шесть.

Дуга хмыкнул. Мы оба знали, что означают эти два слова. Наш командир, полковник Серебрянников, жив и не помер по дороге в больничку, вертушка долетела. Но вот откуда грамотный чилиец знал маршрут к острову и где наш мальчишка, это интересно. Я снова обратился к парню:

— Заря-тринадцать.

Но пленник не расслабился, лицо его закаменело, он попытался дернуть связанными руками. Я успокаивающе улыбнулся и продолжил:

— Заря-двенадцать, расслабься, амиго. Сам видишь, не на курорте отдыхаем, я тоже должен был удостовериться, что ты от друзей.

— Сильверо послал меня к вам, ваш парнишка добрался до отряда Рауля, — чилиец говорил бегло, но с сильным акцентом, возможно, учился в Союзе, — но потерял слишком много крови. Симон объяснил, как найти вас здесь, я часто хожу через границу, знаю тут дороги.

— Как сам Сильверо, ты давно видел его?

Сомнения не оставляли меня. Парень пока плел все складно, но это не исключало подставы: нашего пацана могли перехватить и выпытать все подробности насчет местности, наших имен и званий в отряде. На этот случай я искал условного знака о провале. Что ни говори, а Симон — верный камрад, он должен был послать мне весточку, если что-то пошло не так.

— Команданте был плох, рана нехорошая, воняло сильно. — Вебер поморщился, видно вспомнил рану полковника. — Но женщина из отряда сутки не выходила из дома, где его резали, а потом патруль нашел вашего связника. Парнишка дошел, потом упал замертво. Сеньорита Анна и старый шаман помогли привести его в чувство, он отказывался говорить с кем-либо, кроме ваших.

Вебер перевел дух и знаками показал на меня и Дугу, давая понять, что имеет в виду гринго. Я посмотрел пленнику в глаза и спросил:

— Кто был в лагере, кроме Сильверо, из... наших?

¹ Имеется в виду испанский полуавтоматический пистолет, производимый по лицензии американской фирмы «Colt». Данное изделие — точная копия популярной модели «Colt M1911», но он более дешевый, что совсем не означает плохой. STAR — простой в обслуживании и применении, довольно надежный пистолет, распространенный в странах Латинской Америки так широко, как пистолет системы Макарова на просторах бывшего СССР. ТТХ (mod. P): УСМ — одинарного действия, калибр — .45ACP, вес без патронов — 1085 г, длина — 215 мм, длина ствола — 122 мм, емкость магазина — 7 патронов.

² «Контрик» — жаргонное прозвище сотрудника военной контрразведки.

— Только инструктор по радиodelу, но... — губы Вебера тронула едва уловимая презрительная усмешка, — он ничего не мог сказать, напился сразу после прилета и с тех пор не выходил из вашей казармы.

Нет, связник не врал: так тонко знать обстановку в лагере и среди советников мог лишь побывавший там, хотя я никогда этого парня не встречал. Его слова косвенно подтверждались данными по общей обстановке, сложившейся на сегодня. Перво-наперво, поиски не прекратились, это говорит о том, что Симон либо был замечен и ушел, либо убит при попытке его захвата федералами. Случись иначе, поисковый невод сместился бы к северо-западу от болот, ближе к расположению партизанских баз. В случае, если паренька удалось задержать и допросить, сюда не стали бы посылать одного провокатора. Американских друзей сейчас в штабе поисковиков нет, а местным и так досталось от нас, чтобы загонять в болото роту-другую ради призрачного шанса взять нас живьем. Перемешают остров с болотной жижей, и вся недолга. Поэтому важно послушать, какие вести принес нам этот мутный гонец. Однако внутренне я уже чувствовал скорое избавление от местного колорита в лице пиявок и надоедливой мошкар. Поднявшись, я подхватил снарягу и оружие, изъятые у Вебера при захвате, и демонстративно положил все это возле ног связника:

— Излагай, амиго, как выводить нас отсюда станешь.

Связной кивнул, без усилий поднявшись на ноги, и начал излагать, одновременно рассовывая свои вещи по отведенным им местам. Получалось это у него сноровисто, чувствовалась многолетняя практика.

— Про минометы и замаскированные посты вы уже знаете, — гость сделал паузу, посмотрел на меня и, дождавшись утвердительного кивка, продолжил: — El cobarde graco¹ Рауль не пошлет своих людей вам на помощь. Ваши начальники не дают столько денег, чтобы заставить команданте рисковать. Это осложняет ситуацию, но не делает ее безвыходной. Мы выйдем через час, чтобы подгадать время пересменки дозоров возле южной тропы. Вы пойдете вдоль нее, держа направление на юго-восток, чтобы выйти к партизанским передовым постам у перекрестка Ди Мадре, на юге. Если держаться тропы, то это всего два дня до точки randevu. Координаты точки встречи — 34'69, ориентиры — два больших белых валуна, мимо не пройдете. Там еще неделю будут дежурить люди Рауля, это единственное, на что он дал согласие. Каждый из них так или иначе знает кого-то из вас в лицо, поэтому двигайтесь аккуратно, дайте себя разглядеть... Если получится дойти.

— Это ты верно заметил, уважаемый: если получится. А ты не забыл, что после пересменки постов по берегу ходят два встречных мобильных патруля и они заметят наши следы?..

— Все предусмотрено, команданте Мигель, — Вебер успокаивающе поднял правую ладонь, как бы защищаясь от моего возражения. — Я с вами не пойду, отвлеку на себя внимание патрулей, имитируя прорыв в северном направлении, к предгорьям, так правильно говорю, понимаете? Они подумают, вы идете к горам. Впереди вашего передового поста, кроме пары секретов, сидит полторы сотни паратрупер... Десантников, да? Рассредоточены они вдоль тропы по обеим ее сторонам, в сельве. Пройти сквозь них незамеченными не удастся. Я понял, что вы задумали, это смелый план. Но обмануть командиров минометных батарей не получится, они точно знают расположение своих частей у тропы, затребуют командиров взводов, чтобы удостовериться ваши целеуказания. Поэтому я буду делать шум, федералы подумают, что вы прорываетесь к горам, и снимут людей с тропы, тогда вам останется только тихо пройти мимо открытого первого поста наблюдения. Второй секрет оборудован западнее, и вам не придется связываться с тамошними сторожами, поскольку основные силы уйдут, с тем чтобы отрезать мне путь к отступлению. Второй раз федералы не захотят упустить тех, кто им так напакостил. Окно будет небольшое, и фору я дам, сколько смогу, но более чем на пару часов не рассчитывайте. Местные солдаты не дураки,

¹ Этот жирный трус (*исп.*) .

обман вскроют, как только... Но лучше не будем о грустном, правильно я сказал, нет? В любом случае, уходите по возможности очень быстро и тихо, компренде?

Такой поворот событий меня несколько обескуражил: человек, пришедший от Бати, вот так запросто говорил о том, что идет на верную смерть, причем совершенно добровольно. Пристально посмотрев в глаза чилийцу, я спросил:

— Шансов вырваться нет и в твоём случае, верно мыслишь — в том направлении развернуто до двух батальонов пехоты, хорошо натасканных на войну в лесу. Зачем ты это делаешь?

Вебер приладил мачете за пояс так, чтобы рукоять была внизу и слева под рукой. Высказав все, что ему казалось важным довести до меня, он совсем успокоился, движения вновь приобрели некую плавность, голос стал звучать ровнее. Подогнав амуницию и попрыгав на месте, проверяя ее «на звон» в совершенно знакомой мне по «учебке» манере, он просто ответил:

— Все мы выполняем свой долг, камрад Мигель. Сильверо вытащил из Чили мою беременную жену и двух малолетних племянников. Им всем грозил расстрел за мою принадлежность к компартии, семьи коммунистов тогда, в семьдесят третьем, вырезали сотнями.¹ А Сильверо рисковал собой, получил пулю под сердце ради моих родных, хотя мог уйти, списав все на экстремальные условия. Теперь, благодаря тебе, я могу вернуть долг. Но даже если бы мне просто приказали умереть, спасая товарищей, я тоже бы не колебался. Дело, за которое мы тут сражаемся... Свобода очень дорого стоит, компадре Мигель. Мы в Чили это очень хорошо помним и не стоим за ценой.

В голове у меня сложились разрозненные кусочки мозаики, бередившие сознание на протяжении всего разговора с Вебером. Передо мной явно стоял человек, прошедший горнило чилийского путча семьдесят третьего года. В силу обстоятельств я лишь понаслышке знал о трагических событиях той осени, когда был убит Сальвадор Альенде. В зарубежной прессе писали, что чилийский президент проявил слабость духа и застрелился,

¹ Связной описывает последствия событий, происходивших в Чили в начале 70-х годов прошлого века. Тогда во время правления Сальвадора Альенде были национализированы добывающие компании, что вызвало негативную реакцию со стороны США и Великобритании. Опираясь на крупную буржуазию внутри страны, местные неофашистские группировки и значительную часть армии, ЦРУ организовало военный переворот. В 6 часов утра 11 сентября 1973 г. поступило сообщение о восстании флота в Вальпараисо. Главой военной хунты стал начальник генштаба чилийских ВС, генерал армии Аугусто Пиночет. Президент Альенде и несколько преданных ему единомышленников и сотрудников службы охраны были блокированы во дворце Ла-Монеда в Сантьяго. Путчисты предложили президенту и его сторонникам сложить оружие и сдаться, на что Альенде ответил категорическим отказом, предварительно приказав выпустить из дворца женщин и детей, в т. ч. своих собственных дочерей. В ходе штурма Сальвадор Альенде был убит тремя выстрелами в голову и грудь, а из его тела при последующем вскрытии извлекли еще тринадцать пуль. Позднее были обнаружены данные экспертизы, говорившие в пользу якобы имевшего место самоубийства Сальвадора Альенде. Однако очевидцы этого не подтверждают: по их словам, президента убили несколькими выстрелами из пистолета один из командиров штурмовых групп путчистов. Это произошло оттого, что Альенде сам активно участвовал в обороне дворца, подбадривал защитников, самолично довольно успешно воевал (по свидетельствам очевидцев, он подбил выстрелом из гранатомета один из танков путчистов в самом начале боя), вследствие чего и был опознан нападавшими. А поскольку за его голову уже объявили награду, за президентом довольно активно охотились. Какому-то офицеру повезло застрелить Альенде из личного оружия, причем с довольно близкого расстояния, но штурм захлебнулся и тело президента удалось отбить. После этого сотрудники аппарата президента перенесли уже мертвого Альенде в его кабинет и обрядили в парадный мундир с регалиями, где путчисты впоследствии издевались над трупом, расстреляв покойного из автоматов. Сам Альенде говорил жене перед началом штурма: «Только мертвым я оставлю Ла-Монеду, но умру, сражаясь. Совершать самоубийство, как Бальмаседа, я не стану» (Бальмаседа Хосе Мануэль, президент Чили в 1886–1891 гг., покончил с собой в связи с путчем, организованным консервативно-клерикальными кругами). Президент был очень жизнелюбивым человеком, и нет никаких улик, подтверждающих версию суицида, выдвигавшуюся американскими и чилийскими экспертами вплоть до 1991 г. В ответ на требования оппонентов предоставить доказательства своей версии официальные власти Чили просто промолчали. Последовавшие за этим годы террора унесли жизни более чем тридцати тысяч человек, лишь треть из которых так или иначе имела отношение к сторонникам Альенде, и еще меньше среди них было членов компартии Чили. Хотя именно борьба с коммунизмом была объявлена путчистами первоочередной задачей нового режима.

но кое-какие прочитанные мной газетные статьи и рассказы бывавших в тех краях коллег свидетельствовали о другом. Человек, отказавшийся сдаться и в первых рядах сражавшийся с многочисленным и хорошо вооруженным противником, не мог быть малодушным трусом. Часто мы интуитивно чувствуем правду, хотя ничто не подтверждает нашей убежденности. И вот теперь передо мной сидел человек, способный прояснить давно мучивший меня вопрос.

— Понимаю, что прошу слишком много, но эта наша встреча первая и последняя, нам обоим это хорошо известно.

— Спрашивай, компадре.

Выражение лица у чилийца было невозмутимым, чувствовалось, что не в первый и даже не в сотый раз он идет на верную смерть. Мне же стоило определенных усилий сохранять спокойствие, наверное, потому, что рейд слишком затянулся и шансы выжить были абсолютно призрачны. Сглотнув ком, вставший в горле, я спросил:

— Как умирал президент Альенде?

— Ты проникательный человек, Мигель, — легкая улыбка мелькнула на губах чилийца и спряталась в курчавой бороде. — Но раз уж Судьбе угодно было свести нас вместе и ты спросил о том, что уже никого в мире, кроме горстки людей в моей несчастной стране, давно не волнует... Ладно, я расскажу, что знаю. Альенде убил гринго, командовавший одной из штурмовых групп. Это были парашютисты, которых тренировали американцы. В пылу боя один из них забылся и часть команд своим людям отдавал по-английски. Президент помогал нам как мог: подбадривал солдат, стрелял сам... Первый этаж дворца несколько раз переходил из рук в руки, в какой-то момент «контрас» снова прорвались. Наш президент был храбрым человеком, но он не был солдатом. В его автомате закончились патроны, и он на секунду замешкался. Двое его телохранителей отстреливались от нападавших солдат, но тут один из прорвавшихся грингос отбросил свой опустошенный карабин, выхватил вот такой же, как у меня, пистолет, перекатом вышел прямо к ногам Альенде и три раза выстрелил в него. Я был в десятке шагов от президента, дворец уже бомбили... — Взгляд чилийца затуманился, меня он больше не замечал, мысленно вновь переживая тот страшный для него миг. — Гринго пристрелил Ансельмо Руис — мутный парень из личной охраны Альенде, его убили час спустя, но президент был уже мертв: одна пуля попала в висок, две другие в шею и грудь. Но мы еще дрались...

Связник замолчал, а я больше ни о чем не спрашивал его. Одна из загадок прошлого была решена, и на душу снизошло какое-то небывалое облегчение. Что было тому причиной: рассказ ли о смерти человека, до последнего защищавшего то, во что верил, или осознание сопричастности к войне с людьми, которые по всему миру ищут и убивают таких, как Альенде или Че Гевара, — не знаю. Трудно принять подобные вещи с ходу, требуется осмыслить и утрамбовать все в голове, адаптировать душу, что ли. Кивком головы я поблагодарил Вебера за рассказ. Потом мы сверили часы и еще раз осмотрели снарягу друг друга. Я последний раз оглядел комнату: не оставили ли чего? Кругом только пыль и темнота. Подойдя к дыре в потолке, я три раза дернул сигнальную веревку, теперь Славка будет знать, что мы доберемся к нему через полчаса с небольшим. Важно действовать синхронно, чтобы рискованный план чилийца не потерпел фиаско в самом начале и все не оказалось напрасной потерей времени. Я махнул Дуге, и мы стали поочередно выбираться из подземелья. Поверхность встретила нас хмурым утренним полумраком, на трясину пал клочковатый удушливый туман. Чилиец хлопнул меня по плечу и, крепко пожав на прощание руку, пошел на северо-восток. Через пару шагов его скрыл туман. Я мысленно пожелал новому другу выбраться из этого переплета живым.

Кругом было относительно тихо, только болотные пичуги перекликались в обычной утренней тональности, сопровождая нас своими разговорами до той кочки, где притаился Детонатор. Сделав Дуге знак сменить Славку на посту, я осмотрелся, привыкая к мельтешению растительности, режущему глаз. В мешанине оттенков зеленого, черного и

коричневого легко проморгать противника, способного бесшумно подобраться на дистанцию удара ножом. Но только не теперь: за более чем два года знакомства с местными условиями я уже стал забывать что такое восточно-сибирская тайга или чахлые леса российской средней полосы. Сон, увиденный в пирамиде несколько дней назад, вызвал приступ дичайшей ностальгии и тоски. Больше всего на свете захотелось ощутить вкус свежеевыпавшего снега на языке, вдохнуть хвойный аромат кедра, услышать, как токует глухарь или поют свои охотничьи песни волки...

Тихий плеск позади справа дал знать, что подошел Славка. Мы присели, и я шепотом поведал другу о неожиданно изменившихся планах. Глаза Детонатора озорно блеснули — я знал, что лично для него нет муки страшней, чем вот так, сутками, сидеть на одном месте. Нашу беседу прервал далекий одиночный взрыв и последовавшие за ним звуки стрельбы. Судя по направлению, это был тот район, куда ушел чилиец. Глянув на часы, я прикинул время: прошло полтора часа. Получалось, что Вебера засекли несколько позже, чем мы рассчитывали. Подав своим знак приготовиться к движению, я вслушался в звуки далекого боя. Вебер зацепил передовой наблюдательный пост, вроде того, что был слева от нас на холме. Пауза после пары коротких очередей говорила о том, что федералы были застигнуты врасплох. Видимо, угостив часовых гранатой, чилиец ворвался на их позицию следом и добил уцелевших. Само собой, все можно было сделать тихо, но цель связника диктовала иной подход — нашуметь, привлечь внимание.

Звуки перестрелки стали глуше, эхо сместилось на север, удаляясь в сторону пройденного нами неделю назад ущелья Теней. Немного оживились вояки, залегшие перед нами, видимо, их опрашивало начальство на предмет активности в наблюдаемых секторах. Что они могли увидеть? Пару неприметных кочек да километры трясины. Вот и все, о чем они, скорее всего, и доложили. Минут десять спустя зашуршал воздух, затем позади нас на болотах стали рваться мины. Судя по звуку, работал самый верхний регистр ротной мобильной артиллерии — американские легкие «эмки».¹ Но спустя мгновение звуки разрывов сместились почти на три километра. Со второй высотки заработало нечто более серьезное, но вот как они перли сюда тяжелые «тридцатки», ума не приложу.² Что творится сейчас в обрабатываемых тяжелыми «гостинцами» секторах, вполне можно себе представить: поставленные на задержку мины рвутся невысоко над землей, осыпая все в радиусе ста метров веером осколков. Мне приходилось видеть последствия подобных обстрелов, сельва после них выглядит так, словно кто-то прошелся по растительности гигантской косой-литовкой. Мы научили местных выкапывать в местах дислокации отрядов нечто вроде бомбоубежищ, напоминавших те, что использовали наши партизаны во время

¹ Егор говорит об американском ротном миномете M224, разработанном специально для войны в джунглях и поставляемом всем странам-сателлитам США в южноамериканском регионе. Во время вьетнамской войны американцы поняли, что 81-мм миномет практически непригоден для использования в джунглях и может применяться лишь со стационарных огневых позиций, поскольку обслуживание и переноска требовали большого количества людей, в то время как рота должна была продираться сквозь леса. Некоторые подразделения вынуждены были вернуться к снятым с вооружения 60-мм минометам M19. Заряжание производится с дульной части, а выстрел — при помощи спускового механизма. В 1970 г. на основе M19 был создан новый 60-мм миномет M224. Стрельба может вестись без дуноги, взрыватель в минах может устанавливаться на срабатывание на различной высоте или при ударе. Данным образцом вооружений оснащено большинство аэромобильных частей региона. ТТХ: калибр — 60 мм, длина — 0,81 м, масса — 19,1 кг, масса мины — 1,46 кг, максимальная дальность стрельбы — 2100 м.

² Довольно нетипичный случай, но если брать за основу факт неравномерного снабжения стран-сателлитов даже списанной и устаревшей техникой, вполне реальный. M30 тоже считается ротным минометом, хотя из-за своих габаритов чаще ставится на легкобронированную технику (БМП и БТР). Однако контрпартизанские подразделения Сальвадора и Колумбии часто их используют, главным образом из-за достаточной огневой мощи. Однако данное оружие имеет и ряд существенных недостатков, главными среди которых считаются большая масса изделия и низкая скорострельность (ствол нарезной, мины вставлять нужно так, чтобы совпадали с нарезками). ТТХ: калибр — 106,7 мм, длина — 1,52 м, масса — 305 кг, масса мины — 12,2 кг, максимальная дальность стрельбы — 6800 м.

Великой Отечественной, а позже вьетнамцы. Но Веберу так не повезет, если только он заранее не отрыл нечто подобное. Скорее всего, сейчас чилийцу было кисло по-настоящему: семикилограммовая мина — не самый лучший спутник в дороге. Нам с бойцами ничего подобного не угрожало, поскольку мы сидели почти рядом с вражеским секретом, а тропа скоро станет оживленной, по ней охотники будут перебрасывать загонщиков для новой дичи, если ее не накрыло дождем сотен железных осколков. Вдали, почти на грани слышимости, раздалась еще пара взрывов, по тональности опознанных мною как разрывы ручных гранат. Снимаю шляпу перед нашим связником. Я уже понял, что удача наконец-то поворачивается к нам лицом. Шанс вырваться из окружения обрел реальные очертания, хотя изначально, как и любая отчаянная мера, казался голой авантюрой без единого шанса на успех.

Я еще раз оглядел свой маленький отряд. Ребята застыли в ожидании сигнала к быстрому броску на берег. Напряжение изматывает более всего в тот промежуток времени, когда лишь мгновение отделяет статику ожидания от скоротечного действия. Все происходит быстро именно потому, что за время, пока ждешь, варианты действий не одну сотню раз прокручиваются в голове, и когда приходит пора работать, делаешь все практически автоматически.

Тем временем на тропе появилась цепочка одетых в лохматый камуфляж разведчиков противника, мгновенно рассыпавшихся вкруговую. Машинально подмечаю: пять стрелков, два снайпера, один командир с короткоствольным «кольт-коммандо». Как всегда, командира у регуляров отличает экипировка и вооружение. Нам втроем не составит большого труда разделаться с разведгруппой противника и даже успеть погасить наблюдателей на противоположной стороне тропы. Но мы сидим и ждем, пока, покрутив стволами и отправив связного назад, вражеская дозорная группа не уйдет вперед, в обход болота, к месту прорыва. Вот, спустя пару минут, гонец вернулся, что-то сказал командиру, занял место в цепочке, и разведчики ушли по тропе. Следом закопошились наши визави из секрета на холме, я дал своим сигнал приготовиться. Минометы исправно продолжали молотить по площадям, перепахивая сельву, словно бригада из десятка комбайнов. Серии разрывов докатывались до нас, скрадывая часть звуков леса, многие птицы и звери вообще замолкли, но были и такие, кто вопил пуще обычного.

Как только пулеметчик отполз назад, а его коллеги осторожно откатились следом, мы в три прыжка один за другим преодолели тропу, перекатом уйдя в заросли воздушных корней у подножья холма. Все это заняло ровно пять ударов сердца, заросли не издали ни единого шороха, лишь пара клочков болотной тины повисла, застряв в рыжих лохмах корней. Бросок мы подгадали ровно под новую серию разрывов, поэтому противник, занятый пересменкой, продолжал возиться на холме, «зевнув» сектор. Да оно и понятно: солдатам надоело кормить мошкар, без толку пялясь в унылую болотную даль. Воодушевленные хорошими новостями с того берега трясины, они уже предвкушали возвращение в казармы и связанные с этим мелкие солдатские радости.

Получилось так, что мы оказались в небольшом овражке, тянувшемся вдоль тропы и заросшем молодыми побегами жесткого кустарника. Неожиданно я услышал характерный металлический щелчок и резко повернул голову вправо. Славка даже под слоем грязи казался белей полотна — ему не повезло зацепить ножку противопехотной мины. В принципе, это бардак — оставлять на пути следования своих войск неубранные минзаги, но теперь уже ничего не попишешь. Впрочем, если мина не сработала сразу, шанс ее снять все еще есть. Знаками Детонатор попросил нас отползти как можно дальше в стороны, а сам принялся осторожно ковыряться чуть ли не под своим причинным местом. Движения его были осторожны и неторопливы, со стороны можно было подумать, что он просто прилег и отдыхает. А если смотреть метров с десяти, то вообще ничего не разглядишь — кочки да травяная путанка.

Как назло, с тропы слышались негромкие голоса, сельва наполнилась дробным топотом ног, легким позвякиванием снаряги и запахами давно не мытых тел. На тропу вышла колонна федералов, спешивших в обход болота, как и предполагал чилиец. Я замер,

стараясь полностью слиться с лесом, глазами провожая солдат и машинально отмечая их количество. Не так уж их и много — три взвода по двадцать человек, без тяжелого оружия: сразу видно, ребят перебрасывали в спешке. Я скосил глаза на Славку, тот все еще возился с миной, глаза его были полуприкрыты, губы сжались в тонкую нитку. Внезапно он сделал резкое движение, послышался щелчок, хрустнул кустарник. Я глянул на удаляющихся солдат и увидел, что один из них остановился и озирается по сторонам. Славка показал мне трубку взрывателя, давая понять, что проблема решена. Между тем бдительный десантник что-то коротко сказал своим, продолжая озираться. Случись ему обнаружить так близко тех, кого они искали совершенно в другом месте, солдата непременно ждали бы повышение или медаль. Но в нашем случае парню грозили только посмертная слава и почести.

Я дал бойцам сигнал приготовиться и начал смещаться в полуприсед, прячась за поваленным древесным стволом, лежащим поперек оврага. Ствол высовывался одним концом на тропу, а другим упирался в дно оврага так, что можно было проползти под ним, не выбираясь на тропу. Дуга и я уже успели сменить позицию, от напоровшегося на «гостинец» Детонатора нас теперь отделяло метров пятнадцать. Знаками показав Славке, что если солдат подойдет к нему ближе, чем на пару шагов, то ему придется его отвлечь, начинаю готовиться. Высвободив из ножен клинок, я замер. Любопытный солдат шел навстречу вечной памяти и салюту над собственной могилой. Тем временем другой, вскинув к плечу G3,¹ медленно миновал Славкину лежку и, водя стволом автомата по сторонам, шел прямо на меня.

В такие моменты я стараюсь довериться наработанным рефлексам, потому что они помогают снять нервное напряжение. Нож — это не пистолет или автомат, работая им, чаще всего приходится видеть глаза противника, видеть, как угасает в них огонек жизни... уметь справиться с эмоциями и жить дальше, иначе крыша совершенно съедет и не вернется. Вот сейчас парень поравняется со мной, Славка снова хрустнет веткой, любопытный герой-смертник обернется влево, я шагну навстречу, закрыв ему ладонью в перчатке рот, перережу парню горло. Осталась пара шагов. Раз — солдат уже в десяти метрах от меня, всматривается в кустарник слева от тропы. Два — он переносит прицел вправо, одновременно шагая вперед. Три — я готовлюсь к броску. В звенящей тишине слышится властный далекий крик, парня ругает капрал, тот, с сожалением опустив оружие, разворачивается на месте и бежит обратно. С облегчением убираю нож в ножны и делаю знак своим выдвигаться, сегодня одним трупом меньше, и это радует.

По оврагам пришлось ползти еще метров триста, чтобы окончательно выйти из зоны ответственности наблюдательного поста федералов, это заняло час с мелочью, после чего мы перешли на быстрый шаг. Ползание по кустам и общий стресс дали неплохую нагрузку, вымотались все так, словно бежали часов десять без передышки. Когда тропа и все заслоны остались позади, а кустарник и лианы стали прореживаться деревьями, чьи толстые, замшелые у основания стволы говорили о близости скал и, как следствие, удобных для организации баз пещер и небольших площадок, где можно разбить лагерь, не боясь обнаружения с воздуха, нам повезло — чуть в стороне от основного маршрута нашлась небольшая полянка, где вполне можно было метнуть кости на получасовой отдых. Сил едва хватило на то, чтобы выпить по глотку воды, зажевав его жесткими и солеными ломтиками вяленой свинины. Дуга первым заступил в караул, примостившись в ветвях сросшихся стволами деревьев в пятидесяти метрах от стоянки, оттуда подходы к поляне просматривались лучше всего, да и часового в бахроме листы было не так просто углядеть. Я присел возле большого, в два обхвата, валуна, выросшего в землю на восточном краю полянки, рядом ковырял в зубах оструганной веточкой Славка. Я расшнуровал ботинки, с тем чтобы сменить отсыревшие носки и немного просушить обувь. Спросил у Детонатора о

¹ G-3 — германская штурмовая винтовка, стоящая на вооружении во многих латиноамериканских странах. Ценится за свою высокую надежность и правильный калибр, позволяющий избежать рикошетов при ведении боя в городских условиях или в лесу. ТТХ: калибр — 7,62 x 51 мм NATO (.308 win), вес — 4,5 кг, длина — 1023 мм, длина ствола — 450 мм, емкость магазина — 20 патронов.

мине, из-за которой у него прибавился еще один день рождения:

— Что это был за «сюрприз» в овраге, Детонатор?

— «Двушка» югославская,¹ тезка мой отсырел мальчика. — Славка чуть усмехнулся, но улыбка получилась вымученной. — Накол уже произошел на треть, а вот воспламенение чутка задержалось. Если бы скатился с нее, метров десять было бы форы до подрыва...

— Партизанская, или федералы ее поставили, как думаешь?

— Дожди шли всю неделю, как мы на болоте сидим. — Лицо Детонатора под слоями камуфляжной краски стало сосредоточенным, глаза обрели обычный хитроватый прищур. — Так быстро она отсыреть не могла, других закладок я там не видел. По ходу дела, это старый презент, может, месяца два-три, как поставлен.

Я кивнул, соглашаясь. Слова бойца подтвердили мои собственные догадки, но вызывало недоумение, как это местные оставили овраг без минных закладок, к тому же у самого удобного выхода на тропу.

Пока боты сохли, я решил проверить оружие и приказал Славке, чтобы занялся тем же самым. Сделать это было необходимо по двум причинам: самое главное — это вода и грязь, благо ползать и плавать пришлось немало, но насущнее сейчас было — ревизовать оставшийся боекомплект, поскольку, решив на короткое время проблему с одним противником, мы не отделались от всех прочих. А этого «добра» в сельве всегда хватает. Когда кругом грязь и вода, это, конечно, лучше, чем пыль и песок, но не намного. Нет, «калаш» — исключительно надежное оружие, даже в таком затрапезном состоянии, как сейчас, он будет исправно служить по прямому назначению, но лучше не рисковать, потому как заклинивший автомат — это верная смерть. Как обычно, самая муторная часть процесса чистки — изгнание грязи и воды из газовой трубки. На первый взгляд, ничего особенного, можно стрелять, и довольно долго. Однако потом скопившийся нагар приходится выскребать из узкого канала газовой камеры, и даже щелочью не всегда возьмешь...

Досмотр всего нашего арсенала оптимизма не внушил: на троих пара гранат, с досадой отмечаю, что остались только наступательные, от которых в лесу пользы — чуть; мы со Славкой имеем по три полных магазина к пистолетам и по сотне патронов на автоматный ствол. Причем треть «маслят» не вызывает доверия: где лак стерся, где пуля толком в гильзе не обжата, стрелять такими небезопасно. Пихаю их в освободившийся гранатный подсумок, завернув в тряпицу, чтобы не брякали. Если придется воевать, то пять-семь минут хорошей драки — и хоть в штыковую иди!..

— Сова! — это Славка подал голос. — Ты когда в Союз приедешь, че делать станешь?

— Сначала до лагеря дойти надо... — Протерев очередной тускло блестящий патрон, загоняю его в магазин. — Того и гляди выскочит какой-нибудь дикарь с трубкой духовой из-за дерева, и оп — ты уже у него на ужин, как главное блюдо.

Вопрос приятеля застал меня за сортировкой патронов, а надо сказать, что во время священнодействия с оружием и боекомплектом я отвлекаться не люблю, вот и отшутился, как умел. Хотя, ясен пень, понимаю, что обстановка давит на людей. Ведь все-таки мы здесь чужие. Что сказать тоскующему по дому взрослому мужику, пару дней назад отправившему в край вечной охоты несколько местных ловцов удачи? Верно, ничего серьезного и пафосного, можно только плоско пошутить.

— Скучно с тобой. — Детонатор передернул затвор автомата и положил оружие справа

¹ Лейтенант Белых имеет ввиду противопехотную мину югославского производства РМА-2. Полистироловый корпус, 70 г тротила в качестве основного заряда и двухграммовый тетриловый детонатор. Ее химический взрыватель — УПМАХ-2, тоже пластиковый (бакелитовый). Сверху свободно вставляется шток, имеющий сверху шестиконечную нажимную полистироловую «звездочку», а внизу пластиковую иглу. В штоке имеется боковое отверстие, как и в теле взрывателя, через которое вставляется металлический предохранитель диаметром 2 мм. Корпус мины слабо герметичен, поэтому заряд и детонатор быстро отсыревают в условиях джунглей. Факт отсроченного подрыва таких «гостинцев» — вполне обычное дело, однако мины эти дешевы и поэтому их часто используют как армейцы, так и НВФ бедных стран вроде Колумбии, Сальвадора или Никарагуа.

от себя. — Я вот в Крым, на малую родину, подамся. Про Евпаторию слышал? Так вот это мой родной город.

Пока Славка трепался, в сотый раз рассказывая, что он будет делать дома, я прислонился спиной к валуну и закрыл глаза. Сна не было, все опять вышло очень быстро, как будто кто-то повернул у меня в голове выключатель, погасив сумеречный вечерний свет. Очнулся ровно через полтора часа, как и запланировал; говорливый подрывник ушел, скоро и мне заступать. Дуга сидел на месте Славки и проверял укладку пулеметной ленты, что-то мурлыкая себе под нос. Прислушавшись, я, к своему изумлению, узнал пионерскую песню «Взвейтесь кострами». Поймав мой взгляд, пулеметчик чуть раздвинул тонкие губы, что должно было означать улыбку, и проговорил:

— С утра привязалась, так цельный день в голове и вертится.

— Нормально все. Как там обстановка?

— Да все, как обычно: лианы, деревья, обезьяны верещат да птицы всякие орут так, что аж тошно. Гиблое место эта Америка, командир, тут никого, кроме нас, нет...

Дуга присоединил линиялый короб к пулемету, заправил ленту в приемник и отработанным движением захлопнул крышку ствольной коробки, передернув затвор. Сплюнул в сторону болот, с которых мы с таким трудом прорвались, и продолжил:

— Придем в лагерь, напьюсь местной бормотухи, которую они ромом называют, и сутки спать буду. Осуждаешь?

Я пожал плечами, ничего не ответив. Каждый волен выбирать себе отдых по вкусу, исходя из тех узких рамок, которые нам даны обстоятельствами. Лично я мечтал о душе и куске дегтярного мыла, чтобы отбить эту болотную вонь. Но спустя пару часов выяснилось, что Дуга прав — никого и ничего крупнее попугая в я здешних местах не наблюдалось. Сменив Славку, я тщательно осматривал окрестности, но так ничего и не заметил. А еще через час мы снова шли вперед, следуя изгибам узкой звериной стежки, которая вывела нас к обрыву, уходящему вниз на двадцать метров. Тут мы снова сделали привал до рассвета, потому как спускаться в кромешной темноте по отвесной стене ни к чему. До истечения контрольного срока оставалось еще три дня. Дав команду рассредоточиться, я вскинул к глазам бинокль: точка randevu, указанная чилийцем, лежала внизу, на юго-востоке. Со своего места я прекрасно видел ориентиры: выбеленную солнцем и дождями скалу, напоминавшую несильно сжатый кулак, и в просвете между деревьями едва заметный перекресток двух троп. Одна из них вела через лес, к предгорьям, другая упиралась в океанский берег. Но океан, так же как и горы, был от нас еще очень далеко. Спуск занял большую часть утра, внизу мы оказались только к полудню.

Отыскав в подступавших прямо к обрыву зарослях тропинку, мы снова двинулись в путь. Все немного нервничали, ведь никто не мог поручиться, что впереди нас не поджидает засада. Сколько раз бывало так, что связник нарывался на группу федералов, тихо сидевших на тропе или так же тихо шедших следом за ничего не подозревающим связным. А потом — либо удар с воздуха, либо в условленном месте тебя ждут не тюки с продуктами, а взвод головорезов. И измотанная дорогой группа, вышедшая пополнить запасы провизии и патронов, ложится под огнем устроивших засаду карателей. В нашем случае бой получится очень коротким.

Ди Мадре — глухой участок, изобилующий оврагами. Даже среди местных индейцев он считается местом непроходимым. Поэтому мы шли по тропе медленно, проверяя перед собой каждый сантиметр, заглядывая под каждый камень. Вокруг смотрели только через прорезь автоматного прицела.

Я поднялся на пригорок, с которого хорошо был виден перекресток, лежащий в полутора сотнях метров внизу. Припав на колени, дал отмашку Славке двигаться к месту randevu. Сам же взял на прицел кустарник левее и выше подножия белой скалы, там тропа, ведущая к горам, поворачивала к перекрестку, и именно там мог кто-то затаиться. Дуга залег справа, пристроив свою «машинку» так, чтобы отсечь тех, кто попытается взять Славку

живьем. Тишина просто звенела, даже пичуги приутихли. Потекли мгновения, складывающиеся в секунды, в минуты, время словно превратилось в застывшую патоку... Вот Славка спустился к перекрестку, повертел стволом автомата, неожиданно опустил его и упал на колени. Нас разделяло больше двухсот метров, разглядеть что-либо в подробностях было невозможно. Вожу стволом слева направо по сектору, но нет признаков даже вспышки, не слышно и эха выстрела. Что случилось?! Нож метнули? Но я ничего не заметил!

Первая мысль — причесать заросли перед упавшей фигурой Детонатора парой недлинных очередей. Может быть, тогда противник выстрелит в ответ и обнаружит себя. Это даст Дуге точную наводку на позицию засевающего где-то впереди хитреца. Рука уже выбирала люфт спускового крючка, когда неожиданно громко раздался крик совы. Потом еще и еще раз. Этот сигнал знали только бойцы нашего небольшого отряда. Кричавший давал знать, что он свой. На догадки не было времени, но несколько секунд промедления избавили меня от роковой ошибки. Через пару долгих мгновений, пока палец мой ныл от напряжения на спусковом крючке, из леса справа от лежащего на боку Славки выбежала одинокая тонкая фигурка. Человек лихорадочно размахивал пустыми руками. Опуская автомат, левой рукой нашариваю карман с биноклем, вскидываю окуляры к глазам. Щуплые плечи. Чернявая голова с красной грязной лентой банданы, узкое лицо... Это Симон!..

Осторожно, все еще не веря в удачу, мы с Дугой спускаемся к тропинке, которую все тут зовут перекрестком Ди Мадре. Кроме Славки и нашего проводника, на поляну выходят еще двое индейцев из саперного взвода отряда Рауля. Видимо, Славка их узнал, вот и расслабился, чуя, что подставы нет. Симон подбежал к нам и срывающимся голосом отрапортовал:

— Команданте Мигель, боевая группа в составе трех человек поставленную задачу выполнила. — Его лицо осветилось улыбкой. Это был второй такой случай, Симон на моей памяти вообще никогда не улыбался. Я ни разу не слышал его смеха. — Мы вас дождались!

Ничего не оставалось, как только улыбнуться в ответ, что со мной тоже случается довольно редко. Возникло ощущение, что мы действительно выкарабкались, и я ответил:

— А мы вернулись, как я и обещал. Веди в расположение, я устал бегать, пора для разнообразия пожить нормальной жизнью.

Протянув руку Детонатору, помогаю ему встать. Подошедший Дуга мотнул неодобрительно головой, процедил сквозь зубы, обращаясь к нашему балагуру и весельчаку:

— Ты, клоун тряпичный, чего сразу не маякнул, что ровно все, а? Щас по твоей милости без сопроводилова к Раулю бы шли, я этих чудиков уже на мушке держал.

— Да нервы, — Славка отвернулся, я заметил, что Детонатор смахнул слезинку со щеки. — Как увидел мальчишку, все из башки выветрилось. Обрадовался я...

С севера налетел необычно холодный для этого времени года ветер, запахло озоном. Наши проводники залопотали что-то на своем птичьем языке, а на мой вопросительный взгляд ответил Симон. Мальчишка выглядел встревоженным, от радости на его лице не осталось и следа:

— Они говорят, что в сельву идет Ветер Судьбы. Беда... Большая беда случится скоро, команданте.

— Согласен с твоими друзьями, парень. — Я дал сигнал своим строиться и начать движение. — Если будем тут торчать и трещать, как попугаи перед случкой, беда непременно случится. Выдвигаемся, время дорого. Вперед, колонной по одному! Дистанция три метра, я замыкающий. Дуга, идешь след в след за местными в голове.

Наш прибавивший в численности отряд взял неплохой темп, и спустя пару минут мы уже скрылись в высоких зарослях. Холодный ветер подгонял, задувая порывами в спину, вдалеке на северо-западе слышались раскаты приближающейся грозы.

* * *

Земля. Республика Колумбия, заброшенный храм Солнца — мобильный центр

управления оперативной группы АНБ США «Коготь». 27 февраля 1990 года, 10:30 по местному времени. Майор Шон Эндерс.

Майор... С тех пор, как ему присвоили это звание, Эндерс так и не приучил себя к мысли, что карьерный рост продлится дольше, чем пару недель. Дважды он уже был понижен в звании и дважды восстановлен, последнее понижение даже не отразили в личном деле, поэтому Шон относился к появлению и исчезновению регалий философски. Внутренне сжавшись от предчувствия резкой боли, майор сделал еще с десяток шагов, отделявших его от выхода из подземного бункера управления. Влажная духота и прямые солнечные лучи сделали свое дело довольно скоро: на лбу выступила испарина, в виски тукнули молоточки мигрени. Предвидя такой поворот событий, Шон бросил в рот и с хрустом разжевал голубую тайленоловую пилюлю. Темные каплевидные очки и козырек пятнистого кепи не защищали от солнца так, как спасительная горечь. Силы стали потихоньку возвращаться, в голове прояснилось, и двести метров до вертолетной площадки майор преодолел уже бодрым пружинистым шагом. Вертолет с полковником Тэлли и сенатором Николасом Барнетом должен был прибыть с минуты на минуту. Эндерс с облегчением шагнул под навес, топорщившийся бахромой нашитых на маскировочную сеть кусочков зеленой и коричневой ткани. Из-за отсутствия ветра тень никакой прохлады не давала, но так хоть солнечные лучи не докучали.

— Доброго вам утра, майор!

Начальник охраны Рид, словно в насмешку, вырядился в парадный темно-синий мундир, на голову нацепил лихо заломленный на ухо берет, а от ботинок пахло дорогой ваксой.

— Ничего доброго в нем не вижу, майор. Сейчас, вместо того чтобы лизать жопу начальству, мы с вами могли бы уже четыре часа наблюдать за действиями прототипов. Или исполнение ваших прямых обязанностей не доставляет вам удовольствия, мистер Рид?

Все это Шон процедил сквозь зубы, намеренно встав так, чтобы насупившийся Рид не смог зацепить его боковым в челюсть. Жара и простой в работе бесили Эндерса, как и этот напыщенный «пес войны», неизвестно зачем свалившийся ему на голову и отнявший часть полномочий.

— К чему эта грубость, майор Эндерс, сэр? — Рид, вопреки ожиданиям, не полез в драку и даже перешел на подчеркнуто уважительный тон, показывая, что понимает, кто главный на базе. — У нас разные обязанности и полномочия. Каждый отвечает за свое. Я, как и вы, выполняю приказ. И буду это делать, пока не поступит другой.

— Неужели вы не видите, Рид, что нас приехали закрывать?! — Тупость этого солдафона действовала Шону на нервы. — Вы хоть понимаете, какие люди окажутся на улице после росчерка пера прилетающего сейчас куса говна в дорогом костюме? А главное, сколько времени и усилий пойдут прахом! Русские нам ошибок не простят. И где же будет сенатор и ваше начальство?! Они уж точно не намерены подставляться под пули грязных оборванцев, понукаемых коммунистами. Разгребать дерьмо опять пошлют вас и меня. Да еще сотни парней, у которых нет солидного трастового фонда в банке и богатых родителей.

— Мне ничего неизвестно о цели визита сенатора Барнета, сэр. Но...

В этот момент со стороны океана послышался стрекот вертолетных винтов, и дискуссия прекратилась сама собой. Вскоре серое брюхо палубного вертолета повисло над небольшой площадкой, пригибая волнами разгоняемого винтами воздуха обступившие поляну джунгли. Эндерс незаметно для Рида бросил в рот еще одну таблетку. Дожевывая ее, новоиспеченный майор пригнувшись поспешил к трапу уже приземлившегося вертолета. Первым вышел полковник Тэлли. Его коротко стриженная седая макушка сверкнула в люке, и вот уже шеф Эндерса, небрежно козырнув, отскочил в сторону, пропуская вперед высокопоставленного гостя. Полковник был неестественно бледен, пальцами обеих рук он вцепился в матовый металлический кейс, прикованный наручником к левому запястью. Следом вышел тот, кого Шон заочно ненавидел: высокий, сухопарый господин с зачесанными назад соломенно-желтыми волосами и залысинами на высоком морщинистом

лбу. Физиономия политика, так нравившегося домохозяйкам, должна была демонстрировать доверие и открытость, но Эндерс видел только холодные, глубоко посаженные голубые глаза под кустистыми, явно выщипанными до благородных очертаний бровями. Сломанный и впоследствии плохо вправленный нос в сочетании с поджатыми тонкими губами и вздернутым подбородком не добавляли сенатору шарма. Дорогая, сшитая на заказ светло-серая пиджачная пара, словно вторая кожа, облегла сухощавую фигуру Барнета. Поморщившись, когда на его модные бежевые мокасины набежал клочок гонимой ветром сухой травы, сенатор, легко ступая, прошел к месту, где стояли оба майора и бледный как смерть полковник Тэлли. Картинно отсалютовав взявшим под козырек офицерам, но не подавая им руки, Барнет кивнул в сторону двери бункера:

— Джентльмены, не будем давать партизанским снайперам возможности сделать еще несколько зарубок на прикладах, пройдем внутрь.

— Господин сенатор, сэр, — выступил вперед Рид, — мои люди...

— А разве я сказал, что сомневаюсь в ваших парнях, Эдвард? — Рид слегка покраснел, польщенный тем, что сенатор помнит его по имени. — Просто мы в Колумбии всего лишь гости, а эти голожопые наркоторговцы здесь живут, это их дом. В Корее мы за эту аксиому платили кровью. Короче, пойдемте в укрытие, да и жарко сегодня.

— Прошу сюда, джентльмены.

Оба высоких гостя почти не обращали на Шона внимания: полковник слишком нервничал, а сенатор зыркал по сторонам, не пропуская ни одного закоулка по пути в зал совещаний. Шон повернул выключатель на стене справа от массивной железной двери, и в совещательной комнате вспыхнул мягкий свет. Сенатор уселся во главе длинного Т-образного стола, заняв обычное место Эндерса. Полковник Тэлли расположился по левую руку от высокого гостя, но таким образом, что между ним и сенатором оказался еще один пустой стул. Казалось, что все, кроме Барнета, нервничают и лишь этот тощий старик приехал сюда чуть ли не в отпуск.

— Ну вот, все и утряслось. — Сенатор потянулся к запотевшим банкам с газировкой, стоявшим перед ним, и, взяв одну, распечатал ее и сноровисто перелил треть содержимого в тонкостенный высокий бокал. — Тут у вас прохладно, парни.

— Рад, что вам понравилось, сэр.

Волна дурноты благодаря таблеткам отступила, голова снова стала ясной, мысли выстраивались в логические цепочки. Эндерс даже подпустил в голос чуток подобострастия. Сенатор кивнул и, высосав содержимое бокала двумя долгими глотками, заговорил. Голос фактического хозяина «Небулы» вдруг приобрел деловые интонации, не оставляющие места для фамильярности.

— Майор Эндерс, а где ваши помощники, э... — Барнет сунул руку во внутренний карман пиджака и вынул оттуда небольшую записную книжечку с обложкой коричневой кожи с золотым обрезом, — главный техник О'Мэлли, капитаны Мэтьюз и Нил?

— О'Мэлли готовит поврежденных «суперов» к очередной стадии полевых испытаний, он в машинном зале недалеко отсюда. Капитан Мэтьюз в узле связи, синхронизирует дублирующие протоколы обмена данными ударной группы с центром управления. Доктор Нил, — Шон выделил первое слово, подчеркивая научное звание друга, — сейчас отслеживает прохождение сигнала по выделенному каналу каждого из «образцов». Связь и передача энергии осуществляются через малоизученное устройство, требующее постоянного мониторинга. Фактически, испытания начнутся, как только «образцы» займут исходные рубежи. Не стоит отвлекать персонал от работы, сэр.

То ли подействовала прохлада, исходившая от стен древнего храма, то ли таблетки, но слабость ушла совершенно. Раздражение перетекло в легкую неприязнь, но ведь и раньше не было ни одного человека, к которому новоиспеченный майор испытывал симпатию. Подойдя к классной доске, он принялся чертить схему нападения на лагеря выявленных групп повстанцев. Слова складывались в предложения, предложения обретали железобетонную убедительность. Заканчивая, Эндерс уже и сам поверил, что все им изложенное — не

отчаянное очковтирательство, а обычный плановый эксперимент. Даже майор Рид бросал на Шона одобрительные взгляды. Сенатор же, напротив, ни слова не проронил, его взгляд рассеянно скользил по тактическим схемам. Он то и дело опускал взгляд, пряча нос в тонкостенном бокале. Но как только Шон произнес последнюю фразу, сенатор оживился и вперил в майора Эндерса немигающий взгляд:

— Майор, сколько русских диверсантов убили ваши «суперсолдаты»?

— Тела двоих были обнаружены на месте боя. Трупы забрали местные военные, производившие зачистку после эвакуации «образцов». Остальные русские были блокированы и уничтожены чуть позже, силами местных контрпартизанских подразделений.

Шон говорил уверенно, по большому счету ему не было дела до каких-то недобитых «иванов». В силе своих бойцов он был более чем убежден. Это не укрылось от глаз сенатора. Барнет, прищурившись, снова пригубил шипучку и отработанным за годы политических боев приемом послал самоуверенного щенка в нокаут:

— Вот как?! Вы уверены, что все русские были уничтожены при зачистке, майор?

Эндерс уже понял, что сенатор играет с ним, но отчего-то не чувствовал прямой угрозы, поэтому стоял на своем.

— Я там не был, подробности мне известны из копии рапорта коменданта района генерала Лоредо своему командованию. Его людей тренировали наши инструкторы, они опытные и хорошо вооружены.

Сенатор Барнет закинул ногу на ногу, покручивая носком дорогого ботинка в воздухе. А при взгляде на полковника Тэлли Шону невольно захотелось рассмеяться: его непосредственный начальник стал как будто меньше ростом, съежился и в разговоре участия не принимал. Эндерс с раздражением подумал, что полковник мог бы и заступиться за подчиненного, поскольку случись что — под трибунал им идти обоим. Поняв, что помощи не будет, майор было ощерился, однако поддержка пришла, откуда не ждали: майор Рид кашлянул, привлекая к себе общее внимание, и, встав со своего места, начал говорить.

— Сенатор Барнет, сэр!

— Говорите, майор Рид. Вы можете что-то добавить, прежде чем я назову майора Эндерса лгуном?!

— Да, сэр. — Расправив плечи, Рид уверенным голосом продолжил: — Боестолкновение носило спорадический характер, это была случайная стычка, сэр. Подопытные сориентировались и начали бой. Осмелюсь сказать, что ни один «супер» не был потерян и все вернулись на базу своим ходом. Случись обычной группе напороться на засаду русских, мало кто смог бы уйти оттуда своим ходом, сэр. Так или иначе, это несомненный успех.

— Ого! — губы Барнета тронула тонкая улыбка, в глазах блеснул злорадный огонек. — И я должен выписать всем медали, так по-вашему, да, Рид?

— Это не моя ответственность, сэр, но результат работы команды майора Эндерса не заслуживает порицания.

— Хорошо, хорошо, — с плохо скрываемым раздражением сенатор откинулся на спинку стула и знаком велел Риду сесть. — Только знайте, джентльмены, что русский командир и двое его людей были эвакуированы прямо у местных из-под носа, а потом доставлены в лагерь ставленника небезызвестного вам Снайпера — некоего «команданте Рауля». Ваше счастье, что от участия в поисковой операции вы самоустранились. Если советская разведка прознает о прототипах, отвечать перед президентом придется директору АНБ, и он вас прикрывать не станет. Надеюсь, вы в полной мере осознаете последствия такого развития ситуации. Но сейчас речь не об этом. Я прилетел, чтобы увидеть, на что потрачены сто тридцать миллионов долларов из оборонного фонда. Общая сумма вплотную подходит к... Даже не хочется об этом вспоминать. Надеюсь, вам есть что представить для моего отчета перед комитетом в следующий четверг, Тэлли.

Полковника спас от унижения зуммер полевого телефона, стоявшего на столе прямо перед сенатором. Барнет дернулся от неожиданно громкого звука. Эндерс подскочил к

аппарату, ломая все уставные условности, сорвал трубку с рычага, прижал ее к уху. Это был старый матерщинник О'Мэлли, голос ирландца рокотал и булькал. Окинув взглядом недовольное начальство, Шон опустил трубку в выемки держателей аппарата и, с трудом сдерживая радость, произнес:

— Джентльмены, подготовка группы к выполнению задания завершена. Главный техник только что отрапортовал о готовности троих «суперов» к заключительному этапу полевых испытаний. В данный момент они уже выходят на маршрут.

— А почему только трое, майор? — Барнет был явно раздражен тем, что ему не удастся публично унижить Тэлли и Эндерса, как он планировал. — Ведь это ровно половина отряда?

— Остальные «образцы», как я уже говорил раньше, нуждаются в дополнительном ремонте, — Шон предвосхитил следующий вопрос сенатора. — Если вы, сэр, задержитесь у нас на базе еще на недельку, я продемонстрирую вам работу группы в полном составе. Поймите меня правильно: русские не камнями в моих парней кидались, повреждения не серьезные, но требуют времени на их устранение. Я не выпущу неподготовленного «супера» в поле, даже если вы уволите меня прямо сейчас.

Отчеканив все это и глядя в глаза изумленному политику, Эндерс вытянулся по стойке смирно. Но он недооценил многолетний опыт Барнета: какова бы ни была цель визита на базу, сенатор умел владеть собой. Старый лис изобразил на лице улыбку, растянув в дружелюбной гримасе лицо. Теперь только колючий взгляд заледеневших и оттого казавшихся серыми глаз выдавал его истинные чувства: еле сдерживаемую ярость.

Шон тем временем продолжал:

— Помимо работы в группе, по которой у нас собрано достаточно материала и имеются положительные результаты, нами создана программа, моделирующая более ста пятидесяти боевых ситуаций. Теперь все модели поведения обобщены и мы хотим проверить, как каждый солдат справится в одиночку с задачами, поставленными перед всем отрядом, но по тем или иным причинам не выполненными.

— Каковы задачи миссии?

В голосе Барнета неожиданно прозвучали нотки настоящей заинтересованности словами майора. Эндерс коротко кивнул и продолжил:

— Согласно данным, полученным от людей майора Рида, мы локализовали три очага организованного сопротивления партизан, в том числе и тот лагерь, где сейчас скрываются недобитые федералами русские, о котором вы тоже знаете, сенатор. Каждый из трех наших бойцов выдвигается к своему объекту. Цели определялись согласно уточненным разведанным, поэтому «образцы» выйдут к местам предполагаемой дислокации противника с максимально возможной точностью. Нападение будет происходить с неравными временными интервалами, задача бойцов заключается в нанесении как можно большего урона личному составу этих банд. Как только ресурсы костюмов и боезапас будут приближаться к расчетным величинам, «образцы» получат сигнал из командного центра и скрытно отойдут на базу.

— Уточните цели, — Барнет забыл на время о своем статусе проверяющего, сейчас в нем говорил бывший военный. — Кого вы наметили в качестве мишеней?

— Никаких предпочтений в этом плане нет, — Эндерс, сдерживая торжествующую улыбку, вновь повернулся к доске и принялся чертить схему. — Единственным критерием было найти наибольшее скопление противника и уничтожить его. Первая цель — находящийся дальше всего отсюда лагерь EFPLC. Это наиболее многочисленное бандформирование, с внятной инфраструктурой, командует там известный вам Рауль. Численность отряда нам точно не известна, но мы полагаем — это что-то около пятидесяти бойцов. У них есть тяжелое вооружение: два станковых пулемета и пять легких минометов. Имеется в большом количестве легкое стрелковое оружие, а также отделение гранатометчиков. Оружие преимущественно советское, люди Снайпера не покупают китайские и болгарские подделки, поэтому можно с уверенностью сказать, что данный отряд — сильнейший из трех намеченных к уничтожению.

Неожиданно раздался каркающий звук, как будто кто-то прочищал горло, — это в разговор вклинился полковник Тэлли. Голос его дрожал, но, видимо, успев справиться с приступом паники, он теперь всеми силами старался отделиться от практически похоронившего себя заживо подчиненного:

— И вы посылаете туда только одного бойца?! После того, как все подразделение чуть не было уничтожено горсткой русских, это выглядит не просто рискованно. Это заведомый провал, майор!..

— Не перебивайте майора Эндерса, полковник, — сенатор с досадой махнул рукой в сторону бледного от напряжения Тэлли. — Выпейте воды или чего-нибудь покрепче. Лично мне нравится задумка вашего протеже.

Тэлли нервно кивнул, открыл банку газировки и намертво присосался к ней. Словно ничего не случилось, Эндерс ровным голосом продолжил:

— Как я уже говорил, начало акции не будет одновременным. Лагерь Рауля находится на большом удалении отсюда. Это порядка сорока километров на запад, по бездорожью. «Супер» выйдет на исходный рубеж примерно через тридцать-сорок часов, в джунглях не может быть прогноза точнее. За это время двое других бойцов отработают по своим целям и пойдут к лагерю EFPLC. Таким образом, первый удар будет носить отвлекающий характер, в то время как с разными промежутками по партизанам начнут работать вновь прибывшие «образцы», осуществляя нападение как минимум с двух сторон, причем у наших бойцов преимущество — фактор внезапности. Бой будет вестись в условиях ограниченной видимости, точнее, через два часа после полуночи. Бойцы «Небулы» имеют продвинутую систему получения и обработки информации, поэтому для них не имеет значения время суток. Штатное оружие «суперов» работает почти беззвучно, засветка от факельной вспышки при ведении огня очередями тоже полностью исключена. Я докажу вам, господа, что мои бойцы заменяют собой сотни обычных парней, которых нужно кормить, одевать и обучать.

— Блестящий план, майор. — Шон посмотрел в глаза сенатора и не увидел в них насмешки. — Что с информацией по остальным мишеням?

— Две следующие цели находятся недалеко друг от друга, на северо-востоке. Это отряд некоего хефе Эль Гуарона. Контрабандист средней руки, связан с посредником медельинского картеля в небольшом рыбацьем поселке на северном побережье. В отряде от двенадцати до восемнадцати человек, вооружение — большей частью нашего производства, украдено с местных военных складов. Структура отряда выстроена по принципу уголовных сообществ, военной подготовки люди Гуарона не имеют почти никакой, но основной костяк — бывалые уголовники, крови они не боятся.

— А кто третий?

Сенатор с все возрастающим интересом вслушивался в речь Эндерса, по ходу дела пометки в блокноте. Какая-то недосказанность еще витала в воздухе, но Шон чувствовал, что в ситуации наступил перелом.

— Сущая шушера, — Эндерс пренебрежительно скривил губы, — обычные уголовники, промышляющие мелкой контрабандой и похищением фермеров. Местные зовут их «лос гелдраперос» — отребьем. Их около десятка, постоянного главаря нет. На данный момент это некто Педро Альварес. О нем мало что известно наверняка: бывший водитель-дальнобойщик, жесток и достаточно смекалист, чтобы вот уже пару месяцев возглавлять шайку, вот пожалуй и все. Данные проверить по агентурным источникам так быстро не получилось, операцию готовили специально к вашему визиту. Но не думаю, что личность главаря этих голожопых оборванцев так уж важна. Главное в случае с этими двумя мелкими шайками — даже не их численность. Бандиты Гуарона и Альвареса сидят на стратегически важных участках караванных троп. Устранив их, мы очень облегчим жизнь федералам и нашим военным. На уничтожение обеих банд уйдет от десяти до пятнадцати часов, включая время, необходимое для выхода бойцов на исходные рубежи, а потом оба «супера» отправятся своим ходом к месту дислокации отряда Рауля. Уже сейчас Альфа-Пять — один

из наших «образцов», не получивших серьезных повреждений, — выходит в точку проведения первого этапа операции. Двое других, то есть Альфа-Шесть и Альфа-Два, еще на марше.

Барнет пружинисто поднялся из кресла, словно его припекало снизу. Следом поднялись Рид и Тэлли, выражая искреннюю готовность наблюдать за действиями суперсолдата. И если Рид и сенатор абсолютно искренне хотели насладиться предстоящим зрелищем, то полковник Тэлли выглядел совершенно потерянным. Шон понимал, что шеф сейчас желает оказаться где угодно, лишь бы не в этой комнате. Призрак тюремной камеры или того хуже — электрического стула, судя по выражению лица и жестам полковника, прочно поселился в его голове, вытесняя из сознания остатки здравого смысла. Эндерс первым подошел к порогу комнаты совещаний и приглашающим жестом распахнул створки двери:

— Как гласит народная мудрость, лучше один раз увидеть. Прошу за мной, джентльмены.

В комнате, где размещался мобильный центр управления и контроля, ничего кардинально не изменилось. Только для высоких гостей техники смонтировали два кресла с высокими спинками, установив их слева от главной командной консоли, за которой занял место Эндерс. Впереди, за двумя рядами больших цветных мониторов, расположенных один над другим, слева направо уселись помощники капитана Нила — капралы Кунц и Лаваль. Сам Грэхем, зажав в зубах незажженную трубку, впился взглядом в экраны перед собой и что-то быстро набирал на портативной клавиатуре. По экранам бежали столбцы цифири. Присмотревшись, можно было понять, что все экраны разделены на три равных сектора, в каждом из которых — своя картина. Сейчас это были мерно покачивающиеся в такт чьим-то движениям густые лесные заросли. Крайняя левая группа, состоявшая из четырех двадцатидюймовых мониторов, привлекла внимание сенатора. Он с увлеченным видом сел в указанное ему Эндерсом кресло. Тэлли занял место слева от сенатора.

Шон привычно прицепил тонкий ободок наушника, машинально дунув пару раз в горошину мембраны микрофона. Задача его усложнилась: предстояло не только координировать ход операции, но и давать по ходу пояснения для замершего в нетерпеливом ожидании политика. Грэхем застучал по клавиатуре, потом, резко отъехав от консоли, обернулся к Шону:

— Альфа-Пять вышел в район проведения операции, запрашивает указания по статусу миссии.

— Переключить управление на меня, сменить приоритет распределения целеуказания. Теперь все идет по сценарию «танго-два».

— Есть сменить на «танго-два»!

— Господа, — Эндерс повернулся к сенатору и уныло глядевшему себе под ноги полковнику Тэлли, — один «супер» вышел на цель. Обратите внимание на мониторы слева от вас: картинка передается с камеры, интегрированной в систему обмена видеоданными «образца». Мы видим то, что видит он. Сейчас Альфа-Пять выбирает позицию для доразведки местности. Он в окрестностях лагеря Альвареса. Наблюдайте за действиями бойца, убедитесь в возможностях нового умного оружия.

— Вы управляете им отсюда? — голос сенатора чуть хрипел, выдавая волнение, зрелище и обстановка его явно «зацепили».

— Нет, — Эндерс ухмыльнулся, зная, что сидит спиной к профанам и они не могут это увидеть. — Солдат действует и выбирает цели самостоятельно. Отсюда мы просто можем в любой момент скомандовать отбой или отменить неверно принятое солдатом решение, при условии, что не будет слишком поздно. Это все-таки реальный бой, сэр.

— Здесь Альфа-Пять. — Голос в наушнике, параллельно пущенный также и через динамики спикер-системы громкой связи, раздался неожиданно. Это был бесстрастный баритон, искаженный эфирными помехами. — Дворец-Один, запрашиваю статус миссии.

— Здесь Дворец-Один. — Эндерс уже видел на экране четыре хижин под

раскидистыми кронами деревьев. — Код «танго-два, красный». Статус миссии прежний: «поиск и уничтожение», активно. Подтвердите прием, Альфа-Пять.

— Альфа-Пять. Прием данных подтверждаю: «танго-два, красный»; поиск и уничтожение. Принял к исполнению, отбой связи, Дворец-Один.

Сенатор, подавшись всем телом вперед, следил за происходящим на экранах. Зеленые блики, блуждая по лицу Барнета, придавали ему сходство с Максом Шреком из древнего черно-белого немецкого фильма ужасов «Носферату». Эндерс украдкой наблюдал за сенатором, чье присутствие больше не вызывало у него отвращения — теперь ему было просто страшно. Впервые он столкнулся с человеком, чья одержимость была во сто крат выше его собственной. Шон вдруг понял, что именно в поведении сенатора не давало ему покоя с самого прибытия делегации на базу: этот человек был безумен, как и все политики, в той или иной степени причастные к реальной власти. Если Эндерс просто стремился создать оружие, позволяющее его стране быть сильной и независимой, то люди вроде Барнета хотели крови ради самой крови. Власть, это древнее, кровавое божество, требовало все новых и новых жертв.

Мотнув головой, Эндерс сосредоточил внимание на мониторах слежения. Камера показывала, что для осмотра местности «супер» забрался на дерево. Ровную зелень экрана одна за другой оживили красные прямоугольные рамки, это система «свой-чужой» отмечала теплокровные цели, по размеру соответствующие человеческому телу. Боец тщательно присматривался к каждой заключенной в красную рамку фигуре. Слева в нижнем углу экрана развернулась небольшая тактическая карта местности. Красные рамки расположились на ней так, что две из четырех хижин оказались в некоем подобии огады. «Супер» за пару минут сделал работу разведывательного дозора, выдав полную схему охраны периметра объекта операции. Вот ветви и листья на экране снова пошли вниз, боец неторопливо спустился на землю и повернулся к ближайшей красной рамке.

В зале повисла напряженная тишина, даже операторы двух других бойцов, делая над собой усилие, старались тише стучать по клавишам. Рамка разрослась, преобразившись в сутулую фигуру часового, стоявшего возле толстого древесного ствола. Часовой оказался худощавым парнем в линялой темной футболке, мешковатых штанах и сандалиях на босу ногу. Оружие он прислонил к дереву слева от себя, а сам старательно что-то мастерил в ладонях. «Супер» подошел к часовому сзади и на какое-то мгновение замер. Потом его действия словно слились в одно движение: два быстрых шага, и вот уже правая ладонь в бронированной перчатке перерубает шею часового. Диверсант решил задачу просто и быстро: удар ребром ладони по шее и мгновенная смерть. Еще пара минут, и магазин старенького пистолета-пулемета Томпсона,¹ которым был вооружен часовой, летит в кусты, а ствол «томпсона» согнут. Испорченное оружие солдат просто бросил на землю.

Не оглядываясь и вновь набирая скорость, диверсант движется к следующей цели. Второй часовой был убит так же быстро, но совершенно по другой причине: видимо, подкрасться бесшумно не вышло, бойца что-то выдало. Как только «супер» увидел второго часового, тот сразу начал поднимать такой же, как и у предыдущего бандита, «томпсон». На этот раз боец, не сбавляя скорости, резко пошел на сближение. Левой рукой он поймал автомат часового за ствол, резко согнув его в букву «L», а ладонь правой, словно таран, вошла в грудь бандита. Отбросив обмякшее тело в сторону, диверсант не замедляя шага двинулся дальше. Спустя еще пару минут еще трое часовых расстались с жизнью, не успев подать сигнал тревоги или хотя бы раз выстрелить.

¹ Пистолет-пулемет Томпсона. Знаменитый гангстерский «Tommy-gun». Главное достоинство данного ПП — дешевизна, поскольку после окончания Второй мировой войны множество нереализованных партий попадали со складов хранения на черный оружейный рынок. Наиболее широко распространена модель M1A1 (обр. 1943 г.) с коробчатым секторным магазином. Тяжелое, крайне чувствительное к загрязнению и малонадежное оружие. ТТХ: калибр — .45ACP, масса изделия без патронов — 4,78 кг, общая длина — 811 мм, длина ствола — 267 мм, темп стрельбы — 700 выстр./мин., питание — 20 и 30 патронов в коробчатом отъемном магазине, дальность эффективного ведения огня — 25-100 м.

Внезапно картинка на всех мониторах исказилось, пошла рябью, затем пропала совсем. Грэхем повернулся к помощникам и прошипел:

— В чем дело, Майк? Опять спутник?!

— Нет, сэр, — капрал Кунц уже щелкал какими-то тумблерами на своей консоли. — Артефакт показывает норов, повысилась волновая активность его полевой структуры. Вот, сейчас почти норма...

Снова ожили мониторы, одновременно в динамиках под потолком зала раздались тревожные запросы «суперов». Какое-то время Нил и прибежавший из узла связи взъерошенный капитан Мэтьюс что-то втолковывали «образцам». Но если двое «суперов», бывших еще на марше, действительно остановились, то Альфа-Пять продолжал выполнять задачу и уже вошел в лагерь Альвареса. Диверсант осмотрелся, экран замерцал, из бледно-зеленого став неоновое-белым. Стены всех четырех домов словно истаяли, там и сям проявилось еще восемь силуэтов, которые немедленно были заключены в красные прямоугольники как потенциальные цели для уничтожения. Схема постов была выстроена только вокруг двух хибар, стоявших на противоположных концах лагеря. Там же находились и остальные бандиты, теперь это было очевидно. На экранах вновь возникло легкое мерцание, затем зеленый свет вернулся и камера мерно поплыла к первой хижине. Боец присел возле двери, вынул продолговатый предмет из поясного контейнера и установил его слева от входа в хижину, потом тот же фокус он проделал с дверью дома напротив. В лучах инфравизора пороги обоих домов перечеркнули нити лазерных датчиков. Наблюдателям стало понятно, что «супер» выставил напротив каждого дома по противопехотной мине. Оба «гостинца» были аккуратно всажены на металлических стержнях в доски высоких террас, поскольку дома покоились на невысоких бревенчатых сваях и люди могли просто перепрыгнуть через перила прямо на землю. Обе лачуги располагались под углом градусов в сорок-пятьдесят напротив, поэтому если кто и выбежит, то на дорожке образуется толчея.

«Супер» повернулся, отбежал метров на сто от домов и встал во весь рост на пригорке. Теперь обе хижины были у него как на ладони. Камера дрогнула, солдат снял с плеча короткий тубус одноразового гранатомета и прицелился в дальнее от двери окно дома с левой от себя стороны. По дисплею потекли цифры, это баллистический вычислитель сообщал, как и куда уйдет граната. Как только столбцы цифири исчезли, а прицельная рамка из желтого окрасилась красным, боец нажал на спуск. Шипения реактивной струи наблюдатели не слышали, им был виден только белый шлейф, указующим перстом упавший на дальний угол дома, возле узкого оконца без стекол. Внутри дома полыхнуло, словно кто-то резко включил и тут же погасил электричество. Потом кровля словно ожила и за доли секунды завалилась внутрь. Какое-то время ничего не происходило, потом экран осветили еще две неярких вспышки: из обеих хижин стали выбегать заспанные люди, и тут сработали установленные диверсантом противопехотки. На экране снова стали появляться тела, обведенные красными рамками. Несколько человек уцелело. Двое были с оружием, еще один отползал от правой, не поврежденной хижины, но его затоптали, рамка погасла. Изображение на экране стало мелко подрагивать, прицельная марка совмещалась то с одной, то с другой красной рамкой, пока последняя из них не погасла.

— Альфа-Пять — Дворцу-Один, — раздался в динамиках под потолком зала ровный голос «супера». — Задача выполнена, противник уничтожен. Активность противника в зоне зачистки — нулевая.

— Принял, Альфа-Пять. — Эндерс, торжествуя, обернулся к замершему в напряженной позе сенатору. Тот не сводил взгляда с мониторов, казалось, ничто больше для него сейчас не существует. — Продолжайте выполнять основное задание, следуйте на второй рубеж, в квадрат 18. Как приняли?

— Здесь Альфа-Пять, принял, выполняю.

Шон снял наушник и откинулся в кресле, не обращая ни на кого внимания. Пока все складывалось удачно, но его не оставляла мысль о том открытии, которое он сделал пару

минут назад. Что если он старается не для своей страны? Что скрывает эта ходячая урна для избирательных бюллетеней, сенатор Барнет?.. Но все сомнения заглушил адреналин от осознания собственного успеха, и Эндерс прогнал сомнения прочь. «Супер» на другом конце незримой линии уходил на запад, но что-то заставило его бросить взгляд на горящие развалины. Солдат, словно наслаждаясь увиденным, включил максимальное приближение: трупы лежали на плотно вытоптанной дорожке между домами и свешивались с террасы уцелевшей лачуги, один из покойников, упавший навзничь, словно смотрел своему убийце вслед. Мертвые глаза бандита еще некоторое время занимали четверть всех экранов. Потом солдат резко повернулся, и наблюдатели вновь увидели только бегущие навстречу высокие заросли. Никто так и не понял, зачем бывший человек так пристально вглядывался в тусклые глаза покойника. Может, это был просто мелкий программный сбой.

* * *

Земля. Южная Америка, северо-восточная граница республики Колумбия. Лагерь «El frente publico-liberador de Colombia». 27 февраля 1990 года, 04:16 по местному времени. «Товарищ Мигель» — капитан Егор Шубин, военный советник.

Просыпаться не хотелось, легкими тенями скользили по краю сознания какие-то неясные образы, но в целостную картину не складывались. Странно было другое. Вроде бы мотался по лесам, болотным духом пропитался так, что даже змеи вели себя спокойно, словно не чуяли во мне человека. После таких мытарств другой бы дрыхнул как убитый, а я вот едва-едва дремлю. Глядя в низкий потолок и рассматривая коричневые стебли камыша, из которых сложена куполообразная кровля хижины, я от нечего делать прокручиваю в памяти события, случившиеся после возвращения в отряд Рауля.

Триумфа не было: Рауль умотал в Лас-Парагас, это что-то типа районного центра, а с его заместителем Хесусом Гереро мы никогда особо не общались. Это был здоровенный, покрытый курчавым черным волосом мужик с широким плоским лицом. Длинные, до пояса, волосы Хесус заплетал в две толстые косы, которые свешивались на широкую грудь, словно средних размеров анаконды. В косы «замок» нашего команданте вплетал ремешки, самолично выделанные им из кожи убитых полицейских и военных. При всей своей общей шерстистости лицо Хесус Гереро скоблил до синевы, изгоняя буйную растительность со щек и подбородка. Поблажка делалась лишь для роскошных вислых усов, кончики которых он молодецки подкручивал. Вообще заместитель нашего «атамана» относился к своим усам трепетно, холя и лелея их ежедневно. В отряд он пришел откуда-то с юга страны, где прославился дерзкими и крайне жестокими акциями против местных полицейских. Там его прозвали «Ла пата пелюда», что означает «волосатая лапа». Фирменным почерком Пелюды было раздавливать захваченным в плен врагам головы голыми руками.

Из рассказов Бати, партизанившего в Колумбии дольше нас, было известно, что Хесус некогда крестьянствовал, но жил бедно. И вот как-то раз, поддавшись на уговоры брата жены, которая, к слову сказать, была существом совершенно безответным и незаметным, наш фермер укрыл у себя пару контрабандистов. Ребята это были тертые, поскольку таскать наркоту через горы в разы опасней, чем по морю. В первый раз ничего не произошло, как и в последующие года два-три. Хесус получал свой процент с «контрабасов» и был доволен, даже подумывал прикупить трактор. Но, как говорится, ничто на земле не проходит без «стука» — кто-то на бедолагу донес. Дальнейшая история изобилует темными пятнами: то ли сам Гереро полез на солдат с огромным, напоминающим абордажную саблю мачете, то ли сами полицейские проявили прыть, но завязалась перестрелка. Точно не знаю, может быть, солдаты решили круто обойтись с фермером, но только положили тогда всю его семью, а хозяйство пожгли. Сам Пелюда с четырьмя пулями в торсе и одной в ляжке левой ноги как-то сумел удрасть в сельву, где прятался у индейцев, пока не зажили раны. Потом прибил к людям Снайпера, там проявил себя, быстро поднявшись из рядовых исполнителей до командира небольшой ватаги численностью в полтора десятка стволов. Единственной его

страстью стало уничтожать федералов, отчего Пелюда пару раз даже получал от вышестоящих инстанций по ушам. В конце концов командир отрядил кровожадного хлебороба в распоряжение нашего Рауля, который быстро нашел на строптивца управу. Главным достоинством нашего команданте было тонкое знание бытовой психологии. Сам долгое время мыкавшийся по тюрьмам, Рауль умел подчинять себе людей, даже таких бесшабашных, как Хесус. И через пару месяцев не было лучшего «зама», чем этот громила.

Нас Хесус принял без особого восторга, только кивнув с крыльца, и препоручил заботам интенданта. Но если раньше всей канителью, связанной с бытом, занимался Батя, то теперь заботы об отряде перешли мне. Причем получилось это как-то само собой, никто особо не спрашивал и назначения как такового не озвучил. Пришлось сначала утрясать вопросы по размещению бойцов и уточнять у хромого мексиканца Сальватореса, исполнявшего в отряде должность главного квартирмейстера, не занял ли кто мою койку. Затем, преодолевая усталость и жуткое желание помыться, я сел строчить рапорт, который зашифровал личным кодом и отнес в радиоузел. Резидентура всегда требовала подробного отчета, который теперь пришлось составлять мне. И лишь после двухчасовой схватки с местной и нашей бюрократией удалось добраться до хижины, где размещалась медсанчасть. Но вышедшая на крыльцо Анита, сдержанно поздоровавшись, внутрь не пустила. Как сейчас помню ее осунувшееся лицо, заострившийся нос, впалые щеки без следов бывшего румянца, синие круги под покрасневшими от недосыпа глазами. Тогда я направился в отведенное лично для меня жилище — небольшую мазанку, знак особого расположения Рауля.

Прежде я жил в общей казарме, отдельная «жилплощадь» была только у Серебрянникова, да и то он делил ее со связистом, хотя наш «китаец», как человек совершенно одержимый своими антеннами и компьютерами, на поверхность почти не вылезал. В другое время, получив отдельный угол, я бы обрадовался, но не прекращающее давить чувство дискомфорта и нависшей неясной угрозы мешало насладиться обретенным уютом. Поэтому вещи я решил снова перенести в общую хижину, где, случись что, все было под рукой: и оружие, и Лис, Дуга и Славка. Радист по прибытии в лагерь встретил нас радушно: полез обниматься, дыша перегаром, что-то сбивчиво пытался рассказывать. Пришлось вместо отдыха заняться профилактикой пьянства и приводить расхристанного парня в чувство, конфисковав у него все запасы местной водки, которую тут зовут «агуардиенте». С сожалением пришлось признать, что этот человек уже не боец: что-то в нем надломилось, во взгляде появились безразличие и тоска. Я решил эвакуировать парня вместе с раненым Серебрянниковым, как только прилетит вызванная мной по прибытии в лагерь вертушка.

Транспорт обещали прислать к шести утра, что было несколько подозрительно. Обычно в просьбе прислать вертолет под тем или иным предлогом отказывали. Даже если воздушный транспорт и прибывал, это никогда не случалось в оговоренные сроки. Расклад, как правило, был иным: раненые и прибывающе-убывающий по ротации личный состав группы военспецов уходили с партизанскими караванами до ближайшего поселка. Там, на транспорте резидентуры, обычно легендированной под сотрудников «Красного креста» или христианских миссионеров, «транзитников» снабжали временными документами и отправляли, в зависимости от надежности налаженного на тот момент транспортного коридора, в небольшой речной городок Сукуаро, а оттуда по воде — до Пуэрто-Инерида на венесуэльской границе. Эвакуировать людей по воздуху — случай на моей памяти небывалый, добавляющий лишний камешек на весы сомнений.

Размеренное течение мыслей прервал звук шагов, приближавшихся к дверям хижины. Привычным движением проверяю, как выходит пистолет из ниши под топчаном, и прислушиваюсь. Идет невысокий, небольшого веса человек, привыкший к лесу. Шаг короткий, легкий. Я вынул руку из-под кровати — это пришла Анита, в лагере только одна женщина, и я примерно догадываюсь, чего она хочет. Раз идет дама, нужно хотя бы сесть. Спустив ноги на пол, сразу попадаю в короткие голенища «берцев» и в четыре движения шнуруюсь. Боты приятно поразили сухостью, от которой я отвык за последние дни десять.

Все-таки комфорт, даже минимальный, иногда может улучшить паршивое настроение, это проверенный временем факт. Скрипнула сплетенная из бамбуковых стволов дверь, и внутрь скользнула тонкая фигура в камуфляже. На секунду я подумал, что ошибся, и уже готовился упасть на пол, чтобы выхватить из-под кровати «макарку», но терпкий запах сандалового дерева упредил маневр. В узком луче яркого лунного света, пробивавшегося сквозь занавешенное противомоскитной сеткой окно, я увидел лицо гостьи. Похоже, что девчонка так и не поняла моего тогдашнего намека, придется на сей раз быть более конкретным. Но дальше все пошло не так, как я себе придумал: поняв, что я давно не сплю, девушка моментально оказалась рядом, быстро-быстро раздеваясь и попутно произнося, видимо, давно заготовленную речь.

— Мигель, ты вернулся... — Мягкие губы девушки быстро нашли мои, растрескавшиеся и сухие, закрыв мне рот поцелуем. — Брухо говорил, что ты обманешь смерть, но я не верила. Надеялась, но не верила. Рауль на третьи сутки объявил вас всех мертвыми, даже устроил что-то вроде похорон, но я знала, что ты жив. Воины вроде тебя так легко не уходят, они долго торгуются со смертью. Твое лицо дважды показалось мне в пламени, старое гадание не подвело. Я связалась с дядей Эрнесто, он говорил с... генералом Вера. Я просила помочь, чтобы он отправил людей на ваши поиски, но ничего не получилось. Гринго, даже такой хороший солдат, как ты, не стоит таких усилий, проще нанять нового, так мне сказали. Потом я молилась, просила Пресвятую Деву защитить тебя, привести обратно ко мне!..

Преодолев яростное сопротивление девушки, отстраняю ее, пытаюсь вновь восстановить дыхалку. В ушах шумит, как после контузии, кровь стучит в висках, и горячая волна пробегает по всему телу. Смесь запаха горьких духов и сладковатого женского пота окутала меня, словно облаком. Что ни говори, а столько времени без женского внимания дали себя знать.

— Анита, — слова давались с невероятным трудом, и, черт побери, я толком не знал, как мне удержать пылкую медичку на расстоянии, — мы же договорились не возвращаться к этому разговору, я...

— Мне все равно, — голос девушки стал низким, его и без того будоражащий грудной тембр просто смешал мои мысли в кучу и вышиб их вон из головы. — Я не собираюсь красть тебя у жены, просто подари мне немного своего тепла, это все, о чем я прошу, Мигель. Молчи! Пожалуйста, молчи. Я не отступлю, как в прошлый раз... Сейчас ты только мой!.. Может, эта ночь последняя для нас обоих, слишком силен Ветер Судьбы на этот раз.

Дальнейшее было похоже на жесточайший спарринг в полный контакт. Одежда, как осенняя листва, слетела с нас, разрываемая нетерпеливыми руками. Смуглое тело девушки, похожее в лунном свете на ожившую статую, отлитую из бронзы, вдруг оказалось перед моими глазами. Волосы разметались по ее лицу, черные бархатные глаза блестели. Лунные блики скользили по ее гладкой коже. Видимо, уловив в моем взгляде нечто, Анита улыбнулась и вновь стремительно прильнула ко мне всем телом. В момент, когда наши тела соприкоснулись, меня словно ударило током, а ожог от прикосновения к обнаженному девичьему телу был сродни касанию раскаленного железного прута. Сопротивляться больше не было сил, я словно выпал из действительности, потеряв счет времени...

Момент, когда я отключился и заснул, вспомнить не удавалось. Вообще, все произошедшее сильно походило на грезы, какие случаются в бессонные ночи. В детстве сон не приходил порой до самых предрассветных сумерек, а легкая, тревожная дрема — словно отражения на водной глади — была ясной и зыбкой одновременно. Просыпаясь, трудно было сказать, что было явью, а что только привиделось. Открыв глаза, я бросил взгляд на часы, которые лежали на табурете поверх сложенной одежды. Светящиеся стрелки показывали без четверти двенадцать, а это означало, что с момента прихода ночной гостьи прошла уйма времени. Нет, я не питал иллюзий по поводу случившегося: то, что произошло, не вызывало чувства стыда, хотя неприятный осадок в душе все же остался.

Отчего-то вспомнился день, когда мы с моей тогда еще будущей женой отправились в

салон для новобрачных отоваривать талоны, выданные в загсе. Мы долго выбирали платье, потом туфли и все прочее. Наряды сменяли один другой, но я ничего не видел, кроме счастливых глаз невесты... моей невесты. Тогда же мы счастливо обменяли талон на полагающиеся мне костюм и туфли на телевизор, по каким-то причинам не нужный сестре Натальи. Она с парнем, за которого выходила замуж, тоже была тут. И вот играет веселая музыка, Наташка, веселая и счастливая, вертится перед большим, в рост человека, зеркалом, а я стою и любуюсь: мне казалось, что вся она соткана из солнечного света и воздушной белой фаты, закрывавшей ее вьющиеся рыжеватые волосы почти полностью. И настолько ярко все было в тот день, что даже регистрация и последующие пара дней гуляний не врезались в память так, как этот — предсвадебный и суматошный.

А тут все наоборот: вместо дня — чужая темная ночь, вместо белого платья — военная форма чужой страны, да и рядом со мной не счастливая выпускница пединститута, а женщина с другой стороны Земли. Более полный контраст и придумать-то сложно. Сглотив горечь кофейного послевкусия и усилием воли подавив поднявшийся откуда-то из живота и подступивший к горлу ком, я решил вычеркнуть из памяти ночное приключение, словно его и не было. Анита была хороша, но никаких чувств, кроме симпатии и чисто физического влечения, я к ней не испытывал. Просто ночью уже не было сил уворачиваться, да и больше, черт возьми, этого уже не повторится. Тряхнув головой, собираюсь. Мою одежду женщина, уходя, аккуратно сложила на табурет — это лишнее подтверждение того, что ночное свидание мне не приснилось.

Стрекот вертолетного винта застал меня за чисткой «калаша»: оружие было в порядке, просто за этим занятием мне лучше думается. Кроме того, полезным привычкам лучше не изменять. Вертушка была уже на подлете, но я особо не торопился: посадочная площадка находится более чем в километре от базового лагеря и используется только в крайнем случае. Кто бы ни прискакал к нам в гости, он появится в лагере только через полчаса. За стеной снова слышались шаги, но на этот раз даже гадать не пришлось — в дверь ввалился Детонатор. Уже с порога Славка начал вещать в полный голос:

— Разрешите обратиться, товарищ капитан!..

При этих словах рука у меня дрогнула, и крышка ствольной коробки «калаша», вырвавшись на волю, со звоном брякнулась под импровизированный стол, составленный из пустых патронных ящиков. С нехорошими присказками достав железку, я оглядел скалящегося во все зубы приятеля. Сразу видно, что времени он не терял: наглые синие глаза блестят под воздействием немалой дозы спиртного, о чем сигнализирует также и мощнейший выхлоп изо рта. «Берцы» без следа ваксы, торс обтягивает полосатый «тельник», но при этом за голенищем практически незаметно пристроен нож, а к поясу приторочена кобура с «макаркой». Кепи надето так, что козырек закрывает левое ухо, что придает смуглому от загара Славке сходство с каким-то импортным певцом.

— Че за выходки с утра пораньше? — Крышка со щелчком встала на свое законное место, я присоединил магазин и, прислонив автомат к краю стола, повернулся к шутнику лицом. — Вроде, на пьяного не похож, раз не на четырех ногах прискакал.

— Опять ты скучный, как обычно, Егор Саввич. — Детонатор прошел к столу и, придвинув второй табурет, плюхнулся на него. — Радио только что пришло. Тебе присвоили внеочередное, и в довесок — «За боевые заслуги». Мне и остальным — по «Красной звезде». Батя отхватил «Красное знамя», может, по приезде в Союз генерала дадут.

— Как он?..

— Анька его выходила, но что-то там по медицинским делам совсем хреново. — Славка с озабоченным видом полез в нагрудный карман и, спросив взглядом разрешения, закурил. — Вертушка слышал как стрекотала? Это к нам летит начальство аж из самой Боготы. О, как!

Детонатор запихнул полупустую пачку «Camel» обратно в карман. Славка знал, что я не курю, но не на боевых никогда курящих не гнобил. Выпустив сизую струю в сторону дверного проема, сапер продолжил делиться новостями:

— Рауля дернул к себе на ковер сам Снайпер за то, что тот поторопился нас хоронить. Наш «вождь красножопых» подорвал в Медельин, как ошпаренный, оставив это волосатое чудо, Хесуса, следить тут за всем и всячески нам угождать.

— Кто прилетит, не знаешь?

— Какая-то шишка из посольской камарильи. Рубь за сто, что это «пиджак» из свиты военного атташе. Но кто точно, пока не знаю, сам кап-раз сюда вряд ли бы приперся, но вот кого-то прошаренного в наших делах вполне могли делегировать. Батю они точно с собой забирают, поэтому и тебе звезды так рано на погон упали. Понятное дело, что после нашего славного в узких кругах похода твоя кандидатура самое оно.

Новости были хорошие, но что-то мне говорило, что ликовать преждевременно. Нет, по поводу Славки и остальных участников последней заварухи у меня не было никаких особых предчувствий. Только казалось, что это лично мне радоваться по каким-то скрытым пока причинам не стоит. Но бойцам я праздник портить не собирался, поэтому кивнул:

— После того как проводим Батю, готовь сабантуй. Это будет мой второй приказ в новой должности.

— А, — Славка почуял подвох, но любопытство было сильнее инстинкта самосохранения, — какой будет первым?

— Вылизать казарму и всему личному составу привести себя в порядок. Как только столичный гость появится в расположении, получать люлей за ваш расслабон я не хочу. Делайте что угодно, хоть бензин пейте — не волнует, но как только моряк сюда нагрянет, чтоб были трезвые и шагали с песнями по плацу, как на параде. Это ясно?

— Та-ак точ, та-арищ маршал!

Славка потрянул круглой как шар бритой башкой, отчего кепи еще больше съехало набок, и ушел, оставив меня в легком ступоре от обилия новостей. Поднявшись с табурета, я оглядел комнатку перед тем, как окончательно переселиться обратно в казарму. Ощупывая взглядом стены и нехитрую утварь, заметил что-то блестящее под топчаном. Подойдя ближе и присев на корточки, опознал серебряную цепочку с овальным кулоном, тоже из черненого серебра. Подняв ее с пола и разложив на столе, вспомнил: это же кулон Аниты. Тяжелый, весом граммов десять. С традиционным для здешних католиков образом Девы Марии. На массивной цепочке с витыми звеньями. Украшение было скорее мужским именно ввиду своей массивности и неподходящего материала — здешние красотки предпочитали золото. Детонатор поведал мне по секрету, что это семейная реликвия и девушка с ним никогда не расстается.

«Медитацию» над украшением прервало ощущение чужого присутствия рядом с хижинкой. Я сгреб медальон со стола и спрятал его в нагрудный карман куртки. Потом медленно сместился с табурета влево, одновременно вытаскивая «макарку» из поясной кобуры. За стеной послышался шорох, в щелях двери мелькнула чья-то тень, заслонившая дневной свет. Пистолет я держу без предохранителя, с патроном в стволе, так что для выстрела никаких лишних движений делать не придется...

— Егор Саввич, давайте просто пообщаемся, — голос раздался справа, как если бы человек стоял возле двери, укрывшись за стеной. Говорили по-русски, но с легким акцентом. — Ей-богу, времени пообщаться больше не представится, а я прилетел специально ради встречи с вами.

— Входите, я особо не прячусь.

Скрипнула дверь, и в комнату вошел высокий молодой парень, одетый в оливково-зеленую полувоенную форму. Такую любят журналисты и всякие ученые, приезжающие в тропики. На ногах у гостя были мягкие коричневые «берцы», на толстой подошве, в руках он держал пухлую брезентовую сумку, из тех, что обычно носят через плечо. Гость был худощав, жилист, а профессионально доброе выражение широкоскулого лица не оставляло сомнений в роде занятий незнакомца. Откинув со лба прилипшие потные прядки каштановой шевелюры и сняв модные узкие очки, парень близоруко сощурил далеко посаженные карие глаза. Похоже, он действительно страдал этим недугом, но расслабляться не следовало: я

чуть сместил ствол пистолета, лежавшего у меня на колене. Если гость дернется, то получит «двойку»¹ в живот, после чего тоже можно будет и пообщаться. Увидев пистолет, гость улыбнулся и поднял обе руки на уровень груди, словно сдаваясь:

— Эй, я же как-то прошел посты и вошел в лагерь, вам не кажется, капитан, что этот жест недоверия избыточен?

— У меня нет оснований для радушия. — Удлиненный насадкой глушителя ствол пистолета в моей руке заметно смотрел гостю точно в середину груди. — Или назовитесь, или познакомимся на моих условиях.

— Эверест-восемь. — Гость произнес пароль для экстренной связи, его добрые карие глаза смотрели с легкой укоризной.

— Эльбрус-шестнадцать. — Я отвел ствол от груди гостя, но в кобуру убирать оружие не спешил. — С этого нужно было начинать разговор, уважаемый. Не время и не место для психологических этюдов, вам так не кажется?

— Привычка, Егор Саввич. — Гость, все еще стоя с поднятыми руками и переминаясь с ноги на ногу, попросил: — Можно я присяду, а то помощник атташе еще только в лагерь входит, а нам нужно закончить до вашей с ним встречи?

— Проблемы с безопасностью?

— Нет-нет! Просто его задача является прикрытием для моей. Артур Николаевич о цели моего визита не информирован.

Гость медленно, нарочито косясь на пистолет в моей руке, вынул из кармана клетчатый носовой платок и вытер им проступивший на лбу и висках пот. Затем, также в пошаговом режиме, открыл свою сумку и извлек оттуда толстый конверт из коричневой плотной бумаги. Положил его на стол и, прикрыв рукой, продолжил:

— Давайте знакомиться. Я — корреспондент мюнхенского бюро «Рейтер» Герман Шмидт. Здесь случайно, делаю серию репортажей о борьбе местных повстанцев против марионеточного режима, так сказать.

— Рад знакомству. Что хочет от меня руководство?

— Если коротко, то требуется завтра к 22:00 выйти в район местонахождения американской базы, это в двадцати часах пути на северо-западе.

— Что нужно сделать?

Тут Гера, как я про себя окрестил «журналиста», сделал серьезное лицо, и тон его стал таким, каким и положено быть у начальства. Он вынул из кармана брюк то, что я сначала принял за белый платок, и развернул его передо мной на столе. Это была карта. Такие иногда выдают летчикам, пару экземпляров я лично находил на телах американских «визави». Самое главное, что она горит ничуть не хуже, чем традиционная. Пропитанная каким-то горючим составом, такая тряпка загорится даже сырая, а от воды легко распадается на мелкие лоскутки. На карте был изображен военный объект, поскольку имелись обозначенные минные поля, пять снайперских лежек и три пулеметных гнезда на скалах и вышках. Два ряда стен, на расстоянии семи метров друг от друга, берут в неровный ромб развалины какого-то древнего храма, а чуть в стороне — замаскированная вертолетная площадка. Из лагеря ведут две тропы: одна на восток, другая на северо-запад, к побережью. Обе дороги хорошо прикрыты секретами, постоянно патрулируются нарядами на джипах. В общем, крепость, на штурм которой нужна рота и желательна артподдержка. Я оторвался от изучения карты и глянул на связника. Гера совершенно спокойно сидел, разглядывая противоположную стену. Чего хотело от меня командование, понять было нетрудно: пролезть к амерам на базу, чего-то испортить либо стащить, а может, и кончить какую-то прибывшую погостить шишку. Странно, что к нам пока не послали кого-нибудь с такой же целью.

— У меня слишком мало людей, Герман. А те, что есть, измотаны, и еще одна прогулка

¹ «Двойка» — профессиональный термин, означает серию из идущих подряд двух выстрелов в определенную часть тела. Такой прием позволяет повысить эффективность огня при стрельбе из полуавтоматического оружия.

по лесу может существенно сказаться на их эффективности. Риск провала очень велик, можем навредить, а не исправить. К тому же, даже для скрытой инфильтрации у меня в группе недокомплект — в строю только трое бойцов, включая меня самого.

— Но в рапорте было сказано...

— Лейтенант Клименко, наш радист, сейчас находится в состоянии нервного шока. Для полевых операций непригоден, он сейчас хуже мертвого — просто балласт. Инженер-связист Иванов мне вообще не подчиняется, а приданное ему подразделение охраны несет службу в узле связи и опять же для наших целей не годится. В строю остались только я, лейтенант Вячеслав Белых — наш взрывотехник, и пулеметчик лейтенант Александр Горелов. Для проникновения и полномасштабной диверсионной акции этого недостаточно, даже если бы не было авральных обстоятельств; нужна как минимум неделя на подготовку. Поймите меня правильно: я не отказываюсь выполнять приказ, просто сообщаю, что имеющимися силами мы его выполнить не сможем.

Шмидт, вопреки моим ожиданиям, не стал настаивать и топать ногами. Вообще, это был какой-то нетипичный начальник, без того налета начальственной спеси, которую так быстро приобретают на командных должностях и в синекуре вроде посольства страны, где все кричит об отдыхе, несмотря на мелочи вроде кокаиновых войн. Война в Колумбии не касается курортных мест, поскольку это вредно для имиджа страны и, само собой, для вложений в легальный бизнес. А отмывают деньги не только наркобароны, но и их прикормленные помощники из местной администрации, армии и полиции.

— Товарищ капитан, — Гера наклонился вперед, отчего линзы очков забликовали в лучах солнца, пробившихся в окно, — Егор Саввич... Времени на подготовку акции просто нет: наш человек на базе говорит, что солдаты, с которыми вы столкнулись у речки неделю назад, уже снова выходят на охоту. К счастью, мы знаем способ, как их вывести из строя, но для этого нужно проникнуть на базу. Наш источник сегодня уже убит на авианосец, кроме того, это не полевой агент, он всего лишь информатор. В этом вся беда наемников — рисковать они никогда не станут, иначе полученные деньги некому будет тратить.

— А чего меня-то убеждать? Я повторяю: провалим все только, а сделать ничего не сделаем. Не хуже вашего понимаю, что такое приказ! Просто на смерть идем, а толку будет чуть...

Досадуя на непонятливость штатского, я только и мог, что с силой сжать кулаки. Ну как еще ему сказать, что не надо меня уговаривать, я не набиваю себе цену?! Пойти-то не сложно, но при такой плотной охране засветимся еще на втором ее кольце и ляжем все. Гера поднялся и, пройдясь по комнате из конца в конец, выложил свой последний козырь:

— На усиление к вам прикомандировываются еще двое офицеров из состава советнического корпуса, обоих вы знаете по перуанскому транзитному маршруту. Это капитан Седельников и старший лейтенант Мурзин, они прибыли в качестве сопровождающих заместителя военного атташе.

Никиту Мурзина я знал еще по брянскому центру, это был простоватого вида парень, похожий внешне на сказочного Емелю. Добродушный, флегматичный, он выделялся среди прочих слушателей редкостным терпением и усидчивостью. Из-за этого и еще из-за удивительного знания всяческих охотничьих премудростей выбор преподавателей был очевиден — инструкторы готовили снайпера-универсала. И, надо отдать им должное, Мурзин не провалил ни одного экзамена, включая самый жесткий, когда его, как матерого уголовника, гонял по чащобам чуть ли не полк «вованов». Тогда Никита вышел в точку эвакуации спустя две недели сидения во вполне комфортной землянке, которую он одолжил на время у каких-то дореволюционных охотников. Замшелый сруб по самую крышу ушел под землю, но что сделается проморенному вековому «листвяку», который только крепче со временем? Питался корешками, лягушками, червями, а также «солдатским счастьем» — луковицами тюльпана, он их ел то сырыми, то печеными в золе. Солдатики, съев всю тушенку и распугав местную живность, так и ушли тогда ни с чем. Но, несмотря на свои грозные навыки, Никита больше всего на свете любил придавить минут по сто — сто

пятьдесят на массу. При этом, если нас приходилось отучать от храпа, то он спал как сурок — совершенно беззвучно. За это и за общий невероятно здоровый вид он получил прозвище Мурзилка, на которое иногда обижался, но с начальством не спорят, пришлось привыкнуть. Я же дал ему про себя другое, более соответствующее его характеру — Баюн. Стрелял Никита из всех видов нашего и доступного импортного оружия лучше всех во взводе, но всякие ружьишки с оптикой любил совершенно без оглядки.

Седельников тоже был стрелком, но лично я считал его личностью неудобной: слишком заносчив, из-за чего ему трудно было работать в группе. Его чаще, чем Мурзина, посылали в «автономку», поскольку неуживчивый характер Андрей Седельников компенсировал виртуозным исполнением поручаемых ему заданий. Но явного солиста тоже можно использовать, и, несмотря на общую безнадегу, у меня даже вырисовался план, как его умения можно будет применить с пользой для всех. Подкрепление в лице еще двух хорошо знакомых мне бойцов было неоценимым подспорьем, хотя шансы на успех по-прежнему были не блестящие. Однако идти все равно придется, поэтому скрепя сердце я кивнул связнику: мол, продолжай дальше.

— Не вариант, но хоть что-то. После проникновения на объект вам необходимо изъять некий артефакт из блока связи. Блок находится в главном здании, на карте отмечен цифрой 3. Вы его узнаете: он пирамидальной формы, без верхушки; вместо нее, скорее всего, в углублении, будет лежать небольшая сфера размером с пятикопеечную монету, стального цвета. Теперь смотрите внимательно и запоминайте.

Гера подошел к столу и вскрыл бумажный пакет. Оттуда первым выпал плотный сверток, в котором я узнал обычные для такого задания подробную карту района и таблицы радиочастот и позывных. Следом он аккуратно извлек непонятного вида плоскую коробочку из темного дерева, по-моему, это был мореный дуб или лиственница. Более всего коробка напоминала ученический пенал, но с круглым иллюминатором предметной шкалы за толстым стеклом, черными цифрами разметки и вкраплениями люминофора, каким покрывают навигационные авиаприборы. На торце в нижней от приборной шкалы части коробки в корпус были утоплены две кнопки: черная и красная. Габариты прибора укладывались в размеры стандартного калашниковского рожка, так что коробка вполне могла поместиться в одном из моих подсумков или карманов брюк. Шмидт взял коробку в руки и нажал на одну из кнопок в ее торце. Без единого звука стенка под иллюминатором выдвинулась на пару сантиметров вниз. Связник вытянул из прибора небольшой лоток, в центре которого оказалось круглое углубление.

— Эта штука поможет вам в поисках чипа управления. Прибор испускает волновые колебания определенной длины, он сконструирован специально для поисков этого электронного устройства.

— Радиация?

— Нет, — Гера улыбнулся и положил прибор на стол, чтобы я его лучше рассмотрел, — излучение совершенно безвредно, тут вам нечего опасаться. Прибор очень простой: черная кнопка для включения, и чем сильнее стрелка отклоняется вправо, тем ближе источник излучения; красная кнопка открывает крышку в нижней части детектора. Но тут есть важный нюанс, который вы должны накрепко запомнить: как только чип окажется у вас, немедленно поместите его в лоток и задвиньте его до щелчка. После этого крышка больше не откроется, а при попытке взлома сработает небольшой заряд взрывчатки, который уничтожит и сам прибор, и чип соответственно.

— Все понятно, — я подтянул к себе планшетку, куда привычно стал заправлять полученные карты. — Каков будет способ эвакуации на случай, если нам удастся выполнить задание?

— В нейтральных водах лежит в дрейфе наше океанографическое судно «Академик Потапов», находящиеся на его борту боевые пловцы смогут высадиться на побережье, в указанной на вашей карте трехкилометровой прибрежной зоне. Активируйте штатный радиомаяк, — Гера кивком показал на плоскую черную коробочку, которую вытряхнул из

пакета в последнюю очередь, — и за вами придут в течение часа.

Нужно отдать Шмидту должное: парень не увещевал меня по поводу того, что мы обязательно сможем вернуться и что это рядовая операция, какие он лично крутит сотнями каждый божий день. Мы оба понимали, что даже если случится кому-то выжить в ближайшие сорок восемь часов, это не обязательно буду я или кто-то из моих бойцов. Наверняка морские черти с «Потапова» уже высадились на берег дня два назад и в нужный момент продублируют нашу операцию, а мы сыграем роль беспокояще-отвлекающего фактора. Это в кино и приключенческих книгах главному герою рассказывают всю подноготную: куда и зачем он идет, да кто приказал, да зачем нужно, чтобы именно он сел голой жопой на очередного ежа. В жизни все с точностью до наоборот, и если уж посылают на задание, то говорят самый минимум, а если возможно, то вообще ничего не узнаешь. Как правило, диверсантов вроде меня в плен никто не берет, но это на большой войне, там действительно возиться некогда. А вот что касается войны охлажденной, где пострелушки — крайняя мера, то взять вражеского языка, да еще в сознании, — это бонус.

До сих пор помню учебный фильм, который нам показывали в брянском центре. Американцы широко рекламировали выступления наших солдат, захваченных в плен афганскими «духами». Выглядело это очень даже презентабельно: одетые в дефицитные и оттого жутко желанные многими согражданами импортные шмотки, «пленники гор» вещали про свою сладкую жизнь в Америке, показывали свои дома и квартиры, один даже был с какой-то крашеной шалавой в обнимку. Инструктор по психологической подготовке, который крутил кино, вдруг остановил пленку и спросил у нас, что во всех этих людях есть общего, кроме того очевидного факта, что они выбрали свободу ценой предательства. Помню, как мы загомонили, поднимая психологические профили изменников, шурша конспектами. Я молчал, глядя, как хорошо скрытое недовольство нет-нет да и проглядывает на лице пожилого подполковника. Вот тогда-то и проявилось чутье Андрея Седельникова: он, так же, как и я, помалкивал, но совершенно по-иному. Нужно сказать, что этот невысокий крепыш с зелеными глазами на круглом скуластом лице еще тогда меня сильно удивил. Дождавшись, когда последний знаток закончит изрекать длиннющие цитаты из конспекта, Седельников, или Вампир, как его прозвали за редкостное хладнокровие и аномальную выносливость, просто сказал:

— Взгляд у них у всех загнанный, боятся они что-то не попад ляпнуть. Вот тот, последний, с крашеной шала... девушкой, — тяжелый, давяще-неприятный взгляд Седельникова уперся в дрожащий на паузе кадр, запечатлевший счастливого перебежчика, — этот сам перебежал, но все равно чего-то боится. Сломали их. В плен сдаваться нельзя, иначе, как эти бля... козлы, будем бляеть под чужую дудку.

Инструктор удовлетворенно кивнул, а я только после слов Вампира понял, что смущало меня все полтора часа просмотра. Седельников всегда умел чувствовать чужой страх и, что самое главное, умел обуздать свой собственный. Впоследствии я не раз и не два убеждался в правоте сокурсника: предавшего раз Судьба клеймит иудиной печатью на всю оставшуюся жизнь. Такому человеку нет доверия даже среди бывших врагов. Ведь ничего нет страшнее, чем твой вчерашний товарищ, убеждающий тебя с экрана телевизора воткнуть штык в землю. Поэтому все мы, сидевшие в том классе, отлично сознавали, как жалок сломленный человек, а вскоре каждому в свою очередь пришлось ломать на допросах чужих пленных, превращая их волю в слякоть. По-настоящему начинаешь бояться не смерти, а именно вот этого состояния слякоти, до которого можно довести человека, мгновение назад бывшего сильным, смелым и непримиримым.

За последние полгода активной работы сначала в Перу, а теперь здесь, в Колумбии, через мои руки прошло десятка два тех, на чьем месте с большой долей вероятности мне предстоит оказаться, быть может, уже завтра. Это, и еще острое нежелание вести людей туда, где всех нас поджидает верный трындец, были на данный момент моими единственными поводами для беспокойства. О вероятности такого окончания карьеры каждого из нас предупреждали еще на вербовочной беседе, и никто не отказался, ибо все

прекрасно понимали, что в этой игре правила никогда не меняются: так или иначе ты умираешь, только с течением времени способы становятся все изощреннее. Либо ты это принимаешь как данность, либо отправляешься командиром заставы куда-нибудь на Чукотку, поскольку уже знаешь слишком много. Вход рубль — выход два. Теперь герою дают возможность осознать, что есть вещи похуже телесной смерти, когда умирает душа, а тело смотрит на это как бы со стороны... Никого к такому сценарию подготовить невозможно, поэтому среди нас исчезающе мал процент любителей давать интервью по ту сторону линии фронта. Мы как никто другой знаем цену страха и, самое главное, чего стоит бояться по-настоящему...

Я собрал пожитки, повесил автомат на шею, и мы с Герой направились к общему барaku, откуда уже раздавались громкие голоса — видимо, Славка как умел развлекал высокое начальство. Подняв голову, с удивлением заметил, что палящее обычно солнце скрыто плотным слоем облаков. В воздухе чувствуется привкус озона, значит, ночь будет безлунной, что для нашего безнадёжного дела почти идеально. Хотя погода нам в помощь, раз все остальное по совокупности ополчилось против пятерых советских граждан в совсем не шуточном ключе.

Герман, явно демонстративно разыгрывая роль любопытного журналиста, озирался по сторонам, пока мы петляли по узкой тропинке между деревьями. Смотреть-то особенно было не на что: лагерь, состоящий из десятка построек, укрытых под скальными карнизами и кронами деревьев, каждое из которых ростом с пятиэтажный дом, а то и выше, не производил впечатления организованного поселения. Жалкие хижинки давали укрытие от дождя, но и только. Все было рассчитано так, чтобы в любой момент сняться с места и раствориться в сельве без следа. Комфорт, принесенный в жертву безопасности — норма партизанской жизни, на каком бы континенте и в какой бы стране это ни происходило. Везде, где люди решили, что лучшим способом доказать свою правоту будет уйти в лесную чащу и оттуда объяснять оппонентам, что и как те делают неверно, жизнь партизана выглядит примерно одинаково. Здешние домики отличались только тем, что стояли на врытых глубоко в землю бревенчатых сваях, поскольку во времена сезонов дождей такую хижину просто затопит. Наш лагерь отдаленно напоминал кривую деревенскую улицу, с тем только отличием, что кругом были нездешнего вида папоротники и деревья с непривычно гладкими стволами. От растительности на земле избавлялись, однако не трогая деревья, дающие хорошую защиту от солнца и воздушных наблюдателей федералов. Американцы предлагали колумбийскому правительству распылять репелленты, чтобы выкурить из чащоб особо упорных вояк, но чиновники мудро рассудили, что партизаны могут и сами кончиться, а вот лес на продажу на их веку уже не вырастет, поэтому вежливо, но твердо отказались.

Мы подошли к избушке, имевшей вид пенала и оттого отличавшейся от бочкообразных лачуг по соседству. Из открытой настежь двери по земле стелился сигаретный дым, слышались громкие голоса подвыпивших людей. Мысленно я проклял свой собственный приказ принять проверяющего «как положено» — видимо, Детонатор уже споил столичного гостя, раз в самом разгаре конкурс «Лейся песня с водкой пополам». Виновато глядя на связника, я жестом предложил ему подняться в помещение, затем, строя самые скверные предположения, вошел сам.

В избушке было сильно накурено. Нет, до состояния повешенного топора еще было далеко, однако проверяющий был в полной прострации, чего не скажешь о моих архаровцах и вновь прибывших Мурзилке и Вампире. Парни порядком прокоптились на солнце, шевелюра Мурзина, выгорев, превратилась в белесую щетину, придающую круглой, словно шар, башке «универсала» вид зреющего одуванчика. Только Седельников ни капли не изменился: все тот же тяжелый, внимательный взгляд зеленых, глубоко посаженных глаз, курносый нос и тонкие бескровные губы на круглом лице. Вновь прибывшие хоть и сидели с полными чашками с чем-то горячительным, но пьяными не казались. Да и мои разбойники тоже вроде как были далеки от состояния «полного самоуважения». Славка держал в руках нашу общую семиструнную гитару, изрисованную синей шариковой ручкой. Справа на

корпусе инструмента был изображен почти пасторальный сюжет: девушка выдающихся достоинств с длинными волосами, одетая в нитевидное бикини, сидящая под раскидистой пальмой на морском берегу. Руки красавицы были заведены за спину, на них она опиралась, голова чуть запрокинута, волосы достают до самой земли.

Стол, как водится, сооруженный из патронных и оружейных ящиков, накрывали местные газеты, на которых стояли нехитрые блюда, в основном консервы и местные овощи, из которых знакомыми были только лук и пунцово-красные помидоры. Но на этот раз стол украшало большое блюдо, на котором лежали куски жаренной с рисом свинины. Розовое мясо в залежах коричневатого риса, приправленного жгучими специями, — это деликатес сродни именинному торту. Рядом с нашим штатным виночерпием и тамадой в одном лице восседал широкоплечий рослый мужик в белой безрукавке, из нагрудного накладного кармана которой свешивался небрежно засунутый туда дорогой галстук. Лицом проверяющий, а это несомненно был он, неуловимо напоминал актера Рыбникова¹ в молодые годы. Только моряк был раза в два крупнее и носил короткую бородку и усы. В здешнем посольстве как сам военный атташе, так и все его помощники служили именно по морскому ведомству, поэтому в морском происхождении гостя я нисколько не сомневался. Моряк что-то громко рассказывал, когда Славка вскочил, резко вскинув руку к съехавшему на самую макушку кепи:

— Отряд, смир-ррна! Та-арищ капитан, личный состав...

— Отставить, садись уже. Товарищ помощник военного атташе, — я повернулся к поднявшему на меня блестящие от выпитого глаза проверяющему, — капитан Шубин, прибыл для прове...

— Да сам-то садись, — голос моряка был под стать его внешности — гулкий и басовитый. Он крепко, но без нажима пожал мне руку. — Какие в здешней глуши церемонии. Все я посмотрел, так служить. А теперь давай вашу «душевную». Мне тут лейтенант все уши прожужжал, как ты ловко на гитаре бренчишь. Садись-садись, приказываю.

Делать было нечего, пришлось упасть рядом с ухмыляющимся Дугой и выпить под общий гомон из настоящего, оберегаемого как зеница ока граненого стакана сто пятьдесят граммов русской водки. Напиток этот в здешних краях совершенно экзотический, надо думать, привез его Мурзилка, славившийся еще со времен брянской школы запасливостью и некоторым куркульством. Но самым приятным сюрпризом была закуска: кусок настоящего черного хлеба. Втягивая носом этот божественный, забытый за время скитаний по «латинщине» запах, я как бы на мгновение побывал дома. Давно замечено, что любое напоминание о Родине, даже такие вещи, как кусок ржаного хлеба и стакан водки, приводят взрослых матерых вояк в вообще-то не свойственное им сентиментальное расположение духа. Тоскуют все, только каждый лелеет это щемящее чувство молча, пряча его от друзей. На волю чувства вырываются только в редкие минуты отдыха, когда напряжение отступает под натиском рвущихся на волю воспоминаний. Отдых нужен всем, особенно если ты знаешь, что уже совсем скоро все эти люди пойдут вместе с тобой практически на верную гибель. Другой бы стал орать, строить людей и вытравливать сентименты каленым железом, но только не я. В чувство мы себя привести сумеем, и довольно быстро, а вот расслабиться, пусть и на такой короткий срок, уже вряд ли светит.

Я взял в руки протянутую мне через стол семиструнку и приготовился петь. Ребята просили «душевную», и хотя голос у меня довольно посредственный, ее исполнение почему-то всегда выпадало именно на мою долю.

¹ Рыбников Николай Николаевич (13.12.1930-22.10.1990). Народный артист РСФСР (1981). Учился в Сталинградском медицинском институте. Был актером вспомогательного состава Сталинградского драматического театра. Окончил ВГИК (1953, мастерская С. Герасимова и Т. Макаровой). С 1953 г. — в Театростудии киноактера. Наиболее известен как исполнитель роли Саши Савченко в киноленте «Весна на Заречной улице». В конце пятидесятых годов прошлого века песню «Когда весна придет, не знаю...» в его исполнении пела вся страна.

Разлучались полночью туманною,
Уводила в бой меня звезда.
Распрощались с Танею, с Татьяною, с Татьяною,
Не забыть ее мне никогда...

Песня струилась, слышимая и за пределами тесной прокуренной хижины, в дверь заглядывали местные, заслышав незнакомый мотив и слова. Неожиданно подключились, подхватывая мотив, флейты и еще две гитары. Местные — очень музыкальный народ, и хоть слов они не понимали, музыка и мой хрипловатый баритон говорили им, что песня о любви, а этого, как правило, бывает достаточно. Я продолжал петь, поглядывая на подтягивающих негромкими голосами бойцов. Ребята отставили стаканы, алюминиевые гнутые вилки корчились, изгибаемые сильными руками от избытка эмоций. Присутствующие шептали слова:

Под огнем в погоду окаянную
Девичье лицо со мной всегда.
В бой иду я с Танею, с Татьяною, с Татьяною,
С нею мне и горе не беда...

Я не смотрел на собравшихся за столом, я видел в этот момент только стоявшую перед зеркалом салона для новобранцев Наташу. Это воспоминание неотвязно преследовало меня сегодня!.. Вот она оборачивается ко мне, одетому в новенькую военную форму. На погонах у меня блестят лейтенантские звездочки, о стрелки на брюках можно порезаться, форменные туфли сияют. Хочется подхватить будущую жену на руки и закружиться с нею по пустому залу магазина в ритме торжественного вальса. О далекой, но такой щемяще родной женщине думалось сейчас, а о той, что была рядом и, возможно, поспособствовала нашему вызволению из смертельного мешка, не вспоминалось совершенно. С новой силой я ударил по струнам.

А настигнет в поле смерть нежданная —
 Попрошу ее я подождать,
Чтоб могли мы с Танею, с Татьяною, с Татьяною
Еще раз друг друга повидать.

Слова песни действовали на людей по-разному: Дуга почти беззвучно шевелил губами, вслед за мной проговаривая слова, Славка слушал молча, вонзив вороненый клинок в край стола, желваки на его лице ходили ходуном. Лиса за столом не наблюдалось, он лежал на верхней шконке нар к нам спиной. Мурзилка и Вампир тихонько подпевали, им пока еще тосковать было не о чем. Только проверяющий и Гера искренне веселились, тоже пытаясь подпевать, но чаще просто мычали в такт мелодии.

Ну, а там — прощай, моя желанная, —
Смерть отсрочек дважды не дает.
Эту песню с Танею, с Татьяною, с Татьяною
За меня товарищ допоет, допоет...¹

Еще дважды мы все хором, включая туземных аккомпаниаторов, уловивших только

¹ Шубин поет песню из к/ф «Нормандия-Неман», «Татьяна» (музыка: Р. Щедрин, слова: К. Симонов). Во втором куплете слова «лечу» и «нагрянет в небе» заменены на слова «иду» и «настигнет в поле», поскольку главный герой и его друзья — не летчики-истребители. Надеюсь, что ветераны меня простят и поймут, если им на глаза попадется мой текст.

смутно знакомое женское имя «Таня», спели две последние строчки куплета, превратившегося в припев (туземцы, кстати, мигом переименовали имя и лопотали: «Танита!.. Танита!..»), а потом бойцы задвигались за столом, проверяющий, свернув застолье, стал готовиться к отлету, поскольку время уже поджимало. Я выскользнул из-за стола и дал Детонатору знак следовать за мной на воздух.

— Слава, я пойду провожать гостей, а ты командуй полный сбор, на все про все нам отведено три часа.

Лицо у приятеля вытянулось, хмель слетел с него, словно сдернутая виртуозом-официантом скатерть с сервированного стола. Оглянувшись на разоренный дастархан, Славка с нескрываемым сожалением пожаловался кому-то на заслоненных кронами деревьев небесах:

— Эх, так и знал, что висюльки эти нам не зря прислали!.. — Потом, посерьезнев, перевел взгляд хитрых и уже совершенно трезвых глаз на меня: — Мурзилка и этот упырь Седельников?..

— Верно смекаешь. — Я посторонился, пропуская выходивших из хижины Геру и проверяющего. — Мохеровые кофты доставай, без них на этот раз не обойдемся. С собой из «сопутствующих благ» берем только патроны и воду, остальное — на хер. Лис с нами не идет, рацию тянет Дуга. Выдвигаемся через три часа, как начнет смеркаться. Понял?

— А че тут сложного?.. — во взгляде сапера читалось недоумение. — А с Лисом чего не так?

— Кончился боец, отвоевал свое. Ты сам-то что, не видишь?! В zenки его тухлые глянь. Или это не мы с тобой у него водку через раз отбираем. Надо еще «тормозки»¹ проверить, может, промидола не досчитаемся. Не смотри на меня так, самому тошно. Ладно, отставить лирику. Давай в темпе вальса — обе ноги уже должны быть там, а не здесь. Выполнять!

Говорить такое про боевого товарища нелегко, но у всех рано или поздно выявляется предел прочности. Черта, за которой бойца настигают усталость, апатия и безразличие. Такому уже все равно, что случится с ним самим, но важнее другое: ему безразлична судьба товарищей, идущих с ним в поиск. Безразличный и сломленный человек легко пропустит сломанную ветку, не увидит тусклого блеска проволоки между деревьями или в траве. Поэтому я без колебаний исключил радиста из состава группы, поскольку мы идем практически к черту в зубы.

Пристроив вещи на свою старую нижнюю шконку в правом дальнем углу казармы и взяв автомат, снова направился к домику-госпиталю. Там у входа стоял Герман и что-то втолковывал проверяющему.

Разговор, видимо, складывался непросто: моряк пыжился, часто разводя руками, а один раз даже провел ребром ладони у себя по горлу. Приблизившись к спорщикам, я услышал лишь обрывок фразы проверяющего:

— ...Да пойми ты, не могу я это им отдать! Акт нужен на передачу. Не положены им «болталки», в другом отряде за них хорошие деньги вперед плачены. Валюта — это тебе не шутки!.. А! Снова здорова, капитан! Щас медичка ваша побежала за рабсилой, они носилки потащат. Моих-то орлов ты забрал, вот теперь придется изыскивать резервы...

— Местным я «батю» нести не дам, с вами еще один больной полетит, вот он мне компанию и составит.

— А... А чего у него за болезнь-то? Не малярия, часом?

— Нет, не беспокойтесь, у него другие места болят, это не заразно.

Проверяющий кивнул и больше не приставал с расспросами. К нам нетвердой походкой подошел Лис, в глаза радист мне не смотрел, постоянно теребил лямку заплечного вещмешка. Говорить с подведшим меня бойцом было не о чем, поэтому я просто приказал ему ждать, пока не придет Анита. Девушка появилась минут через пять, за ней шли двое

¹ «Тормозок» — жаргонизм, так иногда называют индивидуальные аптечки (АИ-1, АИ-2) в состав которых в обязательном порядке входит противошоковое обезболивающее средство, чаще всего промидол.

бойцов из саперного отделения — самые преданные Славкины ученики, по именам я их не помнил, сталкивались по работе редко. Медичка вела себя так, словно ничего не случилось этой ночью:

— Мигель, — но в глазах девушки явственно читалось умиротворение, голос звучал как-то по-особенному мягко, — твой командир все еще слаб, в сознание почти не приходит, несите его осторожно.

— Учту, — видеть медичку почему-то было неприятно. — Отпусти бойцов, Анита, мы с товарищем понесем команданте Сильверо сами.

Мы проследовали за ней в хижину. Батя лежал на походных носилках, закрытый до подбородка зеленым одеялом. Тело раненого охватывала ременная сбруя, фиксируя его под грудью и над коленями. Лицо Серебрянникова не изменилось с тех пор, как я дернул трос, на котором его подняли на борт подстреленной вертушки неделю назад, — та же худоба и восковая неестественная бледность, но подполковник был несомненно жив. Я это знал наверняка, поскольку в нашей работе многое зависит даже от таких мелочей, как определить на глаз, кто перед тобой: покойник или недострелок. Часто бывает именно так, что разбираться и ворошить каждое тело просто нет времени.

Взяв носилки со стороны ног раненого, я дал команду радисту взяться за передние ручки, и тот первым шагнул за порог хижины. Идя по узкой лесной тропинке, я гонял в мыслях план предстоящей операции. Общая стратегия сводилась к тому, чтобы посеять в рядах противника панику и в суматохе проскользнуть через периметр. Раньше, когда Гера только озадачил меня просьбой брать штурмом военную базу при наличии всего трех бойцов, задание выглядело чистой воды самоубийством. Но с появлением в нашей компании двух «ферзей»¹ расклад резко менялся. Вампир обладал виртуозным умением сеять смерть и панику в рядах противника, оставаясь безнаказанным. Мурзин слыл отличным снайпером, и его задача виделась мне тоже совершенно определено — прикрытие и общая координация проникновения. В то время как Вампир будет сеять панику и всячески досажать местным «рэксам», Мурзилка проследит за направлением прорыва и, в случае чего, предупредит об опасности и прикроет нас при отходе. Оставалась проблема со связью, поскольку координировать действия будет невозможно, а отработать их на макете объекта диверсии времени нет. Конечно, мы подробно поговорим о роли каждого, кто будет работать в связке, но... В этот раз было слишком много этих самых «но».

...Вертолет с эмблемами колумбийских ВВС завис над поляной, едва-едва дававшей ему возможность приземлиться, не повредив лопастей винтов. Это тоже был старый «ирокез», со снятым вооружением. По маркировке «птичка» принадлежала интендантскому управлению одной военной базы в окрестностях столицы. Видимо, пилоту хорошо заплатили за этот рейс, поскольку он даже не смотрел в нашу сторону, постоянно зыряка по зарослям, окружавшим вертушку; его глаза, скрытые за стеклами каплевидных темных очков, скорее всего, были полны страха. Ему наверняка уже мерещились страшные картины: вот раскрашенные под цвет джунглей парни берут его в заложники, и вот он верхом на муле, с мешком на голове, со связанными руками. Но надо отдать летчику должное, машину он посадил виртуозно. Чуть подрагивая корпусом, вертолет приземлен точно в центре расчищенной заново посадочной площадки. Сельва не любит открытых пространств, поэтому каждый раз перед визитом вроде этого поляну приходится создавать заново, очищая от молодых побегов бамбука и прочей сорной мелочи, иногда вырастающей за неделю в рост человека.

Люк-створ пассажирского отсека отъехал в сторону, в проем высунулся человек в форме капрала летной службы с эмблемами военного метеоролога. Теперь понятно, почему нашим ловкачам удалось уговорить местных вояк помочь в транспортировке: метеорологи свободно мотались по всей стране, иногда безнаказанно залетая даже в закрытые для полетов

¹ «Ферзь» — жаргонизм, диверсант-одиночка, чья специализация заключается в скрытной инфильтрации на хорошо охраняемые объекты, обеспечении связи с разведчиками-нелегалами, их силовом прикрытии.

зоны. Личный состав был пестрый и почти на две трети — из вольнонаемных. Поэтому я могу поспорить на любые деньги, что инициатором полета является пилот, а капрал просто с ним в доле. Летчики тут профессия редкая, а в армии платят очень мало. Капрал принял у Лиса передний край носилок, а я осторожно задвинул их внутрь машины. Потом запрыгнул сам, помогая капралу пристроить раненого в хвостовой части отсека, где для этих целей была предусмотрена специальная скамья с крепежными ремнями. За все это время Батя так ни разу и не пришел в сознание.

Глядя в глаза командира,двигающиеся под смеженными веками, я думал, что его мне больше всего будет не хватать, когда завтра в это же время полезу к пиндосам в гости. Командирские обязанности, словно чугунные вериги, ошутимо гнули к земле. Одно дело командовать ротой в повседневной, мирной обстановке, когда самый большой «головняк» — это самоволка или случай острой кишечной инфекции. Сейчас под моим началом и людей поменьше, и понос никого не мучает, но вот сам уровень задач совершенно иной, да и люди не чета новобранцам-первогодкам: все прошли со мной одну и ту же школу, опытные и битые вояки. В такой компании трудно завоевать авторитет, если хоть раз ошибешься и примешь неверное решение. Само собой, понос — это тоже событие, но вот уже второй раз приходится, подвергая смертельному риску, вести за собой доверяющих мне людей.

В люк уже забрался Лис, за ним следом проверяющий, с которым мы довольно тепло попрощались. Я спрыгнул на землю, но Гера, который уже было залег внутрь машины, вылез снова и, окликнув меня, подал туго завязанный вещмешок, в котором угадывались угловатые очертания какого-то ящика, по весу — не больше пяти-семи килограммов.

— Это портативные переговорные устройства, — прокричал Гера мне сквозь шум винтов, набирающих обороты, — дальность у них небольшая, всего полтора-два километра, но вам хватит. Там, в ящике, инструкция, работайте на втором канале, эта частота шифруется... Я хотел бы еще раз позвать вам руку, капитан! Вернитесь живыми... Все вернитесь!..

Это рукопожатие и последние слова показали, что парень не так прост, как кажется: будь это штатский или «пиджак» из синекуры, он бы непременно пожелал нам удачи. Тому, кто отправляется в бой, удача не особо нужна. Главное — это везение, и, похоже, Герман об этом знал. Вертушка плавно поднялась, имея заметный дифферент на нос. Лопасты винтокрылой машины месили воздух с таким усердием, словно ей передалось нервное беспокойство пилота и она тоже спешила убраться отсюда как можно быстрее. Я проводил взглядом вертолет и, с автоматом в одной руке и неожиданным подарком в другой, поспешил обратно в лагерь.

Времени на подготовку в связи с прибытием нового оборудования стало еще меньше. Коротковолновые радиостанции мы изучали и умели ими пользоваться, только вот были это все больше зарубежные модели, да и связь они обеспечивали крайне неустойчивую. Однако с ними гораздо легче, чем без них — теперь координировать действия бойцов будет проще и шансы проникнуть на базу незамеченными существенно повышались. Внутри хижины уже царила рабочая атмосфера, все ладили костюмы, в обиходе именуемые просто «разделки».¹ На куртки и штаны были самопальным способом нашиты распушенные на мелкие ленточки и обшитые по краям узкие полоски ткани. Человек, надевший такой костюм, полностью сливается с мешаниной лиан и кустарником. Мое внимание привлекли вновь прибывшие спецы, а именно их оружие. Мурзилка и Вампир заботливо бинтовали оружие зелеными полосками ткани с так же нашитыми на нее кусочками масксети, чтобы оно не выделялось на фоне лесного безобразия, где нет прямых линий и четких форм. С виду новички были вооружены точно такими же АКМ-«раскладушками», как и все в группе, но вместо ночных

¹ «Разделка» — жаргонное название костюма разведчика (куртка с капюшоном, штаны, маска). Начало выпуска — примерно 1986–1987 гг... Использовался в основном подразделениями пограничных войск КГБ СССР. В Афганистане им оснащались спецы КГБ (в частности группа «Каскад»), позднее спецназ ГРУ. До армии практически не дошел. В армейских подразделениях разведки использовался более простой комбез — КЛМК «Березка».

прицелов на «стволах» имелись снайперские прицелы от СВД,¹ однако не штатные «единички», а более мощные ПСО-2.² Взамен обычной крепежной планки под «ночник» на автомат было установлено штатное крепление от той же СВД. Еще смущал необычно куций магазин, патронов на десять-пятнадцать. По сути, вместо обычного автомата получался какой-то невообразимый гибрид, чье предназначение я угадывал смутно и поэтому решил поинтересоваться подробностями. Ответил как всегда, словоохотливый Мурзин, его радовала перспектива настоящей работы.

— Снайперка, она длинная слишком, — говорил Мурзин, бережно надевая матерчатый лохматый чехол на матово блестящую трубку прицела, — да и от «духов» в случае чего из автомата отбиваться сподручней. Вот и придумалось как-то, что можно оптику поставить, да на триста метров и работать.

— Я так понимаю, что с «тихарем» часто работаешь. Патрон не подводит?

Прикинув автомат к плечу, я направил ствол в сторону дверного проема и, откинув колпачок с окуляра, прицелился. Гибрид непривычно лънул к плечу, сказывались короткий магазин и надетый сейчас на плечевой упор резиновый затыльник. Между тяг откинутого приклада была вложена кожаная подушечка, видимо, заменявшая щеку, какие бывают на упомянутой раньше снайперской винтовке. В целом, ствол чуть задирался вверх, сказывалось отсутствие снятого сейчас глушителя. Более чем уверен, что навинти Мурзилка эту трубу, и ствол уравновесится, а щека удобно поддержит голову на уровне окуляра прицела. Я опустил оружие, зачехлил прицел. Мурзин выжидательно смотрел на меня, ожидая услышать мое мнение.

— На каком расстоянии сможешь уверенно снять бегущую цель из этого?

— Пристрелян «агрегат» на двести метров, на двести восемьдесят уже будут отклонения, но не большие. Если глушитель снять, можно попробовать и на триста пятьдесят, но патронов нужно больше. А магазины эти короткие нам прямо на заводе отштамповали, по шесть штук на ствол. Все удивлялись: мол, зачем да зачем. А с таким аппаратом от кого хочешь отбиться можно: прицепил обычный рог-«тридцатку», прицел и глушитель — долой, и получился обычный автомат. Красота...

Вернув Мурзину оружие, я выложил из мешка на стол радиостанции. Бойцы заинтересованно стали разбирать продолговатые коробочки и разматывать собранные в жгуты провода гарнитур. Как я и предполагал, рации были американскими, производства фирмы «Motorola», с гарнитурой «свободные руки». Пользоваться такой техникой мне приходилось лишь пару раз, но ничего сложного тут не предвиделось: тангента крепится на палец любой руки, обруч с динамиком микрофона — на шею, плотно прилегает к горлу и улавливает даже произнесенное шепотом, чувствительный динамик наушника с хитро изогнутой дужкой — за левым ухом и совершенно не мешает, сама радиостанция удобно удерживается на разгрузочном жилете тугими зажимами. Быстро разобравшись в довольно простых органах управления, бойцы закрепили новые приблуды кому где понравилось. Я

¹ Снайперская винтовка драгунова, СВД — оружие поддержки пехотного подразделения на уровне взвода. Длина (без штыка) — 1225 мм. Питание — отъемный секторный магазин, емкостью 10 патронов. Режим стрельбы — только одиночный. Практическая скорострельность — 30 выстр./мин. Начальная скорость пули — 830 м/с. Дальность прямого выстрела по ростовой фигуре — 640 м. Масса без патронов и прицела — 3,7 кг, со снаряженным магазином и оптическим прицелом ПСО-1 — 4,52 кг, с примкнутым штык-ножом — 4,78 кг.

² ПСО-2 — снайперский оптический прицел. Предназначен для стрельбы по малогабаритным и хорошо замаскированным целям. Подсветка сетки позволяет производить прицеливание в сумерках. Снабжен дальномерной сеткой, позволяющей производить ориентировочную оценку расстояния до объекта. Предусмотрена возможность вводить углы прицеливания в зависимости от дальности до цели и боковые поправки (на ветер, движение цели). Герметичный корпус изделия заполнен сухим азотом для предотвращения запотевания оптических поверхностей при резком изменении температуры. Прицел может быть установлен на следующие модели оружия: снайперские винтовки СВД; специальные винтовки ВСС, ВСК и другие, имеющие соответствующее крепление. ПСО-2 отличается большей, чем у ПСО-1, фиксированной кратностью (х6), визуально выглядит заметно длиннее собрата.

свою пристроил в пустующий подсумок на левом боку, наглухо застегнув металлическую защелку, так что наружу торчали лишь небольшой толстый черенок антенны и ролик настройки, работавший также как выключатель. Теперь в большом и громоздком коробе штатной рации необходимость отпала, Дуга сможет взять еще немного патронов, а они, судя по всему, не будут лишними.

Закончив довооружаться и приводить себя в порядок, я раскинул на столе планшет с картой и принялся доводить до бойцов план операции, попутно ставя задачи:

— База имеет три кольца охраны, первое из которых — пешие досмотровые команды, по три бойца с рациями, общей численностью до двадцати человек. Ходят вдоль известных троп, шарят по кустам, но далеко от протоптанных дорожек не отклоняются, чуть что открывают огонь. Кроме того, судя по имеющимся у нас данным, в сельву раз в сутки выходят разведчики, обычно группами по двое-четверо. Эти лазают везде, наша задача миновать и тех и других, не привлекая к себе внимания, в крайнем случае работать только бесшумным оружием, трупы тщательно прятать. Пока все понятно?

— Вопрос можно?

Это поднял руку Седельников, в лохматом балахоне походивший на ожившую замшелую корягу. Дождавшись моего кивка, Вампир спросил:

— А данные надежные, они точно парами ходят?

— Без понятия, сам не проверял. Но информация выглядит достоверно. Местные так и делают, а учили их наши сегодняшние «коллеги», так что, думаю, все верно — парами выходят.

Вампир кивнул и опустил взгляд на карту, запоминая изгибы рельефа, ориентиры. Поняв, что вопросов больше ни у кого нет, я продолжил:

— За досмотровыми группами и разведчиками идет сеть минных заграждений. Поля сложные, смешанного типа, проходы нам неизвестны. Будем либо грызть самостоятельно, либо проследим за возвращающимися патрульными и пойдем по их следам. Пользуемся приборами ночного видения, старайтесь не слишком часто использовать активную подсветку. Третьим номером идут наблюдательные вышки и секреты на земле. Последние обозначены на карте, маршрут пройдет в обход двух из них. При приближении будьте внимательны — возможно, выставлены управляемые минные заграждения или сигналки. Лучше будет, если их не зацепим. Последним номером идут три ряда сетки Рабица с камерами наружного наблюдения. План проникновения следующий. Вампир, ты идешь с нами через первое кольцо охраны, затем отделяешься и, обходя лагерь с северо-запада, начинаешь продвигаться к хозяйственным постройкам и топливохранилищу. После чего сильно шумишь и вызываешь на базе панику.

— Понял, — глаза Седельникова недобро сверкнули, он непроизвольно облизнулся. — Кошмарить — это я могу...

— Андрюха, — я предупреждающе поднял ладонь на уровень лица «солиста», — кошмарить начнешь строго по сигналу, нам нужно пройти за вторую линию периметра и выйти к ограждению. До тех пор — сдержись, ясно?

Вампир кивнул, в глазах его читалось недовольство, но в том, что он выполнит приказ, я не сомневался.

— Никита, — я привлек внимание Мурзилки, — ты у нас работаешь глазами и прикрываешь меня и Славу. По пути нам попадается одна из наблюдательных вышек. Расстояние от нее до самого дальнего здания в периметре — не более ста тридцати метров, твоей «машинке» должно хватить за глаза. Единственное «узкое» место — это вертолетная площадка, до нее от твоей будущей позиции триста пятнадцать — триста двадцать метров. Если придется работать по целям — вали их до того, как начнут удаляться к этому пятачку. А когда кто-то подходит к нам близко, его бьешь без разговоров. Коли просто крутится неподалеку, шепни словечко и предупреди, решим по ситуации.

— Сделаем, это не сложно. Есть у меня пара идей, потом сам увидишь. — Мурзин как-то особенно нежно прижал свое странное оружие к груди.

Я не стал уточнять, что он имел в виду, и продолжил:

— Дуга, ты прикрываешь наш отход, поэтому сам смекай, где сесть. Отходить будем по моей команде, кодовое слово — «вьюга», на общей частоте. Отходим вдоль западной дороги, ведущей к побережью. Саня, — я посмотрел на сосредоточенно черкающего в своем планшете огрызком карандаша пулеметчика, — советую выбрать позицию на склоне одной из сопок, там их пять. Займи северо-восточный склон, так сможешь выбрать сектор огня градусов в сто пятьдесят, тогда почти вся тропа будет как на ладони. Сбей преследователей на транспорте, это все, о чем я прошу. Минировать дорогу запрещаю, мобильным патрулям наверняка приданы отделения инженерной разведки, эти кроты на раз обнаружат закладку. Потом уходишь в одну из точек сбора, по обстоятельствам. Точки сбора, соответственно, в квадратах двадцать два и двадцать восемь, контрольный срок ожидания — до 05:00 первого дня весны. Если что — сигнальте для обозначения себя на местности фонариком. Ставьте красное стекло, потом дадите три коротких вспышки в сторону опознаваемого. Первая площадка идет как основная. Туда идем, если не организовано преследование. Это небольшая поляна, сможем привести себя в порядок и спокойно дожидаться встречающих. Кто пришел первым, делает как обычно: предупреждает криком совы, если будем вне зоны прямой видимости друг друга. Вторая точка — это почти что побережье, там стоим насмерть, кто уцелеет — едет домой. Выйти в точки эвакуации нужно до 04:00 первого же марта. По истечении контрольного срока идем своим ходом по одиночке, используя запасной комплект документов и легенду, канал отхода по плану — «Меркурий». Ближе всего выйти к рыбацким поселкам, можно затаиться у местных жителей на явках EFPLC, но это на крайний случай. Восточные области не шерстят так сильно, там вполне реально пересидеть облаву. Вопросы, жалобы, предложения?

Последняя фраза является традиционной при окончании инструктажа, нечто вроде молитвы на удачу. Когда часто ходишь по краю, придаешь большое значение мелочам, в частности вот таким формальным обращениям. Еще курсантом я поинтересовался у одного из инструкторов, какой смысл в этих словах, если это чистой воды суеверие. Тот рассказал мне старый анекдот про раввина и отчаявшуюся Сару, где все сводилось к формуле «если не поможет, то уж точно не навредит».

Дав команду на построение, я проверил собственную снаряду и навинтил глушитель на ствол своего АКМ. Выбор так и так был небольшой — пули для бесшумной стрельбы не отличаются особой надежностью. Но по сравнению с тем же девятым миллиметром это меньшее из двух зол. Просто придется стрелять одиночными, а строчить очередями только в самом крайнем случае. Цевье и неподвижные части я замотал тряпками, поскольку большую часть пути предстояло проделать ползком. Прихватил одноразовый «граник», приторочив зеленый тубус «мухи»¹ слева за спиной.

Ребята построились в походную колонну, направляющим встал Славка, следом за ним шли Вампир, Мурзилка и Дуга. По традиции размявшись и послушав шаг друг друга, двинулись по тропе к северному выходу из лагеря. Провожать нас никто не вышел, что, в общем-то, было даже хорошо. В лагере наверняка сидели агенты местной полиции или армейской разведки, поэтому выйти нужно было как можно тише. Я встал в хвост колонны

¹ «Муха» — реактивная противотанковая граната РПГ-18. Представляет собой реактивный снаряд с кумулятивной бронебойной боевой частью калибром 64 мм и пороховым реактивным двигателем, полностью отработывающим в стволе одноразового пускового устройства. Стабилизация гранаты на траектории осуществляется при помощи складных стабилизаторов и придаваемого ими гранате осевого вращения. Скорость вылета гранаты из пускового устройства — порядка 115 м/с. Пусковое устройство представляет из себя телескопическую конструкцию из алюминиевой внутренней трубы, на которую надет выдвигаемый вперед насадок, защищающий стрелка от воздействия выхлопа ракетного двигателя на время его работы. С торцов пусковое устройство закрыто откидными крышками. Для приведения в боевое положение извлекается предохранительная чека, пусковой контейнер раздвигается в боевое положение, при этом торцевые крышки откидываются автоматически. После приведения прицельных приспособлений в боевое положение можно произвести запуск гранаты нажатием на спусковой рычаг. На данный момент изделие снято с вооружения, но продолжает активно использоваться в войсках различных стран мира.

замыкающим, как делал это уже не в первый раз. Командир не часто ходит впереди, на боевых это большая редкость. Дорогу от лагеря к развилке Славка со своими саперами излазил вдоль и поперек и отлично знал местность на десяток километров вокруг.

— Мигель!..

Я чертыхнулся про себя: оборачиваться и тем более видеть бегущую от своего домика в нашу сторону Аниту совершенно не хотелось. Девушка довольно быстро нас догнала, но группа продолжала мерным шагом удаляться в сторону джунглей. На тропе остались только я и она. Со стороны мы, видимо, смотрелись как странная, почти сказочная пара: лохматая зеленая фигура с уродливым пучком травы вместо лица и двумя провалами глаз и стройная черноволосая девушка в белом льняном платье до колен. Анита вцепилась мне в плечи, но руки ее скользили по костюму. Она опустила их вдоль туловища, в бессильной тоске глядя в прорези моей маски, словно тщила уловить что-то в моих глазах.

— Ты уходишь... Симон поздно сказал, я бы вышла проводить...

— Не нужно всего этого, Аня, — русское имя непроизвольно сорвалось у меня с губ, но из-под маски прозвучало глухо, почти бесстрастно. — То, что было между нами, больше не повторится. Вот, возьми.

Я залез в кармашек разгрузки, где держал всякие полезные мелочи, и протянул медичке ее серебряный медальон. Серебро тускло блеснуло на моей затянутой в перчатку с обрезанными пальцами ладони. Но она закрыла мою ладонь своей и сжала ее отнюдь не слабыми прохладными пальцами.

— Это будет хранить тебя там, — девушка кивнула в сторону леса, где уже почти скрылись мои бойцы. — Мне Святая Дева уже помогла. Прощай, Мигель. Не жалею ни о чем, Ветер Судьбы свел нас вместе, он же и разделяет вновь.

Неожиданно порыв ветра, налетевший откуда-то с юга, растрепал девушке волосы и обдал меня волной нездешнего холода. Даже не поежившись, Анита повернулась ко мне спиной и с гордо поднятой головой пошла прочь. Эх, будь все иначе, Анита могла бы стать тем, кем для меня всегда была Наташа — островком покоя и мира. Домом, в который хочется вернуться, где бы ни находился. Сердце всегда привязано к домашнему очагу и к той, что ждет, не гася свет в окне. Это не метафора: мама оставляла свет на кухне гореть даже ночью, когда отец задерживался на службе, чтобы он знал — его ждут, о нем помнят. Наташка узнала об этом от моей мамы, и, как бы поздно я ни возвращался, в нашем окне всегда горел свет. Взяв автомат в правую руку и зацепив ремень за откинутый упор, чтобы не болтался, я быстро побежал вслед за своими бойцами. Впереди были почти целые сутки пути.

* * *

Земля. Республика Колумбия. Заброшенный храм Солнца — мобильный центр управления оперативной группы АНБ США «Коготь». 28 февраля 1990 года, 23:25 по местному времени. Майор Шон Эндерс.

Эндерс удовлетворенно откинулся в кресле, наблюдая за тем, как Альфа-Два неторопливо шел от одного распростертого тела к другому, по необходимости наступая на шею недобитому бандиту. «Супер» самостоятельно принял решение и не потратил ни единого патрона зря: бой и так получился довольно напряженным, бандиты Эль Гуарона отчаянно сопротивлялись, пару раз боец попадал под осколки оборонительных гранат, но телеметрия показывала, что броня выдержала близкие разрывы и боевые системы не повреждены. Но сам Гуарон отстреливался отчаянно, «супер» загнал бандитского главаря в его же ловчую яму на окраине лагеря, где Эль Гуарон и корчился сейчас, истекая кровью, пронзенный в четырех местах заостренными деревянными кольями, вбитыми в дно ловушки. Шон последний раз окинул взглядом мониторы, везде крутились одни и те же кадры: «Двойка» удалялся в чащу леса, оставив за собой семнадцать трупов. Из расположенного в небольшой долине бандитского лагеря никто не вышел живым. В отличие от своего собрата,

устроившего настоящий фейерверк несколькими часами ранее в лагере «оборванцев», этот «супер», тихо сняв часовых, вошел в палаточный лагерь и, стреляя короткими очередями, прошелся по брезентовым шалашам. Но тут случилась накладка: в расположение вернулся дозор, видимо, отправленный Гуароном в одну из дальних деревень. Увидев чужака и поняв, что в лагере идет избиение их спящих товарищей, пятеро бандитов открыли огонь из автоматов, попутно стремясь забросать незваного гостя гранатами. Все закончилось почти сразу же: «супер» расправился с вновь прибывшими за считанные мгновения, но это дало возможность попытаться уйти самому Эль Гуарону. В сельве даже днем не всегда можно разглядеть, что у тебя под ногами, тем более это практически невозможно в сумерках. Бандит попал в свою же собственную ловушку. В командный центр транслировались доклады бойцов, звуки окружающей «суперов» обстановки в спикер-систему не выводились, поэтому бандит разевал рот в полном молчании.

Экраны мониторов вдруг потемнели, но высокое начальство, уже привыкшее к сбоям в трансляции столь увлекательного зрелища, не встревожилось. Эндерс, встав с кресла, коротко кивнул сенатору и Тэлли и походя сделал Нилу знак, чтобы подхватил управление, как только оно восстановится. Затем майор быстрым шагом направился в соседний зал, где размещались узел связи и самая ценная составляющая проекта «Небула» — древний артефакт. Войдя в тесное, с низким потолком помещение связистов, он увидел, что тут царит паника: подчиненные капитана Мэтьюса метались между консолями, а сам капитан плясал вокруг артефакта, установленного на небольшом постаменте в центре помещения. Внимательно присмотревшись, Шон понял, что со Сферой что-то не так: мягкое сиреневое свечение потускнело, небольшой шарик стал почти непроницаемым и больше походил на средних размеров шарикоподшипник, водруженный по непонятным причинам на вершину уменьшенной копии пирамиды, какие в Египте втюхивают туристам. Подойдя к Мэтьюсу вплотную, Шон тронул подчиненного за плечо, отчего щуплый связист подскочил на месте как ужаленный.

— Эй, нельзя же так подкрадываться, черт побери!.. О, это наш великий вождь!..

Мэтьюс поправил очки в толстой роговой оправе, распрямился и, засунув руки в карманы лабораторного белого халата, гневно продолжил:

— Босс, этот чертов артефакт так никогда себя не вел. Мы имеем шесть серьезных всплесков за последние двенадцать часов, а утечка энергии только усиливается.

Шон чувствовал, что подвох, мерещившийся ему с самого прибытия высоких гостей, наконец-то проявился. Только вот пришел он с совершенно неожиданной стороны. Хотя чего можно ожидать от куска неизвестного вещества, пролежавшего под замшелым камнем уйму времени? Сферу нужно было изучать. А вот из-за бюрократов он, серьезный инженер, вынужден развлекать их дешевыми фокусами, ставя под удар возможность невероятного скачка в военной науке. Собравшись с силами и внешне оставаясь невозмутимым, он спросил связиста:

— Сколько у нас есть времени? — Видя, как Мэтьюс поморщился, готовясь изречь банальность, Шон взял подчиненного за лацканы и встряхнул: — Не размазывай сопли! Просто скажи, сколько ты еще сможешь взнуздывать эту дохлую клячу, прежде чем все заглохнет?!

Связист вырвался и, видимо, собирался ответить нечто резкое. В этот момент Сфера вдруг засияла очень ярким фиолетово-золотым светом. Лаборанты забежали по залу, все экраны, дублирующие мониторы комнаты управления, ожили, трансляция возобновилась. Мэтьюс шумно выдохнул и, пожав плечами, ответил:

— Ты видишь, Шон, с чем мне приходится иметь дело? Этой штуке черт знает сколько лет, мы лезем с мясницким ножом туда, где нужен хирургический скальпель. Единственное, что я могу сказать точно: сбой затрагивает только наши внедренные протоколы связи и управления. Их просто обрубают спонтанным волновым энергетическим скачком напряжения. Но питание по-прежнему продолжает поступать к «суперам», они исправны и вполне боеспособны. Просто какое-то время они нас не слышат. Не спрашивай меня, почему

это происходит, нужно время, а ни ты, ни эта вашингтонская пиявка его мне не даете! Давай просто подбросим монетку, результат и будет ответом на твой вопрос. Ставлю на «решку»...

С этими словами связист убежал к своим приборам, оставив Эндерса в яростном оцепенении. Шон про себя выругался и, развернувшись на каблуках, вышел в коридор. Прохладная тьма приятно холодила кожу, майор достал большую таблетку аспирина и с наслаждением принялся ее жевать. Собравшись с мыслями и нацепив на лицо будничное выражение, он вошел в соседний зал, где сенатор, уже отвлекшись от однообразного мелькания черно-зеленого фона джунглей, что-то быстро конспектировал в записной книжке. Заметив Эндерса, он с тем особым выражением лица, какое бывает только у маленьких детей в предвкушении подарка, обратился к майору:

— Ваши парни реально поражают воображение, Эндерс!

— Благодарю вас, сэр. — Шон выдавил любезную улыбку и направился к своей консоли. — Неполадки носят временный характер, артефакт иногда показывает свой нрав, сэр.

— Это нормально. — Барнет покровительственно похлопал по плечу повеселевшего полковника Тэлли, который начал показывать признаки жизни и даже перестал терзать ручку бронированного кейса: — Полковник, вы проделали чертовски хорошую работу, я изменил свое мнение относительно проекта. Думаю, после моего доклада вы получите дополнительное финансирование и ресурсы.

— Б-благодарю вас, господин сенатор, — Тэлли едва удалось совладать со своим голосом и не дать петуха. — Это так важно для всех нас...

— Оставьте, Тэлли! — Сенатор досадливо поморщился и уже рабочим тоном обратился к Эндерсу: — Сколько времени до начала финальной фазы операции, майор?

— Альфа-Шесть уже миновал позиции мобильных бандитских патрулей, сэр. «Двойка» и «Пятерка» в трех и пятнадцати километрах от цели. Плюс-минус час на доразведку местности и развертывание. Думаю, что к 23:00 операция вступит в завершающую фазу.

— Сколько времени вы отводите «суперам» на подавление и последующую зачистку?

Лицо Барнета заострилось, губы разошлись в плотоядной ухмылке, в глазах блеснул нездоровый огонек. Шон вновь внутренне поежился, но продолжил все тем же нейтрально-деловым тоном:

— От тридцати до сорока пяти минут. Местность плохо изучена, а оценка сил противника только предварительна. Но «Небула» в состоянии самостоятельно оценивать степень угрозы и качество противника. Ошибок первой операции мои бойцы не повторят, уверяю вас, мистер Барнет, сэр.

Сенатор бодро хлопнул себя по тощим коленям и уже открыл было рот, чтобы произнести нечто натужно-веселое, как вдруг в зал стремительно вошел майор Рид. В руках он держал полноразмерную винтовку М-16А2 с присоединенным подствольным гранатометом,¹ парадный синий мундир сменила полевая камуфляжная форма с только-только начавшим входить в обиход пиксельным рисунком. Шон отметил про себя, что Рид не зря считался опытным воякой: случись заварушка, главный охранник ничем не будет выделяться из массы своих подчиненных — вражеские стрелки не смогут вычислить командира ни по знакам различия, ни по снаряжению. Сейчас он был чем-то встревожен, взгляд напряженно всматривался в зелено-черную мешанину пятен на мониторах.

¹ М-16А2 — американская штурмовая винтовка (автомат), является штатным оружием подразделений морской пехоты армии США с 1982 г. Эта винтовка отличается от М-16А1 более толстым и тяжелым стволом с шагом нарезов 1:7 (адаптированным под менее мощный патрон 5,56 мм SS109), улучшенными прицельными приспособлениями, новым цевьем с насечкой и прикладом (вся фурнитура изготовлена из ударопрочного пластика), а также заменой режима непрерывного огня (очередями) на режим с отсечкой очереди после трех выстрелов. Из особенностей следует отметить возросшую точность при стрельбе одиночными и большую вариативность при установке обвеса, благодаря появлению универсальной крепежной системе «Picatini». В остальном это та же капризная М-16, требующая пропускать десяток патронов в магазине, чтобы избежать заклинивания, и требовательная к боеприпасам и окружающей среде.

— Господа, база подверглась нападению, сельва подожжена, вся северо-западная часть периметра под угрозой полного уничтожения. Два мобильных патруля, высланных в данном направлении, не отвечают на запросы. Гарнизон поднят по тревоге, но...

— Черт знает что, Рид! Где ваши хваленые рейнджеры, почему прохлопали появление диверсантов?

Лицо сенатора выражало крайнюю степень раздражения. Вскочил Тэлли, но, памятуя о тяжелом нраве высокопоставленного политика, лишь поинтересовался у Рида сдавленным голосом:

— Каков численный состав противника? Это местные, или снова русские преподнесли вам сюрприз?

— Пока мы ничего не знаем: нет жертв внутри периметра, посты наблюдения исправно докладывают о нулевой активности в секторах. К потерям можно отнести шестерых патрульных, что вели патрулирование в северо-западном квадрате. Но пожар распространяется очень быстро: ветер с побережья крепчает, в джунглях уже пару недель не было дождей. Я вынужден был действовать по инструкции: вертолет за вами, мистер Барнет, сэр, уже вылетел с «Энтерпрайза». Базу необходимо эвакуировать, «суперов» отозвать, все оборудование, которое не сможем вывезти в ближайшие три часа, следует уничтожить на месте.

— Что?! — Тэлли, забыв об осторожности, подскочил к кряжистому охраннику почти вплотную и, потрясая кулаками у его носа, почти зарычал, брызгая слюной: — Оборудование существует в единственном экземпляре! На воссоздание потребуется как минимум год...

— Тэлли, майор действует по инструкции, и нам лучше подчиниться, — в голосе Барнета звучали странно довольные нотки. — Когда вопрос стоит о том, быть уничтоженным или попасть в руки врага, я предпочитаю боевую ничью. Как скоро прибудет транспорт, мистер Рид?

Опешивший от неожиданной поддержки, охранник отстранил от себя полковника Тэлли, вынул из гнезда на разгрузке портативную радиостанцию, что-то пробубнил и, получив искаженный помехами короткий ответ, поднял изумленный взгляд на сенатора. Рид не привык, что с его рекомендациями дилетанты соглашаются так быстро.

— Ваш транспорт уже на подлете, будет на посадочной площадке через двадцать минут. С транспортниками для персонала сложнее: оборудование и контейнер с неисправными «суперами» сможем вывезти лишь через полтора часа, и это при условии, что скорость распространения огня не увеличится в ближайшее время.

— Отлично. — Сенатор повернулся к Эндерсу: — Шон, дайте приказ «суперам» сворачиваться и выходить в запасную точку эвакуации. Мы сможем забрать их в любой точке на побережье?

— Не могу этого гарантировать, господин сенатор: в их оперативную память такой вариант загружен, но ни разу еще не отработывался в реальных условиях.

— Вот мы и проверим, как это получится. Начинайте эвакуацию.

— Но, сэр, если мы свернем центр управления, то я не гарантирую точный выход «образцов» в намеченную точку, технология еще не отработана.

Сенатор снова тонко улыбнулся, отчего его рот стал напоминать резаную рану. Шон так и не понял причину его поразительного, в сложившихся обстоятельствах, спокойствия. Барнет подошел к нему и, положив неожиданно тяжелую ладонь правой руки на плечо ученого, крепко его стиснул. Звонящим голосом, чеканя каждое слово, он произнес, как бы подводя черту под умершей в зародыше дискуссией:

— Значит, пусть остаются на месте. Мы вышлем ударную группу истребителей, следов не останется. Не возражайте, майор, это приказ. И вы лучше остальных знаете, что я имею полномочия отдать такое распоряжение. Выполняйте!

— Это восемь лет моей жизни, сэр. Черта с два я подставляю своих парней под бомбежку!..

Шон высвободился из цепких рук старика и направился к командной консоли, но в этот

момент, повинувшись еле заметному кивку Барнета, в дело вступил майор Рид. Охранник мгновенно оказался рядом с Эндерсом и, резко подняв автомат, тукнул прикладом по затылку не ожидавшего такого поворота событий Шона.

Эндерс пришел в себя лишь спустя пару минут, от затылка к вискам шли пульсирующие волны боли, руки оказались надежно скованы за спиной наручниками. До него донесся визгливый голос Тэлли:

— Капитан Нил, вам отдан прямой приказ!

— Сэр, я не отказываюсь выполнять приказы, — Грэхем говорил ровным тоном, словно ничего особенного не происходило, — но вся сеть накрылась, связь с подразделением потеряна. Произошел очередной сбой системы, нужно подождать...

— Времени нет, капитан! — это вступил уже совершенно успокоившийся сенатор Барнет. — Приступайте к эвакуации оставшихся «образцов», уничтожайте все, что нельзя взять с собой. На сборы вам дается полтора часа. Майор Эндерс полетит вместе со мной, ему нужен отдых. Позже прибудет пара транспортных «чинуков»,¹ и вы лично, капитан, отвечаете за сохранность оборудования. Это все, выполняйте.

Шон снова потерял сознание, все подернулось мутной пеленой, и очнулся он уже от свежего, необычайно холодного ветра, обдувающего лицо. Его пристегивали ремнями к креслу двое морпехов из числа подручных Рида. Майор Эндерс дернулся, но ремни уже были прочно закреплены, ему удалось только качнуться вперед. Кисти затекли, пальцы плохо слушались, а руки по-прежнему были скованы, браслеты резали запястья. В створе люка сенатор о чем-то говорил с Ридом, охранник озабоченно озирался по сторонам. Слова Шону расслышать не удалось. Он вдохнул пахнувший гарью воздух и только теперь понял, что предметы потеряли четкость очертаний не из-за позднего времени или его травмы после удара по голове: белесый туман стелился по земле и поднимался вверх, люди суетливо бегали возле вертолета, почти скрытые молочно-сизой пеленой.

Вдруг сенатор вскрикнул и откинулся внутрь салона, зажимая левое колено. Светлая брючина его дорогой пиджачной пары окрасилась темным. Барнет замахал Риду, стремясь вползти в глубину салона как можно дальше. Двигатели взвыли на более высокой ноте, и вертолет стал тяжело отрываться от земли. Сенатор сел в кресло рядом с пристегнутым инженером и разорвал окровавленную брючину снизу вверх, открывая залитую кровью ногу. Цедя ругательства, Барнет взял из рук второго пилота аптечку и, перетянув ногу выше колена жгутом, вколол себе возле раны содержимое небольшого шприц-тюбика с обезболивающим, регулируя натяжение перетяжки. Дождавшись, когда лекарство начало действовать и боль немного отступила, он обработал рану бесцветным, похожим на воду раствором. В тесной кабине запахло больницей, Шон постарался отвернуться. Спустя какое-то время сенатор обратился к нему:

— Шон, не стоит меня ненавидеть, я только что спас вашу задницу от партизан и смею уверить, что смогу поднять вам настроение еще больше, когда мы прибудем на «Энтерпрайз». Поверьте, что ни случается, все к лучшему. Вы и ваши «суперы» обретае в данный момент новое будущее!

В голове Эндерса снова помутилось, он закрыл глаза и сосредоточился на своих внутренних ощущениях. Боль накатывала волнами, сквозь шум винтов и полубоморочную

¹ Речь идет о военно-транспортном вертолете CH-47D «Chinook». Это усовершенствованная модификация, оснащенная новыми двигателями, электроникой. Разработана в 1976 г. по программе модернизации вертолетов CH-47A, B и C с целью увеличения их ресурса и грузоподъемности до 10 385 кг на внешней подвеске и усовершенствования конструкции и характеристик. Первый из трех опытных модернизированных вертолетов совершил первый полет 11 мая 1979 г., первый серийный — 26 февраля 1982 г. Программой общей стоимостью более 3,5 млрд долларов осуществлена модернизация 472 ранее построенных вертолетов, включая производство ряда новых вертолетов для замены потерянных во время военных действий. На модернизированных вертолетах предусматривалось использование 13 различных усовершенствований, включая установку более мощных ГТД, усиленной трансмиссии, новых несущих винтов и вспомогательной силовой установки, усовершенствованного электронного и гидравлического оборудования и системы заправки топливом в полете, усиление конструкции планера.

тму он слышал обрывки фраз, но до сознания ничего не доходило. Потом его куда-то тащили, взяв под руки, два раза он чувствительно ударился головой обо что-то железное. Морской воздух смешивался с гарью от выхлопов реактивных двигателей, ревели на форсаже уходящие куда-то за спину истребители. Потом звуки стали тише, мысли сумбурно переплетались в заполненном болью до краев сознании. Что же будет с его детищем, неужели Судьба от него отвернулась? Отчаянье даже не успело полностью овладеть им, настолько стремительно рухнуло все, к чему он стремился. Дальнейший ход событий представлялся теперь предельно ясно: нормальных, полностью функционирующих бойцов отключат от Сферы, а место полевой операции зачистят с помощью бомб палубной авиации. Работу как минимум придется начинать заново, и это при условии, что в джунглях действительно засела кучка латиносов, которых без труда отгонят охранники базы. Если же это русские, то о новых полевых испытаниях можно вообще забыть, все откатится на пять-шесть лет назад... Боль злыми толчками заполняла все вокруг, лишая Эндерса воли даже к тому, чтобы пожалеть себя. Думать вообще стало невозможно, чистый белый огонь затопил самые отдаленные уголки сознания. Последний, самый яркий всполох оказался наиболее сильным, и Шон провалился в спасительную тьму небытия...

Очнулся он от острого запаха нашатыря. Голова непроизвольно дернулась, и мир приобрел достаточно четкие очертания. Мелькнула чья-то тень за спиной, по ковру прошелестели удаляющиеся шаги, затем негромко хлопнула закрывшаяся дверь. Эндерс огляделся и понял, что находится в комфортабельной, так называемой «адмиральской», каюте. Тут не было ничего от казенного флотского стиля: облицованные светлыми дубовыми панелями стены, хорошая кожаная мебель, пара морских пейзажей в дорогих массивных рамах на стенах, по углам раскинули ветви карликовые пальмы. Напротив, у стены, под портретом Джорджа Вашингтона явно старинной работы, за двухтумбовым массивным столом сидел незнакомый Шону мужчина. Тучную фигуру незнакомца выгодно драпировал дорогой черный костюм-«тройка», сшитый так, чтобы маскировать его невероятно рыхлое тело. Темно-голубая рубашка и «клубный» галстук довершали впечатление мощи и того запредельного богатства, что часто маскируется показной простотой и неброскими полутонами. Богачу, как про себя назвал Шон незнакомца, было что-то около пятидесяти с небольшим. В детстве он переболел оспой, поэтому лицо его покрывала сеть мелких ямочек. Черные, близко посаженные глаза излучали дружелюбие пополам с любопытством. Мясистый нос, толстые губы, тяжелый подбородок и редкие каштановые волосы, намеренно постриженные коротко, чтобы не привлекать внимания к обширной лысине. Все эти детали в совокупности создавали странное впечатление; их обладателю хотелось безоговорочно верить, поскольку весь облик «богача» словно говорил: да, я некрасив, чего особо не стесняюсь, но я достаточно состоятелен, чтобы не шокировать вас своими недостатками. Эндерс пошевелил руками, отметив, что наручники сняли и сам он даже неплохо себя чувствует.

— Здравствуйте, майор Эндерс!

Голос «богача» оказался мягким вкрадчивым тенорком, каким говорят в детских мультфильмах хитрые коты. Это настораживало. Разлепив спекшиеся губы, Шон кивнул и хотел произнести слова ответного приветствия, но незнакомец жестом остановил его. «Богач» протянул руку к стоящему справа от себя хрустальному сифону и налил в низкий толстостенный бокал газированной воды, затем сделал приглашающий жест пухлой ладонью. Звук шипящей струи вызвал у майора резкий приступ жажды, Эндерс схватил стакан и, жадно осушив его, попросил еще. С понимающей улыбкой «богач» молча исполнил просьбу. Майор, жадно глотая прохладную влагу, про себя отметил, что незнакомец точно знал о мучившей его жажде и дал именно то, о чем Шон подумал, открыв глаза. Чуть погодя, убедившись, что собеседник утолил жажду, «богач» продолжил:

— Майор Эндерс, приношу свои искренние извинения за доставленные вам неудобства, но сами понимаете: когда партизан ведут русские головорезы, действовать нужно быстро.

— Кто вы?

Голос Шона дрожал, в нем слышались истеричные нотки, слова «богача» напомнили, почему он здесь и что случилось на базе. Незнакомец улыбнулся и продолжил:

— Мистер Эндерс, возьмите себя в руки: эвакуация уже идет, вертолеты скоро вывезут ваших людей и часть оборудования из опасной зоны. Что же касается тех, кто был на зачистке, — «богач» с искренним сожалением покачал головой, — ими придется пренебречь. Считайте это безвозвратными потерями. Сейчас важно спасти проект, чтобы с новыми силами...

— Барнет похоронит «Небулу», — сказал Эндерс глухо, с неприкрытыми угрожающими интонациями. — Не удивлюсь, если пожар и налет русских на базу организовал именно он.

— Иногда случайные совпадения выглядят словно хорошо спланированная постановка, — незнакомец откровенно наслаждался моментом, казалось, что ситуация полностью его устраивает, — но, к сожалению, человек не может соперничать в этом искусстве с самим Господом. Поверьте, русские и пожар в наши планы не входили, это лишь удачное совпадение, майор Эндерс.

— Да кто вы, черт побери?!

Шон попытался вскочить, но в этот момент глаза собеседника как-то по-особенному блеснули, и майор, ощутив в теле невероятную слабость, снова упал в кресло. Сердце буквально выскакивало из груди, конечности налились тяжестью, хотя сознание оставалось совершенно ясным.

— Не стоит так волноваться, майор, — тон незнакомца совершенно не изменился, казалось, что для этого толстяка вообще не бывает сюрпризов. — В суматохе я все забываю представиться. Моя фамилия Дюпуи, Малькольм Дюпуи. Я возглавляю банковский конгломерат «Consulting & Investments group», а в данный момент являюсь гостем сенатора Барнета на этом прекрасном корабле. Один из моих концернов крайне заинтересован в вашем проекте, как и в вас лично, майор.

— Я офицер армии США...

— Ну-ну, — Дюпуи укоризненно покачал головой, — я не предлагаю вам предать свою страну, майор. Просто в данной ситуации правительство прекратит бюджетное финансирование проекта. А для безопасности всего свободного мира он чрезвычайно важен. Мы это понимаем и хотим помочь.

— Кто это «мы»?

Шон уже понял, что возня вокруг его детища сведется к предложению о продаже технологии. Удивлял только момент с пассажем насчет «свободного мира», именно поэтому Эндерс не послал толстого банкира в задницу.

— О, наша организация учредила программу частного финансирования для некоторых проектов, находящихся в ведении министерства обороны. Мы хотим поддержать государство в трудную минуту.

Эндерс задумался, прикидывая, в какой переплет он угодил. Ясное дело, что тут оказалась замешана большая политика, которую не делают такими грубыми методами, как поджог военной базы. Кто бы ни стоял за сенатором и этим холемым банкиром с вкрадчивыми манерами, их прежде всего интересует неповрежденная технология, и желательно — действующие прототипы. Для того чтобы все это заполучить, совершенно не обязательно что-то поджигать, достаточно сделать пару звонков, и проект им сдадут о всеми потрохами. Шон стиснул зубы и, крепко зажмурившись, попытался отогнать появившуюся ломоту в висках. Как ему сейчас не хватало аспирина! Мотнув коротко стриженной головой, он снова взглянул в темные, блестящие, словно два агата, глаза банкира.

— О какого рода помощи пойдет речь?

— Рад, что вы оказались не только ученым, но еще и деловым человеком, мистер Эндерс.

Дюпуи мягким движением взял с подноса еще один стакан, бросил в него два кубика льда из стоявшего тут же ведерка и, залив их доброй порцией дорогого, как смог уловить по

запаху Шон, виски, сделал добрый глоток. Поставив бокал на стол, продолжил:

— Мой концерн предоставит вам и вашим людям полный карт-бланш, открытую кредитную линию и полигоны в ЮАР. Там же вы сможете собрать команду специалистов любого профиля, какой потребуется, оборудование во вашем списке.

— Где здесь подвох, мистер Дюпуи?

Банкир откинулся на спинку кресла и совершенно искренне рассмеялся, заставив Шона чувствовать себя неловко, словно он подозревает святого апостола в карманной краже.

— Вы все больше и больше нравитесь мне, майор! Подвох только в сроках и качестве исполнения. Через двадцать месяцев, начиная со дня подписания контракта, вы должны будете представить мне предложения для серийного производства.

— Я могу работать только если со мной будут мои подчиненные, капитаны Нил, Мэтьюс и главный старшина О'Мэлли.

— Считайте, что они уже здесь, майор.

— И... — Шон, сглотнув тягучую слюну, зло сощурился, — я не желаю больше видеть в своих лабораториях полковника Тэлли и эту сладкую парочку, Барнета с Ридом.

— Хорошо-хорошо, это как раз не трудно устроить. Может быть, что-то лично для вас, Шон? — словно спохватившись, банкир поправился: — Вы ведь не против, если я буду вас так называть, майор?

— Нет, мистер Дюпуи, я не возражаю.

— И вы зовите меня просто Малькольм. Нам так много предстоит сделать... Так что насчет просьбы?

— Мне нужен аспирин, после удара по голове я не могу сосредоточиться из-за мигрени.

Банкир понимающе и опять же с совершенно искренним сочувствием на лице вынул из верхнего ящика стола белый пузырек и легонько подтолкнул его к Эндерсу. С трудом сдерживаясь, чтобы не сорвать крышку с прозрачной пластиковой бутылочки прямо сейчас же, Шон с деланным равнодушием опустил лекарство в боковой карман куртки.

— Благодарю вас. Где я могу привести себя в порядок?

— Вторая дверь напротив, по левую руку от вас. Это двухместная каюта, вы будете там один. Адмирал Паттерсон любезно разрешил разместить вас со всеми удобствами, отдыхайте, набирайтесь сил.

Шон кивнул банкиру, вышел, чуть не запнувшись о высокий порог комингса, в коридор и направился в отведенную ему каюту. Там все носило следы поспешных сборов, и Эндерс мысленно извинился перед офицером, чье место он только что занял. Затем, с трудом унимая дрожь в пальцах, он с хрустом отвернул крышку пузырька и высыпал на ладонь сразу четыре таблетки. Подумав, бросил две обратно в пузырек и, плотно закрыв его, с наслаждением стал пережевывать горькое лекарство. Боль и муть исчезли из головы, мысли потекли бодрее. Облегчение от горечи, ощущаемой сейчас, было сравнимо с каплями прохладного весеннего дождя, который бывает только дома. Лицо майора, отраженное в маленьком зеркале на противоположной стене узкой каюты, выражало высшую степень блаженства. Опустившись на койку, Шон впервые за сегодняшний день с облегчением закрыл глаза; ему снова везло, удача вновь повернулась лицом. Правда, этот странный «денежный мешок» Дюпуи его слегка напугал, но майор решил, что дело здесь только в переутомлении и неестественный блеск в глазах банкира ему просто померещился.

Неожиданно откуда-то со стороны берега донеслось эхо прозвучавших подряд пяти гулких взрывов, потом звук повторился еще и еще. Мимолетная мысль о том, что он все-таки

ошибся и сейчас сельву утюжат не только истребители, но и тяжелые «бородавочники»,¹ как-то некстати мелькнула, царапнув сознание. Его лучшие бойцы обречены пасть, возможно, не сделав больше ни единого выстрела. Стиснув зубы, Эндерс вновь вспомнил мамину колыбельную. Своим «суперам», перемалываемым сейчас в труху пятисоткилограммовыми авиабомбами, он уже ничем помочь не может, остается надеяться, что эта жертва будет принесена не напрасно.

* * *

Земля. Южная Америка, северо-восточная граница республики Колумбия. Лагерь «El frente publico-liberador de Colombia». 28 февраля 1990 года, 23:56 по местному времени. Симон Агирре, боец второго взвода партизанского отряда «Знамя Свободы».

— Эй, растяпа! — визгливый голос старого хромоногого зануды Сальватореса неприятно резанул слух. — Эти ящики нужно расставить рядами, да поживее! Я спать хочу!

— Уже заканчиваю, сеньор Сальваторес. Совсем немного осталось.

Стиснув зубы, я рывком ставлю тяжелый патронный ящик в верхнюю часть штабеля и быстро берусь за следующий. Доля простого солдата нелегка: делай, что прикажут, ешь, что останется от старших, и практически никогда не смей засыпать. Из-за этого нудного наряда мне не удалось проводить «советских», хотя попрощаться с Мигелем очень хотелось. Этот русский временами очень напоминал мне старшего брата Хименеса. Нет, внешне они совсем разные: брат невысокий, смуглый и черноволосый, с мелкими чертами лица и веселыми черными глазами в обрамлении пушистых, словно у девчонки, ресниц. Мигель же наоборот: рослый, скуластый, со впалыми щеками и холодными, глубоко посаженными темно-серыми глазами. Голову он почти всегда брил наголо, а белесые брови и ресницы были такими редкими, что их можно было разглядеть только вблизи. Но, как и брат, русский делал все так, что с ним рядом было всегда спокойно, для него не существовало понятия «не могу». Словно надоедливых мух, он отгонял любые неприятности, а его враги не жили долго. Если же, как тогда на болоте, Мигель чувствовал близкую смерть, все его мысли были о других, а о себе русский вообще не думал, будто бы в запасе у него была вторая жизнь. И все равно я чувствовал, что не понимаю его. Старый шаман много рассказывал о далекой стране, откуда к нам пришел Мигель со своими товарищами: бескрайние просторы, непроходимые леса, все, как у нас, только там большую часть года так холодно, что птицы, замерзая, падают на землю и умирают. Деревья трескаются от мороза, и только огромные медведи да свирепые койоты могут выжить. Как в таком краю живут люди, да еще делают такое отличное оружие, как этот надежный автомат — «Калашников», не могу понять.

Пока мысли, словно рой диких пчел весной, вились в голове, руки уже сделали ту работу, о которой так беспокоился Сальваторес. Подхватив автомат, как учил меня Мигель, я, пригнувшись, вышел из приземистой хижины, заменявшей в отряде арсенал. Ночь черным одеялом накрыла лагерь, лишь кое-где мерцали тщательно укрываемые огоньки керосиновых ламп и небольших костров в очагах. Не дойдя десяти метров до хижины, где дрыхли вповалку бойцы, я остановился. Спать не хотелось, хотя позади был день, полный всяких хозяйственных поручений, которыми меня нагрузил новый командир. Сначала таскал воду для кухни, потом помогал этому хрому дьяволу Сальваторесу, отчего до сих пор ощущалось онемение в плечах и побаливали колени и спина. Из хижины доносился запах невымытых тел, табака и оружейной смазки, что явилось еще одним аргументом в пользу

¹ Имеется ввиду штурмовик А-10 компании «Fairchild». Предназначается для нанесения ударов по наземным целям и оказания непосредственной огневой поддержки войск. Он имеет мощное бронирование, высокую маневренность на малых высотах, может нести большое количество вооружений, включая встроенную 30-мм пушку. Однако штурмовик имеет малую скорость, поэтому американское командование вывело их из Европы, опасаясь, что в случае конфликта они не смогут преодолеть мощную советскую ПВО. После распада ОВД и операции «Буря в пустыне» самолеты вернули назад. Штурмовики А-10 обычно действуют совместно с вертолетами «Апач».

вечерней прогулки. Патрулей бояться не приходилось, Пелюда, наш brave вождь на эти несколько дней, следил только за тем, чтобы были выставлены охранение и два обычных поста на тропах, ведущих в лагерь с севера и юго-запада. Поэтому многие жгли небольшие костерки, кто-то подшивался при свете ламп, но, помня о наказании за нарушение приказа команданте Рауля, никто не прикасался к спиртному. Быть брошенным на съедение муравьям означало медленную и мучительную смерть, которой вряд ли себе пожелаешь в здоровом уме.

Неожиданно тонкий звук привлек мое внимание: кто-то напевал старинную рыбацкую песню, с помощью которой деревенские рыбаки с запада заманивают улов к себе в сети. Монотонный, тягучий напев звучал тихо, почти неслышно, если идти по своим делам, но становился явственно различимым, стоило только встать неподвижно и прислушаться. Немного постояв и определив место, где сидел поющий, я понял, что это старый шаман. Пройдя еще метров тридцать, я очутился на окраине лагеря, где колдун устроил свой собственный, сложенный из бамбука и пальмовых листьев шалаш. Никто толком не знает, как и когда он прибил к отряду, теперь казалось, что шаман был с нами всегда. Лечил раненых, когда медичка, сеньорита Анна, не могла ничего сделать, показывал старые тропы, если карта молчала или говорила, что дальше не пройти. Индейцы, которых в отряде насчитывается почти треть, беспрекословно слушались этого сморщенного, как лежалый корень батата, человека, увешанного бусами и плетеными из кожи и трав амулетами. У старика было христианское имя, но все чаще пользовались тем, которым его называли индейцы, — Кавала, произнося его быстро, с ударением на втором слоге. Как-то раз, сильно подвыпив, один из индейцев проговорился мне, что с языка гринго это переводится как «Далекий Голос». Индейцы называли так не только американцев или других белокожих и черных, как ночь, пришлых. Для них «гринго» были все, даже люди из соседних племен. Потом этот разговорчивый парень куда-то исчез, из чего я понял, что о том нашем разговоре лучше помалкивать.

Как я и подозревал, в хижине горел небольшой костерок, а сам Кавала сидел в полном своем облачении, только вместо обычной набедренной повязки его тощую задницу теперь прикрывали криво обрезанные под шорты полосатые камуфляжные штаны, а голову венчало такое же кепи, только убранное птичьими перьями. Короткий плюмаж был закреплен на ленте из сброшенной питоном кожи, хитро пристроенной вместо тульи. Я только один раз видел его таким — в тот день он долго говорил с команданте Раулем, а потом отряд очень быстро ушел с насиженного места. Старик сдвинул кепи на затылок и, пошуровав в костре своим желтым от времени бамбуковым стеклом, бросил взгляд в мою сторону:

— А-а! Ты пришел, как я и просил.

— Не помню, чтобы ты звал меня. — Это было неожиданно, поскольку за последние три дня мы со стариком не обмолвились и словом. — Прости, если опоздал.

— Хе-хе. — Голос у колдуна был скрипучий, от него пробирала дрожь, и кожа покрылась пупырышками. — Нет, ты пришел как раз вовремя. Пора собираться и уходить отсюда, Симон. Это нужно было сделать еще неделю назад, но... Человек с тусклыми глазами из страны, где живут ледяные демоны, должен был взять след. Старый Кавала хотел помочь, теперь все решает Келатипататль, он поведет чужеземца по своим тропам и не даст ему промахнуться. А мы должны уходить...

Что-то такое я и подозревал: эти индейские брукс и правда были поголовно колдунами. У нас в Паломе, где я родился и вырос, тоже жила одна женщина, было ей лет тридцать и звали ее Агнесса. Она просто знала всякие травы, заговоры для скота и красива была — просто страсть, хоть и совсем старая, на мой вкус. Но с индейскими колдунами сроду никто не тягался, говорят, что они могут украсть душу человека, только посмотрев ему в глаза. Поэтому я старался лишний раз не встречаться взглядом с этим замшелым пнем Кавалой и не глядеть в его тусклые маленькие зенки, кто знает, что у старого хрыча на уме. Мысль о том, что пора уходить, показалась мне здоровой и своевременной. В отряде не было ничего такого, что заставляло бы тут задержаться. Полицейских и солдат можно убивать и в

одиначку, терпеть придирки приходилось только из-за науки, которую нам тут преподавали «советские». А сейчас до меня дошло, что Мигель и его солдаты сюда больше не вернуться. Жаль расставаться только с сеньоритой Анной, надо бы ее предупредить, прежде чем исчезнуть.

— Ладно, старик, пойду собирать вещи, да предупрежу сеньориту Анну, может, и она с нами...

Шлеп! Бамбуковая палка шамана молниеносно опустилась на мое левое плечо, и его обожгла резкая боль. Брухо резко приблизил свое лицо к моему, так что я ощутил гнилой запах из его пасти с черными от табака зубами, перебиваемый ароматом, идущим из множества мешочков, нанизанных на ожерелье, покрывающее всю грудь колдуна. От неожиданности я совершенно растерялся.

— Глупый мальчишка! — Колдун встал во весь свой невеликий рост и, пройдя шалаш в два шага из угла в угол, снова сел напротив меня. — Женщина — это порождение Негеулькат, богини леса. Пусть богиня сама спасает свое отродье, нам важно уйти сейчас, пока...

Речь шамана прервала длинная пулеметная очередь, прозвучавшая в ночи, словно трескучий раскат грома; следом гулко бухнули три разрыва. Шаман вскочил и, схватив меня за руку, вытащил из шалаша на улицу.

— Поздно!.. Почему ты предупредил меня так поздно, мерзкий дух! Пошли живее, парень, может быть, мы еще успеем спастись. На, выпей это сейчас же, — Кавала извлек из объемистой сумки, висевшей у него на левом бедре, склянку с темной жидкостью. — Это придаст сил, главное, не смотри на огонь.

— Я этого пить не буду и... — Я собрался оттолкнуть руку старика, но тот с силой вложил склянку мне в ладонь, сжав ее своими сильными пальцами. Невольно пришлось взять пузырек, чтобы продолжить наш бег между оживающими хижинами. Бойцы отряда организованными группками струились меж домов, подтягиваясь к западному краю лагеря, откуда все чаще звучали стрельба и новые разрывы.

— Не будь дураком, парень. Те, кто напал на лагерь, сильнее, чем кажутся. Они видят в темноте, их оружие несет безмолвную смерть, а сами воины подобны злым голодным духам.

Другой бы стал спорить, но я хорошо помнил необычных гринго в странной броне, из-за которых и начались наши неприятности. Зубами вынув плотно притертую пробку, я залпом влил в себя содержимое пузырька. Горло обожгло, в животе словно кто-то плеснул керосина в затухающий огонь, на миг я аж присел от скрутивших меня колик. Старый шаман остановился и в нетерпении приплясывал вокруг, пока я не нашел в себе силы идти дальше.

— А когда подействует-то?..

Но ответить колдуну не дал резкий свист и последовавший за этим звуком хаос. Мне и раньше приходилось метать гранаты, слышать разрывы бомб и один раз даже пережить настоящий налет федералов на старый лагерь. Но тогда все было не так близко: мы отсиделись в лесу, а военные бомбили пустое место. Сейчас все было иначе. Меня ослепила яркая вспышка света, потом что-то огромное бросило назад и вверх, вышибая из легких весь воздух, и со всей дури шмякнуло о жесткую землю. Это был выстрел из РПГ, разнесший в труху арсенал. Но, кроме шума в голове и звона в ушах, я ничего больше не слышал. Зрение странным образом обострилось, а тошнота и слабость, обычные после контузии, как-то не приходили. Попробовал встать на ноги, это с легкостью получилось, лишь земля чуть раскачивалась при каждом шаге. Оглядев и ощупав себя, понял, что, за исключением нескольких неглубоких ссадин от щепок, цел и невредим. Автомат я продолжал держать в правой руке. Осмотревшись по сторонам, я побрел куда-то без всякой цели, досадуя на глухоту, сквозь которую, словно через толщу воды, доносились звуки стрельбы и взрывов. Даже крики людей были похожи на писк moskitov, это казалось даже забавным. Хижины горели практически все, сельва тоже начинала мигать языками злого, дымного огня. Скоро здесь будет не продохнуть, и к ночной темени прибавится гарь от пожарищ.

К остаткам хижины шамана идти не пришлось, на труп старика я наткнулся через

десяток метров, тело бросило под навес, где была общая столовая. Кавалу ударило головой о край широкой скамьи, отчего череп треснул, как перезрелый арбуз. Повинуясь смутному импульсу, я снял с тела матерчатую торбу, из которой старик доставал снадобье, и поднял валявшуюся справа от тела кепку. Повесив через плечо главное вместилище сокровищ нашего колдуна и надев его кепи, я почувствовал в себе странную уверенность: внутренний голос шептал в оглохшее ухо, что это был правильный поступок. Во рту пересохло, и от непроизвольного сглатывания целый шквал звуков обрушился на меня. Выбравшись из-под развалившегося навеса, я осмотрелся и как мог резво побежал к восточной окраине лагеря, где не видно было вспышек огня. Мимо пробежали бойцы, кто-то пытался удержать меня за ремень сумки, но когда я рванулся, пальцы разжались. Словно выпущенный из пращи камень, меня вынесло к горящему лазарету, где на пороге стояла сеньорита Анна.

— Симон, как ты сюда добрался?! — голос Анны перекрывал треск горящих бревен и залихватистый лай пулемета, из которого от бедра палил заместитель Рауля, страшный и огромный, как замшелая скала, команданте Пелюда.

— Я выходил от старого Кавалы, потом что-то взорвалось в арсенале, думаю, из гранатомета пальнули с восточного склона. Потом старика убило... — Голова снова закружилась, но я что есть силы ударил себя свободной рукой по лбу, и дурнота отступила.

— Нужно отступать к скале, где сидят русские, там мы сможем обороняться и уйти по подземному ходу... — Вдруг лицо у докторши вытянулось, она пристально посмотрела на меня. — Зрачки расширены... Что у тебя с глазами, мальчик?

— Н-не знаю... — Слова будто примерзали где-то внутри, прежде чем сорваться с языка. — Брухо дал какое-то снадобье, я выпил. Нам нужно идти, сеньорита Анна. Быстрее!

Всплыла мысль, что план ее вроде здравый, но только теперь русские никого внутрь не пустят, а если дело обернется совсем плохо, уничтожат радиоузел, а сами уйдут. И причем тут колдовская микстура?.. Я знаю, на что рассчитывала Анна, — вызвать по рации Мигеля, чтобы он повернул обратно и пришел за нами. Только он этого не сделает, как бы сильно ни хотел: большие люди, что прилетали недавно, дали «советским» какое-то важное задание, из-за которого, может быть, на нас и напали. Или эта мысль уже приходила мне в голову?.. Черт, снадобье хоть и притупляет боль, но постепенно затуманивает мозги, нужно успеть сказать Анне...

— Сеньорита Анна, нам не следует идти в радиоузел, сейчас темно и охранники будут стрелять во всех, кто приблизится. Мы можем уйти в сельву, по руслу высохшего ручья.

— Но там мины, мальчик.

— Нет-нет! Я был там с саперами команданте Ставо, показывал, где нужно ставить мины. Я знаю, как пройти, только нужно быстрее выбираться отсюда. Пойдемте, прошу вас!..

Но время было упущено: у пылающих развалин штаба выступила знакомая огромная фигура Хесуса Гереро с пулеметом наперевес. Гигант стоял к нам с Анной боком и не замечал ничего, кроме творившегося впереди. Там была сплошная стена огня, горели врытые в землю бочки с горючим, где-то в темноте заливался длинными очередями одинокий автомат. Гереро возился с лентой ПКМ, пулемет казался игрушкой в его руках, но его старания были тщетны. С досадливым выкриком отбросив бесполезное оружие, Пелюда вынул из кобуры здоровенный старинный револьвер. Это был знаменитый именной «кольт-питон», подаренный Хесусу самим генералом Вера. Револьвер три раза подряд плюнул огнем в темноту. Затем еще и еще раз, а потом волосатый гигант вдруг вскрикнул и выпустил оружие, а рука его безвольно обвисла; в плече появилась дыра величиной с кофейное блюдце. Почему-то мой взгляд остановился сначала на тускло блестящем револьвере, на рукояти которого неожиданно ярко горел квадратный красный камень. Рубины! В рукоять

были вделаны рубины,¹ это вдруг принесло мне ощущение невероятной радости, и я тихо рассмеялся. Пелюда в изумлении переводил взгляд с раны на револьвер и снова на рану. Нас с сеньоритой Анной он не видел, как не замечал зрителей и противник команданте. Глаза стало щипать, и на пламя сделалось невозможно смотреть, но стоило мне отвернуться, как Гереро тонко и пронзительно закричал. В следующее мгновение я увидел, как нечто бесформенное, переливающееся, словно струя воды под лучами солнца в полдень, схватило нашего великана и как пушинку подняло в воздух. Грудь Хесуса превратилась в сплошную кровавую рану, в глазах застыла ярость.

Гадать не пришлось, это, без сомнения, был один из этих чудных гринго, только теперь я смог его хорошо рассмотреть. И он тоже нас заметил, потому что огромная туша команданте полетела в огромный костер, пылающий на месте штабной хижины. Американец сбросил свою диковинную маскировку и теперь больше всего походил на рыцаря в доспехах, какими их рисуют в комиксах. Но вместо меча у него был в руках пулемет, который он держал в правой руке, положив необычно толстый сетчатый ствол на локтевой сгиб левой, а за спиной горбом вырастал объемистый округлый ранец. Я дернул замершую в изумлении докторшу за руку и сам тоже начал пятиться, чтобы упасть на землю, откатываясь в темноту. Этот хитрый фокус я подсмотрел у Хименеса во время недавней стычки с полицейскими, он так сделал, чтобы уйти с линии огня. Но Анита взвизгнула, как дура, и повалилась на меня, словно сноп сена. Впрочем, своего я добился — очередь из пулемета «рыцаря» вспорола воздух в том месте, где мы только что стояли. Теперь главным было не потерять темп, и я быстро пополз к окраине лагеря, откуда никто не стрелял. Там были минные поля — наверно, гринго знали об этом и не полезли в ловушки, хитро расставленные команданте Ставо.

Когда огни пожарища стали чуть менее яркими, я оглянулся и чуть было не бросился обратно: докторша исчезла, хотя еще пару мгновений назад я слышал ее хриплое дыхание у себя за спиной. Прокляв всех женщин на свете, я вспомнил слова шамана о том, что за ними присматривает какой-то отдельный демон и негоже мужчине лезть в их дела. Бросать девушку на съедение гринго не хотелось, и я, сжав автомат и бормоча все крепкие слова, какие приходили на ум, повернул в обратную сторону. Меня подгонял отчетливый гул, идущий со стороны океана. Я хорошо помню этот звук, так гудят самолеты гринго, и эта музыка ничего хорошего оставшимся в лагере не предвещает. Я перешел на бег, когда впереди раздался женский вскрик, а потом хлопнули три хлестких выстрела. Вглядываясь в ставшую неожиданно яркой ночь, я увидел Анну, она стояла на узкой тропинке, держа в вытянутых руках маленький хромированный револьвер, какие любят городские полицейские и бандиты из уличных шаяк, из тех, что побогаче. Перед девушкой метрах в пяти стоял давешний «рыцарь» и уже поднимал на уровень пояса пулемет, чтобы короткой очередью срезать беглянку. Думать было некогда: как учил меня Мигель, я передернул затвор автомата, поставил его на одиночный огонь, вскинул к плечу и плавно выбрал спуск.

— Сеньорита, ложитесь!

Тах-тах-тахтах!.. Тяжелые пули одна за другой нашли свою цель и попали в верхнюю треть груди «рыцаря». Я ожидал, что он хотя бы опустит оружие, но пули словно утонули в сырой глине, не оставив на броне ни следа. Американец мгновенно повернул ствол пулемета в мою сторону, и в тот же миг что-то тяжелое ударило меня в правый бок. Но боли не было, я сместился вправо и продолжал давить на спусковой крючок. Потом земля понеслась мне навстречу и ударила в лицо. Сил хватило на то, чтобы перекатиться на спину, и тут Анна вырвала у меня из рук оружие и, довольно умело сменив магазин, выдернутый из моего же

¹ Украшение оружия таким способом не редкость, особенно в странах с нестабильной валютой. Что касается самого оружия, то это крайне мощное, но совершенно непрактичное оружие. Это шестизарядный револьвер калибра.357 — Магнум. В данном случае, с удлиненным (203 мм) стволом. Бой очень точный, но и отдача соответствующая, нередки случаи, когда неопытным стрелкам вырвавшееся из рук оружие наносило травмы и увечия. В настоящее время револьвер снят с серийного производства, но копий по миру гуляет очень приличное число.

нагрудного подсумка, стала беспорядочно палить куда-то. Но вот автомат замолк. Девушка судорожно трясет оружие, жмет на спуск, но патронов уже нет. Некстати вспомнилось, что когда-то, в первом бою, я так же запаниковал и чуть не погиб. Снова стало темно.

...Кто-то кричит. Значит, я ранен и от потери крови теряю сознание. Перед лицом белое платье сеньориты Анны, испачканное чем-то черным. Американец пригвоздил ее к стволу дерева огромным тесаком, рукоять которого торчит у девушки прямо под левой грудью. Узнаю этот клинок: команданте Пелюда на спор рубил им молодые деревья по три за один замах. Гринго больше не обращает никакого внимания на дергающееся в конвульсиях тело девушки. Он что-то исправляет в пулемете, это занимает какое-то время. А я даже пошевелиться не могу от страха. Вот он стоит надо мной, но смотрит в сторону лагеря, и вдруг по его телу проходит судорога и он валится рядом со мной, словно гнилая колода. Превозмогая слабость и легкое жжение в боку, поднимаюсь на колени и подползаю к дереву, где стоит Анна. Девушка уже не двигается, из левого уголка рта на подбородок сочится черная кровь, безжизненные глаза широко раскрыты. Невыносимо смотреть в глаза мертвецу, которого близко знал, невольно в голову приходит мысль, что скоро и ты вот так же будешь ждать, когда грызуны и птицы сделают свое дело. Превозмогая боль, отрываю руку от раны, к которой уже присохла мокрая от крови майка, и закрываю Аните глаза. С опаской дотрагиваюсь до своей раны, руке мокро и горячо, кровь нужно остановить... Сумка шамана все еще у меня на боку, пошарив в ней, нахожу какую-то тряпку и прижимаю ее к дырке в боку. Гул в небе сменился пронзительным воем, и на месте лагеря в одно мгновение выросла стена огня. В который уже раз за последние пару часов я падаю ничком на землю. Боль в боку просто дикая, но это и спасает, потому что появляется потребность в движении и слабость от кровопотери не может полностью подчинить меня своей воле. Взрывная волна не причинила особого вреда, деревья и заросли лиан стоят в сельве сплошной стеной, а мы находимся уже довольно далеко от лагеря. Превозмогая боль и слабость, озираюсь вокруг и, найдя взглядом автомат, подтягиваю его к себе за ремень. Сменив магазин и передернув затвор, понимаю, что патронов больше нет и, значит, ни с кем серьезнее больного дистрофией шакала мне теперь не справиться. Страх гонит вперед, на север, вверх по высохшему руслу. Невольно отнимаю руку от тряпицы и подношу комок почти пропитавшейся кровью белой ткани к глазам. На не заляпанном черными пятнами клочке проступает четкий рисунок: это брод на северо-востоке от лагеря, вот казармы и минные поля... Это была карта, какие я видел только у пленных рейнджеров-федералов и американцев с вертолета, сбитого прошлой осенью. В затуманенный мозг приходит догадка, буквально ослепляющая своей ясностью — старый колдун шпионил для врага! Эта старая обезьяна знала о нападении, но его слишком поздно предупредили и уйти загодя он не успел. Но зачем он тащил меня с собой, почему хотел уберечь? И еще одна догадка, еще один простой ответ: он хотел выйти к своим со свидетелем, вот для чего он поил меня одурманивающим зельем. Так я переставал быть обузой и делал все, что он мне приказывал. Сухость во рту стала нестерпимой, но фляга осталась в лагере. Но скоро поворот на северо-запад, а там, через двести метров, есть родник. Дойду, я точно дойду!.. И мне будет что рассказать бригадиру Аламейде, когда я доберусь до нашей явки в Порто-Виллар. Бригадир помнит моего брата, вспомнит и меня, проблем не должно возникнуть, даже если я не скажу новое секретное слово. Выглянула луна, и стало светло как днем. Не знаю уж за что, но Иисус явно любит меня сегодня.

Щелк! Мои рассуждения прервал тихий, но такой знакомый звук, и сердце упало от осознания неминуемой гибели. Я наступил на мину. И сойти с нее уже не получится, команданте Ставо собственноручно ставил эти «подарки». В последней отчаянной попытке укрыться за деревьями от волны осколков, которые сейчас наводнят воздух, я дернулся вправо, но в то же мгновение прозвучали еще три характерных щелчка: за спиной и там, куда я стремился. Это был «капкан», как его называл советский сапер, — когда наступаешь на одну мину, срабатывают сразу несколько. Из такой ловушки еще никто живым не уходил. Ослепительная вспышка была последним, что я увидел, потом все погрузилось в темноту.

* * *

Земля. Республика Колумбия, заброшенный храм Солнца, мобильный центр управления оперативной группы АНБ США «Коготь». 28 февраля 1990 года, 23:05 по местному времени. Капитан Егор Шубин, военный советник; боевой псевдоним — «Сова».

Когда незнакомые люди слышат мое прозвище, всем сразу представляется либо грациозная, мудрая серая птица, либо потешная мультяшная совушка с хроническим насморком из мультфильма про Винни-Пуха. Но в реале все намного проще, поскольку отец у меня из старой крестьянской фамилии, где в ходу было всего три имени: Савва, Кузьма и Егор. Дед у нас был Кузьмой, мне же досталось самое нейтральное имя, без крайней архаичности. Мне досталось птичье прозвище отчасти из-за непривычного отчества, но более всего по причине удивившей инструкторов способности адаптироваться в сумерках. Я хорошо умею различать окружающую обстановку и даже мелкие предметы без приема стимуляторов. Откуда эта способность взялась — не имею понятия, но в сумерках мне проще ориентироваться, словно меня ведет некое шестое чувство, интуитивно подсказывающее расположение предметов. Иными словами, это не совсем ночное зрение, я просто чувствую, где что находится, даже с завязанными глазами. Но из-за этого не люблю яркий дневной свет, хотя проблем с переносимостью нет, просто не люблю и все. Сейчас «ночное зрение» было очень кстати: луна скрылась за плотным слоем облаков, и лишь иногда порывы резкого западного ветра, приносившего тревожный грозовой запах, вырывали ночное светило из их цепких объятий. Без ПНВ в такой обстановке не обойтись, но я все видел и так, хотя мы втроем путешествовали исключительно ползком на брюхе, словно толстые обьевшиися змеи. Основная, самая долгая, но легкая часть пути была позади, мы без помех вошли в зону перекрестного патрулирования и разминулись с заступившими на смену дозорными противника. После этого группа разделилась, начиная осуществлять задуманный мною план.

Вампир взял курс на северо-запад, где сельва была старой, со множеством глубоких лощин и оврагов, заросших всякой растительной мелочью и заваленных буреломом и гнилушками. Там патрули ходили не так часто, но зато большими, по три отделения, группами. Вампир задумал провести отвлекающий маневр, подпалив джунгли с помощью подручных средств и пары термитных шашек. Пал пойдет в сторону базы и вызовет панику, к тому же Андрюха собирался под шумок резко сократить поголовье противника, что у него всегда получалось с артистизмом и выдумкой. Трудность заключалась в том, чтобы не попасть в зону пала самому и выйти за пределы работы четырех пулеметов охраны периметра. Вся надежда была на густой лес и суматоху, вызванную пожаром.

Следом ушел Дуга, путь которого лежал северо-восточнее, огибая базу с правой стороны от точки входа основной подгруппы, где находились я, Мурзилка и Детонатор. Сانه досталась не менее сложная задача — прикрывать отход и отсечь преследователей на пару часов. В его секторе была дорога, ведущая к побережью, где мы собирались ждать моряков. Там сконцентрировалось до трех десятков пехоты, плюс мобильные патрули на легких джипах с пулеметными турелями. Задача пехоты — выгнать нас поближе к дороге, под огонь патрульных; тактика старая, хорошо зарекомендовавшая себя во время нескончаемых лесных зачисток. Моя задумка была в том, чтобы вывести патрульные машины в сектор к Дуге и, по возможности, завладев уцелевшим транспортом, на скорости прорваться к поляне, оставив машину как ложный след, уводящий погоню в противоположную сторону, южнее дороги. В темноте, войдя в раж, преследователи однозначно пойдут по явно оставленному следу, что даст нашей группе время уйти к побережью, а потом — желтое солнце и белый пароход.

Но так ли все выйдет на самом деле, пока сказать было трудно. Вот сейчас мы ползем по следам ушедших со смены патрульных, а Славка чуть ли не роет носом сухую землю, выискивая мины, ведь в такой темноте мы запросто можем отклониться от почти незаметной

стежки и угодить на поджидające нас «сюрпризы». До подножия вышки, являвшейся еще одной частью моего плана, оставалось уже метров тридцать, отгоняю посторонние мысли и прислушиваюсь. Пока все относительно тихо, слышны лишь звуки, обычные для военного городка: стук дизеля, обрывки громких разговоров, далекая мелодия из радиоприемника или магнитофона вторит крикам ночных птиц и треску крыльев насекомых, — мошара звенит с досадой, поскольку мазь отгоняет ее от лакомого тела белого человека, — вот, пожалуй, и вся гамма звуков. Неожиданно в наушнике шуршит четкий голос Вампира:

— Гроссмейстер, здесь Черный Ферзь, я на позиции.

Тихо жму тангенту положенные на отзыв три раза и шепчу в кулак, поскольку микрофон и так подхватит мои слова по вибрациям голосовых связок:

— Слышу тебя, Черный Ферзь, дожидайся первого хода белых, не начинай игру без отмашки.

Мы нашли способ обходиться без подтверждающих фраз, чтобы экономить время, вместо этого снова жмешь на клавишу передачи и тоновым сигналом даешь подтверждение. Получается удобно и надежно, когда нет времени и нельзя выдавать себя голосом. В ответ послышались два щелчка, и Вампир отключился. Я собрался догонять ушедших вперед Мурзилку и Детонатора, но увидел, как бывший направляющим сапер остановился и заелозил на месте. Мы снова замерли, пока Славка не показал, что все в порядке и можно двигаться дальше. Так прошло еще около получаса, и я уж начал думать, что мы потеряли направление и, может быть, уже сейчас ползем по минам. Но вот высокий подлесок кончился, и перед нами, чуть сместившись влево, показалась заботливо замаскированная наблюдательная вышка. Я, приложив ладонь ко рту, довольно похоже изобразил трескучий крик попугая, дав бойцам сигнал остановиться. Мы рассредоточились метрах в двадцати перед вышкой, чтобы время от времени пробегающий по зарослям желтый луч прожектора не схватил кого-либо из нас в движении.

Мурзилка знаками дал понять, что он выдвигается, но мне пришлось его остановить: такое сооружение, конечно, никто минировать смертельными «гостинцами» не станет, но пару сигналок со стороны леса вполне могли поставить. Сапер аккуратно срезал дерн под сеткой ограды, на случай, если есть сигнализация, и за десять минут соорудил довольно широкий подкоп, расширив его вертикальными алюминиевыми подпорками. Теперь в образовавшийся лаз мог пролезть и он сам, и любой из нас. Затем, словно большой сом между сваями речного моста, он буквально обтек поочередно все четыре опоры вышки и мигнул нам зауженным лучом фонаря с красным светофильтром: мол, все было нормально. Только после того, как сапер вернулся обратно, Мурзилка, сняв с себя большую часть амуниции и оставив мне основное свое оружие, аккуратно двинулся к лестнице, смутно видневшейся в переплетении лиан и металлического профиля вышки. Достигнув цели, снайпер совершенно бесшумно начал подниматься вверх. Это стало моментом истины, поскольку все строилось именно на том, что Мурзин тихо снимет наблюдателя и мы какое-то время сможем работать спокойно. Высотная позиция в операции вроде нашей — это практически половина успеха, особенно если там сидит снайпер с бесшумным оружием. Время замерло, мгновения потекли невероятно медленно, мы с Детонатором расползлись на пять метров друг от друга, чтобы в случае чего попытаться начать прорыв и прикрыть отход Мурзилки.

— Гроссмейстер, здесь Белый Ферзь. Минус один.

Тихий голос Мурзина был спокоен, что означало открытие счета. Отжав тангенту и дав сигнал, что понял, киваю Славке, чтобы прикрывал, и ползу к лестнице, прихватив с собой вещи снайпера. Потом поднимаюсь на смотровую площадку, где уже колдует над тушкой часового наш затейник. Часового Мурзин снял удавкой, чтобы местная живность не лезла на кровь. Солдат, скорее всего, смотрел в противоположную сторону и не успел оказать сопротивления. В четыре руки мы приматываем часового к станку развернутого в сторону леса пулемета, спаренного с прожектором, и, проверив, как тот стоит, начинаем спускаться обратно. Мурзилка давно опробовал этот трюк, суть которого — в создании у противника

впечатления, что их товарищ просто запаниковал или сломалась радиостанция. Так волынить можно только в суматохе, при других обстоятельствах трюк не сработает. Но и это еще не все: стрелок опускается чуть ниже уровня пола вышки, находясь у одной из задних опор, и с помощью такелажа закрепляется на ней, дергая труп наверху за веревки. Таким образом, турель и прожектор исправно вращались, а стрелку почти ничего не угрожало: можно вести наблюдение и стрелять. Задача облегчается еще и тем, что все опоры опутаны молодыми побегами лиан и еще каких-то ползучих растений типа вьюнов. Видимо, как и пространство между заграждениями, опоры чистили избирательно, скорее всего, выжигая почву и саму изгородь. Штука в том, что в сельве это практически бесполезно, что на сей раз нам на руку.

Я снова спустился на землю, и мы с Детонатором поползли дальше. Впереди снова показалась стена из мелкаячеистой сетки, разделенная на равные прямоугольники основательными стальными столбами. Вторую линию мы миновали тоже без особых затруднений, лишь пару раз пришлось вжиматься в землю под скользящими лучами прожекторов, размещенных на плоских крышах казарм. Там, в стрелковых ячейках, обложенных мешками с землей, сидело по паре часовых, внимательно осматривавших участки периметра, выхватываемые из темноты лучами прожекторов.

— Гроссмейстер, я Черная Ладья, — раздался в наушнике голос Дуги. — Занял позицию, готов к игре. В секторе двадцать шесть болельщиков, три тележки с закусками, к антракту могут создать проблемы.

Не имея возможности произнести ни слова, я четыре раза отжал тангенту, давая Дуге сигнал, что понял и приказываю ждать. Три мобильных патруля на джипах с пулеметами, плюс целый взвод пешеходов... Будет тяжело. С большими предосторожностями мы со Славкой миновали хорошо просматриваемый и освещаемый сразу с трех постов участок между второй и третьей линией заграждений. Пришлось основательно попотеть, чтобы не обратить на себя внимание проходившего тут каждые пятнадцать минут пешего патруля. Янкесы бдительно оглядывались, светя мощными фонарями на любой посторонний шум. Дав отмашку Детонатору выдвигаться к цистернам топлиохранилища в восточной части периметра, я приготовился к выполнению самой ответственной части плана. Но для этого необходимо было найти укромное место, ну хотя бы вот с видом на живописные развалины, высившиеся точно в центре базы. Информатор довольно точно все перенес на план, поэтому я без труда сориентировался на местности и понял, что следует подобраться ко входу в храм как можно ближе. Скоро Вампир начнет кошмарить местную стражу, а там и до паники недалеко — проскользну в суматохе внутрь и заберу микросхему. Обеими руками бережно держа автомат поперек груди, ползу вслед за удаляющимся вправо, к западной части ограды, патрулем. Мне удастся броском преодолеть расстояние между сеткой ограждения и стеной длинного одноэтажного барака, по всей видимости это казарма. Замерев возле темного окна, перевожу дух, провожая взглядом удаляющихся патрульных. Чем бы ни было давнее мне укрытие здание, долго тут оставаться нельзя — патруль через десять минут пойдет обратно, и тогда пиши пропало. Вроде бы на этой крыше нет стрелков, слишком много перекрестных секторов наблюдения с вышек и с земли — направление надежно прикрыто, нет смысла ставить наблюдателей. Нужно попробовать влезть на крышу, благо у таких строений они плоские, и попытаться затаиться там до поры. Выровняв дыхание и прикинув время возвращения патруля, отжимаю тангенту рации, получился один длинный гудок, что означает для всей группы полную готовность и внимание.

Я вызываю Мурзилку:

— Гроссмейстер — Белому Ферзю, внимание. Даю засветку своего местоположения, наблюдай.

Вынув из нагрудного кармана «разделки» инфракрасный фонарик, пускаю две короткие вспышки в сторону лежки снайпера. Его задача сейчас — прикрыть мое перемещение, контролируя часовых или любого, кто окажется поблизости.

— Здесь Белый Ферзь, вижу тебя, Гроссмейстер. По секторам с северо-запада — зеленый свет; восток — красный, осторожно.

Это означает, что сторона, обращенная к ограде, сейчас не просматривается. Я просигналил: понято, повернулся лицом к ограде и гусиным шагом, в полуприседе, повернул за угол, окончательно скрывшись в тени. Подпрыгнуть и, подтянувшись на руках, забраться на невысокую стену — дело пары секунд. Перебравшись на ребристую поверхность плоской крыши, я понял, что не ошибся — вокруг не было ни души. Лучи прожекторов с соседних крыш на северной и северо-западной сторонах периметра пару раз мазнули толстыми белыми щупальцами буквально в десятке сантиметров над моей головой. Но теперь все уже позади: группа вышла на исходный рубеж, и скоро мы проверим, каковы шансы у наших оппонентов, когда они вынуждены играть в обороне. Перекатившись ближе к бортику у северной торцевой стены, я вызвал Вампира:

— Гроссмейстер — Черному Ферзю, твой ход.

— Здесь Черный Ферзь, — голос Вампира был сильно искажен статикой, непонятно откуда появившейся, — у меня было несколько горячих поклонников, но удалось избежать аплодисментов. Начинаю кошмарить.

Это означало, что Андрей не смог остаться незамеченным и в скором времени на базе так и так объявят тревогу. Но делать нечего, и я снова приник к земле, чтобы прояснить обстановку.

— Гроссмейстер — Белому Слону, как с гостинцами для наших друзей?

— Все тип-топ, Гроссмейстер, жду только отмашки, сам сижу в партере, готов прикрывать ваш отход.

Славка, по всей видимости, уже поставил мины, чтобы вырубить генератор, и тогда у янкесов останутся только ручные фонари, они лишатся своего главного преимущества — освещения. Я глянул на часы, время к полуночи, и тут порыв ветра донес до меня отчетливый запах гари. Так вот почему Вампир нарвался на патрульных: этот чертов вундеркинд попутно расставлял запальные заряды и попался на глаза кому-то из охраны. Лес скоро начнет полыхать: по данным метеослужбы, дождя в этих местах не было уже неделю. Местные с ужасом говорят, что гектары леса выгорают дотла и иногда пожар тушат месяцами. В конце концов он утихает сам, когда пищи для пламени совсем не остается.

— Гроссмейстер — Белому Ферзю, как обстановка в периметре?

Мурзилка откликнулся сразу, он тоже слышал, что Вампир наследил, и поэтому уже внимательно наблюдает за сектором приятеля.

— Здесь Белый Ферзь, пока все по плану, есть кипеш у западных ворот, признаки лесного пожара с вектором северо-запад. Учитывая направление и скорость ветра, пал идет сюда, огонь будет у границ периметра через двадцать минут, может, чуть позже.

Завыла сирена, лагерь осветился дополнительными огнями, и началась долгожданная суэта. К западным воротам стали стягиваться вооруженные люди, формировались как минимум три группы по десять-двенадцать человек. Наверняка обнаружили пропажу тех, кого втихаря вальнул Вампир. Вот сейчас-то и должно произойти самое главное: микросхему, среди прочего ценного оборудования, будут эвакуировать в первую очередь и скорее всего по воздуху. На площадке стоит военная вертушка, явно присланная с авианосца как раз на случай чего-либо подобного. Теперь нужно внимательно следить за входом в развалины и срисовать момент, когда прибор повезут на корабль.

— Гроссмейстер, здесь Черный Ферзь, — голос Вампира возник неожиданно, на заднем фоне слышался какой-то шум, далекие крики местной фауны. — В мою сторону идут фанаты игры, взвод или около того, разворачиваются для прочесывания.

— Гроссмейстер — Черному Ферзю, помотай их минут двадцать, если получится. Потом отходи под прикрытие Черной Ладьи.

В наушнике вместо ответа раздался сильный треск, последнее, что я услышал, был звук частой, беспорядочной стрельбы из нескольких стволов. Теперь все зависело от мастерства нашего «солиста», но в еще большей степени от того количества везения, что ему отмерила Судьба.

Тем временем дым густел, превращаясь в подобие белесого тумана. В наступившей

темноте он казался еще более белым, что затрудняло наблюдение мне, но пока не сильно мешало Мурзилке.

— Белый Ферзь — Гроссмейстеру, от входа в направлении вертолетной площадки идет группа людей.

— Сколько их, Белый Ферзь?

Похоже, зашевелились, но что-то мешало мне поверить, что столь ценный прибор так быстро извлекли и упаковали. Слишком уж молниеносно все случилось. Я с тревогой ждал доклада наблюдателя, по ходу прикидывая, как можно будет остановить охранников груза.

— Белый Ферзь — Гроссмейстеру. Вижу четверых: двое болельщиков, тащат под руки третьего, по-моему, человек перебрал. Четвертый — скорее всего главный.

— Принято, Белый Ферзь. У кого-нибудь из них есть в руках чемодан или бронированный футляр? Есть намек на наш призовой кубок?

— Гроссмейстер, ответ отрицательный. Только калькуляторы, больше ничего.

Похоже, что это какие-то внутренние разборки, к нашему спектаклю отношения не имеющие. Двое морпехов тащат к вертолету закованного в наручники или связанного человека, а еще один их сопровождает. Ну и пусть себе чешут к вертушке, рано разминивать элемент внезапности на сомнительное телодвижение противника.

— Гроссмейстер — Белому Ферзю. Продолжай наблюдение, этих пропусти к вертолету, пусть уходят. Думаю, что пустышка.

База наполнилась морем посторонних звуков и всполохов света. Сейчас важно было выждать: на борьбу с явным прорывом, который американцам демонстрировал Вампир, уже оттянуто большинство свободных сил, остальные, скорее всего, получили приказ об эвакуации. Поэтому мы сможем под прикрытием темноты и естественного задымления проникнуть в узел связи и изъять либо уничтожить искомый прибор. Достав из бокового подсумка детектор, который мне дал журналист, я поводил им из стороны в сторону. Стрелка упрямо шла вправо, указывая на источник излучения в развалинах, даже не шелохнувшись в направлении скрывшихся из виду конвоиров и пленника. Прибор был все еще внутри, это обнадеживало.

— Белый Ферзь — Гроссмейстеру! Вижу еще троих у входа в храм, один из них с металлическим кейсом, пристегнутым к руке. Похоже, это наш приз. Могу работать.

Я глянул на прибор: стрелка, словно взбесившись, скакала по шкале от одного края к другому. Сжав тангенту и послав всем сигнал готовности, я отчетливо произнес:

— Внимание черным и белым: всем внимание, общая готовность. Белый Ферзь — работай по определенной групповой цели.

Скрючившись так, чтобы силуэт мой не слишком выделялся на фоне ровной плоскости крыши, я сжал в руках автомат, приготовившись к броску и забегу через открытое пространство. Как только Мурзилка положит или подранит вылезших наружу техников, несомненно идущих к вертолету с нашим призом, мне предстоит под прикрытием дымовой завесы забрать чемодан, удостоверившись, что искомая микросхема именно в нем. Знаю, звучит, как исповедь самоубийцы, но в нашем деле наглость — второе счастье.

В это мгновение заработали сразу три пулемета на вышках, над моей головой пошли четкие росчерки трассирующих пуль. Лучи прожекторов, увязая в дыму, тоже потянулись в мою сторону, но свет их, все более рассеянный и блеклый, уже ничем не мог помочь своим хозяевам. Ожила рация:

— Белый Ферзь — Гроссмейстеру. Оглох от стоячей овации. Продолжаю играть, все в норме. Работаю.

— Белый Ферзь, как сильно тебя оглушило?..

Ответа не последовало. Мурзилку зацепило случайной очередью — будь его позиция раскрыта, сейчас возле моего укрытия и вокруг вышки уже бы суеилось с десятков солдат. Так тоже бывает, когда случайность ломает четко спланированную операцию.

— Гроссмейстер — Белому Слону. Похоже, нам шах. Выдвигайся к призовому сектору, страхуй меня.

В ответ раздался только прерывистый тоновый писк — позиция Детонатора оказалась под угрозой или была вскрыта противником. Славка сигнализировал, что отходит, меняя позицию. Теперь все зависело только от меня, план полетел к чертям. Резко выдохнув, я скатываюсь с крыши. Выходя из кувырка и низко припадая к земле, бегу по утопанной до состояния твердого асфальта земле к удаляющейся в сторону вертолетной площадки группе людей. Разглядеть их можно только схематично: один высокий, сухопарый, одет «по гражданке», в светлый, может быть, бежевый или серый, костюм; второй, у которого к руке пристегнут кейс, в парадной форме с поблескивающими в свете прожекторов знаками различия. Остальные — просто пара охранников, они волнуют меня в последнюю очередь. Бег по задымленному плацу, когда вокруг полно мечущихся в суете вооруженных людей, это не для всякого. Но поверьте, проблема тут есть только для несведущего в нашем деле, стороннего наблюдателя. Когда вокруг неразбериха, да еще дым и темень, люди перестают мыслить как индивидуумы, отдельный разум выключается, подчиняясь инстинкту толпы. Зрение выключается тоже, все ориентируются на звук, срабатывает нечто, дремлющее с доисторических времен, когда человек жил в темных пещерах. Тут главное повторять движения массы, не выделяться: все бегут и ты беги, кто-то орет — смело подключайся, но на полтона ниже. Тогда толпа на уровне инстинкта примет тебя за своего, и не важно, что ты одет в лохматый костюм, напоминая лешего, главное, что ты делаешь то же, что и все. Так работает общий принцип «человека-невидимки»: не выбиваться из общего ритма как можно дольше.

Бег у меня получался с препятствиями, то и дело приходилось лавировать между двигавшимся к западному КПП транспортом и замирать, когда рядом оказывались слепо шарившие вокруг себя фонарями люди. Переждав, пока вперед поедетдвигающийся резкими толчками джип с тремя орущими команды вояками, я помчался на северо-восточную оконечность базы. Тут, между развалинами храма и восточным КПП, было открытое место, сейчас заполненное снующими туда-сюда людьми, но их было от силы с десятков, включая спешившую к вертолетной площадке компанию. Вот дистанция между нами сократилась до расстояния, с которого можно открывать огонь. Мурзилка молчал, видимо, ослаб от потери крови или убит, Славка тоже не давал о себе знать, поэтому я, припав на одно колено, вскинул автомат к плечу и, поймав в прицел плотную массу теней справа от меня, начал выбирать спуск, сопровождая цель движением ствола.

Раздался резкий визг тормозов, в глаза мне ударили два желтых снопа мутного света, а затем меня словно боднул в левый бок локомотив. Удар получился страшный: в глазах заплясали кроваво-синие круги, левая сторона тела занемела, и следующее, что я увидел, было растерянное лицо чернокожего морпеха.

— Эй! — голос негра дрожал от страха. — Приятель, я в темноте тебя совершенно не разглядел, как ты?

Меня сбил армейский джип, нагруженный какими-то канистрами, укрытыми брезентом. В машине больше никого не было, водила ехал один. Пока морпех в закопченной полевой форме приглядывался ко мне, я быстро ощупывал себя, одновременно стараясь двигать конечностями. Повезло — удар пришелся по касательной, в худшем случае сломано несколько ребер и вывихнуто плечо. Автомат я из рук не выпустил, поэтому просто дал водиле подойти на пару метров и два раза нажал на спуск. Негр охнул и мягко, без единого звука, осел на землю. Подниматься мне было нелегко, кости и мясо вопили, что с ними обошлись не слишком вежливо и они отказываются служить как в былые времена. Проще всего в таких случаях вколоть обезболивающее и вроде как бежать дальше, но это неправильно. Стимуляторы затуманивают сознание, притупляют инстинкты, кроме того, их действие рассчитано на последний рывок, когда надежды на спасение нет и нужно подороже продать свою жизнь. Не мой случай, поскольку все только начинается, боль лучше чувствовать, она может стать помощником.

Двигаться было не слишком тяжело, но осмотревшись кругом, я понял, что упустил добычу. Вынув из подсумка детектор, глянул на стрелку индикатора, которая после недолгой

пляски замерла в крайне правом положении, точно показывая источник сигнала. Развернувшись в нужном направлении, я снова побежал. Люди и машины мне больше на дороге не попадались, но скоро обнаружилась другая проблема: я снова был в двух десятках метров от входа в развалины храма. Резануло по нервам чувство досады — или эта хренова коробка сломалась, или ученые опять что-то напортачили!.. Спрятав злосчастный прибор в подсумок, я совсем уж было развернулся в обратную сторону, как вдруг ожил наушник, хрипя слабым голосом Мурзина:

— Белый... Белый Ферзь — Гроссмейстеру... Цель на вертолетной площадке, работать не могу, слишком большое расстояние... Не вышло приложить... коленку только подпортил какому-то штатскому...

Все запуталось еще сильнее: получается, что в кейсе было что-то другое и я чуть не завалил всю операцию. С юго-восточной окраины базы послышался отчетливый стрекот винтов, который стал быстро удаляться в сторону побережья. Отжав тангенту, я вызвал Мурзилку:

— Белый Ферзь, я Гроссмейстер, как сильно ты устал, в сон клонит?

В ответ я ничего не услышал, Мурзин либо мертв, либо потерял сознание. Решение пришло само собой, поскольку своих мы никогда не бросаем.

— Гроссмейстер — Белому Слону, отзовись!

— Здесь Белый Слон. Слышу тебя, командир.

На душе стало теплее: Славка справился и не дал себя убить. Потом такие моменты вспоминаются чаще всего, затирая всякие ненужные мелочи. Присев у сложенных в полутораметровый штабель металлических труб, я снова вызвал Детонатора:

— Гроссмейстер — Белому Слону. Белый Ферзь выбыл из игры или под шахом, проверь и помоги. Ждите меня у буфета, скоро буду.

Конечно, если Мурзин мертв, то Славка все равно заберет тело и постарается его спрятать или уничтожить, что в сложившихся обстоятельствах нетрудно. Скоро тут будет бушевать пожар, который после себя улик не оставит. Я двинулся к входу в развалины, довольно с меня этих ребусов, пора закругляться с поисками. Но тут же пришлось снова скрыться — раздался вой автомобильного двигателя, работавшего на высоких оборотах, и к дверям подкатил еще один джип. Оттуда выпрыгнул и сразу же заторопился зайти внутрь храма давешний сопровождающий из группы, которую я так некстати упустил. В свете фонарей я успел разглядеть только полевую форму нового образца и обычный для морпехов автомат с подствольником. Машина осталась у входа с включенным двигателем, значит, этот шустрый мужик там долго не задержится. Я вынул детектор еще раз, и сейчас его показания мне совсем не нравились: интенсивность излучения упала, а если чип поместят в какой-нибудь хитрый контейнер, может статься, и совсем пропадет.

— Белый Слон — Гроссмейстеру, — голос Славки дрожал от сильных помех. — У нас минус один, командир.

— Гроссмейстер в канале, понял тебя, Белый Слон. Собери инструменты и снимай Белого Ферзя с доски.

Мурзилка погиб. Видимо, держался из последних сил, стараясь выполнить приказ. Жаль, что такой веселый и добродушный парень, как Никита Мурзин, сгорит дотла за тысячи километров от своей родной Псковщины. Так часто бывает: ни холмика, ни памятной надписи, одна отметка в рапорте и неопознанные останки. Даже само место, где захоронили кого-то из ребят, останется неизвестной точкой на карте. На наших могилах не ставят крестов.

Сжав зубы, даю Детонатору команду на подрыв энергогенераторов. Взрывов нет, столбов огня до небес тоже — направленные заряды действуют почти беззвучно. Гаснут прожектора на вышках, исчезают редкие россыпи огней на крышах бараков и в окнах. Аккуратно обойдя джип и встревоженно вглядывающегося в сгустившуюся тьму водителя, в полуприседе иду к широким храмовым воротам. Как только мы с водилой оказались на одной линии, ловлю в прицел его стриженный затылок и два раза стреляю. Голова неудачно

подвернувшегося под руку статиста с глухим стуком опустилась на рулевое колесо машины, словно он заснул. Так или иначе поднимется шум, ведь, досматривая каждую комнату, кого-нибудь да вспугну. На западе пожар уже вплотную подошел к ограждению первой линии, одна из вышек уже горела, огромным факелом рыже-черного пламени освещая все вокруг. Из сельвы уже возвращались бойцы, отправленные на поиски «диверсантов», то есть нас, — пожар заставил отступить. Скоро станет светлее, чем днем, нужно торопиться. Створки массивных стальных дверей закрыты, но для этих целей у меня есть универсальный ключ. Из под сумки осторожно извлекаю плоскую шайбу термитного направленного заряда и накладываю черный кругляш слева и сверху от цифровой панели доступа. Мигнула короткой вспышкой пиросмесь, и створки двери приоткрылись.

Внутри все, как я и ожидал. Прямой длинный коридор, захламленный обломками камней, да красный свет аварийного освещения. Дверей всего три, две по левую руку от меня заперты, а вот третья, та, что справа и самая дальняя от входа, — открыта настежь, и оттуда доносится нестройный хор голосов. Судя по интонациям, говорят трое, причем один из них ругается, словно заправский грузчик. Само собой, английский язык на цветистые обороты не так богат, как русский, но обладатель прокуренного баса выжимал из него весь возможный максимум.

— Иди в жопу, майор! — орал он. — Я угрожал на эти ходячие жестянки пять долбанных лет и не брошу своих парней гнить в джунглях!

— Это приказ, главный старшина, — другой голос был тоже не из ангельских, но на полтона ниже и поспокойнее. — Сферу вынет капитан Нил, а вы подготовите к эвакуации остальные образцы.

— Майор Рид, сэр! — это вступил резковатый тенорок третьего участника. — Старшина О'Мэлли прав, мы вполне сможем вывести всех троих в зону экстренной эвакуации, пока идет подготовка к транспортировке. Лишнего времени на это не потребуется, уверяю вас.

Повисла пауза, во время которой я успел посыпать себя каменной пылью и мусором, чтобы мой прикид не выделялся на общем фоне, и затаиться у какого-то высокого металлического шкафа. Если не приглядываться, из меня получилась просто еще одна куча мусора. В коридоре было относительно тихо, только слышались бряканье железа и отдаленные расстоянием голоса других людей, видимо, дальше по коридору были еще комнаты.

— Хорошо, господа, — это заговорил тот самый майор Рид, — у вас есть сорок минут, по истечении которых я вернусь и лично вырублю тут все. И учтите, авиацию я отзывать не имею права, пусть все решает случай. В конце концов, у меня приказ эвакуировать только базу. Поторопитесь, джентльмены.

По звуку шагов я понял, что из комнаты вышли двое: один пошел дальше по коридору, а другой направился к выходу. Пристрелить его придется обязательно, но только подальше отсюда. А вот труп спрятать быстро не выйдет, лучше дожидаться, когда человек пройдет к самому выходу. Звук шагов стал совершенно отчетливо слышен, вот высокая фигура поравнялась со шкафом. Не меняя положения тела, я осторожно поднял автомат и, поймав жертву в прицел, начал считать шаги. Вот он уже в двух метрах от двери...

— Меркурий-три.

Эти слова отчетливо прозвучали с того места, где замер возле двери янкес. Говорил он с ярко выраженным американским акцентом, но правильно и понятно. Американец назвал пароль агентурной сети «Меркурий», который используется только для завербованной агентуры при экстренном контакте. Это могла быть подстава, но тогда этот странный охранник уже давно мог бы нажать кнопку тревоги или рвануть в одну из боковых дверей и завязывать разговор было совершенно не обязательно. Ждать больше было нельзя, поэтому я отозвался как положено:

— Нептун-шесть. Автомат спусти на ремне до пола, руки держи перед собой и выходи наружу, там поговорим.

Незнакомец молча повернулся и, волоча автомат по полу, вышел на улицу. Увидев мертвого водителя, амер покачал головой и медленно повернулся ко мне лицом.

— Времени у нас не так много, товарищ, — последнее слово он произнес почему-то с иронией. — Я работаю за деньги, и мне хотелось бы ими воспользоваться, как только все это закончится. Господин Шмидт обещал мне это, мы заключили сделку, и я свои условия выполнил.

— Назови причину, по которой мне следует оставить тебя в живых, никакого Шмидта я не знаю.

Про себя я отметил, что этот майор и есть наш источник на базе, что довольно удачно вышло. Такой человек, как этот Рид, всегда будет вне подозрений, поэтому не следует обнаруживать свою заинтересованность, пусть старается.

— Как и в прошлый раз, это информация и... — агент досадливо поморщился, — моя помощь, но на многое не рассчитывайте.

— Тогда к делу, мистер. Как заставить того умника из комнаты связи открыть мне дверь и выбраться с базы?

Рид улыбнулся снисходительно, мимика его говорила о том, что я попросил о смехотворной услуге по сравнению с теми деньгами, которые ему заплатил журналист. Тем лучше для нас обоих.

— Через пару минут я войду в здание и перезагружу систему безопасности внутреннего комплекса, тогда замки всех дверей на этом уровне откроются сами. У вас будет время, чтобы войти, забрать то, что вам нужно, и уехать на моем джипе.

— Благодарю, как раз нечто подобное я и планировал...

— Не обольщайтесь, товарищ, — в глазах Рида вдруг мелькнула такая неприкрытая злоба, что пристрелить его захотелось просто из чувства самосохранения. — Вас будут искать, и я возглавлю эту операцию. Сейчас все козыри у вас, но я буду делать свою работу хорошо, далеко уйти вы не сможете.

— Всегда приятно иметь дело с честными людьми. Давайте работать, майор. Как говорят у вас на родине, время — деньги.

...Все случилось именно так, как и говорил этот странный агент: как только мы вновь вошли в здание, Рид скрылся за одной из запертых дверей, знаком показав мне, что на этом наши пути расходятся. И как только я оказался возле помещения узла связи, мигающее освещение погасло совсем, а все двери с легким клацаньем чуть приоткрылись. Не теряя времени, я ринулся в открывшийся узкий проем и, очутившись внутри, сразу же ушел в сторону. В следующую секунду снова загорелся свет, и дверь позади меня, слабо зажужжав, встала на место. Путь в коридор был отрезан. Но я напрасно опасался подвоха, в зале никого не было, кроме узколицего мужчины среднего роста в лабораторном халате, накинутом поверх обычной полевой формы. Гладкие прилизанные волосы и незажженная курительная трубка в зубах, бескровный тонкогубый рот и крючковатый шнобель, — этот господин напоминал карикатуры, на которых раньше изображали типичных англичан: худощавые, с постным выражением лошадиного лица и обязательно с трубкой в зубах.

«Англичанин» меня заметил, и на его лице читалось крайнее изумление. Не вставая с кресла, он спросил:

— Что вам нужно?

— Руки вытяни перед собой и смотри вперед. Шевельнешься или снова откроешь рот без спроса — колено тебе прострелю. Не смертельно, зато танцевать уже не сможешь.

По-английски я говорил достаточно чисто и, судя по страху, отразившемуся в глазах у ученого, он меня отлично понял. Оглядевшись вокруг, я наконец увидел то, что стоило жизни моему бойцу. В глубине зала, на массивной подставке, опутанной проводами и тянущимися куда-то к стенам силовыми кабелями, стояла небольшая пирамидка без верхушки. Материал, из которого она была сделана, на вид очень напоминал белый мрамор. В углублении лежал светящийся мягким синевато-фиолетовым светом небольшой шарик, вроде как стеклянный. Поведя стволом в сторону пирамиды, я обратился к «англичанину»:

— Вырубай тут все, аккуратно вынь вон тот красивый шарик и дай его мне. Только без фокусов, англичанин, помни про колено.

Но зануда в халате не шевельнулся, всем своим видом выражая презрение к смерти, какое часто бывает у совершенно незнакомых с этой стороной жизни людей. Лекарство от этой хвори только одно: я опустил оружие и, взяв иностранного «самоделкина» за ворот униформы, турнул в сторону опутанного проводами стенда. «Англичанин» оказался довольно тяжелым и, не долетев до пирамиды с микросхемой два шага, рухнул кулем на каменный пол.

— Вырубай, не чуди.

Встряска помогла: поднявшийся с пола ученый что-то повернул в паутине проводов, и шарик почернел, сияние исчезло. Одновременно на экранах справа у стены загорелись какие-то надписи, красно-тревожным цветом сообщая о чем-то нехорошем. Дрожащими руками «англичанин» вынул шарик из гнезда и протянул его мне. Разумеется, этот чудик опять что-то замыслил, но, в отличие от меня, он никогда не занимался боксом. Нет, бить его по морде я не стал. Мой тренер натаскивал нас, кандидатов на значок, таким упражнением на реакцию: нужно снять у него с ладони рублевую монету так, чтобы он не успел спрятать ее в кулаке. Все просто, если у тебя хорошо поставлен боковой удар под названием «хук». Наверное, я очень удивил «самоделкина» — он только что держал прибор в руках, и вот его там уже нет, — хитрый мужик в лохматом костюме держит шарик в своих цепких лапах.

— Молодец, профессор! — Я вынул из подсумка детектор, выдвинув из его нижней части лоток, вложил туда тусклый шарик. — А теперь иди на свое место и подумай о чем-нибудь умном.

Как только ошеломленный ученый повернулся ко мне спиной и сделал шаг к своему креслу, я аккуратно стукнул его кулаком в затылок. Словно тряпичная кукла, «англичанин» повалился на пол. А я, проверив застежку подсумка с прибором внутри, начал внимательно осматривать зал в поисках другого выхода. Есть один нерушимый закон — не возвращаться тем же путем, каким пришел. Но, как и всегда, из любого правила есть исключения. Другой двери или технического тоннеля достаточной ширины тут не было. Поворошив оглушенного «самоделкина», я нашел магнитный ключ-пропуск и, проведя картой по щели, открыл путь на волю. В полуприседе, вынув из поясного подсумка гранату, я осторожно вышел в коридор. Там царила тишина, нарушаемая, как и прежде, только отдаленными голосами персонала. В несколько прыжков я преодолел расстояние до приоткрытых створок входной двери, и лишь тогда все вокруг взорвалось противными завываниями сигнала тревоги. Помянув Рида нехорошими словами, я выкинул из кабины джипа труп водителя и вдавил кнопку стартера. Машина завелась, мотор ровно загудел. Развернувшись на месте в сторону северо-восточного КПП, я на средней скорости поехал вперед, лавируя между бегущими людьми. Один раз пришлось объехать колонну из трех бортовых машин, направлявшихся на предельной скорости к развалинам храма. Резко положив руль направо, я еле ушел от лобового столкновения.

— Гроссмейстер — Белому Слону, на связь.

Долгих три стука сердца никто не отзывался, нервов добавляли набравшая голос сирена и светящееся от пожаров окружающее пространство. Долго тут оставаться нельзя, кто-нибудь точно обратит внимание. Крепче сжав руль, я остановился, вслушиваясь в треск помех, почти потеряв веру в то, что Славка отзовется.

— Классная тачка, командир. Дай порулить, а?

Слова раздались откуда-то справа, где в ряд стояли три массивных грузовика с погашенными фарами. Потом оттуда же три раза мигнул красный огонек фонаря — это был Детонатор. Я в ответ мигнул своим таким же, и вот уже лохматая фигура отделилась от силуэтов техники и понеслась в мою сторону, низко пригибаясь к земле.

— Как сирену услышал, думал — подорву гостинцы и пойду тебя поищу.

Славка уселся на пассажирское сиденье сзади, так ни он мне, ни я ему не перекрывал сектор обзора и в случае чего можно было вполне комфортно обороняться на ходу.

— Мурзилку пополам очередью перерубило, кровью истек. Не перевязывался, все гадов этих выцеливал, да куда там! — Детонатор хлопнул себя кулаком по колену. — Ему все кишки перемололо, двух пальцев на правой руке нет... Он хоть кого-нибудь достал?

— Не знаю. — Меня жгла обида, что высококлассный спец так нелепо погиб, попав под случайную пулю.

— Такелаж я срезал, тело снял, «ствол» его уничтожил, — Детонатор стал говорить чуть спокойнее, провожая взглядом факелы пожаров, возникавшие там и сям от носимых ветром головешек. — Положил тело под цистерной с дизтопливом, там все тип-топ. Как только будет подрыв, его на кусочки порвет, ни следа не останется.

Мы выехали на площадку перед КПП, тут дежурили шестеро солдат, в тревоге посматривавших на зарево, подходившее к проходной с востока. Повязки военных полицейских были только у двоих, остальные были из разных подразделений и, похоже, сами не знали, что им делать. Не останавливаясь, наш джип с ревом снес полосатое бревно шлагбаума и сетчатый прямоугольник ворот. Славка бросил назад две «эфки», и наша тачанка покатила дальше. Ухнуло два разрыва, послышались крики и беспорядочная пальба, вокруг запели пули, но ни одна не попала даже в кузов машины. Еле удерживая рвущуюся из рук «баранку» руля, я вывернул на ровный участок дороги, ведущей к побережью.

— Вроде вырвались, командир, а?..

Словно в ответ на его слова, из левого кювета в нашу сторону рывкнул двумя короткими очередями крупнокалиберный пулемет, лобовое стекло брызнуло мелким крошевом осколков, правую руку ощутимо резанула вспышка боли, почему-то отдавшаяся эхом в грудь. В глазах помутилось, но я что есть силы вцепился в руль и вдавил педаль газа в пол. Машина резко скакнула вперед, и болтанка стала такой, что едва было видно, куда направлять взбесившийся тарантас. Сквозь рев мотора я услышал тихие хлопки и, на мгновение оглянувшись, увидел, как Детонатор выцеливает кого-то сзади. Наш джип со скрежетом протаранил еще одно проволочное ограждение, усиленное мешками с землей. Подвеска жалобно заскрипела, и машину бросило вправо. Я еле удержал баранку так, чтобы объехать стремительно приближающуюся полосу тесно стоящих деревьев на обочине. Стрельба сзади усилилась, дорогу осветили мощные фары, раздалось зобное «бу-бу-уб!» крупнокалиберного пулемета. Рой трассирующих пуль пересек дорогу в пяти метрах перед нами. Стало очевидно, что сейчас пристреляются и нашему экипажу придет хана.

— Слава, рви «гостинцы» в периметре. Рви, а то сейчас все сбегутся!..

На ухабе машину подкинуло вверх, и я чуть не остался без языка, почти в тот же миг позади раздался звонкий взрыв, стало очень светло, а спустя какие-то мгновения нас догнала ослабевшая ударная волна. Но преследователей это не остановило, более того — на открывшемся впереди ровном участке дороги я увидел мчащийся нам навстречу точно такой же джип с пулеметом на турели. Он разворачивался так, чтобы встать боком и блокировать нам путь. Забыв про тряску, я что есть силы надавил на тангенту, но в наушнике была тишина... Неужели батарея подвела?..

— Слава, вызови Дугу, скажи, я сейчас ракету пушу. Пусть помогает...

Мотор задымился, воя на повышенных оборотах, машина плохо слушалась руля, который, вырываясь, стремился влево. Переднего стекла уже не было, мелкие осколки блестящим крошевом рассыпались по переднему пассажирскому сиденью, продырявленному в двух местах. Славка молчал, словно все это время я говорил сам с собой. Ракета была крайней мерой, но как иначе пулеметчик догадается, кого нужно прикрывать?.. Выбрав момент, я оглянулся и увидел, что Детонатор лежит на полу ничком. Похоже, я остался не только без связи, но и один на один с многочисленным и хорошо вооруженным противником. Неожиданно Славка зашевелился и, ухватившись за спинку переднего сиденья, подтянулся на руках. Лицо его было перемазано кровью, но он был несомненно жив.

— Подстрелили меня, командир... Рация сдохла, патронов всего два рожка осталось...

Сзади послышался нарастающий гул двигателя вражеской машины, и новая порция

трассеров с визгом прошла в пяти сантиметрах от моей щеки, вдребезги раскрошив остатки лобового остекления.

Отстегнув карабин, я высвободил «муху» из сбруи и протянул гранатомет назад, Славке.

— Сейчас я сброшу скорость и попробую остановиться, а ты стряхни этого гада с хвоста...

Вынув из подсумка короткий обрывок веревки, я быстро набросил его на руль, продев в одну из спиц, чтобы удерживать баранку, когда придется нырять под торпеду. С третьей попытки удалось закрепить петлю и намотать свободные концы на кулак правой руки.

— Понял... Как ты эту шайтан-трубу на себе таскал...

— Главное, что пригодились.

Вновь сосредоточившись на управлении машиной, я отмерял время, необходимое для взведения РПГ. Дорога пошла под уклон, этот участок был условно прямым, но пулеметчик с перегородившего нам дорогу автомобиля не стрелял, боясь зацепить своих. Переключив скорость, я начал замедлять ход нашего израненного скакуна. Звук мотора стал ровнее и тише, джип перестало трясти.

— Сова, вниз!

Я ничком кинулся на дно машины, стараясь удержать руль прямо. Раздалось шипение, запахло паленым, следом грохнул взрыв, и пулемет наконец-то замолк. Глухо звякнул о землю отброшенный стрелком пустой тубус, а сам Славка снова повалился на пол. Поднявшись, я понял, что реактивная струя слегка опалила мне спину. Жаром чуть оплавало руль, но машина все еще продолжала катиться вперед. Движок надсадно хрипел. Взявшись за баранку и переключив передачу, я снова заставил машину набрать скорость. Откуда-то слева, с холмов, вдруг заработал знакомый пулемет, и перегородившая нам дорогу машина сначала заблестела искрами от попадающих в кузов пуль, а потом весело загорелась. Кто-то выбрался из горящего салона, сбивая пламя с одежды, покатился в кювет, но мы продолжали ехать дальше. Дорога постепенно стала сворачивать на восток, и я с сожалением вынужден был остановиться. Теперь придется добираться до точки эвакуации пешком. Развернув джип вправо, я собрался выпрыгнуть наружу, но тут же упал лицом вперед, едва успев сгруппироваться. Правая рука не слушалась совершенно, лохмы комбеза пропитались чем-то липким на груди. В подсумке, где была радиостанция, что-то хрустело и набухло от сочившейся крови. Вот почему никто не отзывался — рацию разнесло в клочья, когда нас первый раз обстреляли. По виду раны — осколок, не пуля... С трудом поднявшись на ноги, я постучал по борту машины, дав Славке знак выходить, но тот молчал.

— Приехали, выходи уже...

Детонатор лежал на дне машины не шевелясь, но на этот раз я уже явственно видел причину: окровавленная дыра от пули калибра 12,7 мм была у моего друга там, где раньше билось сердце. Рискуя собой, он подбил преследовавший нас джип, но это стоило ему жизни. Одно было непонятно: как он стрелял с вырванным сердцем, как смог заставить руку не дрожать и взять верный прицел?.. Вытащив тело товарища из машины и положив его на дорогу, я вывернул руль и столкнул изрешеченный пулями автомобиль в кювет. Повесив автомат на шею и взвалив тело Славки на закорки, двинулся на запад, к побережью. Позади и со всех сторон за моей спиной слышались крики и рев моторов, с блокпостов подтягивались отставшие солдаты. Скоро они развернутся в цепи и пойдут на поиски, но это уже было не важно: Никита и Славка сделали так, что эти гончие упустили время, искать человека ночью в таком месте, как эти чертовы джунгли, даже зная, куда он идет, — почти безнадежное дело.

Каждый шаг отдавался болью в ушибленной ноге и хрипами в груди. Что-то острое мешало дышать и при каждом движении с новой силой впивалось в самое нутро. Несмотря на это, веса мертвого товарища я почти не ощущал, упрямо продвигаясь все дальше и дальше вперед, откуда уже слышался шум океана. Время поджимало, до истечения контрольного срока оставалось каких-то полтора часа, но я знал, что дойду. Трупы на себе таскать очень тяжело, это известно всем: как только из тела уходит последняя капля жизни, оболочка,

только что бывшая кем-то, обретает свой истинный вес, освобождаясь от легкости души, стремящейся в лучшее, чем это, место. А что делать мне, тому, кто выжил и не желает принять того факта, что друг уже никогда не рассмеется в ответ на шутку и не подхватит задумчивую застольную песню?..

Под ногами уже шуршал белый песок, холмистые дюны, там и сям поросшие клочками жесткой травы, простирались вокруг, за ними виднелась черная поверхность океана. Со свистом вдохнув морской холодный воздух, почти негнувшейся рукой я нащупываю в левом боковом кармашке маленькую плоскую коробочку с единственной кнопкой и что есть силы вдавливаю ее в корпус. И все так же упорно продолжаю брести вперед. Вот впереди невысокий холмик, чье основание сильно подточено ветром и приливами. В сознание входит одна-единственная мысль: нужно отдохнуть, там будет в самый раз...

Неожиданно кто-то встал и пошел рядом, забрав у меня часть ноши. Удивляться уже нет сил, но я оглядываюсь и вижу припадающего на правый бок Дугу. Свой рабочий инструмент пулеметчик не бросил, опирается на пулемет, словно на костыль. Не говоря ни слова, мы добираемся до холма и, бережно опустив тело Детонатора на песок, начинаем проверять оружие. Теперь хорошего никто не ждет, враг скоро будет здесь. Дуга занимает позицию наверху, чуть левее вершины холма, я становлюсь лицом к океану, но тут же быстро падаю на колени и, не таясь, передергиваю затвор «калаша». Темнота рассеивается, вдали уже слышны голоса приближающейся погони, Дуга дает пристрелочную очередь и откатывается чуть ниже, меняя позицию. Туман застит мне глаза. Серые мухи хлопьями выются вокруг, мешая разглядеть хоть что-нибудь.

— Саня... Я ничего не вижу... ничего... не вижу.

То ли я кричу, то ли бормочу про себя, и никто меня не слышит. К голосам и стрельбе примешивается какой-то посторонний звук, он идет с моря. Опустив автомат, я на ощупь достаю из подсумка детектор, внутри которого запрятан американский чип, чтобы в случае чего нажать на красную кнопку самоподрыва. Паники нет, просто пришло удивление — как я увижу, куда нажимать, кругом же все серое, а в ушах стоит такой шум, что я ничего не слышу...

— Сова, это за нами. Держись, командир, мы справились.

Голос Дуги доносится будто бы издалека, на мгновение руку пронзает легкая боль, и в глазах начинает проясняться: вокруг меня трое людей в мешковатых гидрокостюмах, испещренных камуфляжными разводами. Один из них прицельно бьет из короткоствольного «калаша» куда-то в сторону леса, а надо мной склоняется пожилой мужик с красным, обветренным лицом, у него пронзительные голубые глаза, курносый нос и густые, словно у моржа, усы.

— Крови много потерял, легкое вроде не задето, рука сломана, пуля и пара осколков в нем сидят, — говорит «морж», оборачиваясь к едва видимому мне борту резиновой лодки. — Нужно уходить, да на стол его...

Еле слышно тарыхтит мотор надувной лодки, а у меня уже ничего не болит. Усатый дядька накачал меня обезболивающим. В левой руке у меня так и зажат детектор. Моряки не прикасались к устройству, понимая мое законное право. Лодка сделала крутой разворот, и в поле моего зрения попал удаляющийся колумбийский берег. В начинающихся предраусветных сумерках густой лес и полоса белого песка выглядели совсем как на рекламных проспектах. Я отвернулся, любоваться красотами совершенно не хотелось. Много в этом мире не то, чем кажется на первый взгляд, теперь я это понимаю еще лучше, чем полгода назад.

* * *

Автор выражает благодарность всем помогавшим в написании данной книги.

Моим друзьям: Орлову Д. и Юрчук А., за помощь и поддержку.

Моей сестре Ольге, за помощь и веру в меня.

Моим читателям, а также моим коллегам Танетову П. и Новикову С.
Спасибо вам, друзья. Без вас эта книга писалась бы еще очень долго.